ВОЙНА И МЫ

Артем Драбкин

За нашу Советскую Родину!

Я дрался на ТАНКЕ

Продолжение бестселлера «Я дрался на Т-34»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

НОВАЯ книга ведущего военного историка. Продолжение супербестселлера «Я дрался на Т-34», разошедшегося рекордными тиражами. Откровенные воспоминания танкистов Великой Отечественной, воевавших на самых разных машинах — от легких Т-37 и БТ до ленд-лизовских «Матильд» и «Шерманов», от легендарных «тридцатьчетверок» до тяжелых штурмовых ИСов.

«Мы называли Т-37 «здравствуй и прощай». Он идет и кланяется. А вот БТ мы считали мощным танком — пока нас не подбили в первом же бою. Я разворачиваю машину — и вдруг удар. Мне кричат: «Прыгай!» Не помню, как выбрался. Отползаю в сторону по кювету, оглядываюсь назад — мой танк горит: снаряд попал как раз в моторное отделение…»

«У «Шермана» были свои недостатки. Из-за высокого расположения центра тяжести танк часто опрокидывался набок, как матрешка. Но благодаря этому недостатку я, возможно, и остался жив. Дело было в Венгрии, в декабре 1944 года. Веду я батальон, и на повороте мой механик-водитель ударил машину о пешеходный бордюр, да так, что танк перевернулся. Конечно, мы покалечились, зато остались живы. А остальные четыре моих танка прошли вперед, и там их сожгли…»

«Видим, из деревни на полной скорости вырывается немецкий танк, облепленный десантом так, что башни не видно. Ясно — фрицы драпают, подобрали на броню всех, кого смогли. А у нас в стволе осколочный снаряд. Ну, наводчик им и вложил! Танк он не подбил, зато дальше немец удирал совершенно голый — вся эта людская масса была сметена с брони взрывом…»

- Артем Драбкин
  - Лоза Дмитрий Федорович
  - Федюнин Иван Васильевич
  - Калиненок Марат Александрович
  - Матусов Григорий Исаакович
  - Кузьмичев Николай Николаевич
  - Попов Николай Васильевич
  - Кирячек Дмитрий Тимофеевич
  - Аматуни Ашот Апетович, Герой Советского Союза
  - Захаров Борис Петрович
  - Отрощенков Сергей Андреевич

Артем Драбкин
Я дрался на танке
Продолжение бестселлера «Я дрался на Т-34»

Лоза Дмитрий Федорович

— Дмитрий Федорович, на каких американских танках вы воевали?

— На «Шерманах», мы их звали «Эмчи» — от М4. Сначала на них была короткая пушка, а потом стали приходить с длинной пушкой и дульным тормозом. На лобовом листе у них была установлена подпорка для фиксации ствола во время марша. В общем, машина была хорошая, но, как у всякой машины, были свои плюсы и минусы. Когда мне говорят, вот, мол, плохой был танк, я отвечаю: извините! Так нельзя говорить. Плохой по отношению к какому?

— Дмитрий Федорович, у вас в части были только американские машины?

— Моя 6-я танковая армия воевала на Украине, в Румынии, в Венгрии, Чехословакии и Австрии. А потом нас перебросили на Дальний Восток, и мы воевали против Японии. Я коротко напомню, что армия состояла из двух корпусов: 5-го гвардейского танкового Сталинградского корпуса на наших Т-34 и 5-го механизированного корпуса, где я воевал. После Кишиневской операции наш корпус стал 9-м гвардейским. Каждый корпус состоял из четырех бригад: в нашем мехкорпусе было три мехбригады и одна танковая бригада, где я воевал, а в танковом корпусе было три танковые бригады и одна мотострелковая. До 1943 года в этом корпусе были английские танки: «Матильды» и «Валентайны». А после 1943 года наши совсем отказались от этих танков, потому что очень большие недостатки у них были. В частности, на тонну веса приходилось где-то 12–14 л.с., а в то время считалось, что для хорошего танка надо иметь 18–20 л.с. Из этих трех танков лучшим был «Валентайн» канадского производства. Броня наклонная, а главное то, что на нем стояла 57-мм длинноствольная пушка. Так вот, с конца 1943 года мы перешли на американские «Шерманы».

— Но английские танки не изымали, они воевали до своего конца, то есть был период, когда ваш корпус имел смешанную матчасть — и английскую и американскую. Возникали ли дополнительные проблемы в связи с наличием такой широкой номенклатуры машин разных стран? Например, со снабжением, ремонтом?

— Ну, проблемы были всегда, тут сложно сказать. Вообще, «Матильда» — такой говенный танк, просто невероятно! Я хочу

остановиться на одном недостатке «Матильды», который нам очень мешал. Какая-то дурная голова в Генштабе спланировала операцию, и наш корпус бросили под Ельню, Смоленск, Рославль. Там отвратительная местность — лесисто-болотистая. А у «Матильды» фальшборта, танк-то разрабатывался в основном для действий в пустыне. В пустыне хорошо — песок высыпается, а у нас грязь забивалась в ходовую между гусеницей и фальшбортом. У «Матильды» коробка перемены передач (КПП) была с сервомеханизмом для легкости переключения передач. В наших условиях она оказалась слабой, постоянно перегревалась и выходила из строя. Англичанам хорошо, у них уже тогда, в 1943-м, был агрегатный ремонт, то есть сломалась КПП, ты четыре болта отвернул, коробку долой, новую поставил и поехал. А у нас так не всегда получалось. У меня в батальоне был старшина Нестеров, бывший колхозник-тракторист, в должности батальонного механика.

Вообще, в каждой роте был механик, а этот был для всего батальона. Еще у нас в корпусе был представитель английской фирмы, которая производила эти танки, вот фамилию забыл. Она была у меня записана, но, после того как меня подбили, все у меня в танке сгорело, и фотографии, и документы, и записная книжка. На фронте запрещалось вести записи, но я вел потихоньку. Так вот, представитель фирмы постоянно мешал нам ремонтировать отдельные узлы танка. Говорил: «Здесь заводская пломба, ковырять нельзя!» То есть выбрасывай агрегат и ставь новый. А нам что делать? Нам танк чинить надо. Нестеров у нас ремонтировал все эти коробки передач запросто. Представитель фирмы раз подошел к Нестерову: «Ты в каком университете учился?», а Нестеров отвечает: «В колхозном».

«Шерман» был гораздо лучше в этом плане. А вы знаете, что одним из конструкторов «Шермана» был русский инженер Тимошенко? Это какой-то дальний родственник маршала С. К. Тимошенко.

Конечно, у «Шермана» были свои недостатки. Самым большим недостатком было высокое расположение центра тяжести, и танк часто опрокидывался на бок, как матрешка. Вот благодаря этому недостатку я, возможно, и остался жив. Воевали мы в Венгрии в декабре 1944 года. Веду я батальон, и на повороте мой механик-водитель ударил машину о пешеходный бордюр, и танк мой перевернулся. Конечно, мы покалечились, но остались живы. А остальные четыре моих танка прошли вперед, и там их подожгли.

— Дмитрий Федорович, у «Шермана» была резино-

металлическая гусеница. Некоторые современные авторы указывают на это как на недостаток, поскольку в бою резина могла выгореть, тогда гусеница разваливалась и танк останавливался. Что вы можете сказать по этому поводу?

— С одной стороны, такая гусеница — это большой плюс. Во-первых, у такой гусеницы срок службы вдвое больше обычной, стальной, гусеницы. Боюсь ошибиться, но, по-моему, срок службы траков Т-34 был 2500 километров. Срок службы траков у «Шермана» был свыше 5000 километров. Во-вторых, «Шерман» по шоссе идет как автомобиль, а наш Т-34 так громыхает — его за черт знает сколько километров слышно! Что же было отрицательного? В моей книге есть очерк, называется «Босоногие». Там я описал случай, произошедший с нами в августе 1944 года в Румынии во время Яссо-Кишиневской операции. Жара стояла страшная, где-то градусов 30. В сутки мы проходили до 100 километров по шоссе. Резиновые бандажи на катках разогревались настолько, что резина расплавлялась и отлетала метровыми ошметками. И недалеко от Бухареста наш корпус встал: резина облетела, катки стало заклинивать, шел ужасный скрежет, и в итоге мы остановились. Об этом было срочно доложено в Москву: шутка ли? Такое ЧП, весь корпус встал! Но новые катки нам привезли очень быстро, и мы три дня их меняли. Уж не знаю, где они смогли найти столько катков за такое короткое время? Еще один минус резиновой гусеницы: даже при небольшой гололедице танк становился как корова на льду. Тогда нам приходилось обвязывать гусеницы проволокой, цепями, забивать туда болты, чтоб хоть как-то можно было ездить. Но это было с первой партией танков. Увидев это, американский представитель сообщил об этом на фирму, и уже следующая партия танков пришла с дополнительным комплектом траков с грунтозацепами и шипами. Грунтозацепов было, по-моему, по семь штук на гусеницу, то есть всего 14 штук на танк. Они лежали в ящике ЗИП. Вообще у американцев работа была поставлена четко, всякий недостаток, что замечался, устранялся очень оперативно.

Еще один недостаток «Шермана» — конструкция люка механика-водителя. У «Шерманов» первых партий этот люк, расположенный в крыше корпуса, просто откидывался вверх-вбок. Часто механик-водитель его открывал и высовывал голову, чтобы лучше видно было. Так у нас были случаи, когда при повороте башни пушкой задевали за этот люк и он, падая, сворачивал шею водителю. Один или два случая таких у нас было. Потом этот недостаток устранили. Теперь люк приподнимался и просто сдвигался в сторону, как на современных танках.

У «Шермана» ведущее колесо было спереди, то есть через весь танк шел карданный вал от двигателя к КПП. У тридцатьчетверки все это стояло рядом.

Еще один большой плюс у «Шермана» заключался в зарядке аккумуляторов. На нашей тридцатьчетверке для зарядки аккумулятора нужно было гонять двигатель на полную мощность, все 500 лошадей вводить. А у «Шермана» в боевом отделении стоял зарядный бензиновый движок, маленький, как мотоциклетный. Завел его — и он тебе зарядил аккумулятор. Для нас это было великое дело!

Уже после войны я долгое время искал ответ на один вопрос. Если загорался Т-34, то мы старались от него отбежать подальше, хотя это запрещалось. Боекомплект взрывался. Некоторое время, месяца полтора, я воевал на Т-34 под Смоленском. Подбили командира одной из рот нашего батальона. Экипаж выскочил из танка, но отбежать не смог, потому что немцы зажали их пулеметным огнем. Они залегли там, в гречиху, и в это время танк взорвался. К вечеру, когда бой затих, мы подошли к ним. Смотрю, он лежит, а кусок брони размозжил ему голову. А вот «Шерман» сгорал, но снаряды не взрывались. Почему так?

Однажды на Украине был такой случай. Меня временно поставили на должность начальника артснабжения батальона. Подбили наш танк. Мы выпрыгнули из него, а немцы зажали нас плотным минометным огнем. Мы залезли под танк. А танк загорелся. Вот мы лежим, и некуда нам деться. А куда? В поле? Там чистое поле, немцы на высотке все простреливают из пулеметов и минометов. Лежим. Уже в спину жар печет: танк горит. Мы думаем, ну все! Сейчас бабахнет, и тут будет братская могила. Слышим, в башне бум-бум-бум! Ага, это бронебойные вышибает из гильз: они же унитарные были. Вот сейчас огонь доберется до осколочных и так ахнет! Но ничего не случилось. Почему так? Почему наши осколочные рвутся, а американские нет? Если кратко, то оказалось, что у американцев более чистое взрывчатое вещество, а у нас был какой-то компонент, увеличивавший силу взрыва в полтора раза, при этом увеличивая риск взрыва боеприпаса.

— Считается достоинством то, что «Шерман» изнутри был очень хорошо выкрашен. Так ли это?

— Хорошо — это не то слово! Прекрасно! Для нас тогда это было нечто. Как сейчас говорят — евроремонт! Это была какая-то евроквартира! Во-первых, прекрасно покрашено. Во-вторых, сиденья удобные, обтянуты были каким-то замечательным особым кожзаменителем. Если танк твой повредило, то стоило

буквально на несколько минут оставить танк без присмотра, как пехота весь кожзаменитель обрезала, потому что из него шили замечательные сапоги! Просто загляденье!

— Дмитрий Федорович, как вы относились к немцам? Как к фашистам и захватчикам или нет?

— Когда перед тобой с оружием в руках и когда стоит вопрос кто кого, то отношение было только одно. Враг. Как только немец бросил оружие или взяли его в плен, то отношение совсем другое. Я в Германии не был, я уже сказал, где я воевал. В Венгрии был такой случай. Была у нас немецкая трофейная «летучка». Мы колонной прорвались ночью к немцам в тыл. Едем по шоссе, а наша «летучка» отстала. А тут к нам пристроилась точно такая же «летучка» с немцами. Потом, через какое-то время, колонна остановилась. Я иду, проверяю колонну обычным порядком: «Все в порядке?» — все в порядке. Подхожу к последней машине, спрашиваю: «Саша, все в порядке?», а оттуда «Was?» Что такое? Немцы! Я сразу прыгнул в сторону и кричу: «Немцы!» Мы окружили их. Там был водитель и еще двое. Обезоружили их, а тут и наша «летучка» подкатывает. Я говорю: «Саша, где же ты был?», он отвечает: «А мы заблудились». — «Ну вот, — говорю, — тебе еще одна такая «летучка»!»

Так что, пока у него оружие — он мне враг, а безоружный, он такой же человек.

— То есть не было такой ненависти?

— Нет, конечно. Мы же понимали, что они такие же люди, многие такие же подневольные.

— А как у вас складывались отношения с мирным населением?

— Когда в марте 1944 года 2-й Украинский фронт вышел на границу с Румынией, то мы остановились, и с марта до августа месяца фронт был стабильный. По законам военного времени все мирное население из прифронтовой полосы 100 километров должно быть выселено. А люди уже посадили огороды. А тут по радио им объявили о выселении, наутро подали транспорт. Молдаване со слезами хватаются за голову — как же так? Бросить хозяйство! А когда вернутся, что тут останется? Но эвакуировали их. Так что контакта с местным население никакого не было. А тогда я еще был начальником артснабжения батальона. Командир бригады меня вызывает и говорит: «Лоза, ты крестьянин?» Я говорю: «Да, крестьянин». — «Ну а раз так, то назначаю тебя бригадиром! Чтобы все огороды были прополоты, все росло и так

далее. И не дай бог, чтоб хоть один огурец сорвали! Чтоб ничего не трогали. Если вам нужно, то сажайте для себя сами». Были организованы бригады, в моей бригаде было 25 человек. Все лето мы ухаживали за огородами, а осенью, когда войска ушли, то нам сказали пригласить председателя колхоза, представителей, и мы им все эти поля и огороды сдали по акту. Когда вернулась хозяйка того дома, где я жил, то сразу побежала на огород и… остолбенела. А там — и тыквы огромные, и помидоры, и арбузы… Она бегом вернулась, упала мне в ноги и стала целовать мои сапоги: «Сыночек! Так мы ж думали, что тут все пустое, разбитое. А оказалось, что у нас все есть, осталось только собрать!» Вот вам пример, как мы относились к своему населению.

В войну медицина работала хорошо, но был случай, за что медиков следовало бы просто повесить! Ребята, Румыния тогда была просто венерическая клоака во всей Европе! Там ходила поговорка: «Если есть 100 лей, то имей хоть королей!» Когда нам попадались в плен немцы, то у них у каждого в кармане было по несколько презервативов, штук по пять-десять. Наши политработники агитировали: «Вот видите! Это у них, чтоб насиловать наших женщин!» А немцы были поумней нас и понимали, что такое болезнь. А наши медики хоть бы предупредили про эти болезни! И хотя мы прошли сквозь Румынию быстро, вспышка венерических болезней у нас была страшная. Вообще в армии было два госпиталя: хирургический и ДЛР (для легко раненных). Так вынуждены были венерическое отделение открыть, хотя по штату это не было предусмотрено.

А вот как мы относились к венгерскому населению. Когда мы вошли в октябре 1944 года в Венгрию, мы увидели практически пустые населенные пункты. Бывало, заходишь в дом, плита горит, на ней что-то варится, а ни одного человека в доме нет. Я помню, в каком-то городе, на стене дома висел гигантский транспарант, где нарисован русский солдат, грызущий ребенка. То есть они были так сильно запуганы, что там, где они могли убегать — убегали! Бросали все свое хозяйство. А потом, с течением времени, они стали понимать, что все это чушь и пропаганда, стали возвращаться.

Я помню, стояли мы в северной Венгрии, на границе с Чехословакией. Тогда я был уже начальником штаба батальона. Утром мне докладывают: тут одна мадьярка ночью ходит в сарай. А у нас в армии были контрразведчики. Смершевцы. Причем в танковых войсках смершевец был в каждом танковом батальоне, а в пехоте только начиная от полка и выше. Я говорю своему смершевцу, ну-ка, давай туда! Они в сарае пошуровали. Нашли молодую девушку, лет 18–19. Вытащили ее оттуда, а она уже вся в

струпьях, простужена. Эта мадьярка в слезы, думала, сейчас мы эту девушку будем насиловать. «Дура, да никто ее и пальцем не тронет! Наоборот, мы ее вылечим». Отвели девушку в батальонный медпункт. Вылечили. Так она потом к нам постоянно ходила, больше времени у нас проводила, чем дома. Когда я через двадцать лет после войны оказался в Венгрии, то встретил ее. Такая красивая дивчина! Она уже замуж вышла, дети пошли.

— Получается, не было у вас эксцессов с местным населением?

— Нет, не было. Вот один раз мне нужно было проехать куда-то в Венгрии. Взяли проводником одного мадьяра, чтобы не заблудиться — страна-то чужая. Сделал он свое дело, мы ему денег дали, консервов дали и отпустили.

— В вашей книге написано, что с января 1944 года в 233-й танковой бригаде «Шерманы» M4A2 были вооружены не короткими 75-мм, а длинноствольными 76-мм пушками. Для января 1944 года это слишком рано, такие танки появились позднее. Еще раз разъясните, какими пушками были вооружены «Шерманы» в 233-й ТБр?

— Не знаю, у нас «Шерманов» с короткоствольными пушками было мало. Очень мало. В основном — с длинноствольными пушками. Не только наша бригада воевала на «Шерманах», может, в других бригадах были? Где-то в корпусе я видел такие танки, но у нас были танки с длинной пушкой.

— Дмитрий Федорович, в каждом «Шермане», приходившем в СССР, было личное оружие для экипажа: автоматы Томпсона. Я читал, что это оружие уворовывалось тыловыми частями и до танкистов практически не доходило. Какое оружие было у вас: американское или советское?

— В каждом «Шермане» было два автомата Томпсона. Калибр 11,43 мм — здоровый такой патрон! Но автомат был дрянной. Было у нас несколько случаев. Ребята на спор надевали на себя пару ватников, отходили, в них стреляли, и в ватниках эта пуля застревала. Вот такой был автомат говенный. Вот немецкий автомат со складным прикладом мы любили за компактность. А «Томпсон» здоровый — в танке с ним не развернешься.

— На «Шерманах» стояли зенитные пулеметы. Ими часто пользовались?

— Не знаю почему, но одна партия танков приходила с

пулеметами, а другая — без них. Этот пулемет мы использовали и против самолетов, и против наземных целей. Против самолетов использовали нечасто, потому что немцы тоже не дураки были: бомбили либо с высоты, либо с крутого пике. Пулемет хорош был на 400–600 метров. А немцы бомбили, наверное, метров с 800 и выше. Он бомбу кинул и быстро ушел, попробуй его, собаку, сбей! Так что использовали, но не было это эффективно. Мы даже пушку использовали против самолетов: ставишь танк на склон холмика и стреляешь. Но общее впечатление — пулемет хороший. Эти пулеметы нам очень помогли в войне с Японией — против смертников. Стреляли так много, что пулеметы раскалялись и начинали плеваться. У меня до сих пор в голове сидит осколок от зенитного пулемета.

— В своей книге вы пишете о бое за Тыновку частей 5-го мехкорпуса. Вы пишете, что бой был 26 января 1944 года. Тут товарищ раскопал немецкие карты, судя по которым 26 января 1944 года Тыновка находилась в советских руках. Кроме того, товарищ раскопал немецкое разведдонесение, основанное на допросе советского лейтенанта из истребительно-противотанкового дивизиона 359-й СД, который показал, что в Тыновке стоят советские Т-34 и американские средние танки, а также несколько КВ, закамуфлированных соломой. Товарищ спрашивает, не могла ли произойти ошибка с датой, он говорит, что неделей ранее Тыновка действительно была в немецких руках?

— Очень может быть. Ребята, там такая каша была! Обстановка менялась не по дням, а по часам. Мы окружили Корсунь-Шевченковскую группировку немцев, они стали прорываться, с внешнего кольца немцы тоже по нас ударили, чтоб помочь вырваться из кольца своим. Бои были такие тяжелые, что за одни сутки Тыновка несколько раз переходила из рук в руки.

— Вы пишете, что 29 января 5-й мехкорпус продвигался на запад для поддержки частей 1 — го Украинского фронта, сдерживавших немецкое контрнаступление. Через несколько дней мехкорпус оказался в районе Винограда. Следовательно, 1 февраля он оказался на пути основного удара немецких 16-й и 17-й танковых дивизий 3-го танкового корпуса. Этот удар наносился из района Русаковка — Новая Гребля на север и северо-восток. За несколько дней немцы овладели Виноградом, Тыновкой, форсировали реку Гнилой Тикич и достигли Антоновки. Не могли бы вы описать роль мехкорпуса в развернувшемся сражении?

— Мы окружили немцев, замкнули котел, и нас тут же бросили на внешний фронт окружения. Погода была ужасная, днем непролазная грязь: спрыгнул с танка в грязь, так было легче вытащить тебя из сапог, чем твои сапоги из грязи. А ночью ударял морозец, и грязь смерзалась. Вот по такой грязи нас кинули на внешний фронт. Танков у нас оставалось очень мало, чтоб создать видимость силы, ночью мы зажгли фары на танках, автомашинах, двинулись вперед и всем корпусом встали в оборону. Немцы решили, что в оборону зарылось много наших войск. На самом деле корпус был укомплектован танками к тому моменту процентов на тридцать. Бои были настолько тяжелыми, что оружие раскалялось, порой пули даже оплавлялись, ты стреляешь, а они плюхаются в грязь в сотне метров от тебя. Немцы рвались уже обезумевшие, им терять было нечего. Небольшими группами им все же удавалось прорываться.

— Наносили ли немецкие самолеты ощутимый урон матчасти? Что вы можете сказать о «Хеншеле» HE-129?

— Не всякий раз, но бывало. «Хеншель» не помню, может, и был такой. Иногда удавалось от бомб уворачиваться. Бомбу ведь видно, как она летит. Открывали люки, высовывали голову и говорили своему водителю, скажем: «Бомба рвется впереди». Но вообще были случаи, когда поджигали танки. Потери не превышали 3–5 танков на батальон. Часто поджигали один танк. Гораздо больше нам доставалось в населенных пунктах от фаустпатронников. В Венгрии, помню, я как-то до того устал, что сказал своему заместителю: веди батальон ты, а я посплю. И я заснул прямо в боевом отделении «Шермана». Под Бельцем нам сбрасывали боеприпасы с самолетов на парашютах. Мы взяли себе один парашют. Вот на нем я и уснул. Парашют из шелка, а в шелке вши не заводятся. И я так крепко уснул! И вдруг проснулся. Почему? От тишины проснулся. Что такое, почему тишина? Оказывается, налетели самолеты, сожгли два танка. Во время марша на танке много чего навалено, ящики, брезент. Вот и подожгли два танка. Батальон остановился, двигатели заглушили, и стало тихо. И я проснулся.

— Запирали ли вы люки во время боев в городе?

— Мы запирали люки обязательно. Я о таком приказе ничего не слышал. Вот у меня, когда я в Вену ворвался, нас забрасывали гранатами с верхних этажей зданий. Я приказал загнать все танки в арки домов и мостов. А свой танк вынужден был время от времени выводить на открытое место, чтоб расправить штырьевую антенну и дать сеанс связи с командованием. Вот раз так

получилось, что радист и механик-водитель возились внутри танка, а люк оставили открытым. И сверху кто-то бросил в люк гранату. И на спине у радиста она разорвалась. Оба погибли. Так что в городе мы люки закрывали обязательно.

— Основной поражающей силой кумулятивных боеприпасов, к которым относились и фаустпатроны, является высокое давление в танке, поражающее экипаж. Если люки держать приоткрытыми, то появлялся шанс уцелеть.

— Это верно, но люки мы все равно держали закрытыми. Может, в других частях было по-другому. Все же фаустники били в первую очередь по двигателю. Танк загорался, хочешь не хочешь — из танка выпрыгнешь. А тут они уже расстреливали экипаж из пулемета.

— Какой шанс выжить, если танк подбивают?

— 19 апреля 1945 года в Австрии меня подбили. «Тигр» прошил нас насквозь, снаряд прошел все боевое отделение и через двигатель. В танке было три офицера: я как комбат, командир роты Саша Ионов, у него танк уже подбили, и командир танка. Три офицера, механик-водитель и радист. Когда «Тигр» нас прошил, то погиб механик-водитель, мне разбило всю левую ногу, справа от меня Саша Ионов, ему правую ногу оторвало, командира танка ранило, внизу под ногами у меня сидел командир орудия Леша Ромашкин, ему обе ноги оторвало. Кстати, как раз незадолго перед этим боем мы как-то сидели, ужинали, и Леша сказал мне: «Если мне ноги оторвет, то я застрелюсь. Кому я буду нужен?» Он детдомовский, никого родных не было. И вот действительно судьба распорядилась. Вытащили Сашу, вытащили Лешу и стали помогать выбраться остальным. И в этот момент Леша застрелился.

А вообще обязательно одного-двух человек либо ранит, либо убьет. Смотря куда снаряд попадет.

— Получалили солдаты и младший комсостав на руки какие-нибудь деньги? Зарплату, денежное пособие?

— По сравнению с регулярными, не гвардейскими частями, в гвардейских частях рядовой и сержантский состав до старшины включительно получали двойной оклад, а офицеры — полуторный. Например, мой командир роты получал 800 рублей. Когда я стал комбатом, то получал не то 1200 рублей, не то 1500 рублей. Не помню точно. В любом случае, на руки мы не все деньги получали. Все наши деньги хранились в полевом сберегательном банке, на твоем личном счету. Деньги можно

было переслать семье. То есть в карманах деньги мы не носили, это государство делало разумно. Зачем тебе в бою деньги?

— А что можно было купить на эти деньги?

— Вот, например, когда мы были на формировании в Горьком, пошли мы на рынок с моим другом Колей Аверкиевым. Хороший парень, но погиб буквально в первых боях! Приходим, смотрим, один барыга продает хлеб. Держит одну буханку в руках, а в чемоданчике еще пара буханок. Коля спрашивает: «Сколько за буханку?», он отвечает: «Три косых». Коля не знал, что значит «косая», достает три рубля и протягивает. Тот говорит: «Ты что, очумел?» Коля оторопел: «Как что? Ты просил три косых, я тебе и даю три рубля!» Барыга говорит: «Три косых — это триста рублей!» Коля ему: «Ах ты, зараза! Ты тут спекулируешь, а мы за тебя на фронте кровь проливаем!» А мы, как офицеры, имели личное оружие. Коля достал свой пистолет. Барыга схватил три рубля и тут же ретировался.

Кроме денег, офицерам раз в месяц давали доппаек. В него входило 200 граммов масла, пачка галет, пачка печенья и, по-моему, сыр. Кстати, через пару дней после случая на рынке нам выдали доппаек. Разрезали мы буханку хлеба вдоль, намазали маслом и сверху сыр положили. Ох, как здорово получилось!

— А какими продуктами вы получали доппаек: советскими или американскими?

— Всякими, раз на раз не приходилось.

— Получали ли что-нибудь солдаты и младший командный состав за ранение? Деньги, продукты, отпуск, другие виды компенсации?

— Нет, ничего не полагалось.

— Какое вознаграждение полагалось за уничтоженный танк, пушки и пр.? Кто определял это, или существовали жесткие правила поощрения и награждения? При уничтожении танка противника награждался весь экипаж или только отдельные его члены?

— Деньги давались на экипаж и делились поровну между членами экипажа.

В Венгрии в середине 1944 года на одном из митингов мы решили, что все деньги, которые нам причитаются за подбитую технику, мы будем собирать в общий котел и потом отсылать семьям погибших наших товарищей. И вот уже после войны, работая в архиве, наткнулся на подписанные мною ведомости о

передаче денег семьям наших друзей: три тысячи, пять тысяч и так далее.

В районе Балатона прорвались мы в тыл к немцам, и так получилось, что мы расстреляли немецкую танковую колонну, подбили 19 танков, из них 11 тяжелых. Много автомашин. Всего нам засчитали уничтоженных 29 боевых единиц техники. Мы получили за каждый подбитый танк 1000 рублей.

В нашей бригаде было очень много танкистов-москвичей, поскольку наша бригада формировалась в Наро-Фоминске, и пополнение к нам прибыло из московских военкоматов. Поэтому когда уже после войны я пошел учиться в военную академию, то я старался, насколько возможно, встретиться с семьями погибших. Конечно, разговор был печальный, но он был так необходим им, ведь я тот человек, который знает, как погиб их сын, отец или брат. И часто рассказываю им, так и так, называю дату. И они вспоминают, а нам в тот день было не по себе. Вот мы деньги тогда получили. А иногда нам удавалось отослать не деньги, но посылки с трофеями.

— То есть подбитый танк зачислялся на личный счет каждого члена экипажа?

— Да.

— Кто следил за потерями противника?

— Штаб, командиры батальона и рот. Зампотех тоже следил. Кроме того, у нас были созданы группы эвакуации подбитых танков. Не путайте их с тыловыми частями! Группа обычно состояла из 3–5 человек с одним тягачом, командовал ими зампотех. Они шли за боевыми порядками, следили и за нашими, и за немецкими потерями и все записывали.

— Каким образом определялось, кто какой танк подбил или орудие уничтожил? Что происходило, если на один и тот же подбитый немецкий танк претендовало сразу несколько экипажей?

— Такие случаи бывали, хотя и нечасто. Обычно, записывали обоим экипажам, делая приписку «совместно». В донесении указывали один подбитый танк. А деньги делились пополам: по 500 рублей каждому экипажу.

— Каковы были действия экипажа поврежденного в бою танка?

— Спасать танк, попытаться его отремонтировать. Если отремонтировать танк силами экипажа нельзя, то занимать

оборону возле танка. Бросать танк категорически запрещалось. Я уже говорил, в каждом батальоне был смершевец, и не дай бог тебе бросить танк! У нас была пара таких случаев, хитрецы перед атакой ослабили гусеницу. И стоило механику танк резко рвануть, как гусеница слетала. Но наш смершевец это заметил, и их взяли. Конечно, явная трусость!

— Получается, что, если по халатности экипаж не натянул гусеницу, его могли обвинить в явной трусости?

— Да, могли. Надо следить за своим танком. А иначе можно было запросто попасть в штрафной батальон. Поэтому перед каждым боем в обязанности командиров танков и командира роты входила проверка натяжки гусениц.

— Случалось ли подбивать своих же?

— Ребята, на войне всякое случалось. Западнее Юхнова произошел такой случай. Туда вышла наша бригада и остановилась в лесу. А километрах в трех впереди нас шел бой. Немцы захватили плацдарм у какой-то речки и стали его расширять. Наше корпусное командование приказало роте «Матильд» из соседней бригады контратаковать немцев. Танков у немцев там не было, плацдарм удалось ликвидировать, немцы отступили за реку. И вот возвращаются наши «Матильды» из боя. А чуть раньше, опасаясь прорыва немцев, наше командование выдвинуло и развернуло истребительно-противотанковый дивизион. Метрах в трехстах перед нами они развернулись и окопались. Наши артиллеристы не знали, что здесь есть наши танки, тем более иностранные, и поэтому, едва завидев «Матильды», они открыли по ним огонь. И подбили три или четыре танка. Остальные танки повернули и быстро скрылись. Командир дивизиона, артиллерист, взобрался на одну из подбитых машин, заглянул внутрь, а там ребята наши лежат, у одного вся грудь в орденах. Артиллерист за голову схватился.

Другой случай произошел, когда 1-й и 2-й Украинские фронты соединились в Звенигородке и замкнули кольцо окружения вокруг Корсунь-Шевченковской группировки немцев, с юга подошли тридцатьчетверки 5-й армии, а с севера подошли наши «Шерманы». Наших ребят на тридцатьчетверках не предупредили, что тут «Шерманы», и они сожгли танк командира батальона Маслюкова Николая Николаевича, и сам он погиб.

— Как за это наказывали?

— Не знаю. Наверное, кого-то наказывали. Каждое дело расследовалось тыловыми структурами.

— Как вы взаимодействовали с пехотой во время боя?

— В танковой бригаде было положено по штату три танковых батальона по 21 танку в батальоне и батальон автоматчиков. В батальоне автоматчиков было три роты. То есть По роте каждому батальону. Трехбатальонный состав у нас был только в конце 1943-го — начале 1944-го. Все остальное время в бригаде было два танковых батальона. Наши автоматчики были нам как братья. Во время марша автоматчики сидят на наших танках. Они там греются, сушат вещи, спят. Мы пришли, где-то остановились. Танкисты пошли спать, а наши автоматчики охраняют нас и наши танки. Многие автоматчики с течением времени становились членами экипажей, вначале заряжающими, потом, может, радистами. Делились поровну трофеями: они с нами, а мы с ними. Поэтому им воевалось полегче, чем простой пехоте.

Во время боя они сидят на танках до начала обстрела. Как только немцы открывали огонь по нашим танкам, они ссыпались как горох и бежали позади танков, часто прикрываясь его броней от ружейно-пулеметного огня противника.

— Получается, что у танков был ограничен маневр и скорость — а то свою пехоту раздавишь или она отстанет.

— Ничего подобного. Не оглядывались мы на них. Мы сманеврировали, и они пусть за нами маневрируют. Тут проблем не было. Им же хуже будет, если нас подобьют, так что пусть они за нами бегают.

— Ограничивалась ли скорость танка во время атаки? Чем?

— А как же! Надо же стрелять!

— Как вы стреляли, с коротких остановок или сходу?

— По-всякому было. Если стреляешь с ходу, то скорость танка не более 12 км/ч. Но с ходу мы стреляли редко, только ради внесения паники в ряды противника. А в основном, конечно, стреляли с остановок. Выскочил на позицию, секундная остановка, выстрелил и дальше пошел.

— Что вы можете сказать о немецком «Тигре»?

— Тяжеленная машина! «Шерман» «Тигру» в лоб ничего не мог сделать, нужно было заставить его показать свой борт. Если мы в обороне, а немцы наступали, то у нас такая была тактика: на каждый «Тигр» отводилось два «Шермана». Первый «Шерман» бьет в гусеницу, перебивая ее. Тяжелая машина еще какое-то

время ехала на одной гусенице, значит, разворачивалась. И в этот момент второй «Шерман» бил ему в борт, причем старался попасть в бензобаки. Вот так и получалось: один немецкий танк был подбит двумя нашими, поэтому победу записывали обоим экипажам. У меня и рассказ такой есть «Охота с борзыми».

— У дульного тормоза есть один большой недостаток: при выстреле из такого орудия поднималось облако пыли, демаскировавшее позицию. С этим старались бороться; например, некоторые артиллеристы поливали перед пушкой землю. А вы что-нибудь предпринимали?

— А как же! Мы утаптывали землю, расстилали брезент. Но особенных проблем я не помню.

— Залепляло ли танковый прицел пылью, грязью, снегом?

— Особых сложностей не было. Снегом, конечно, залепляло, а пылью — нет. Прицел на «Шермане» не выступал, наоборот, был утоплен внутрь башни, поэтому хорошо защищался.

— Дмитрий Федорович, наши танкисты, воевавшие на английских «Черчиллях», в качестве недостатка указывали слабый обогрев зимой боевого отделения. Штатная электропечь была недостаточной мощности, поскольку не рассчитывалась на эксплуатацию в условиях русской зимы. А как дело обстояло на «Шермане»?

— У «Шермана» было два двигателя, соединенных муфтой. Это одновременно и плюс и минус. Бывали случаи, что в бою один из двигателей подбивали. Тогда из боевого отделения муфту можно было выключить и на одном двигателе худо-бедно уползти из боя. С другой стороны, над каждым из двигателей стояли мощные вентиляторы. Мы так говорили: «Откроешь рот — из задницы ветер». Какой, к черту, обогрев? Там такие сквозняки были! Грело разве что от двигателей, но я не скажу, чтоб тепло было. А вот когда останавливались, то сразу закрывали моторное отделение брезентом, и в танке становилось тепло на несколько часов, спали в танке. Американцы не зря давали нам меховые комбинезоны.

— Существовали ли нормы расхода боекомплекта на танк?

— А как же. Во-первых, идя в бой, мы брали с собой один боекомплект (БК). А при длительных рейдах брали еще один-два боекомплекта на броню. Вот, когда я врывался в Вену, мне командующий лично приказал взять Два БК: один штатно внутрь,

а другой — на броню. Кроме того, на каждый танк взять с собой по два ящика трофейного шоколада, а остальной провиант найдете сами, тогда это называлось «на бабушкином аттестате», т. е. на подножном корме. То есть если нам предстоял рейд куда-то далеко, в тыл, то мы отказывались от еды, от всего, вместо этого мы брали боеприпасы. У нас все автомашины были американские 3-тонные «Студебеккеры». В батальон боеприпасы как раз на них привозили.

Есть один момент, о котором я хочу сказать. У нас боеприпасы как хранили? В деревянных ящиках по нескольку снарядов в толстом слое смазки. Вот сидишь ты и эту смазку часами счищаешь. А американские боеприпасы были укупорены в картонные пеналы-контейнеры по три штуки. Крышку у пенала открыл, снаряды чистые, блестят! Бери их и сразу расставляй в танке.

— Какие снаряды у вас были в танке?

— Бронебойные и осколочные. Других не было. Причем осколочных была примерно одна треть, а остальные — бронебойные.

— Вообще это зависело от танка, наверное. Скажем, на наших тяжелых танках ИС было наоборот.

— Правильно. Но у ИС такая «дура» здоровая, что одного попадания было достаточно. Когда мы входили в Вену, придали нам батарею тяжелых ИСУ-152, три штуки. Они меня так сдерживали! Я на «Шермане» мог по шоссе до 70 км/ч ехать, а они еле шли. И вот был в Вене такой случай, я его в книге описал. Уже в городе немцы нас контратаковали несколькими «Пантерами». «Пантера» — танк тяжелый. Я приказал выдвинуть ИСУ и открыть огонь по немецким танкам: «Ну-ка, плюнь!» И он плюнул! А, надо сказать, улицы в Вене узкие, дома высокие, а посмотреть на бой ИСУ с «Пантерой» хотелось многим, и они остались на улице. ИСУ как ахнула, «Пантеру» смешало с землей, башню оторвало, метров 400–500 дистанция была. Но в результате выстрела сверху посыпалось битое стекло. В Вене много окон с витражами было, и все это посыпалось на наши головы. И вот я себя по день казню, что недоглядел! Столько раненых оказалось! Хорошо еще, мы в шлемофонах были, но руки и плечи очень сильно порезало. Вот такой печальный был у меня опыт, первый раз я в городе воевал. Мы еще говорили: «Умный в город не пойдет, умный город обойдет». Но здесь у меня был четкий приказ ворваться в город.

— Вообще сильно Вену разрушили?

— Нет, не сильно. Ни в какое сравнение, скажем, с Варшавой. Моя основная задача была захватить центр Вены и банк. Мы там захватили восемнадцать тонн золота, это не считая всяких денег. Мне ребята говорили в шутку: «Ты бы хоть мешочек прихватил бы!» А я им: «Ребята, а сколько лет я бы ковырял пеньки за этот мешочек?»

— А как пополнялось топливо?

— В каждом батальоне было несколько цистерн-заправщиков. Перед боем танк обязательно надо было заправить. Если предстоял рейд или марш, то на танк устанавливали запасные топливные баки, а перед боем их сбрасывали. А заправщики шли в тылу батальона и нас заправляли. Причем заправляли не сразу все заправщики, а по очереди. Сначала один заправщик опустошим, потом второй и так далее. Как заправщик опустошался, он сразу разворачивался и шел на заправку в бригаду. Вот на Украине нам приходилось буксировать танками эти заправщики, потому что распутица, грязь страшная была. В Румынии так случилось, что мы на танках прорвались к немцам в тыл, а они отрезали наши тылы. И мы делали коктейль: смешивали бензин с керосином, вот пропорции не помню. Танки на этом коктейле ехали, но двигатели перегревались.

— Были ли у вас в части «безлошадные» танкисты? Чем они занимались?

— Обязательно. Обычно одна треть от общего числа. Занимались всем. Помогали ремонтировать, помогали снабжать боеприпасами, топливо подвозить, несли всякую службу в общем.

— Были ли у вас в части камуфлированные машины?

— Какие-то были, но я их не запомнил. Всякие были. Вот зимой мы их красили в белый цвет в обязательном порядке либо мелом, либо краской.

— Требовалось ли разрешение на нанесение камуфляжа? Требовалось ли разрешение на нанесение всякого рода надписей на танк, типа «За Родину» и т. д.?

— Нет, разрешений никаких не требовалось. Это по желанию: хочешь — крась, не хочешь — не крась. По поводу надписей — по-моему, надо было согласовать надпись с политработником. Ведь это своего рода пропаганда, дело политическое.

— Вот у немцев камуфляж был распространен. Помогало

это им?

— Да, помогало. Иногда здорово помогало!

— Тогда почему мы так не делали?

— Да от бедности. Не было у нас столько разных красок. Была вот защитного цвета, ей и красили. Ведь на танк о-го-го сколько краски нужно! Если удавалось раздобыть другие краски, то можно было и камуфляж нанести. Вообще других дел было много — и ремонт, и заправка, и так далее.

Немцы побогаче нас были. Они не только камуфляж, они наносили на тяжелые танки циммерит.

Кроме того, они навешивали на свои танки гусеничные траки. И знаете, довольно эффективно порой получалось! Снаряд ударял в трак и рикошетировал.

— Получал ли контузию экипаж при ударе снаряда о танк, даже если он не пробивал броню?

— Нельзя так говорить. Это смотря куда ударял. Скажем, если я в башне сидел слева и мне рядом с ухом ударит — тогда я удар услышу, но все равно не контузит. А если ударило куда-то в корпус, то я могу вообще не услышать. Было так несколько раз: выходим из боя. Смотрим — броня в нескольких местах вмята, как будто горячим ножом по маслу провели. А ударов я не слышал. Иногда механик снизу кричит: «Слева бьют!» Но огромного грохота не было. Конечно, может, если такое чудище, как ИСУ-152, врежет — услышишь! И башню вместе с головами снесет.

Хочу еще сказать, что броня у «Шермана» была вязкая. На нашем Т-34 бывали случаи, когда снаряд ударял, броню не пробивал, но экипаж оказывался раненым, потому что с внутренней стороны брони отламывались куски и поражали экипаж: руки, глаза. На «Шермане» такого не было ни разу.

— Кого вы считали наиболее опасным противником? Пушку? Танк? Самолет?

— До первого выстрела все опасное. Но вообще пушки самые опасные. Их очень трудно было различить и поразить. Артиллеристы их закапывали так, что ствол буквально по земле стелился, то есть ты видишь всего несколько сантиметров щитка. Пушка выстрелила: хорошо, если у нее дульный тормоз есть и пыль поднимется! А если зима или дождь прошел, как тогда заметить?

— Бывали случаи, что вы из танка не видите, откуда по

вас стреляют, а ваши автоматчики видят. Каким образом они могли навести вас на эту пушку?

— Иногда стучали в башню, кричали. Иногда начинали стрелять в этом направлении трассирующими пулями или пускали туда ракету из ракетницы. А потом, вы знаете, когда мы шли в атаку, командир часто выглядывал из башни. Все-таки ни перископ, ни командирская башенка не давали хорошей обзорности.

— Как вы поддерживали связь с вашим начальством и другими танками?

— По радио. В «Шермане» было две радиостанции — КВ и УКВ — очень хорошего качества. КВ использовалась для связи с вышестоящим начальством, с бригадой. А УКВ — для связи внутри роты, батальона. Для переговоров внутри танка использовалось ТПУ — танковое переговорное устройство. Прекрасно работало! Но как только подбивали танк, у танкиста первое движение было сбросить шлемофон и ларингофон, а то если забудешь и начнешь выпрыгивать из танка, то повесишься.

Федюнин Иван Васильевич

Я жил в Туле, учился в электротехническом техникуме, был учеником электрика, потом стал электриком. Когда началась война, мне было 17 лет, я работал на патронном заводе. В октябре месяце, когда немец подходил к Туле, завод начали эвакуировать. Мы вместе с отцом и дядей погрузились в предпоследний эшелон. На станции Узловой эшелон разбомбили. Были жертвы. Отец и дядя решились податься на свою родину. В Тульской области жила бабушка, мы пошли туда. Шли пешком четверо суток. По дороге я в первый раз своими глазами увидел немцев — шла колонна немецких машин, а в них вместе с немцами сидели наши солдаты. Мы поразились! Видимо, немцы ощущали себя победителями и на тех солдат, которые выходили из окружения, из Рязанской области и других мест, не обращали внимания. Они даже ехали вместе с немцами к себе домой.

Когда мы пришли в Ефремовский район, уже приближался фронт. Раскаты артиллерийские слышались. В селе, где жила бабушка, размещалась 137-я стрелковая дивизия. Я видел своими глазами генерала Крейзера, Героя Советского Союза.

С запада гнали скот, чтобы врагу не достался. Кормить его было нечем, и по полям бродили лошади, коровы, овцы. Вот мы завели себе и корову, и овец. Я лошадь заимел. В нашем районе военкомата уже не было, и когда немцы стали подходить, все мужики призывного возраста подались куда-то в другой район в Рязанскую или Липецкую область, за Дон. Патриоты были — Родину защищать. Ушел и мой отец.

Затем район был занят немцами. Войска ушли, но осталась полиция.

В конце ноября вечером пришел наш советский офицер и говорит:

— Мамаш, сыночек у тебя есть?

— Есть.

— Где он?

— Да вон, на печке лежит.

— Ну-ка, вставай! Ой, какой взрослый. Ты, может быть, знаешь, как дойти до такого-то населенного пункта?

— Конечно, знаю, я ходил пешком туда.

— К тебе придут ребята, ты их проводишь.

Ночью, часов в 11 постучались. Я оделся, вышел.

Пять человек воинов.

— Проведи нас в поселок Мирный.

Дороги все снегом занесены. Да и вообще, там только

проселочные дороги. Движения никакого. Фронт рядом. Я довел их до этого поселка. Подошли к крайнему дому, иди, говорят, стучись. Постучался. Вышел дядя Ваня: «Немцы есть?» — «Нет». Бойцы мне дали за службу две гранаты, и я пошел обратно. Целина. Смотрю, провода торчат. Кабель! Хороший провод, отрезал один конец. Иду, наматываю на руку — для хозяйства. Метров 100, наверное, намотал. Я же не соображал что делаю! Возможно, нарушил связь с передовыми подразделениями. Если бы меня на месте прихватили, то расстреляли бы с ходу как злоумышленника.

Это был первый случай, когда я соприкоснулся с воинами. Второй случай был уже в декабре, когда началось наше наступление. Пошли наши войска. Шли пешком. Сибиряки в валенках, с лыжами. Часа в 2 ночи постучались. Мать вышла.

— Мужики есть?

— Нет.

Зашли с фонариками. Меня увидели.

— Вставай. До деревни Редьки доведешь нас?

— Доведу.

В январе 1942 года уже войска прошли, районное руководство вернулось из эвакуации. И нас вызвали в военкомат. 23, 24-й годы рождения, которых еще не взяли или вернулись из окружения. Из военкомата привезли в облвоенкомат в Тулу. Человек пятьдесят нас. Человек двадцать — 23-го года, человек тридцать — 24-го года. В военкомате говорят: «23-й остается, а вы домой». Отпустили. А уже 12 февраля опять призвали. Создавался запасной стрелковый полк 3-й армии. Нас приписали в этот полк. Привезли нас из военкомата. Распределили по отделениям. Сказали, кто командир взвода. Поселили в барак, вместе с местными жителями. Я был командиром отделения. Со мной было еще шесть парней из нашего села. Занятий никаких. 1 марта нас повели в поле, подбирать трофеи. Пришли мы туда: немцы лежат убитые, оружие брошенное — бой был удачным. Вдруг прибегает связной. Команда: всех на построение. Нас быстро собрали в расположении полка, у штаба, в центре города. Смотрим, стоит строй одетых солдат. Нас тоже строят. Команда человек пятьдесят.

— Вы еще были в гражданке?

— Да. Нас не одевали, ни присяги, ничего, даже винтовки в руках не держали. Правда, когда я работал на заводе, у нас после начала войны проводились занятия по самообороне, изучали приемы штыкового боя: «Длинным коли, коротким коли». Устройство винтовки рассказывали.

Нас построили по ранжиру. Отсчитывают тридцать человек, кто ростом повыше. Тех, кто пониже, — назад, а остальных на склад — одевать. Оказывается, в той команде, которая построилась, человек 600–800 (проще говоря, целый эшелон воинов), не хватало 30 человек, нами, кто ростом повыше, пополнили. Прибежали быстро одеваться. Гимнастерок не хватило, шинелей нет. Короче говоря, обмотки, теплые штаны, теплое белье и плащ-накидка. Шапка, конечно. Ремень белый тесемочный и подсумок. Оружия не досталось. Быстро в строй, в хвост этого построения. Впереди оркестр. На железнодорожной станции уже стояла платформа. Загрузили. Вот так 12 марта я попал в 287-ю стрелковую дивизию 3-й армии.

— Вы были пехотинцем?

— Да. Сразу в пехоту. Сказали, 686-й полк, 3-й батальон, какая-то рота. Это было под Мценском. Река Зуша протекает. Фронт стабилизировался, на одном берегу реки немцы, на другом мы. Все сковано льдом. Через два дня будем наступать.

— Оружие дали?

— Нет, винтовок не было. Старшина был боевой, кадровый, сказал, кого убьют, у того взять оружие. Таких безоружных в роте трое было. Рота человек 25. Не по штату. Одним словом, время назначили. Говорят, артподготовка будет. Где-то там пушки постреляли. Ракета красная. Вперед! Мы встали. Немцы ударили из пулеметов и минометов. Мы залегли и стали отползать назад в те окопчики, в которых сидели, в снегу фактически. Мне посчастливилось: ранило в голову, попал осколочек.

— Вы говорите март, а снег лежал?

— Да. По пояс. Начал таять с 1 апреля. Зима 1942 года была очень суровой.

В медсанбате я подлечился. После медсанбата уже дивизия распределяла. Узнали, что я работал электриком на патронном заводе, учился на 3-м курсе электротехнического техникума: «О! Связист хороший». Меня отправили в артиллерию, телефонистом. Я весь 42-й год и до августа 43-го был дивизионным телефонистом на наблюдательном пункте командира дивизиона, он с наблюдательного пункта управляет батареями. Я сидел на коммутаторе. У меня было два товарища.

— Коммутаторы наши?

— Да. Простенькие такие. УНА-Ф. Коробка деревянная. По центру соединить или влево, вправо. Когда провод перебьют,

бежим. Я был самым младшим. Один с 22-го года был, Ходрашин Коля, одессит. Потом еще один одессит, Шмуклер Зося. Ребята они грамотные. Да и я тоже не промах.

Участвовали в Курской битве. Нашу дивизию перебросили немного южнее, из-под Мценска под Новосиль. Мы участвовали в артиллерийских подготовках. Там служба совсем другая.

В 1943 году в августе месяце меня направили в училище, 2-е Ростовское артиллерийское училище самоходной артиллерии. Изначально это было училище противотанковой артиллерии, и на его базе стали создавать самоходное училище. Эвакуировано оно было в Пермь. В ноябре я стал младшим лейтенантом, командиром самоходки.

Мы учились по 12 часов. Изучали технику, двигатель, матчасть. Изучали стрельбу — еще по-артиллерийски, с панорамой, подготовку данных. Артиллерии больше было. У нас было три дивизиона: СУ-76, СУ-85, СУ-152. Я попал в дивизион СУ-76. Занятия. Машины. Прыгали, бегали, но не стреляли. Если в мирное время приспосабливали винтовочные стволики — нацеливаешь орудие, а выстрел винтовочный, то в училище даже этого ничего не было. В основном теория. Марксизм-ленинизм. Подготовка к стрельбе. В выходной день на Каму, лес ловить на сплаве. Выходных не было.

— Училище было на самообеспечении?

— Да нет, это, видно, была помощь. Два воскресенья были на Мотовилихе, там артиллерийский завод. Загружали боеприпасы — рабочих не хватало.

В конце ноября, приблизительно 27-го числа, курс закончили. Построили выпускные роты, или батареи назывались. Три батареи. СУ-76, СУ-85, СУ-152. Объявили приказ командующего Уральского округа № 021 от 22 ноября 1943 года и направили из Перми в Киров, на завод по производству СУ-76. Там был 32-й учебный танковый полк. Там нас разместили. В январе мы уже получили машины. Помню, гоняли одну машину назад на завод. Трещины на броне заваривали — производство было такое. Но, одним словом, получили технику на роту, и в эшелон… И покатили. Зеленая улица. Остановки только для того, чтобы поменять паровозы. И что вы думаете? Прикатили в Подмосковье, в Пушкино. Здесь был учебный центр бронетанковых войск. Штаб располагался в Москве, на улице сейчас Рыбалко, дом 1. Там есть мемориальная доска, как раз угол Алабяна и Рыбалко. Сколько-то там пробыли. Техника стояла, мы балдели. Оказывается, наш 370-й гвардейский самоходный артиллерийский полк включили в состав 98-й воздушной десантной дивизии. Там формировался 37-

й воздушно-десантный корпус, этим корпусом командовал Кулик, бывший маршал. Три воздушно-десантные дивизии: 98-я, 99-я и 100-я. В каждой дивизии по самоходному артиллерийскому полку. Все три полка — 370-й, 371-й, 372-й — гвардейские. Мы там кантовались до июня месяца. Потом в эшелон — и на Карельский фронт.

— В наступление?

— Да. Где-то в районе Лодейного поля, станция Аять, не доезжая до Лодейного поля, нас разгрузили. Фронт проходил по реке Свирь. Когда мы вели самоходки, нас постоянно спрашивали: «А какой это танк?» Ребята, которые там с 1941 года, даже танков не видели. Река Свирь широкая, метров 200–300. Получили задачу — подготовить капониры. Скоро в наступление. Буквально ночью встали метрах в пятидесяти от уреза воды. Капонир на каждую самоходку. Командиром батареи у меня был старший лейтенант Ряшенцев, из политработников, когда-то он был председателем колхоза, потом в армии политруком роты, когда переходили с комиссаров на политработников, многие низшие звенья стали строевыми командирами. Вот такой строевой командир. Командир батареи. Насчет образования не знаю, но, как ему было необходимо составлять расписания, он меня заставлял, я был самым грамотным. В ночь с 21 на 22 июля вывели самоходки на огневые позиции. 22 июля началась артподготовка. 3 часа! Мы были на прямой наводке. И нашей задачей было, когда после артиллерийской подготовки начнется форсирование, подавлять огневые точки, которые там оживут.

— Вы в самой артиллерийской подготовке не участвовали?

— Нет. Нас использовали как танк. Артподготовка прошла, началось форсирование. Мы несколько выстрелов сделали. Когда захватили плацдарм, понтоны подошли. Очень быстро сработали, часа за два, не больше. Первая самоходка моя. Переправились на ту сторону. Пока я выкатился, вторая подходит. Подъезжает зам командира полка: «Что ты здесь стоишь? Где командир?» — «Он еще сзади, с двумя самоходками». Мать через мать. «Вперед давай! Там залегли десантники!» По всей вероятности, там была еще одна полоса обороны, километра через три-четыре. «Вперед! Командуй!» Я замкомандира, командую.

Лесной массив. Мы выходим на опушку, подбегает десантник: «Вот там, видите, противотанковый ров, за ним окоп. Мы залегли, финны не дают возможности подняться». Я даю команду развернуться. И мы по 20 снарядов закатили. Проходит время,

десантники поднялись, пошли. Один населенный пункт прошли, второй, километров через пятнадцать остановились. Вторая полоса обороны. Оборонительный пункт Карельский. Его везде описывают. Укрепленный пункт был, солидный. Вместе с нами к этому укрепленному пункту откуда-то подошли три танка Т-34. Приехал командир батареи. Мы стоим. Один танк пошел в разведку. Там двухэтажные дома, из-за одного из них мы наблюдаем. Тут бах! Танк на мине подорвался. И тут слышим, с нашей стороны заиграли «катюши»! Нас накрыли. Мины рвутся. Черт!

Видно, они переправились и закатили с берега. А там уже мы были, и в том числе десантники. Десантников много погибло. У нас погибших не было. Вечером узнали, что экипаж того танка жив остался. Они прибежали. Рассказали: так и так. Оказывается, назад стали сдавать с дороги и задней частью на мину наехали, ленивец сорвало, гусеницы, но экипаж жив.

Мы — два танка, три самоходки (две остались с командиром) рванули в этот укрепленный пункт, впереди танки, мы за ними. Ворвались в село. Это был июль, ночи почти нет. Все видно. Три раза финны пытались контратаковать. Мы их как цыплят. С этих двух танков их тоже из пулемета крошили. Много финнов побили. Часам к семи утра появился командир батареи с двумя самоходками, вышел, отошел от дома, и тут разорвался снаряд, его ранило в живот. Его на самоходку — и назад. Мы, собственно говоря, продержались ночь и до середины дня. У меня на самоходках осталось по два снаряда. Смотрим, идут другие наши батареи.

Командир полка подъехал, говорит мне: «Ты будешь во втором эшелоне. Первым пойдет батарея лейтенанта Романова. А вы за ней». Движение там только по дорогам. Не так, как на Руси, по полю, где хочешь, по проселкам, там так невозможно — лес сплошной. Первая самоходка только стала на дорогу выезжать и взлетела, подняло на уровень кроны деревьев. Погиб ротный командир, Романов Федя. Погиб механик. А заряжающий и наводчик вылетели, их волной выбросило. Самоходка сгорела.

— Мина?

— Мощный фугас. Там был настил деревянный, а под ним фугас. Я потом останавливался. Федя весь сгорел. Остался один скелет. Самоходка СУ-76 была на Б-70 (авиационный бензин). Поэтому ее звали БМ-4А — братская могила 4 артиллеристов. Мы продвинулись, какое-то время шли. Третий укрепленный район — Самботукс. Это километрах в тридцати от Свири. Надолбы, танки стоят. Площадь большая, открытая, а этот населенный пункт на

высоте. Самоходки ИСУ-152 стоят. Мы на своих «жу-жу» СУ-76-х примерно метров сто не дошли до этих надолбов. Остановились, связались с танкистами, что делать? Я пополнился боеприпасами. У нас было 45 снарядов. Боекомплект: 5 кумулятивных снарядов, 5 подкалиберных и 35 осколочных…

— Панорама была, чтобы с закрытых позиций стрелять?

— Да. Все было. В одном бою снайпер попал. Панорама выходила за пределы самоходки и вся разлетелась. Хорошо была запасная на каждой самоходке.

Короче говоря, мы постреляли. Затишье. Авиация. Штурмовики прилетели. До вечера мы проторчали. При этом интересно: финны стреляли по нас сверху — мы стояли в низине — болванки так, «шу-у» над головой летят, но, видно, угол склонения пушки не давал возможности опустить ствол, чтобы попасть. Ни одного танка, ни одной самоходки они не подбили, несмотря на то что стрельба из противотанковой артиллерии была сильной. Штурмовики их расколотили.

Вечером, часов в десять, наши войска пошли. Я уже командир батареи. У меня пять самоходок. Мы пошли. Обошли эту гору. Вышли на дорогу, в лес. И встречаем командира десантного полка: «Наши десантники уже впереди, что вы здесь топчетесь. Давайте быстро! Там колонна финнов идет, если вы догоните и разобьете эту колонну, получите орден Красного Знамени». Я командую: «Вперед!» Километров пять-семь проскочили. Опушка леса, никого нет, не догнал. Смотрю, вдалеке снуют финны у орудий.

Мы начали их расстреливать. И что вы думаете? У меня там две самоходки спалили. В одной экипаж погиб. Я остался с тремя самоходками.

Там мы даже встретили станковый и противотанковый гранатомет. Уже в 1944-м году. Видно, немецкий. У меня как раз тогда снайпер снес панораму. Он сидел на крыше. Близко. Этот дом мы, конечно, сожгли. Финны драпанули, естественно. Расстреляли мы все боеприпасы. Горючее почти закончилось. Я сообщил. Через некоторое время приехала боезаправка. Заправились. Поехали дальше.

Почти до Сартоваллы мы наступали вдоль дороги. С неделю наступали. Особого сопротивления не встречали. Видно, против лома нет приема. У них танков не было, а противотанковую артиллерию только на открытой местности можно развернуть. В лесу отдельные «кукушки».

Остановили нас. Стоим, ждем день, второй, третий. Во втором эшелоне. Что финны сделали?! Все деревья спилили,

оставив пни выше клиренса танка. Мы один раз попытались, но не смогли вперед стронуться. Дорога вся заминирована. Два танка подорвались, ИСУ-152 подорвалась.

Видно, в тот момент начались переговоры о выходе финнов из войны. Мы получили приказ в эшелон, и тремя самоходками в Псков. Десантники откололись. Мы стали отдельным полком. За форсирование Свири я получил орден Красной Звезды.

В Псков прибыли, разгрузились. И пошли в наступление в сторону Риги. Там я попал, мою самоходку подбили, и она сгорела. В заднюю часть попали, в ленивец, видно, из противотанкового орудия. Мы все выскочили, и через некоторое время она запылала. Короче, самоходку потерял, в Ригу пришел двумя самоходками.

— Вам во Пскове не дали самоходок?

— Нет. Только в Риге. Там уже шло наступление, наращивали, усиливали. В Риге мы два или три дня пробыли. Навели переправу понтонно-мостовую через Даугаву. На левый берег. Курляндскую группировку добивали. Там я закончил эпопею. Меня уже после Риги в штаб разведки взяли. Это громко звучит, в общем, оказался при штабе. К тому моменту наш полк уже именовался 370-й Рижский (за взятие Риги) ордена Красной Звезды Гвардейский самоходно-артиллерийский полк. В феврале месяце нас отправили на формирование в Белоруссию. Был такой Белорусско-литовский танковый военный лагерь. Приехали в Белоруссию. В землянках там разместились. Получили всю технику. Я уже был штабным офицером. Когда закончилась война, мы были в Осиповичах. Вот и все! Особо героических подвигов не совершал.

— Основная цель — пехота или бронированные объекты?

— В бою бронированные объекты более интересные. По пехоте автоматная очередь, пулеметная очередь. Например, мы в лесу, со всех сторон автоматические очереди по броне: дзинь-дзинь-дзинь. Десантники под самоходку, в самоходку забились. Мы стоим хоть бы что. Несколько выстрелов сделали — и тишина. Как с пехотой бороться, особенно с «кукушками». Они на деревья залезали. Только до куста добрался, все, его уже нет. А там сплошные лесные массивы. Воевать финны умели. В Прибалтике, когда 2-й Белорусский фронт уже отрезал немецкую группировку, это октябрь месяц был, немцы плавный отход осуществляли. Арьергард днем наступает, к вечеру занимает оборону. Пока мы разбираемся, что к чему, когда начинаем, уже докладывают: «Немцев нет». Километров 20–30 продвинулись.

Опять арьергард. Опять постреляли. Опять остановились. Вот такое было явление. Вдоль Рижского шоссе, правда, можно было сделать маневр, обойти…

— С закрытой позиции приходилось стрелять?

— Нет. Только с открытой, прямой наводкой. Использовали как танк. На стрелковую дивизию давали одну батарею. Я командир батареи, при дивизии. Дадут направление, и ты тянешь. Впереди пехоты. Действовали как танк.

— С немецкими танками сталкиваться приходилось?

— Нет. По бронетранспортерам несколько раз стрелял. Когда в контратаку шли, там две танкетки финские. С первого выстрела — пушка очень хорошая. И в Прибалтике тоже. Бронетранспортеры пошли, с какой целью не знаю, но попали нам под прицел. Подожгли их.

— Трофеи были?

— Нет.

— Шоколад?

— Нет. Единственное, когда по территории Карелии шли, населения не было, в дом зайдешь, можно что-то взять. Валяная рыба висит, сушится. Это прихватывали. Двух пленных взяли с вещмешками. Солдат потрясли, нашли сахарин. Шоколада не было. Какие-то шмотки. Шмотки не нужны были.

В Прибалтике тоже население скрывалось. Общения с населением не было. Единственное, были случаи, когда скот оставался. В хутор заскочили, населения нет, куры, гуси бегают, в хлеву баран кричит, овцы. Были случаи, для общего котла резали.

Калиненок Марат Александрович

Я родился 21 июля 1925 года в Казани, потому что в то время мой отец, который был военным, преподавал в военной татаро-башкирской школе. Вообще со мной получилось довольно интересно: имя французское, фамилия белорусская, родился в Татарии, а сам русский.

И тем, что меня назвали в честь Жан-Поля Марата — «друга народа» и одного из героев Французской революции, я тоже обязан своему отцу. Он родился на окраине Белоруссии, в местечке Рудня, в обычной крестьянской семье, но потом попал в водоворот революционных событий, участвовал в Гражданской войне, в бою под Перекопом был ранен. Вступил в комсомол сразу после его создания еще в 1918 году, а уже в 20-м и в партию. Всю жизнь прослужил политработником в армии и, являясь убежденным коммунистом, подобрал для меня такое «революционное» имя.

А мама у меня из семьи московских рабочих. Ее семья жила на Малой Грузинской улице, отец работал каллиграфистом, и она сама в юности тоже работала в типографии словолитчицей, но после того как вышла замуж, то уже занималась только домом. Ведь у нас в семье было восемь детей, из которых я был самым старшим.

— Расскажите, пожалуйста, о довоенной жизни вашей семьи. Где вы учились, задумывались ли о том, кем хотите стать в будущем?

— Отца по службе часто переводили с одного места на другое, поэтому мне пришлось учиться в школах разных городов. В первый класс я пошел в Энгельсе, потом учился в Ленинграде, в Куйбышеве, в Карачеве, а войну встретил уже в Конотопе, где отец служил комиссаром военного авиационного училища.

Еще в школе у меня уже появилась мечта — стать историком, и, например, во время гражданской войны в Испании я внимательно следил за сводками боевых действий и даже рисовал карты. И еще в детстве я очень много читал. Например, до сих пор храню отцовский трехтомник «История Гражданской войны», который, несмотря ни на что, я провез через все эвакуации. Еще у нас были книги из серии «Библиотека офицера», и после войны отец сильно жалел, что мне не удалось их сохранить. Но как я мог о них думать, когда мы с мамой везли пятерых детей, да еще и чемоданы. Зато моя мама умудрилась сохранить швейную машинку «Зингер», которая у нас до сих пор хранится в качестве

семейной реликвии.

— Спортом занимались?

— Конечно, особенно мне нравился велосипедный. Одно время я и в футбол играл, вратарем, но как-то мне на поле сильно засыпало песком глаза, и после этого решил с футболом завязать.

— Ваш отец был кадровым военным. Его никак не затронули политические репрессии?

— С 1934 года мы четыре года прожили в Ленинграде, потому что отец учился в Военно-политической академии имени Ленина, получил там звание летнаба, и я помню, что среди руководителей академии были проведены аресты. Например, мы жили в коммунальной квартире на одной лестничной площадке с начальником академии, которого вначале отправили служить куда-то в Среднюю Азию и уже там арестовали. Отец, наверное, об этом знал, но мы узнали об этом, когда однажды ночью в его квартире устроили обыск. Над нами жил начальник штаба академии, так его тоже арестовали при нас, но моего отца не тронули.

Мне, кстати, довелось видеть живого Кирова. Когда асфальтировали улицу Воинова, то мы с ребятами увидели, что собралась толпа народу. Подбежали и увидели, что люди собрались вокруг какого-то человека, и только потом узнали, что это, оказывается, был сам Сергей Миронович Киров. А когда его убили, мне довелось увидеть и все наше правительство, включая и самого Сталина, потому что мы жили на улице Слуцкой, около музея Суворова, а это совсем недалеко от Таврического дворца, в зале которого для прощания был выставлен гроб Кирова. Но то, что это были сам Сталин, Ворошилов и другие наши знаменитые руководители, мы узнали только позже.

— Лично у вас были предчувствия скорого начала войны? Может быть, на эту тему вы разговаривали с отцом?

— Конечно, общее предчувствие было, потому что всю нашу страну и нас, молодежь, в частности, словно исподволь готовили к защите Родины и социалистических завоеваний. Все эти патриотические фильмы, песни, военная подготовка, все это, конечно, настраивало на боевой лад, но у нас, подростков, именно конкретного ощущения скорой войны не было. Мы о таких серьезных вещах еще не задумывались, а с отцом на такие темы я в то время не разговаривал, в этом отношении он был с нами скуп и своими мыслями не делился.

— Как вы узнали о начале войны?

— Как я уже сказал, в то время мы жили в Конотопе, потому что отец там служил заместителем начальника авиационного училища по политчасти. И еще в 4 часа утра его по тревоге срочно вызвали в училище, а уже через полчаса он нам позвонил: «Война!», хотя по радио об этом было объявлено только в 12 часов дня. Первое, что мы с ребятами подумали: «Вот сейчас наши им дадут!» Когда 23 июня немецкие самолеты прилетели бомбить училищный аэродром, мы полезли на крышу нашего четырехэтажного дома, чтобы увидеть, как немцам дадут прикурить. Но как посыпались бомбы, то мы аж покатились с крыши… Вот тут мы и поняли, что война — это не шутка… Но у нас у всех было одно общее желание — пойти на фронт.

В начале августа училище начали готовить к эвакуации. Но семьи комсостава было решено отправить в тыл раньше, поэтому отец остался в училище, а мы с мамой и пятерыми моими младшими братьями и сестрами, где-то за неделю до падения Киева, отправились в Башкирию, куда добирались дней двадцать.

— Насколько организованно проходила эвакуация?

— Достаточно организованно, хотя, конечно, пришлось увидеть и много неприглядного. Правда, у нас в эшелоне ничего такого не было, но как-то на одной из станций под Куйбышевом мы видели драпающих из Москвы высоких чинов. Возле эшелона, состоящего из пассажирских вагонов, стояли часовые, и потом мы узнали, что это арестовали драпанувших «шишек»…

А так, что вам еще рассказать? Посадили в каждую теплушку по 3–4 семьи, причем и вещей особенно и не было, потому что у военных почти все казенное, так и ехали.

— В дороге ваш эшелон бомбили?

— Под бомбежку мы попали один-единственный раз на перегоне от Конотопа до города Суммы. Но нам повезло, потому что прямых попаданий не было и обошлось без потерь.

В общем, кое-как доехали в Белорецк. Там я записался в школу, но уже на второй день нас мобилизовали для работы в колхозе. Мне вручили подводу, и я возил на ней картошку из колхоза в город.

Но оказалось, что училище отправили в Грозный, поэтому месяца через два за нами прислали одного старшину, который забрал нас и семью Крассовских, и мы через Сталинград поехали на юг. Буквально за неделю до падения Ростова успели проскочить узловую станцию Тихорецкую и уже 24-ю годовщину Октябрьской революции встречали в Грозном.

Накануне ее в городском театре устроили торжественное собрание, а после перерыва даже дали небольшой концерт. И мне особенно запомнилось, что на это собрание пришли представители только что сформированной чеченской дивизии, которую мы тогда называли «дикой». Причем одеты они были с иголочки: в папахах, с козырями, с автоматами. В общем, эти красавцы нас приветствовали, а уже ночью подняли восстание и все сбежали в горы… И это восстание разным частям пришлось подавлять 22 дня.

— В этот очень непростой период для нашей страны у вас не появились мысли, что мы можем проиграть войну?

— Сразу вам отвечу — нет! Хотя взрослые с нами на такие темы не разговаривали, но мы с ребятами были твердо уверены, что все равно разобьем немцев. И все мои ровесники стремились попасть на фронт. Например, мой будущий сокурсник по танковому училищу Лель Валуев был вообще 26-го года, но он пошел добровольцем. Не знаю, с чем это больше связано, может быть с тем, что был еще очень молод и многого просто не понимал, но поверьте, за всю войну у меня ни разу не возникло сомнений в нашей Победе. И не только у меня, но и еще у очень многих людей. Например, я на всю жизнь запомнил стихотворение танкиста Сергея Орлова, написанное им еще в ноябре 41-го и где-то прочитанное нами в годы войны:

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился…
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.
От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.
А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

Вот такая в нашем народе была огромная вера, что еще в самом начале войны люди писали стихи о Победе!

— Сколько вы прожили в Грозном и чем в это время занимались?

— В Грозном я прожил почти год, правда, за все это время ничего особенного или интересного со мной не произошло. Кстати, бросалось в глаза, что Грозный немцы не бомбили, видно

берегли нефтепромыслы для себя.

В конце 41-го отец ушел на фронт, а в каникулы после 2-й четверти я, как и многие наши ребята, получил повестку на учебу в фабрично-заводское училище. Месяца четыре там учился на токаря по металлу, получил 4-й разряд и стал работать на заводе «Красный молот», который производил мины для 82-мм минометов. А знаете, как работали во время войны? Чуть ли не по шестнадцать часов, поэтому мы даже домой не ходили, а спали у своих станков. Так что, кроме своей работы, я почти ничего и не видел. Но мы хоть и недоедали, и недосыпали, и сильно уставали, но все равно работали очень хорошо. Например, мы с моим другом внесли рацпредложение, какое уже, правда, не помню, но оно позволило увеличить производство мин больше чем на 100 процентов. За это нам выдали большую денежную премию.

А в августе 42-го я получил повестку из военкомата, даже успел уволиться с работы, но по какой-то причине меня не призвали и разрешили доучиться в 9-м классе. Но как раз в этот период на Грозный наступали немцы, и училище было решено эвакуировать в глубокий тыл. На этот случай отец заранее договорился с командованием училища, и нашу семью вместе с училищем отправили в Среднюю Азию. Поехали через Махачкалу и Баку. Помню, как недели две ждали парохода на станции Аляты. Причем все это время жили под открытым небом и лежали на голом песке, потому что местное население отказалось нас пускать в свои дома: «Немцы придут, и вас и нас убьют…»

Наконец дождались парохода, но он оказался переполнен просто ужас как. Хорошо, капитан попался порядочный человек, и когда он увидел женщину с детьми мал мала меньше, то взял маму к себе на мостик, но мне, правда, сказал: «А ты уже взрослый. Ступай на палубу и будь вместе со всеми».

Из Красноводска нас отправили эшелоном. Но представьте себе, мои братья и сестра совсем маленькие, а воды не было, ее привозили только утром и вечером. Правда, руководство училища, чем могло, старалось помогать.

В конце концов училище привезли на станцию Усатьевскую, что в 120 километрах от Ташкента. Нас у кого-то поселили, и я устроился работать экспедитором при училище. Но тут у нас случилось горе: в одну неделю умерли сразу два моих младших брата: Саша и Володя, одному четыре года, другому год… Видимо, какая-то инфекция…

И в этот тяжелый момент я сказал маме: «Все, иду на фронт». В училище мне предложили: «Давай к нам», но я отказался: «В небо не хочу». Просто я уже насмотрелся, как курсанты бьются… Это было, конечно, нечасто, и всякий раз это считалось огромным

ЧП, но все равно в небо меня уже не тянуло.

— А мама вас не попрекнула, ведь вы фактически ее оставили совсем одну? Все-таки вы были самым старшим из детей и во всем ей помогали.

— Нет, таких разговоров не помню. В общем, я услышал, что в городе Мары есть танковое училище, и решил поступать туда. Начальник конотопского училища написал мне рекомендательное письмо, но когда я приехал, выяснилось, что, оказывается, они добровольцев не принимают. Но я начал настаивать: «Отец на фронте, два брата умерли — я хочу на фронт», и меня все-таки приняли. Это было в марте 43-го.

Так как меня приняли самым первым, то сразу назначили начальником карантина. И тут сюрприз: приезжает мой приятель Игорь Чумачев. Его отец был начальником медслужбы училища, и мы с ним учились в одном классе еще в Конотопе, а потом и в Грозном. Но когда мне пришла повестка учиться в ФЗУ, ему дали доучиться в 9-м классе. Оказалось, что он тоже доброволец: «Я хочу быть танкистом!» И таких добровольцев в нашем учебном взводе было много: Лель Валуев, Володя Сергиевский, Николай Кривец, Сашка Моторин. Наш балагур Рачья, Рачик Капланян, который после войны стал народным артистом СССР, тоже, в общем, вся наша разнородная братия была едина в своем желании — мы хотим на фронт.

Мы должны были проучиться максимум полгода, и нас как раз должны были отправить на Курскую дугу, но едва ли не перед самой отправкой на фронт в училище пришли танки новой модификации Т-34–85, и нас всех оставили и начали переучивать на них. Именно поэтому нас выпустили только в начале 44-го. Присвоили звания младших лейтенантов и отправили на фронт.

— Мне бы хотелось услышать более подробный рассказ о времени, проведенном в училище. Все-таки вы в нем проучились целый год. Как вы там жили, учились, какой был состав курсантов, преподавателей? Как кормили, а самое главное — насколько хорошо вас там подготовили.

— Я считаю, что нас подготовили очень хорошо. И хотя у нас все преподаватели были только фронтовики, но я не могу сказать, что, приехав на фронт, мы оказались полностью готовыми воинами, все-таки боевой опыт нельзя заменить никакими знаниями, а он приобретается только при непосредственном участии в боях. Но вот в плане знания техники и досконального освоения всех специальностей экипажа танка нас подготовили очень хорошо.

Мы могли и наводчиками быть, и на рации работать, а уж про вождение танка я и не говорю. Помню, как-то уже на фронте мы ехали ночью, но танк что-то подозрительно сильно вилял. И когда мой самый первый механик-водитель Серафим Васильевич Февралев признался, что он в темноте из-за куриной слепоты почти ничего не видит, то я его спокойно заменил. Да и потом частенько тоже садился за рычаги. Взаимозаменяемость у нас в экипажах была полная, каждый мог подменить каждого.

А среди курсантов были как бывшие фронтовики, направленные из госпиталей, так и вчерашние школьники. Во всяком случае, вспоминая их, могу сказать, что у нас были самые разные ребята и полный интернационал. Например, вместе со мной учились армяне Рачья Капланян и Артем Захарьян, который погиб самым первым из нашего выпуска… Александр Стребков с Урала, Николай Кривец из Казахстана, Сашка Моторин из Ташкента, беспризорник, между прочим, Семен Ходжаш из крымских татар, Володя Сергиевский из Москвы, Лель Валуев из Белоруссии. Иван Куценко — украинец, наш комсорг Сергей Медведев из Молдавии, Бехкатуров — казах, но в основном, конечно, славяне.

Как кормили? Вот вы мне дали прочитать несколько интервью с вашего сайта, в которых ветераны описывают ужасы курсантской жизни в училищах, что они там чуть ли не как в блокадном Ленинграде голодали. Не знаю, скажу лишь за себя. Думаю, что нас кормили нормально, но просто и нагрузки у нас были колоссальные, ведь гоняли нас будь здоров, а ребята же все молодые, поэтому, конечно, нам казалось, что не очень. Нам не хватало, вечно ходили полуголодные, поэтому все рвались на дежурство по кухне, а по ночам еще и приворовывали с полей виноград.

— В самоволки, кстати, ходили?

— И в увольнения ходили, и в самоволки бегали. Вот, кстати, вспомнился такой анекдотический случай. В Мары помимо нашего был развернут еще целый ряд училищ, точно помню артиллерийское, пограничное и какая-то авиационная академия. Поэтому в городском парке на танцах за девушек была большая конкуренция, даже до драк доходило. И вот как-то пошли мы в гарнизонную баню, а на мосту через Мургаб нам навстречу летчики. Нас всего несколько, а их значительно больше: «Мы в небе, а вы по земле ползаете», и нас в реку с моста…

Но о водных процедурах мы там и сами мечтали, потому что туркменская жара это нечто, никогда ее не забуду… Когда нас летом выводили на полевые занятия, то мы занимались только по

ночам, потому что из-за жары в 40–50 градусов броня раскалялась до такой степени, что до нее просто невозможно было дотронуться. Поэтому занятия на танках проводились только ночью. А знаете, как мы обедали в эту жару? Когда нам приносили еду, мы раздевались и прямо с котелками залезали в арыки в воду по грудь и так ели… Сырые яйца чуть присыпешь песком, так через 5 минут уже можно есть… В час послеобеденного отдыха палатки обливали водой, сами оборачивались в мокрые простыни, но уже через 15 минут все были абсолютно сухие…

Что еще вам рассказать? Еще в самом начале нашей учебы наш комсорг Медведев спросил: «Ребята, кто из вас может на слух быстро записывать сообщения?» Говорю: «Я могу». — «Тогда будешь по утрам принимать сводки Совинформбюро. Как запишешь, будешь относить машинистке, а когда она распечатает, будешь разносить по всем четырем батальонам». И помимо учебы я занимался еще и этой работой.

— Большое было училище?

— В каждом батальоне было по 4 роты, а в каждой роте около 100 человек. Точно помню, что при выпуске в двух наших батальонах было 450 офицеров.

В общем, в начале весны 44-го нам присвоили звания младших лейтенантов и отправили за танками. Но перед самым отъездом я отпросился у командования повидать своих родных. К тому времени моего отца перевели в Чкаловское летное училище, поэтому в Ташкенте я оставил адрес своих родных в Оренбурге, пересел на пассажирский эшелон и уехал вперед, но меня строго-настрого предупредили: «Ну, смотри». И действительно, получилось очень удачно, пока ждал свой эшелон, провел три дня с родными.

А уже из Оренбурга половину наших ребят отправили за танками в Нижний Тагил, а нас отправили в Горький на завод «Красное Сормово». Там в запасном полку мы получили новые танки Т-34–85, сформировали экипажи и целый месяц проводили тренировки, стрельбы, слаживание экипажей.

Я на фронте на каких-то обрывках бумаги делал краткие записи, фактически вел что-то вроде дневника, и поэтому у меня сохранился и список моего первого экипажа и разного рода подробности. Вот, например, такая запись:

«Сегодня, 25 мая 1944 года на заводе № 112 получили машину под номером 4 090 260. Скоро на фронт. По слухам нас отправят на Украину».

В первый мой экипаж попали: механик-водитель — Серафим

Васильевич Февралев, 1908 г.р., из Бурятии. Впоследствии он был ранен и до самой его смерти я с ним переписывался. Наводчик — Николай Ведищев, 1920 г.р. Заряжающий — Павел Деленда с Алтая, 1924 г.р., до сих пор живет в Кемеровской области. Стрелок-радист — Кривенцов. При формировании экипажей, конечно, не разбирали, приятный-неприятный, нравится, не нравится, вам вместе воевать, и точка.

И через Москву нас отправили не на юг, как мы ожидали, а на западное направление. Вся наша рота попала в 86-й разведывательный батальон 1-го танкового корпуса. До этого в состав разведбатов танковых корпусов танки никогда не входили, потому что их просто не хватало, были только мотоциклисты, мотопехота, кто-то еще, и только наш набор был впервые.

А когда началась операция «Багратион», то мы пошли вперед по северу Белоруссии от станции Ветрено, что между Полоцком и Витебском.

— А вас обрадовало или расстроило, что вы попали именно в разведбат?

— Честно говоря, мне было совсем безразлично. К тому же к этому времени я уже четко усвоил истину, что в армии не рассуждают, а выполняют приказы.

— Помните свое боевое крещение?

— Именно первый бой как таковой и не помню, но могу рассказать про самое запомнившееся задание из того периода.

Нам поручили разведать маршрут по направлению к городу Браслав. Идем на скорости. Впереди командир взвода Иван Дубовик, за ним Володька Сергиевский, а я третьим. Получаем сообщение: «Впереди в селе Озеровцы немцы». Мы сразу орудия ежом, т. е. одно вперед, другое влево, третье направо. А шли по проселочной дороге и пылища поднялась просто страшная. Вдруг командир взвода пропадает, не видим его машины.

Оказалось, взводный на 10-метровом мосту через речушку упал на бок в воду, а Володька, стремясь догнать его, набрал высокую скорость и проскочил по нему как по мосту и только в конце села подорвался сразу на трех противотанковых минах, правда, не сильно повредился. Оказывается, там, в окопчике сидели немцы, которые на веревках подтаскивали мины под танк.

Догоняет меня Попов из 2-го взвода: «Нужно идти вперед и выполнять задание». Я форсировал речушку рядом с мостом и устремился вперед. Где-то через километр расстреливаем противотанковую пушку, вторую давим гусеницами, но там местность болотистая, и танк Попова крепко застрял в болоте. Я

под огнем начал его вытягивать и сам увяз…

Вот тут уже началось по-настоящему, с трех сторон по нас лупили. Но если с машиной Попова ничего, то мне в корму сразу пять снарядов, и танк загорелся. Как потом выяснилось, это по нас стреляла немецкая самоходка «Фердинанд».

Вытащили пулеметы и заняли круговую оборону. А когда к вечеру нас стали окружать, мы приняли решение отходить через ржаное поле. Я и оглянуться не успел, как мой экипаж скрылся в высокой ржи, а я остался последним с «наганом». Вы ведь знаете, что танкистам выдавали не «ТТ», а револьверы, потому что сквозь заглушку в башне, для того чтобы отстреливаться, можно было просунуть только ствол «нагана». Прихожу в село, а мой экипаж у костра уже чаи гоняет: «Молодцы, ребята, командира бросили». А на следующий день немцы отошли, и мы вытащили свои машины и отправили их в ремонт. Вот это мое самое первое крупное столкновение с немцами, а так в те дни мы постоянно ходили в разведку.

Вскоре меня перевели в 3-й батальон 89-й танковой бригады, причем я опять попал в разведвзвод. Нашей задачей было выяснить, где находятся передовые позиции немцев, поэтому мы шли впереди, а уже за нами вся бригада и другие части.

— Насколько хорошо видно из танка, тем более на ходу?

— Тут, конечно, нужен определенный навык, но если говорить совсем уж откровенно, из танка ни хрена не видно. Поэтому в разведке приходилось поступать так: открывал люк, становился на корточки на сиденье и смотрел в бинокль. Конечно, это было опасно, потому что можно было получить пулю в голову, и такие случаи бывали, но зато и видимость намного лучше. Помню, в одной разведке, где-то в Восточной Пруссии мой экипаж шел первым. Все нормально, и вдруг получаем удар в борт. Сразу скомандовал наводчику: «Орудие вправо. Огонь!» Одновременно командую механику-водителю: «Короткая!» Получаем второй удар, а затем и третий. И все-таки немецкое орудие мы успели уничтожить, но и наша машина задымилась.

Мы с экипажем бросились к фольварку, а взводный, увидев, что я дымлю, сразу подъехал под прикрытие этого фольварка и начал оттуда постреливать. Но потом мне говорит: «Пойдем к твоей машине, она не горит». — «Горит, Ваня, я же чувствую». Поползли к машине, и только скинули брезент с моторного отделения, как она сразу полыхнула… «Ну что, — говорю, — горит?»

— В каких случаях разрешалось покидать танк, и в каких

ситуациях нужно было продолжать вести огонь из него?

— Если машину подбивали, но она не горела и могла передвигаться, то оставались внутри. Но если двигаться уже не могли, то сразу покидали. Правда, в бою если что и могли отремонтировать собственными силами, то только гусеницы, а другое, что там исправишь?

В общем, общими усилиями подавили батарею, которая меня сожгла, а наших все нет. Оказалось, что они поняли, что в этом месте немецкий заслон, и пошли стороной. Дубовик мне говорит: «Надо выбираться». Его механика ранило, поэтому за рычаги сел я. Выскакиваю на скорости на отличное шоссе, но не могу развернуться, и перескочив на другую сторону, на приличной скорости пошли к своим. Но тут налетел немецкий самолет и начал нас обстреливать. Ваня мне командует: «Давай-ка в лесок». Я через ров и теряю обе гусеницы, хорошо, самолет улетел. Пока гусеницы натянули, только километров через десять догнали своих.

— Кстати, много танков потеряли от немецкой авиации?

— Не думаю. Я точно не знаю, но, по-моему, в нашей бригаде всего один танк самолеты подбили. Вот тяжелых самоходок боялись, потому что расстояние прямого выстрела у них было заметно больше и они нас к себе попросту не подпускали. Даже «Тигров» не так боялись, как этих «Фердинандов». И фаустпатронов тоже опасались, это штука опасная. В каком-то немецком городке мне засадили однажды метров с тридцати, наверное. Но повезло, только сорвало ленивец, гусеница спала, танк на месте крутанулся, и лишь радиста ранило осколками брони.

— В качестве защиты от фаустпатронов на броню не наваривали экраны, сетки, может быть, специально обкладывали танки каким-то грузом?

Нет, мы ничего подобного не делали. Вот вы спросили про авиацию, и я вдруг вспомнил, что однажды нам досталось от своих «илов». В прорыве под Кенигсбергом мы оторвались от всех частей фронта на 40 километров. И на марше налетели наши самолеты, видно, они подумали, что это немцы удирают, хотя наши успели подать им сигнал, и штурманули по нас. По-моему, одну машину все же подожгли, а экипаж погиб. Ну, ругались, конечно, а что сделаешь…

— А вам по своим не приходилось бить?

— А черт его знает, но вроде не было такого. Вот когда 9 мая

узнали о Победе, то все как начали стрелять из всех видов оружия, в том числе и из орудий, вот тогда были раненые и даже погибшие. Узнали ведь ночью, а во всей округе масса войск. И такая пошла стрельба, словами не передать… Там до самого утра был ад кромешный, ведь постоянно кто-то присоединялся. Помню, у каких-то пехотинцев на машине стояла счетверенная пулеметная установка, так когда они открыли огонь, такой стоял грохот…

Через какое-то время командир бригады приказал офицерам пойти по подразделениям и остановить стрельбу. Этих пехотинцев тоже остановили: «Стрельбу прекратить! Пулеметы зачехлить! Установку в парк!» Они сделали, но отъехали недалеко, расчехлили — и опять…

А потом из разных мест пошли сообщения, что есть раненые и погибшие, но об этом не пишут… Было горько и больно осознавать, что люди погибли уже после окончания войны…

— А вы сами как узнали о Победе?

— При штурме Кенигсберга наша бригада потеряла остатки техники, поэтому в ожидании новых машин нас отвели в Гумбинен. В ночь с 8 на 9 мая я был дежурным по батальону, и тут мне кричит наш радист: «Лейтенант, Победа!»

Забежал в комнату уцелевшего дома, в котором мы жили, у меня под кроватью лежал немецкий карабин, хватаю его. Меня спрашивают: «Ты что делаешь?» — «Победа!» Мой комбат Виктор Кожихин как был в кальсонах, только шинель накинул и приказал ординарцу: «Тащи ящик с патронами на улицу». Сел на улице и давай стрелять…

— В Восточной Пруссии были настолько тяжелые бои, что ваша бригада потеряла все танки?

— Когда в середине января 45-го мы пошли в наступление по Восточной Пруссии, то наш корпус был укомплектован по полной, но за 10 дней наступления до пригородов Кенигсберга у нас из 180 машин осталось всего 27 машин… Мы сильно оторвались от других передовых частей, и когда ворвались в пригороды Кенигсберга, то оказалось, что немцы нас совсем не ждали: в домах горел свет, музыка играет…

Потом нашей бригаде собрали еще с десяток машин со всего корпуса, и пошли на Пиллау. Хорошо тоже рванули, только возле Фишхаузена остановились. Говорили даже, что Черняховский спросил: «Куда эти бандиты бутковцы сунулись со своими остатками танков?» А я как раз сидел на рации на машине командира бригады, и когда Черняховский вышел на связь, то

попросил позвать к рации командира корпуса Буткова или нашего комбрига Соммера. Что он там им сказал, я не знаю, но мы получили команду возвращаться в Зидлунг.

А в самом Кенигсберге было три дня тяжелых боев. И дело даже не в уличных боях, а в том, что нам пришлось брать сильно укрепленную крепость. В этих боях мы шли как поддержка штурмовых групп пехоты, подавляли огневые точки. Из всего нашего корпуса танков оставалось фактически только на одну бригаду, и еще хорошо, что в марте нам в бригаду прислали танковую колонну «Лембиту» — 37 танков, построенных на добровольные пожертвования эстонского народа.

— Раз уж мы заговорили о потерях, то мне бы хотелось задать один из важнейших вопросов нашего проекта. Во время войны у вас было ощущение, что мы воюем с неоправданно высокими потерями, что людей у нас не берегут?

— На этот провокационный вопрос мне трудно ответить объективно. Посудите сами, когда кончилась война, мне еще не исполнилось и двадцати лет, и что я мог в этом вопросе знать и понимать, ведь, как простой командир танка, выше своего носа я мало что видел и знал. Поэтому как я могу давать оценку в этом вопросе? Я лишь могу сказать, что мы безотказно ходили в бой и воевали хорошо. Теряли боевых друзей, вон их сколько погибло… Но как я могу кого-то винить? Откуда я, совсем пацан еще, мог знать, правильно или неправильно действовали старшие командиры?! У меня что, были для этого необходимые опыт и знания? Я могу лишь судить о том, что лично видел. Да и имею ли я право кого-то судить?

Я видел лишь своих непосредственных командиров, и могу сказать, что это были такие же воины, как и мы. Командиры батальонов наравне с нами ходили в бой, а командир бригады Соммер иногда даже на «Виллисе» ходил в атаку. Но перед ними стояли поставленные задачи, которые нужно было выполнять быстро и четко.

И что бы я еще хотел добавить. Вот вы мне дали почитать интервью Иона Дегена, с которым мы, кстати, шли почти параллельно. Оба родились летом 25-го года, оба с Украины попали на Кавказ, а оттуда в Среднюю Азию. Только он окончил Чирчикское танковое училище, а я в Мары. Ему пришлось наступать в районе Витебска — Полоцка, и мне тоже. Он воевал в Литве и Восточной Пруссии, и я рядом. Его в части называли счастливчиком, и меня тоже. Вы посмотрите, сколько общего, но у нас почему-то совсем разное ощущение тех событий. В его интервью все мрачно, все плохо, все отступали, бежали. Все в

черных тонах, да еще и коммунистический режим… А ведь мы тогда и слов-то таких не знали. Но я убежден, что воспоминания надо писать как ВОСПОМИНАНИЯ, а не оценивать все с позиции сегодняшнего дня.

Да, в начале войны было много плохого, даже ужасного, но повального бегства не было, армия не бежала, а отступала. Молдавию, например, защищали почти месяц и отошли только по приказу. А разве не героически сражались пограничники, разве Брестская крепость не держалась? Ленинград не держался? Так где же повальное бегство? Но читаешь его интервью, и создается такое ощущение, как будто некому было защищать. Но кто-то же держал фронт? Если все бежали, то почему немцы не взяли Кавказ, Сталинград? А в его интервью все мрачно и черно…

А сотни тысяч, если не миллионы добровольцев — это что, все из-за страха перед коммунистическим режимом? Под страхом смерти? Около пятисот человек повторили подвиг Матросова, совершено около шестисот воздушных таранов, а сколько человек повторило подвиг Гастелло… Это что, все от страха перед Сталиным? Да, было много плохого и неприглядного, но я же не обобщаю. И лично у меня рука не поднимается давать оценку тех событий с позиций сегодняшнего дня, это очень опасно и, я убежден, принципиально неверно.

— Но вы, например, на фронте чувствовали себя смертником?

— Да вы что? Всего за все время пребывания на передовой я потерял семь танков: четыре было подбито и три сгорело. Например, только с января по апрель 45-го сменил пять машин, а экипажей поменял еще больше. Но я всегда думал о том, что останусь живым, почему-то у меня была такая твердая убежденность. Как доказательство этому могу привести строчки из стихотворения, которое мы в редчайшие минуты отдыха написали с Ваней Поповым в ноябре 44-го.

И когда отгремят канонады,
и настанут счастливые дни,
так же сидя с тобой у ограды,
вспомним те боевые дни.

Мы верили, что останемся живыми, и написали об этом. Хотя на войне у летчиков и танкистов очень тяжелая доля, если не самая тяжелая. Конечно, пехоты погибло миллионы, но в процентном отношении нас, танкистов и летчиков, больше. Мы ведь между собой наши танки иногда называли — БМ-5, т. е.

«братская могила пятерых»… Но о смерти мы как-то и не задумывались, лишь бы скорее в бой и закончить побыстрее эту войну…

Вот, кстати, что еще вспомнил. Совсем недавно смотрел передачу по телевидению, где один бывший танкист заявил, что головной танковый дозор — это смертники. Меня это прямо взорвало. Я возмущен, потому что это в корне неверно. Ведь лично я все время служил в разведке и остался жив. И не только я, но и мой взводный Ваня Дубовик все время воевал в разведке, правда, был легко ранен, но остался в части и не пошел в санбат. Володька Сергиевский только под Кенигсбергом, когда высунулся из люка, получил пулю, по касательной она задела висок, прошла под глазом, перебила нос, и он попал в госпиталь на долгих шесть месяцев. А Ваня Попов, а Лель Валуев, а Кутуз Валетов, которые тоже остались живы? Но если мы смертники, то кто же тогда воевал и побеждал? Нет, мы никогда не думали, что мы смертники и обязательно погибнем.

— Но вы на передовой чего-то больше всего боялись? Плена, например, или остаться калекой?

— Я не помню такого. У меня хоть и было несколько мелких ранений, царапин и легких контузий, но я даже в медсанбат не уходил и ранения почему-то не боялся. Думал, ранят так ранят. Дрожь в коленках отсутствовала, потому что был совсем молодой пацан. И у нас все в основном были такие. А насчет плена даже не задумывался, потому что не собирался попадать. Думал, что если окажусь в безвыходном положении, то, значит, «прощай мать-Россия»…

Не помню, чтобы меня хоть раз чувство страха сильно захлестнуло, и не помню, чтобы кто-то из наших ребят признался, что боится. Если поймал мандраж, то лучше в бой не ходить.

Хотя нет, все же был один случай, когда мне вдруг стало по-настоящему страшно. По-моему, это случилось во время очень тяжелых боев под Добеле, но может быть я и путаю. В одном из боев получилось так. Слева от нас находился склон, и я услышал, что как раз за ним начинается бой. Приказал механику продвинуться вперед, выстрелили со склона по немецкой батарее и опять спрятались за бугор. Еще раз выскочили и выстрелили, но, когда опять выехали, нам влепили сразу четыре или пять снарядов… Машина задымила, и мы, конечно, сразу начали выскакивать из танка, но я замешкался, никак не мог отсоединить шлемофон от рации. Но когда все-таки выскочил, то моего экипажа уже и след простыл. Вообще меня всегда поражало, что я выскакивал из танка позже всех.

Выскочил, спрятался под каток, жду, когда утихнет бой. А рядом с танком лежал убитый лейтенант — командир танкодесантников, и, как в таких случаях положено, я забрал у него документы. Но в том бою мы попали в окружение, из которого смогли выбраться только через несколько дней. Заняли круговую оборону и дня три отбивались от наседавших немцев. В тех боях из-за легкой контузии я перестал слышать, и, кстати, именно тогда мне единственный раз за всю войну пришлось стрелять из стрелкового оружия.

А когда все-таки вырвались из окружения и я вернулся в расположение батальона, а мне навстречу, как сейчас помню, идет Иван Дубовик и, чуть ли не заикаясь, спрашивает: «Ты живой?» — «А что со мной будет?» — «Так на тебя уже похоронку отправили»… Насколько я понял, что того убитого лейтенанта, который лежал у танка, приняли за меня и сообщили в штаб, что я погиб. И вот тут мне впервые за всю войну стало по-настоящему страшно. Я с ужасом представил, что будет с моей больной матерью, уже потерявшей во время эвакуации двух своих сыновей, если она получит извещение о моей смерти. Я испугался, что она просто не переживет эту весть, поэтому сразу сел и написал письмо родителям, что я жив-здоров, и четко поставил дату. И как потом оказалось, мое письмо и похоронка пришли домой с разницей в один день.

Вообще в нашем батальоне было три человека, которых называли «счастливчиками»: командир роты Николай Гордеев, Ваня Дубовик и я, потому что с тех пор, как мы пришли на фронт, уже несколько раз приходило пополнение, а нас даже серьезно не ранило.

— Как вы считаете, благодаря чему вы остались живы: везение, опыт?

— Наверное, все-таки благодаря опыту. Кто-то и подсказывал какие-то вещи, а что-то и сам начинал понимать.

— Говорят, на передовой люди чаще обращаются к Богу.

— Честно говоря, не помню. Может, про себя кто-то и что-то, но я не помню.

— Какие-то предчувствия, приметы у вас были? Может быть, обращали внимание на номера танков?

— Нет, это все глупости и предрассудки, у меня, да и, насколько знаю, у других, ничего такого не было. У меня были разные номера, я же часто менял машины, но помню, что на последней был 300-й номер, и надпись «Багратион». Просто как

один из исторических героев нашей страны, а вообще у нас чаще всего на танках писали «За Родину!».

— Вы упомянули о том, что потеряли семь танков.

— Да, за год моего пребывания на фронте у меня было подбито или сгорело семь машин. А экипажей я сменил еще больше. Например, в конце февраля в тяжелейших боях в Восточной Пруссии наш корпус понес большие потери. В те дни немецкие войска предприняли отчаянные попытки разблокировать окруженные в Кенигсберге и вокруг него части, и нам пришлось вести тяжелые оборонительные бои. Каждый день мы отбивали по 6–9, а однажды и 11(!) атак. И вот в тех боях меня подбивали на протяжении пяти дней подряд — один танк сгорел, а четыре было подбито.

Своим ходом или тягачом их вытягивали на нашу ПРБ (полевую ремонтную базу), и пока танк ремонтировали, меня сажали на другую машину с новым экипажем. Я сам, немного подраненный, оглушенный и с большим количеством ушибов все-таки оставался в строю, но за эти пять дней в моих экипажах погибли 13 человек, а шестеро были ранены…

И замполитех нашего корпуса, полковник Шпитанов, когда в очередной раз увидел меня на ПРБ, не выдержал: «Опять? Ах ты, сукин сын!» Он ходил с палочкой и, замахнувшись ею, бросился за мной, а я под машину. «Вылазь!» Я ползу к корме, он за мной. Я к середине, а он между катков просунул палку. Тут за меня вступился механик-водитель: «Ну, зацепило нас. А у нас еще и трофеи тильзитские есть». — «Вылазь!» Я когда ему это на послевоенной встрече рассказывал, он смеялся.

— Многие ветераны рассказывают, что бывали такие командиры, которые не гнушались приложить подчиненных кулаком или даже палкой.

— Ну, это же житейская ситуация. А я, кроме своей оплеухи, на фронте ни разу не видел, чтобы кого-то ударили, хотя я слышал, что даже некоторые командующие Фронтами себе такое позволяли.

— Что за оплеуха?

— В начале января 45-го в районе города Гумбиннен (ныне г. Гусев Калининградской области. — Прим. Н.Ч.) немцы нанесли сильный контрудар и прорвали нашу оборону, продвинувшись на 15–20 километров. В те дни у нас была передышка перед наступлением в Восточной Пруссии, но 4 января два наших батальона Виктора Кожихина и Александра Удовиченко подняли

по тревоге и поставили задачу — помочь восстановить положение. Пока выдвинулись к месту прорыва, уже наступила ночь, зимой ведь рано темнеет. Ничего не видно, куда двигаться дальше, непонятно.

И вдруг в темноте послышались отдельные звуки лязга гусениц, какой-то шум, одиночные выстрелы. А потом на расстоянии с полкилометра сверкнул красный стоп-сигнал. Мы сразу поняли, что это немцы, потому что на наших танках никаких стоп-сигналов не было, их или били, или сразу снимали. По этому стоп-сигналу тут же вдарили из нескольких орудий, и вспыхнувший танк осветил немецкую технику. Танки обоих батальонов тут же открыли прицельную стрельбу, а мы сами оставались в темноте невидимыми для немцев.

Утром посчитали — уничтожена 41 единица немецкой бронетехники, а у нас ни единой потери, не считая легкого ранения командира роты Бирагова, которого посекло осколками брони.

Но надо же было восстанавливать положение, и мы двинулись вперед. В этом преследовании мой экипаж уничтожил один танк и одну самоходку, а потом мне Кожихин говорит: «Твой взвод, — я тогда временно исполнял обязанности командира взвода, — будет у меня в резерве. И по моей команде ты по следам на снегу приедешь к нам».

Мы откатились за высотку. Рассвело, стоим, покуриваем. Вдруг шум моторов. Подходит 2-й батальон, а впереди на машине командир нашей бригады Соммер Андрей Иосифович. И дает мне команду: «Лейтенант, вон немецкий танк удирает. Уничтожь его». Я к прицелу: «Товарищ полковник, это наш». — «Какой наш?» Но оказалось, точно, наш. «Отставить».

А ребята в прибывшем батальоне были очень измучены и уже легли по машинам спать. Тогда Соммер дает мне приказ: «Вперед!» Я ему пытаюсь объяснить, что нахожусь в резерве и жду приказа своего комбата Кожихина, а ко 2-му батальону не имею никакого отношения». Но он мне как закатал оплеуху и даже вытащил «наган»: «Вперед!» Мои как увидели, что он достал «наган», так мигом завели машины. А куда ехать вперед, совсем непонятно… Но что делать, выдвинулись вперед метров на 500, а Соммер тем временем поднял 2-й батальон, и они за мной.

Там проходило отличное шоссе, и когда мы на него выбрались, то механик меня спрашивает: «Направо или налево?» А у меня даже карты не было этой местности, но я прикинул и говорю: «Налево». Мы двинулись, а механик даже обрадовался, что танк просто летит по этой дороге, и как втопил.

Проскочили километра два, наверное, и вдруг нас

останавливают три наши самоходки: «У вас снаряды есть?» — «Есть». — «Вон там удирают немцы, лупаните по ним, а то у нас снаряды закончились». Поднялись все три машины на взгорок, и там действительно удирали самоходка и еще какой-то танк. Быстро зажгли их и скатились. Больше никого не видно, что делать, непонятно, а 2-го батальона все не видно. Полчаса ждем, час, нет их. Наконец, шум моторов, едут все во главе с командиром бригады.

Оказалось, что они по этой дороге двинулись вправо, и пока он их догнал и развернул, прошло время. Соммер посмотрел по карте и говорит: «Для того чтобы восстановить положение, нам нужно взять вот эти три фольварка и закрепиться до прихода пехоты». Указал нам их и говорит: «Удовиченко, этот взвод временно придается тебе».

А Удовиченко хитрый жук. Своим ребятам определил взять два ближних фольварка, а приданному взводу поручил взять самый дальний. Я ему после войны на одной из встреч об этом напомнил, но он так на меня обиделся и не признавался: «Не было такого».

Я своим ребятам говорю: «Подумаешь, там всего километра полтора, мы их на скорости проскочим». Проскочили, правда, под обстрелом. Уже на выходе из того хутора заметили одну самоходку, подбили ее, и я из нее взял себе карту. Почему об этом так подробно рассказываю, потому что последовало продолжение.

А в тех краях постройки были такие: на восток стенки метровые, а на запад заметно тоньше. Расположились в этом фольварке, и тут мы услышали и увидели, что по нас открыла огонь «катюша». Успел дать команду рассредоточиться, но у нас ранило наводчика из второй машины. Часа через три вдруг начинается стрельба, оказалось, в нашу сторону прорывается «Виллис» командира бригады.

Я ему доложился, сказал, что задачу выполнили, подбили еще одну самоходку и добыли немецкую карту. Соммер на меня смотрит и говорит: «Сынок, — он нас сынками называл, — а это я не тебе по уху залепил?» — «Мне». — «Извини, погорячился. Вот тебе орден Красной Звезды, а приказ я потом оформлю. Спасибо!» Вот такой был эпизод.

— А сколько у вас всего наград и за что их вам вручили?

— Два ордена Красной Звезды, два Отечественной войны и медали «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». Про один орден я вам уже рассказал, а про другие даже не знаю, что и сказать. Как правило, нас вызывали в штаб бригады и

вручали, но при этом не говорили за что. По совокупности, наверное. Лично Андрей Иосифович Соммер вручал нам награды, уже стоял символически накрытый стол, но он сам уходил в свой кабинет: «Ребята, отмечайте без меня. Извините, много работы».

Конечно, награды вручались за что-то. Но иной раз я вспоминаю и сам удивляюсь, как это я смог за полгода получить четыре ордена. По какому такому блату, если я был вместе со всеми? Почему не другим, а именно мне? Почему не командиру взвода, а простому командиру танка? Разве я был чей-то любимчик? У меня у самого есть вопросы.

Но никогда никаких обид из-за наград у нас не было. Общее ощущение — меня наградили, я буду воевать еще лучше. Наградили моего товарища — я только рад за него. Может, кто-то и завидовал, встречаю такое иной раз в рассказах, но я не помню. Тот же Сергей Орлов очень верно написал о дружбе танкистов.

Ее начало — в танке тесном,
Где все делили пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.

Поверьте, у нас все были как родные. Фильм «На войне как на войне» смотрели? Вот младший лейтенант Малешкин — это моя копия. Такой же молодой и зеленый, такие же отношения в экипаже. И еще, кстати, про танкистов был очень хороший и правдивый фильм «Пятый удар», но его почему-то не показывают.

— А сколько всего на вашем счету подбитых танков?

— Вот даже в нашей корпусной газете «За Родину» написано, что на моем боевом счету 11 немецких танков, 7 пушек, 12 пулеметных точек и более 150 уничтоженных фашистов. На самом деле у меня, может, и больше уничтожено, но я этим вопросом никогда не занимался. Это там в штабе кто-то вел эти подсчеты, а нам было не до этого. Я лишь знаю, что учет велся очень строго, нужны были подтверждения свидетелей, но меня все эти показатели не интересовали. Вот, например, как у нас распределили 41 уничтоженную единицу немецкой бронетехники в том ночном бою, я до сих пор не знаю. Честно говоря, я даже свой первый подбитый танк не помню, как-то не заострял на таких моментах внимания. Да и какого-то особого обсуждения боев у нас не было. Да, я знал, что в нашем батальоне есть несколько Героев Советского Союза: Чугунов, Удовиченко, Малов и другие, но что-то я не помню, чтобы мы сравнивали, кто больше подбил.

— За подбитые танки не спорили?

— А чего спорить? Нет, я у нас такого раздрая не помню. Мы были сплоченные, как кулак. Что нам делить, если все вместе в бой ходили и жили в одной землянке?

— За уничтоженные танки платили дополнительные деньги?

— Что-то я не помню такого. Звездочки — да, рисовали на стволах пушек, а вот денег не платили.

— А стреляли как, с ходу или только с остановок?

— С коротких остановок. Даешь команду водителю: «Короткая», выстрел — и сразу вперед. А с ходу почти не стреляли, потому что на ходу из танка почти ничего не видишь. Поэтому у нас обычно была какая цель: ворваться на позиции и стрелять, давить, помогать наступающей пехоте.

— Ваше мнение о Т-34.

— Самая лучшая машина, в то время лучше не было. Главное, что пушку усилили. А на английские и американские танки мы просто боялись садиться. Нам в корпус их два раза прислали, но, видно, кто-то из командования отказался их получать. Я посидел в одном «Шермане»: там мягко и удобно, голову точно не расшибешь, но воевать — нет.

Еще мне пришлось видеть в бою ИС-2. Их прислали к нам под Ригу для испытания в бою. Целый месяц они участвовали в боях и ни одной машины не потеряли. Но все-таки мне наша тридцатьчетверка нравилась больше. Если бы меня посадили на тяжелый танк, то, может, я бы и его полюбил, тут просто нужно до ниточки его освоить. Но я вам должен сказать, что в принципе все это мы приобретали на практике. Все-таки теория это одно, а практика совершенно другое. Например, в училище основной упор в обучении делался на том, чтобы досконально изучить технику и уметь самим устранить неисправность, а вот массу других необходимых в бою вещей мы уже приобретали на фронте.

И я вам скажу, что в немецких танках ничего особенного не было. Например, у хваленых «Тигров» броня только спереди мощнейшая, а пушка такая же, как у нас. У меня, кстати, на счету есть один «Тигр». Вот «Фердинанд» — это да. Этого зверя мы, честно говорю, боялись. Потому что по мощности своего орудия он нас значительно опережал, мы его просто не доставали. Но у нас тяжелые самоходки были не хуже. Не особо, конечно, поворотливые и маневренные, но зато, если били, так били.

Правда, однажды у меня на глазах взорвалась СУ-152. Наскочила на фугас, боезапас сдетонировал, страшное дело…

У нас ведь на Т-34–76 снаряды при прямом попадании тоже детонировали, и именно поэтому погибло много экипажей. А вот на Т-34–85 уже нет, там снаряды были совершенно другие.

— Можете выделить какие-то недостатки у Т-34?

— Гусеницы, ленивец. Чуть ли ни при любом попадании снаряда или болванки его сбивало. Боковая броня тоже не особенно. Рация нормальная, лучше, чем У Т-34–76. Коробка передач тоже нормальная, у меня с ней ни разу никаких проблем не было.

— Многие бывшие танкисты отмечают не очень удачную конструкцию люка у командира танка.

— Это да, это я могу подтвердить. Именно поэтому я в бою люк и не закрывал на защелки, потому что раненый точно не откроешь. Ведь фактически двумя руками нужно было делать двойное действие, а попробуй в бою, когда нужно в секунду это сделать. Поэтому у нас ребята сшибали эти защелки и люки не запирали. Нас спрашивали: «А если вы попадете в окружение и возникнет угроза попадания в плен?» Но это «если».

И вот именно из-за этой конструкции люка мой экипаж покидал танк быстрее меня. Я, когда давал команду «К машине», пока сам вылезу, они уже все стоят. И я все удивлялся, как же так. Ладно, у заряжающего и механика-водителя свои люки, но ведь у стрелка-радиста его не было. И как успевал выскакивать раньше меня командир орудия? Кстати, нижним люком за все время на фронте мы ни разу не пользовались.

Покидание танка постоянно отрабатывали на отдыхе: «В машину», «К машине». До автоматизма. Помню, как-то выскакиваю, а ребята на меня ошарашенно смотрят. У меня, оказывается, осколками ватные штаны были изорваны между ног. Снял их, но форменные оказались целыми.

Вот еще, что вспомнил и хочу сказать. Если почитать некоторые интервью с вашего сайта, то получается, что наша тридцатьчетверка — плохой танк. Что орудия немецких тяжелых танков прошивали его насквозь. Но я за все время на фронте не помню ни одной пробоины в лобовую броню. Кусок вырывало, но не пробивало. Куда угодно пробивали, в борт, в корму — это постоянно, но не в лоб. Повторяю, ни одного случая.

Помню, когда рвались к Кенигсбергу, наш батальон шел походной колонной по шоссе. С одной стороны склон, с другой болотистая низина, и вдруг нарвались на засаду. Немецкие

орудия с бугра подбили у нас первую и последнюю машины, но мы стали рассыпаться и отстреливаться. Я скатился вправо, и тут меня прошило насквозь, но все остались живы. Вот что значит с близкого расстояния… Тогда из десяти машин мы, кажется, потеряли четыре. А когда взяли немецкие позиции, то оказалось, что артиллеристы были прикованы к пушкам…

Но и мы немцев тоже старались подпускать как можно ближе, метров на пятьсот, а ведь это совсем немного. В страшных боях под Шяуляем я даже на 300 метров подпускал. Риск, конечно, есть, но ты же не один. К тому же с малой дистанции гораздо больше шансов попасть. За все время на фронте мне раза два или три приходилось стрелять из засады, а вот встречного танкового боя не было ни разу.

— Расскажите, пожалуйста, об этих боях под Шяуляем.

— Да что там рассказывать, тем более один эпизод довольно правдиво описан в заметке обо мне в нашей корпусной газете. Нашему взводу поставили задачу прикрыть танкоопасное направление и не допустить опасной контратаки. Удачно подобрали место для засады. Мой танк стоял за стогом сена метрах в четырехстах от других. И когда пошли немецкие танки, то мы их подпустили на минимальную дистанцию и открыли огонь. С двух выстрелов удалось поджечь головной танк, а второй тут же повернул назад. Сразу же поменяли позицию, и через какое-то время появились три немецких танка. Опять подпустили их метров на пятьсот, и я подбил одного, а двух других остальные наши экипажи. Снова сменили позицию, и когда немцы попытались в третий раз атаковать, мне удалось подбить еще один танк. Вот и все.

— Вы упомянули, что на вашем счету есть и «Тигр».

— В одном из боев в Восточной Пруссии мой танк получил попадание из пушки, но я успел засечь ее. Сразу скомандовал: «Короткая!», и с третьего снаряда мы эту пушку накрыли. Заехали в какой-то фольварк, а там, почти примыкая друг к другу, под прямым углом стояли два строения. Мы заехали прямо в этот угол, но почти сразу же получили снарядом по броневому колпаку. Правда, вскользь. И как потом оказалось, это был «Тигр». Началась артиллерийская дуэль. То он выстрелит, то я, причем мой механик постоянно маневрировал, отъедет-подъедет. Получаю еще один удар — в крюк, возле механика, за который цепляют трос. Механику-водителю оторвало руку, он от боли аж выскочил из танка. И с третьего или четвертого выстрела я все-таки его достал, но одновременно с фланга получил удар со

стороны двигателя, как потом оказалось — «Федя». Тут подлетел Дубовик, подошла какая-то самоходка, но она попала под «Фердинанда» и взорвалась у нас на глазах… Подошли и другие наши, завязалась перестрелка, и когда немцы поняли, что бригада пошла стороной, то тоже отошли, и бой затих.

— Насколько бережно относились к танку?

— Буквально облизывали свои машины, потому что понимали, что от их состояния зависят и наши жизни.

— Насколько строго соблюдалась иерархия в экипаже? Участвовали ли вы в работах наравне со всеми, не было ли проблемы панибратства.

— Экипаж был как одна семья. Я вам говорю, Малешкин из фильма — это точно про меня. Но хоть я и был младше всех, проблемы панибратства не было, и в работах я участвовал наравне со всеми. Ко мне обращались или «командир», или «лейтенант». Даже Маратом редко называли, и то только офицеры. Вот своего первого механика-водителя я звал Серафим Васильевич, а других ребят в основном по именам. Ведь в танковой роте всего 50 человек, поэтому все друг друга хорошо знали.

Наверное, поэтому у нас и не было ни одного проявления трусости. Все-таки у нас, в отличие от пехоты, люди находятся в экипаже, а когда все вместе, то даже самые страшные моменты переносятся значительно легче.

— Что вы испытывали, когда приходилось давить врагов гусеницами?

— Конечно, нам приходилось прямо врезаться в колонны отступающих немцев и, не разбирая, давить все подряд, но такое случалось редко и никаких переживаний не вызывало. Какие там переживания, если нас все время подгоняли: «Вперед! Вперед!»

— В своих интервью нашему сайту некоторые бывшие танкисты признаются, что когда не было возможности отправить в тыл захваченных в плен немцев, то они их просто давили…

— У нас ничего подобного не было. Если брали немцев в плен, то мы их не трогали, а просто сдавали в тыл. Например, мой экипаж как-то накрыл целую группу. Однажды в разведке в каком-то селе, в одной хате мы захватили в плен четверых или пятерых власовцев. Но я даже не помню, чтобы их били, сразу сдали в штаб. Наш старшина как-то под Минском взял в плен

немецкого офицера и тоже не тронул его.

Когда нам было давить пленных немцев, если мы стремительно продвигались вперед? Чаще всего у нас не было времени даже просто выйти из машины, чтобы что-то взять себе. Просто некогда было, не успевали. А вы говорите, давили. У меня, например, даже самых простых трофейных часов не было, потому что мне вполне хватало танковых. А когда останавливались, то самое главное — привести в порядок машину, это прежде всего. И если с танком случались какие-то проблемы, то всем членам экипажа приходилось помогать механику-водителю, потому что ему одному никак не справиться. Например, если какая-то проблема появлялась в двигателе, то, чтобы до него добраться, приходилось выгружать весь боезапас, а ведь мы старались брать по два БК. И только после обслуживания машины мы могли уже и поесть, и свои законные сто граммов выпить.

— Но вот вы лично, что чувствовали к немцам на фронте?

— Честно скажу, какой-то озлобленности или запредельной ненависти я к ним не испытывал. В бою да, злость была, азарт. Но никаких особых зверств лично я не видел, поэтому и особой ненависти не чувствовал. Идут пленные, и ладно.

Когда в конце января 45-го во время наступления мы оторвались от ближайших частей на сорок километров и ворвались в пригороды Кенигсберга, в Зидлунг, что ли, то немцы сидели у себя по домам. Свет горит, радио играет, правда, чемоданы уже собраны. И хоть одного мы взяли в оборот? Нет. Сидите себе и сидите. Придут наши, и, кому положено, разберутся.

— Как вы можете оценить немцев как солдат?

— Вояки. Но мы лучше. Хотя что я, 19-летний мальчишка, мог особенно понимать и анализировать в то время? Для меня главными были два правила: «Люби свой экипаж, и тогда ребята тебя хоть из огня вытащат». И «Бей врага!». А что еще?

— Раз вы затронули тему трофеев, то мне бы хотелось спросить, было ли у вас что-нибудь? И правда ли, что многие офицеры, особенно старшие, злоупотребляли в «трофейном вопросе»?

— У нас не было трофеев, потому что мы не брали пленных. Мы сразу уходили вперед, а с ними разбиралась пехота. Я вам говорю, что из вещей у меня не было совсем ничего, даже часов, поэтому и посылок домой не посылал. Вот оружие — да, почти у

всех были трофейные пистолеты, ножи. А барахла не помню. Даже не могу назвать никого из наших, кто бы хоть что-то привез. Я же у многих бывал в гостях и видел, кто как живет, и поверьте, никто не шиковал. Уже после войны я активно участвовал в работе ветеранской организации нашего корпуса, поэтому мне пришлось плотно общаться и бывать в гостях у командира нашей бригады Соммера и комкора Буткова, но и у них я тоже ничего такого не видел.

Вот продукты брали. Помню, захватили одну станцию, а там три эшелона и полные склады, в которых чего только не было. Вот там мы загрузились. Но это случилось только потому, что мы первые туда ворвались и как раз нам устроили передышку.

— Вы часто вспоминаете вашего командира бригады Соммера, а вот командира корпуса Буткова на фронте приходилось видеть?

— Василий Васильевич был очень суровый и боевой командир. Он такие вещи там выделывал. Однажды я на него нарвался. Как-то раз мой взвод охранял штаб корпуса где-то на побережье Балтийского моря. И там в бою у меня ранило наводчика, не помню уже как его звали. Отправил его в госпиталь, а часа через три он возвращается: «Меня не приняли». — «Как не приняли? А ну садись на машину». Приехали в санбат. Длинный коридор, и по нему идет группа военных, все в комбинезонах. Меня пытались остановить: «Стой, там командир корпуса», но я только отмахнулся и чуть ли не матом: «Какой, к черту, командир корпуса?»

Он оборачивается и ко мне. Высокий. Тут я, конечно, мандраж дал: «Вот доставил раненого танкиста, которого не хотят принимать». — «Как не принимают? Сейчас примут». Я ему на одной из послевоенных встреч напомнил этот эпизод, но он его не вспомнил.

И про обоих я могу сказать только хорошее. Мне еще особенно запомнилось, что Андрей Иосифович Соммер, который был из обрусевших немцев, в 1-ю мировую воевал в Восточной Пруссии как раз в тех местах, где мы наступали в 45-м. Я с ним потом до самой его смерти переписывался.

Но я с ними почему часто общался и встречался? Потому что Буткова выбрали председателем совета ветеранов нашего корпуса, а меня его заместителем по поиску и связям с ветеранами. Я, кстати, до сих пор поддерживаю связь с сыном Василия Васильевича, который нам очень много помогал и помогает.

— На фронте у вас были друзья? Например, чью смерть вы переживали наиболее остро?

— У меня со всеми были хорошие отношения, но самый близкий друг — Володя Сергиевский, с которым мы еще в ФЗУ учились, а потом служили в одном взводе. С командиром взвода Ванькой Дубовиком тоже сложились хорошие отношения. Милый человек был и наш помпотех Сашка Бажанов.

Но я за всех погибших переживал, не только за близких мне людей. Хотя, конечно, за Сашку Стребкова и за Кольку Кривца особенно — это ведь мои друзья. Но понимаете, какая вещь. Во время боев для плотного общения у нас просто не оставалось времени, а после боев мы были заняты служебными делами. И только после войны, когда появилось свободное время, вот тут уже пошла настоящая дружба. У Сергиевского знал всю семью, у Дубовика и Бажанова тоже. И переписывались, и встречались.

— Хотелось бы задать пару «бытовых» вопросов. Как коротали свободное время?

— А его и не было. Фактически свободное время у нас появлялось только тогда, когда мы оставались без машин. А так в редчайшие свободные минуты мы отсыпались, писали письма, играли в карты, песни распевали, а с Поповым даже несколько стихотворений написали. Пару раз, не на передовой, конечно, устроили для нас концерты. Где-то перед штурмом Кенигсберга сама Русланова к нам приезжала выступать, мне понравилось. Как-то в Пруссии даже кинопередвижку привозили.

Но и мы сами однажды устроили немцам концерт. В ночь на 1 января 45-го мы собрались встречать Новый год. Хорошо сидели, в тепле, но нас вдруг подняли прямо из-за стола, и вперед. Дали по немцам 15-минутный салют и вернулись обратно.

— Как кормили на фронте?

— Никогда не жаловались. Хотя случалось, что и за кониной ползали на нейтральную полосу. Все понимали, что в боях не всегда можно было вовремя подвезти еду.

А в училище мы очень любили такое блюдо — мелко режется требуха и с луком все это тушится в большом котле. Такая получалась вкуснятина, что прямо бежали на кухню.

— Вши сильно заедали?

— Вшей я у нас не помню, даже не знал, что это такое.

— Свою «наркомовскую» норму употребляли?

— Я выпивал. Если не ошибаюсь, водку нам выдавали

постоянно только зимой и во время боевых действий. Но до боя мы никогда не пили, и в бой пьяным я ни разу не ходил, потому что под этим делом совсем другие ощущения. После боя да, выпивали, особенно если бой успешный, а до нет. И пьяных я у нас не видел, потому что выдавали всего по 100 граммов, а у нас самих спиртного и не было, только уже в Восточной Пруссии стали появляться какие-то трофеи, а так нет. Откуда нам было его взять? Вот наши технари могли себе, наверное, позволить, а самих танкистов пьяными я не видел ни разу. Нет, каких-то эксцессов из-за спиртного я не помню. И отравлений техническим спиртом у нас тоже не было.

Да и только попробуй у меня напейся. Я вам еще раз повторяю: пока танк не приведешь в порядок, от него никуда. И в мирное время тоже по полдня в парке с машинами возились, чтобы в любое время можно было мгновенно собраться — и вперед. Что в авиации, что у нас — техника прежде всего! Но если у летчиков на каждый самолет есть техники, то у нас нет, только один помпотех на всю роту.

Еще что вспомнил. В последнее время в фильмах о войне дана весьма однозначная характеристика особистам: не воевали, следили, расстреливали, пили, бабами занимались, но это же чушь собачья. На мой взгляд, сейчас больше разговоров об этом, чем было на самом деле. Да, может, кто-то и пьянствовал, но я, например, ни разу такого не видел.

Я, конечно, могу говорить только за себя. Поверьте, у нас никто и никогда не лютовал, показательных расстрелов я не видел ни разу, и вообще за все время на фронте я с особистами хоть и был знаком, но почти и не общался. Например, был такой эпизод.

Когда в январе 45-го мы готовились к наступлению в Восточной Пруссии, на моем танке вдруг потек мотор. И это после длительной стоянки, после того, как мы свою машину постоянно, что называется, облизывали. Встали, тут же немедленно подскочила «летучка», и с ними приехал особист. Начали разбираться, и оказалось, что на валу есть маленькая трещина — заводской брак. Особист сразу и смотался. За ночь поменяли двигатель, и я быстро догнал своих. А сейчас все пишут или снимают: чуть что — сразу расстреливали или в штрафбат отправляли. Чушь полная! Я не помню, чтобы у нас в бригаде хоть кого-то отправили в штрафбат. Мы штрафников и не видели. За весь год на передовой нас только перед одним боем предупредили, что впереди нас стоят штрафники. Но мы сразу ушли вперед, а они остались позади.

Был еще один случай, по-моему, в Прибалтике, а может и в

Пруссии. Проезжая в одном месте, мы увидели метрах в пятистах от дороги группу людей и что они чего-то там копошатся. И только потом нам сказали, что это два наших солдата насиловали женщину, и за это их прямо там же на месте и расстреляли… Хотя лично я считаю, что это все-таки неоправданно жестоко.

Или вот у Сашки Моторина был случай. Как-то его отправили в разведку, но он нарвался на плотную оборону и вернулся. Так кто-то, не помню уже кто, может, комбат Кожихин Виктор кричал и угрожал ему оружием, почему он вернулся. А Сашка ответил: «А вы идите и посмотрите, мог я там дальше продвигаться или нет».

Так что, на мой взгляд, в новых книгах и фильмах о войне столько грязи и клеветы вылито на командиров и особистов. По этим «произведениям» создается такое впечатление, что наша армия сверху донизу была заражена предательством, ворами, трусами и негодяями. Но ведь тогда встает законный вопрос: как же мы тогда победили? Видимо, у этих «авторов» стоит задача показать, что при советской власти все было плохо.

Или вот еще вспомнил случай. Как-то мы везли десантников, и когда они спрыгивали, их командир получил ранение в руку из своего же ППШ. Сразу появился особист и начинает разбираться: «Самострел», и надо его арестовывать». Но мы-то знали, что такое ППШ, и я особисту сказал: «Возьми у него автомат, прыгать с танка не нужно, но стукни прикладом о землю». Тот так и сделал, и произошел выстрел. «Вот и лейтенант, когда прыгал с танка и неудачно ударил прикладом о землю». И тот ему сразу отдал автомат и отправил на перевязку. Вот и все мои отношения с особистами.

Понимаете, танковые части — это обособленные, относительно малочисленные подразделения, и я не знаю, кем нужно быть, чтобы откровенно противопоставлять себя коллективу. Мало того, у нас однажды произошел трагический случай, по которому вы сами сможете многое понять.

Как-то в палатке отдыхали два экипажа, и один из заряжающих, по-моему Богданов, чистил у нас в ногах пистолет своего командира экипажа. Почистил, смазал, начал пробовать «щелк, щелк», и тут раздался выстрел. Он попал в своего друга, который лежал рядом со мной, и тот на следующий день умер… Но его не тронули, и он остался воевать дольше, потому что все понимали, что это нелепая трагическая случайность…

Это точно так же, как однажды еще до войны произошло с моим отцом. У нас была смежная комната, а за дверью в другой комнате стояла кровать, на которой сидели две мои сестры и брат. Отец за столом чистил свой «наган», а я как раз сидел рядом с ним. Вдруг раздался выстрел, и пуля пролетела между голов

моих сестер. Конечно, он страшно перепугался, но он никак не мог понять, откуда в барабане взялся патрон, если он его только что чистил?

— Подобные несчастные случаи часто бывали?

— Со мной однажды произошел очень неприятный случай. Как-то после боя кто чистил оружие, кто занимался танком, кто что. Два танка стояли рядом, только на моем пушка была повернута назад. Расстояние между машинами было метров пять, я стоял спиной к своей и разговаривал с механиком-водителем. Вдруг крик: «Лейтенант!» Я поворачиваюсь, а на меня ползет машина. Меня прихватило за одежду и начало поднимать, прижимая к открытому люку механика-водителя. И меня бы точно раздавило, но спасло только то, что гусеница попала прямо на гусеницу, машина заглохла и скатилась. Просто передача была включена, а когда Паша задел стартер, то растерялся.

— С особистами понятно. А какие отношения были с политработниками?

— По сути дела, я с ними и не сталкивался. Парторг роты? Это был один из наших офицеров — младший лейтенант Савушкин, который, кстати, и написал обо мне статью в корпусную газету. Парторг батальона Шинкаренко был хороший мужик. Но вообще мало ли среди народа людей? И все ведь разные, как в институте, на заводе, так и в армии. Но у нас не было ни одного гнилого человека. Ни одного! У нас все радовались успехам других. Подбил танк, получил награду? Слава тебе!

— А вы сами когда вступили в партию и как, например, сейчас относитесь к Сталину?

— Я в партии с 46-го года и до сих пор остаюсь коммунистом. И к Сталину сейчас отношусь так же, как относилось к нему подавляющее большинство населения нашей страны. А то, что сейчас про него пишут и рассказывают… Нужно отдать ему должное, вряд ли мы без него победили бы в войне. Точно вам говорю. И ни в коем случае нельзя забывать, что, несмотря на все трудности, сколько всего при нем было сделано: индустриализация, коллективизация, качественный скачок в науке, образовании, медицине. Да, карточная система сохранялась до конца 1934 года, но после того, как ее отменили, мы с каждым годом чувствовали, что жить становится все лучше и лучше.

А репрессии и жестокость? Лично меня это не коснулось, и в

целом для народа и до нас конкретно это не доходило. Конечно, обида есть у тех, кого это коснулось, И это понятно. Все, как и сейчас. Но таких людей на моей памяти было мало. Но у кого нет недостатков? И кто я такой, чтобы с позиций сегодняшнего дня судить Сталина? Но вы бы видели, как скорбел буквально весь народ, когда он умер. Вы думаете, что народ ничего не понимает и не может оценить своего руководителя? Нет, люди все прекрасно понимают. Тем большим шоком стали для нас разоблачения на XX съезде КПСС. Мы с отцом только после войны стали обсуждать какие-то темы и вести откровенные беседы. И вот он после этого съезда кое-что в отношении Сталина пересмотрел, по некоторым вопросам мы с ним сильно спорили, но все равно оставался убежденным коммунистом.

— Кто-то еще из ваших родных воевал?

— Я потом посчитал, из всей нашей родни: по роду матери, отца и жены, у нас на фронте было восемнадцать человек. Первым под Москвой погиб дядя Сережа — брат моей матери. Дядя Володя вернулся с войны, но вскоре умер. Дядя Костя, как и я, воевал танкистом и вернулся живым. А мамина сестра Варвара в 42-м пропала без вести, и до сих пор непонятно, что с ней случилось и какова ее судьба.

А моего деда по отцу Василия Трифоновича, который жил в Белоруссии в Рудне, за отказ предоставить подводу немцы расстреляли… Со стороны жены погибли двое. И, конечно, я не забываю, что в тяжелейших условиях эвакуации умерли два моих младших брата.

— Как сложилась ваша послевоенная жизнь?

— После взятия Кенигсберга мы находились в Гумбиннене, ремонтировали оставшиеся танки и готовились к отправке на Дальний Восток. Первый эшелон даже успели загрузить и отправить, но пришла команда, и его вернули обратно.

Вскоре после окончания войны я попросился в отпуск, но вместо него меня назначили на «тепленькое» местечко. Там какая стояла задача. В Восточной Пруссии очень много немцев сбежало на Запад, поэтому часть брошенных ими хозяйств в качестве подсобных распределили между воинскими частями. Всем приказали засеять земли сельхозкультурами и строго за этим следили. И вот меня назначили старшим в наше подсобное хозяйство, а оно было немаленькое: фольварк, 150 коров, 15 лошадей, около 40 свиней, поля, засеянные картошкой, пшеницей, рожью, капустой, свеклой, морковкой. Мне в помощь выделили семь старослужащих из бывших крестьян. Но хорошо,

что остался управляющий этим имением. Сам хозяин и все работники сбежали, а управляющий остался. Причем он немного понимал по-русски и начал меня обучать. К тому же мне в помощь прислали 150 немок разного возраста, которые ждали отправки в Германию. Вот тут мне с немцами пришлось много общаться. Помню, управляющий мне сделал замечание: «Слушай, лейтенант. Они коров не выдаивают до конца». — «Что делать?» — «Научись сам, чтобы их контролировать». — «Научи». И он меня научил. Я стал лично ходить с ними на первую дойку, садился к корове, после того как ее подоили, и смотрю — точно, граммов по 150–200 с каждой они не додаивают. Я на них как начал по-немецки ругаться: «Доннер веттер нох айн маль», немки аж перепугались: «Герр лейтенант, вы лучше по-русски». Оказалось, что это самое страшное немецкое ругательство, а в переводе вроде все безобидно: «Плохая погода еще раз»… Это еще когда в 1-м классе учился, мы жили в Поволжской республике немцев, и я там у них научился этому ругательству. В общем, шесть месяцев я пробыл в этом хозяйстве, и чему я там только не научился за это время. Какая каторга, что вы. Боев нет, живешь на лоне природы, занимаешься полезным делом. И ничего, справлялись.

А потом я там еще фактически украл пятнадцать наших девчонок, из числа угнанных в Германию. Они работали в соседнем подсобном хозяйстве у летчиков, но были чем-то недовольны, и я им предложил: «Поедем к нам». И ночью увез их оттуда, за что мой коллега, конечно, здорово обиделся на меня. Эти девушки были в основном из Центральной России: рязанские, брянские, воронежские, но они, по-моему, все повыходили замуж за солдат и так и остались жить в Пруссии. И, кстати, многие из моих сослуживцев, около ста человек, тоже остались жить в Калининградской области.

— Наверное, вольготно вам жилось в женском коллективе?

— Нет, у меня ни с немками, ни с нашими ничего не было, потому что я еще на фронте начал переписывался сразу с пятью девушками, одна из которых потом стала моей женой.

— Если можно, расскажите, пожалуйста, об этом.

— В 1944 году началась кампания — многие советские газеты публиковали номера полевых почт, чтобы гражданские люди переписывались с фронтовиками. И два моих члена экипажа Ведищев и Капишников, у которого родители жили в Оренбурге, написали письмо в «Оренбургскую правду»: «Мы танкисты, хотим

переписываться с девушками». А уже через месяц им целыми стопками стали приходить письма, в основном от школьниц, девушек, женщин и даже пенсионерок, причем некоторые были с фотографиями. Мы читали эти письма всем экипажем, потому что в них сквозила огромная признательность фронтовикам и самые теплые слова и пожелания. А у меня ведь родители в то время тоже жили в Оренбурге, и я у ребят попросил несколько писем, на что получил благосклонный ответ: «Лейтенант, выбирай любые». В общем, так я начал и долго переписывался с четырьмя девушками из Оренбурга и одной из Уральска.

Со своей будущей женой, Ниной Дробны, я начал переписываться, когда она еще училась в 9-м классе, а в 1945 году решил провести разведку. Написал Нине, что «давно не получал от своих писем. Может быть, вы зайдете к ним и узнаете в чем дело». И она с подругами зашла. Познакомилась с мамой, младшим братом и сестренкой. И когда я в 46-м приехал в отпуск, то меня брат спросил: «А почему ты не идешь к той девушке, которая к нам заходила». — «Даже не знаю». И решился пойти к ней только в самом конце отпуска, а брат меня как конвоир сопровождал до самой квартиры, чтобы я не передумал. Поднялся к ним, а ее мама Клавдия Африкановна ответила: «А Нина сейчас уже должна подойти». Сидим час, нет ее. Приходит ее сестренка Надя, познакомились, и она убежала на улицу. И потом выяснилось, что она побежала навстречу сестре и предупредила ее: «Нина, кто к нам приехал». А я же ее не предупреждал, что приеду и зайду в гости, поэтому она засмущалась и пошла к подруге. Но потом решила, что я ушел, пришла, и мы наконец-то познакомились.

В 47-м я уже не мог к ней приехать, к тому же мои родные переехали в Подмосковье в Монино. А в 48-м я ей пообещал, что приеду. Меня мои встречают: «Где твой чемодан?» — «Я еду дальше», и поехал к ней. Где-то полмесяца гуляли, а в 49-м отца перевели в Кишинев. Когда она узнала, что я должен летом приехать в Кишинев, бросила практику и приехала в Москву. Повстречались и пообещали ждать. В 50-м она должна была окончить медицинский институт и написала мне: «Распределение в этом году такое: Сибирь, Дальний Восток и Арктика. Центральной России нет», и так многозначительно добавила: «Кто вдаль уедет, скажи: любви конец». Я пошел к декану факультета и попросил отпуск, ведь тогда для выезда из Молдавии требовалось специальное разрешение. Декан отпуск мне дал, но предостерег: «Не женись». 28 января я приехал в Оренбург, 29-го пошел в ЗАГС подать заявление, а мне говорят: «Нужно ждать три месяца». — «Не могу, я студент, у меня каникулы только до 7 февраля». И

тогда мне пошли навстречу: «Приходите 4 февраля». И вот так мы 56 лет вместе с ней прожили до самой ее смерти. Воспитали дочку и сына, есть внуки.

— А вас, кстати, не должны были отправить на Парад Победы?

— Могли, но мне не хватило двух сантиметров роста, у меня было 176. Вот Героев могли взять и пониже. Так, например, Ваню Чугунова взяли, он пониже меня был. По-моему, от нашего корпуса поехали семь Героев во главе с Бутковым. Зато я участвовал от Молдавии в параде на 50-летие Победы.

— Как сложилась ваша послевоенная жизнь?

— Я демобилизовался в октябре 48-го. Мог и хотел служить дальше, даже готовился поступать в академию, но из-за язвы желудка меня комиссовали. Приехал к родителям в Монино и начал думать, чем заниматься дальше. Подумывал поступить в юридический институт, но для этого надо было окончить среднюю школу, а я даже в 9-м классе не доучился. Пришлось напрячься и за полгода окончить 9-й и 10-й классы.

В это время отца перевели в Кишинев, а тут находился филиал всесоюзного заочного юридического института. Правда, когда мы приехали, экзамены уже закончились, но к нам в гости приехали из Бельц наши друзья-соседи еще по Энгельсу, и в разговоре они мне посоветовали поступить в университет.

Прихожу с документами, но председатель приемной комиссии Тотров, он был то ли осетин, то ли лезгин, мне отказал: «Вы опоздали, ректор уже ушел. Приходите завтра». На следующий день та же самая история. А на третий день я надел все свои награды, и он как увидел у меня медаль «За взятие Кенигсберга», заволновался и спросил: «Ты брал Кенигсберг?» — «Да». — «А деревню Зеерапен не помнишь?» — «Помню, конечно. У нас там в конце марта были очень тяжелые бои». — «А меня там ранило». И тут же мне говорит: «Сегодня сдаешь три экзамена и еще три завтра». Вот так я поступил на историко-филологический факультет.

После окончания института меня назначили лаборантом кафедры философии, но уже через месяц вызвали на бюро в горком партии и говорят: «Есть предложение принять вас на должность инструктора в горком. Какие есть соображения?» А до этого по этому поводу со мной уже проводили беседы, но я всякий раз отказывался. Тяну руку: «Сиди, твое мнение мы знаем». Два года проработал в горкоме, а в 56-м Хрущев решил сократить партийный аппарат, и меня порекомендовали на

должность секретаря парторганизации «Горремстройтреста». Проработал там пару месяцев, но потом случайно встретил ректора нашего университета Виктора Сергеевича Чепурнова. Просто во время учебы в университете мы с ним почти ежедневно встречались, потому что я был секретарем комитета комсомола университета, председателем профкома, членом партбюро. Мы разговорились, и он мне предложил работу на кафедре истории КПСС. И с тех пор я 38 лет проработал на кафедрах истории Кишиневского университета и педагогического института. Окончил аспирантуру. В 62-м в Одессе защитил кандидатскую диссертацию. Доцент. В 1985 году мне было присвоено почетное звание «Заслуженного работника высшей школы МССР», и, кроме того, я «Отличник народного образования СССР».

И все это время я активно занимался ветеранским движением, участвовал в организации встреч. Поддерживал связь более чем с 650 ветеранами нашего корпусу, а сейчас нас осталось всего двенадцать…

Но самое страшное, что сейчас нас перестали допускать к молодежи, поэтому они и не могут ответить на самые простые вопросы, а это обидно. Создается такое впечатление, что кому-то очень выгодно замазать чертой краской нашу великую Победу, да и вообще все семьдесят лет из жизни нашего народа, и именно поэтому исторические факты намеренно искажаются и передергиваются. Становится страшно от того, что молодежи активно навязывают западные идеалы, и при этом она почти не знает свою историю, а ведь без памяти о прошлом не будет любви к своей Родине…

Матусов Григорий Исаакович

В мае 1941 года я пришел в свой военкомат города Артемовска и поинтересовался, почему меня так долго не забирают в армию, большинство моих сверстников 1922 г.р. уже призваны, а я до сих пор остаюсь гражданским. Я же был активным комсомольцем, работал с 14 лет, и мне, как патриоту Советской Родины, было стыдно не служить в РККА. И через пару дней пришла повестка на призыв — 17/5/1941.

Мать устроила у нас дома небольшие проводы, пришли мои товарищи: Вася Большаков, Гриша Чудный и Петя Лященко, другие ребята, а на станции меня провожали мать с отцом. Призывников разместили по вагонам, мы простились с родными, и поезд тронулся в путь, оставляя позади Донбасс. В моем отделении вагона оказалось два Николая, и по их разговорам я быстро понял, что оба они призваны в армию сразу после освобождения из мест заключения. Старшему Николаю лет тридцать, фамилия его была Буслаев, но по национальности он был татарином, а второй «уркаган» был помоложе. На каждой остановке они выбегали на перрон, возвращались с бутылками, и всю дорогу пили водку и безбожно матерились, проклиная тех, кто «забрил» их в армию. Через пару дней пути мы увидели вдали белые пески, и «старший» Николай с верхней полки, увидев вдали «белую землю», сказал, что нас везут в Сибирь, и начал ругаться со своим младшим тезкой, мол, как это? В Сибири они уже сидели и снова туда их везут? — он не согласен.

Я молча слушал их перебранку, мне было все равно, где придется служить. Выгрузили нас в городе Ново-Хоперск Воронежской области и строем повели в часть. Навстречу едет подвода с солдатом. Мы кричим ему: «Ноги подыми!», он поднял одну ногу, мы увидели на ней кирзовый сапог и обрадовались, что с обмотками мучиться нам не придется. Но пришли в часть, нас переодели в красноармейское обмундирование, выдали армейские ботинки и… обмотки, которые мы назвали «гусеницами». Свои «гражданские» вещи нам приказали сложить в вещмешки и чемоданы и сдать. Нас сводили в баню, остригли наголо. Ботинки мне достались на три размера больше, других не было, и я к тому же слишком туго намотал обмотки, но от ощущения гордости, что я наконец-то в рядах Красной Армии, у меня все оттаяло в душе. Выяснилось, что мы попали в новый формируемый артиллерийский полк на конной тяге, часть № 1894, и вскоре нам приказали построиться. К нам вышел командир полка, невысокого роста шустрый майор, и приказал:

«Сапожники, повара и портные, два шага вперед!» Оба Николая стали ругаться, кому из них «выходить в повара», и «старший» Николай просто вытолкнул вперед из строя своего «младшего товарища». На призыв майора отозвался еще ряд новобранцев, а нас, «не обладавших блатными специальностями», повели в большой пакгауз, где находились наши казармы. Стояли рядами раскладушки с постельными принадлежностями. Мы разместились, и так началась моя служба. Незадолго до моего призыва из армии демобилизовался мой старший брат Лева, который советовал по прибытии в часть сразу написать заявление с просьбой о направлении в военное училище, но сказал: «Примут в училище или нет, это вопрос, но пока суд да дело, это займет время службы», и на второй день я подал просьбу о направлении меня в танковую командирскую школу. И пока ждал ответа, «впрягся в армейскую лямку». Направляют на дежурство по конюшне, а я в этом деле мало что понимал, я ведь был городской парень. Один сержант мне приказывает «Сделай это!», другой «Сделай то!», распоряжение, отменяющее первое, и я решил вообще ничего не выполнять, за что сразу схлопотал внеочередные наряды, и, находясь при конюшне, давал лошадям сено, водил их на водопой на протекающую в песках небольшую речушку Хопер. Меня определили во взвод управления дивизиона, комсоргом которого был немец по фамилии Майер. Люди в формируемый полк прибывали постепенно, было много новобранцев с западных областей, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах, они плохо говорили по-русски, а в начале июня к нам привезли «приписников», взрослых семейных мужиков, призванных из запаса. Один из них, бравый тамбовский дядя, лет 40 от роду, стал командиром нашего отделения. Начались полевые занятия, мы уходили в поле со стереотрубой, шли мимо железной дороги и видели, как по ней, часто на открытых платформах, везут на восток семьи «гражданских», и бойцы-приписники говорили нам, молодым, что это ссылают в Сибирь «бессарабцев» и «прочих западников».

Дисциплину в полку старались поддерживать на уровне, я как-то шел по дороге в санчасть, увидел, что мне навстречу движется какой-то командир, моментально отдал ему честь и пошел дальше. Вдруг скрип тормозов, рядом на дороге останавливается легковая «эмка», и мне сидящий в ней военный приказывает: «Боец, быстро позови сюда этого командира!» Я подбежал к нему: «Товарищ лейтенант, вас зовут!» Подходим с ним вместе к легковушке, оба откозыряли, а внутри машины сидит большой начальник с двумя «ромбами» в петлицах. Начальник стал ругать этого лейтенанта: «Почему вы не отдали

честь красноармейцу?! Он вам честь отдал, почему вы не откозыряли в ответ?! Я все видел. Вам Устав напомнить?» Мне приказали следовать в часть, а начальник продолжал распекать командира.

Но вот пример другого характера. Как-то меня позвал Николай Буслаев пойти с ним в столовую, «навестить» второго Николая. Вообще-то кормили нас в полку неважно, давали простую армейскую еду и черный хлеб без ограничения. Буслаев часто ходил выпивший, и в тот день был «под мухой», и когда мы показались в столовой, то он стал орать на кухоный наряд, на поваров и проклинать маршала Тимошенко, заставившего его после отсидки на нарах служить в армии, и «младший» Николай сразу достал ему из борща, из общего котла, большой кусок вареного мяса.

И все молчали, никто не хотел связываться с зэками.

Нас вооружили десятизарядными винтовками «СВТ», выдали каски и сабли (до сих пор помню номер на своем клинке — № 200), подсумки для патронов и вещмешки.

22 июня я с Майером повел лошадей на водопой к реке. Вдруг мы услышали сигнал тревоги. Майер сразу сказал: «Война!», и я спросил: «С кем?» — «С немцами».

Мне это показалось странным, ведь как это так, у нас же с ними Договор о ненападении подписан. Погнали коней обратно к себе, ездовые впрягали лошадей в орудийные упряжки, по четыре лошади на каждое наше 76-мм орудие. Командир отделения сказал нам: «Мы фашистов на третий день в пух и прах разобьем!» Накрапывал мелкий дождь. Весь полк вышел из части, но, пройдя километров пять, был объявлен «Отбой тревоге». Через два дня все повторилось: тревога, выход полка из района дислоцирования, ночной марш по степи и снова приказ вернуться.

И тут выстраивают наш дивизион, выходит к нам начальник штаба: «Кто подавал заявления в военные училища? Выйти из строя! Остальные — кругом!» Вышло человек двенадцать, нас отдельно построили и привели в штаб полка. Здесь выдали предписание прибыть в город Орджоникидзеград Брянской области, назначили старшего нашей команды. Мы простились с товарищами по артполку, пошли строем на станцию, сели в поезд и через два дня прибыли в маленький городок, который и не на каждой карте разыщешь. Недалеко от реки Десна в двух больших 4-этажных зданиях разместилось военно-пехотное училище. Если подняться на возвышенность за рекой, то оттуда был виден сам город Брянск, к нему шла шоссейная дорога и вел мост через реку. За мостом в 4–5 километрах находилось стрельбище

училища. Наша группа из 12 человек стала сдавать экзамены, но прошли их только два человека, остальных отправили в какую-то часть. Я удивился, ведь до войны успел закончить всего шесть классов, но экзамены сдал, видно сильно хотел попасть в училище. Наш курсантский набор заново обмундировали, мы получали фуражки с красной пехотной окантовкой, всем выдали самозарядки «СВТ», кирзовые сапоги, пехотные ранцы, по два подсумка, саперную лопатку, каждый получил противогаз с противоипритным плащом из промасленной бумаги и алюминиевую флягу. Касок не было. В казарме в комнатах стояли двухъярусные кровати, на каждую комнатку — одно отделение. Командиром нашего курсантского взвода был назначен недавно закончивший это училище лейтенант Володарчик, молодой светло-русый парень с интеллигентным «польским» лицом Весь наш набор состоял из кореных русаков, хороших здоровых ребят из Тамбова, Рязани, Брянска, Унечи, Белгорода, Орла, и взаимоотношения между курсантами были нормальными, по-настоящему товарищескими.

Мы приступили к учебе, но вскоре наше пехотное училище поменяло свой профиль и было переименовано в автомотоучилище имени Сталина.

Почти каждый день происходили немецкие авианалеты на брянские аэродромы, над нашими головами появлялись немецкие двухмоторные бомбардировщики, в небе их встречали наши истребители «И-15» и «И-16», завязывались воздушные схватки.

Когда случались ночные налеты, то из разных мест предатели-сигнальщики ракетами направляли немецких летчиков на цель — место дислокации нашего училища, сигнальщиков-корректировщиков было много, стреляли с разных сторон, и мы поражались — откуда столько предателей? По ночам мы дежурили на крыше с пулеметами Дегтярева или нас посылали в оцепление, вылавливать «ракетчиков»-сигнальщиков.

Что в самом деле происходит на фронте, мы не знали и не понимали. Нам приказали вырыть окопы полного профиля по берегу Десны, и ночью мы в полном боевом снаряжении там находились, «дремля вполглаза». Окопы в песке, стенки обваливались, и мы рубили молодую лозу, плели из нее «маты» и укрепляли ими стенки траншей.

И конечно, мы несли патрульную службу по городу.

Как-то идем мы в патруле, мимо нас проходит колонна крупноствольной артиллерии, 152-мм гаубицы на тракторной тяге, и в этот момент к нам подходит женщина и говорит, что видела на углу мужчину в черном кожаном пальто, который, смотря на проходящую технику, что-то записывает в блокнот. Мы

подошли к нему, потребовали документы, и он достал из кармана пальто удостоверение майора НКВД.

Несмотря на тревожную обстановку, нас несколько раз выводили на стрельбище, мы учились стрелять из «Максима», а вскоре был совершен марш-бросок с полной боевой выкладкой до Карачева. Мы считали, что это учебный марш, но все обернулось иначе. За 4 дня мы прошли свыше 200 километров, многие сбили подошвы в кровь, и некоторые просто плакали от боли, но я терпел, хоть и еле ходил. Дошли до какой-то ж/д станции, разместили по домам, где спать пришлось на полу, укрываясь шинелями, и после короткого отдыха нас стали гонять на строевую подготовку. Через какое-то время на станцию подогнали четырехосные «пульмановские» вагоны, нас загрузили, по взводу на каждый вагон, и приехали мы… в город Острогожск Воронежской области. Вышли из вагонов, построились в колонну, прошли по городу, поразившему нас обилием церквей, и оказались на окраине, в старых кавалерийских казармах, где и расположились. Снова началась муштра на строевой подготовке, нашего лейтенанта Володарчика хлебом не корми, только дай нас помуштровать, ох, как он обожал над нами поизмываться. В этом Острогожске мы только и делали, что занимались с утра до вечера строевой подготовкой, уже вовсю шла война, а мы все… «выше ногу, четче поворот». На улицу выйдешь, навстречу идет раненый боец, так мы не знали, куда глаза от стыда спрятать. Страна сражается, а мы маршируем в тылу. Седьмого ноября 1941 года мы приняли присягу.

Я подружился с курсантом Жакаем Асилбековым, казахом по национальности, старше меня лет на двадцать. Когда нам разрешался выход в город, то мы всегда вместе с ним ходили в увольнительную, знакомились с девушками. Жакай был умным человеком, очень смуглый, невысокого роста, коренастый, широкоскулый, почти «без шеи», он очень плохо поддавался этой курсантской муштре, и на строевой подготовке его гоняли больше всех. Мы стали с ним настоящими друзьями. До войны Жакай работал вторым секретарем Кустанайского или Тургайского горкома партии, заместителем по промышленности. Он мне рассказывал, что у казахов есть три главных рода, «жуза», что-то вроде касты, и в каждый род входят множество племен. Роды, с его слов, делятся на род воинов, простого народа и черни. Так Жакай говорил, что он принадлежит к роду воинов, и когда он убьет первого фашиста, то по старинному обычаю вырежет из груди врага сердце, слижет его кровь с клинка и станет бессмертным. Самое смешное, что он искренне в это верил, и я над ним подшучивал по этому поводу При знакомстве с русскими

девушками он называл себя Женей, и когда во взводе об этом узнали и стали над ним подшучивать, мол, «Женя, как дела», то Асилбеков сразу свирепел, бросался чуть ли не в драку: «Я не Женя, я Жахай!» В конце сорок первого года нас снова погрузили в вагоны и повезли куда-то на восток. Ехали долго, несколько недель, и выгрузились на станции Абакан, в Сибири. Колонна курсантов училища совершила марш 30 километров, пройдя мост через Енисей, и мы оказались в старинном купеческом городке Минусинске, где нас ожидали пустые каменные казармы, служившие когда-то кавалеристам. И опять — только строевая подготовка…

Мы страшно замерзали, зима сорок второго года выдалась очень холодной, да и казармы наши отапливались «с пятого на десятое», а нам выдали тонкие байковые одеяла, которые почти не согревали. Мы ухитрялись ночью, когда помкомвзвода заснет, укрываться еще и шинелями, но помкомвзвода, старшина (укрывавшийся вообще только одной простынею, видимо сам из сибиряков), специально просыпался ночью и проверял, кто укрыт еще и шинелью — это строго запрещалось. Помкомвзвода поднимал нарушителя, выводил его в сапогах и нижнем белье на улицу на лютый мороз и гонял его там минут двадцать. И этот помкомвзвода так замутил насмерть нашего курсанта Киселева, который заболел и умер от пневмонии в нашей санчасти. Старшина, узнав о смерти Киселева, «захандрил» и сам ушел в санчасть. Но нам хватало и издевательств Володарчика, пытавшегося показать училищному начальству, какой он «лихой командир». Ведет нас на обед, командует: «Запевай», а мы, злые до крайности на этого «шкуру» — взводного, шепчем запевале: «Не вздумай». Володарчик: «Кругом, бегом!»

И гоняет нас по площадке, пока запевала не затянет «Школу красных командиров». Володарчик требовал еще песен, в столовую мы опаздывали, и приходилось быстро, «на бегу» съедать нашу похлебку с бараньими яйцами, два ломтика положенного нам черного хлеба и компот. Когда успевали поесть, а иногда, уже через минуту после захода в столовую, раздавалась команда: «Выходи строиться!»

За всю зиму нас только раз вывели на стрельбище, и один раз был проведен марш на 60 километров, в село Шушенское, где Ленин в ссылке куковал. По дороге, прямо в снегу отрабатывалась тактика встречного боя. Весной появились преподаватели и начались занятия в классах по автоделу. Нам стало полегче, нас меньше третировали. Сначала мы изучали матчасть машины «ГАЗ-2А», но самих машин не было, а позже в училище стала прибывать автотехника, нам провели один урок вождения, рядом

сидел инструктор и крыл нас матом, я понял, что это из зависти, что он простой солдат, а мы будущие командиры. Начались занятия по топографии, нам давали компас и маршрут движения в небольшом лесу, и нередко бывало, что мой товарищ, степняк Асилбеков, и еще несколько курсантов просто где-то затерялись в тайге, и нам приходилось их искать. Потом привезли мотоцикл «АМ-600» с ременной передачей, сделали для нас первый урок вождения. Пригнали для нашего обучения броневик «Б-10», и как-то у штаба мы увидели мотоцикл «М-72», про который говорили, что немцы перед войной продали нам лицензию на выпуск этих мотоциклов. Я в свободное время часто залезал в башню броневика, разворачивал ее и вздыхал с тоской, ведь я всегда хотел стать танкистом. И тут мне повезло.

Сказали, что вышел приказ Сталина, и по нему два курсантских батальона нашего училища, примерно 800 человек (уже готовящихся к сдаче выпускных экзаменов на командирское звание и должность командира транспортных взводов, в том числе и я), были отправлены в танковое училище. Нам не сказали, куда мы отправляемся, погрузили в товарняк, и через несколько недель мы прибыли в Чирчик, где находилось в эвакуации Харьковское танковое училище имени Сталина. Повели за город, где за речкой стояли два четырехэтажных здания, рядом двухэтажное «техническое» здание, а возле него расположился танковый парк, на территории которого стояли различные танки, в основном Т-34, но были и БТ-7 и Т-26. Нам объявили, что ровно через полтора месяца мы станем командирами танков Т-34 и будем выпущены на фронт. Я был очень рад, что попал в танкисты, но мне не верилось, что за 45 дней из нас успеют подготовить танковых командиров. Не было никакой муштры или занятий в классах, мы усиленно изучали свою технику в танковом парке, проводились занятия по тактике танкового боя и по топографии. Начались даже стрельбы, мы выпустили по мишеням потри снаряда. На этих стрельбах один наш курсантский экипаж в процессе отработки стрельбы с ходу повернул пушку на 90 градусов и пальнул все три снаряда по территории летного училища, расположенного от нас в трех километрах. За это курсанты удостоились кличек: «Эй, ты, чуть-чуть правее!» Оказывается, во время стрельбы один из двух курсантов, находившихся в башне танка, заряжающий, сказал другому, стреляющему: «Эй, ты, чуть-чуть правее стреляй». Происходили и менее курьезные ЧП. Один курсант, закрывая люк башни, случайно отрубил себе люком фаланги на четырех пальцах правой руки.

Другому, нашему помкомвзвода, отдачей танкового орудия

при откате лафета свернуло скулу. Меня и еще одного курсанта послали в окопы, где находились расставленные мишени, приказали осмотреть их, но оказалось, что один курсантский экипаж еще не закончил стрельбу и все три снаряда выпустил прямо по окопу в котором мы находились. Но все обошлось… В самом Разгаре была битва под Сталинградом, с фронта приходили плохие вести, и мы надеялись, что успеем принять участие в боях на Волге, но выпуск из училища состоялся только в январе 1943 года. Тем, кто сдал выпускные экзамены на «отлично», присвоили звания «лейтенантов», остальным — «младших лейтенантов».

Мы получили командирские удостоверения и почувствовали себя свободными людьми, ходили по городу не строем, а кто как хотел. Нам приказали отправиться в Нижний Тагил, для получения техники на танковый завод. Отправляли группами по 30 офицеров через Ташкент. В Тагиле из нас сформировали маршевые танковые роты, за каждым закрепили танк Т-34, заканчивающий сборку на конвейере. Мы находились в цеху и помогали рабочим. На «личном» танке поехали на стрельбище, находившееся в пяти километрах от завода, выстрелили два снаряда, что-то отрегулировали в прицеле пушки, вернулись к заводу и танк поставили на его территории. Офицеры ждали экипажи, жили мы в казармах, кормили нас прескверно, два раза в день давали какую-то похлебку из проса и по кусочку хлеба, твердого, как железо, так некоторые из нас стали менять свою шинель на буханку хлеба, оставаясь только в ватниках. Я к голоду привык с детства, так что шинель менять на еду не стал. Вскоре нам выделили экипажи, прибывшие из сержантской танковой школы. Мне достался механик-водитель, старшина, чуваш Торгов, хороший мужик, и два сержанта, фамилий которых я уже не помню. Мы загнали свои Т-34 на платформы, с двух сторон под гусеницы подложили шпалы, забили скобы и к бортам платформы прикрутили толстую проволоку. Рядом с моим танком встал танк Жакая Асилбекова. Ехали на фронт быстро, на каждой крупной станции к составу немедля подавали сменные паровозы. Доехал наш маршевый эшелон до станции Касторная, там мы разгрузились, совершили марш 20 километров, и в районе деревушки Мелковатка вырыли танковые окопы и встали в ожидании дальнейших приказов. Командирам танков разрешили разместиться в ближайших домах. Пошли с Жакаем искать ночлег, надеясь, что нас примут, скажут «проходите, садитесь, гости дорогие», и покормят. Ведь всю дорогу мы питались одной «болтушкой», на каждый экипаж давали только 400 граммов темной муки, сварим «болтушку» из нее, живот полный, а душа

голодная. Зашли в одну из хат, попросились переночевать, а там молодая хозяйка говорит: «Проходите. Я вам соломы принесу, можете на полу поспать». Постелили солому, мы легли, накрылись шинелями, я разговорился с хозяйкой, беседовали долго, и тут хозяйка мне говорит: «Все равно вас всех немцы перебьют. Вам с ними не справиться. У нас немец-офицер на постое долго находился, культурный и образованный человек, таких не победите. Ты, лейтенант, на мужа моего погибшего сильно похож, оставайся у меня в примаках, а то убьют тебя». А я тогда даже не знал, что означает слово «примак». Хозяйка растолковала, что это значит, и я ей ответил: «Я комсомолец и еврей, от фронта прятаться не собираюсь». Утром хозяйка накрыла стол: масло, яйца, сметана, парное молоко — словом, все то, что мы почти два года в глаза не видали. На прощание хозяйка нам дала небольшой мешок с хлебом. Пошли к своим танкам, закопанным в капонирах, а там уже идет передача танков — прибыли «безлошадные» танкисты и забирают наши машины. Мою машину вместе с экипажем «принял» младший лейтенант с орденом на гимнастерке. Мы с голодным экипажем разделили хлеб. Команда: «По машинам». Прошли километров 40–50 на запад, но я уже не командовал, все распоряжения отдавал тот младший лейтенант, которому я передал танковые часы. Потом нас, офицеров, прибывших с маршевой танковой ротой, построили и всех, 30 человек, отправили пешком в штаб Степного фронта, где мы получали назначения по частям.

Больше я не видел своего друга Жакая Асилбекова…

Меня и еще нескольких офицеров-танкистов неожиданно отправили со старшим команды за назначением в Москву, где в Лефортово, в Бронетанковой академии находился офицерский полк резерва БТ и МВ. Мы удивились: «С фронта в Москву?» Неужели не было вакансий на месте? Но когда прибыли в Лефортово, то увидели, что там таких, как мы, больше 500 человек, ожидающих дальнейшего распределения по частям. Среди них увидел своего товарища по курсантской роте Николая, у которого на другом фронте тоже отобрали танк, а его «отфутболили в столицу». Поселились в казармах, кормежка два раза в день, да такая скудная, что мы ходили голодные и злые. С десяти часов вечера мы были обязаны находиться в казармах. Бродили по Лефортовскому парку, иногда ночью подавались в самоволки в еще находившуюся на осадном положении Москву. Вскоре в штаб резерва вызвали меня и еще двоих офицеров и приказали отправиться за танками на Челябинский танковый завод. Дали нужные документы: предписания и продовольственный аттестат. Старшим нашей тройки назначили

лейтенанта из «запасников», пожилого, немного горбатого мужика, лет 40–45, родом из Тамбовской области. Мужиком он был битым и хитрым, провел больше года под оккупацией, то ли не успел призваться в Красную Армию и немцы пришли, то ли в окружении «осел в примаках» — я так и не понял. Всю дорогу он неутомимо рассказывал разные смешные истории, то как он влюбился и за одной красавицей-недотрогой долго ухаживал, а когда добился близости, так сразу «триппер поймал», то еще чего-нибудь забавное. Тамбовский лейтенант «химичил» в дороге с нашими продовольственными аттестатами, и весь путь у нас было что выпить и чем закусить. Вторым моим попутчиком оказался лейтенант Володя Чуйков, тридцатилетний блондин, хороший парень, призванный в армию из Махачкалы. Часть пути мы добирались на товарняках, прибыли в Челябинск, пришли к военному коменданту, и нас направили в здание школы № 38, где происходила формировка маршевых танковых рот. На Челябинском заводе выпускали танки Т-34, весом 32 тонны, с лобовой броней до 60 мм, танки были оснащены рациями. Башни литые, с двумя люками и командирской башенкой с семью триплексами для кругового обзора. Получили свои танки, прибыли экипажи из ЗАПа. Здесь, в Челябинске, у меня случился первый приступ малярии, меня всего трясло от высокой температуры. Врачи решили положить меня в госпиталь, но я был такой «настырный дурак» и отказался, нам ведь на следующий день было предписано грузиться с танками на платформы и отбыть на фронт. Врачи требовали, чтобы я назвал свою фамилию и лег на лечение в госпиталь, они отказывались дать мне хинин в порошках, который тогда был единственным лекарством от малярии. С трудом вернулся к экипажу, который, накрывшись шинелями, спал на боеукладке. Уже по дороге на фронт на каждой крупной станции я ходил в медицинский армейский пункт и выпрашивал порошки, пил их, и за несколько дней малярия прошла. По пути к фронту офицеры по очереди дежурили на паровозе, и как-то, когда была моя очередь, я находился рядом с машинистами, вместе с сержантом, радистом-пулеметчиком из другого экипажа. Подъехали к станции Красногвардейская. И тут прибегает на паровоз этот сержант и говорит, что мой экипаж весь лежит мертвым! Пошли мы с ним к платформе, залезли на нее, а на расстеленном брезенте лежат три скрюченных трупа. Рядом остатки еды, видно, завтракали, и бутылка спирта, четвертая часть которого оставлена этому сержанту… Насмерть отравились…

Я доложил старшему эшелона, капитану, и он приказал сдать трупы так нелепо умерших танкистов коменданту станции. За

тысячу километров до фронта они простились с жизнью… Комендант выдал расписку и сказал, что танкистов похоронят как должно. Прибыли на фронт, и нас разгрузили в так называемых Тесницких лагерях, и опять меня с группой из 25 офицеров отправили в штаб фронта, где находился танковый резерв. Опять мы остались «безлошадными», без своих Т-34. Через несколько дней в резерв заявились «покупатели». Спрашивали, кто желает воевать на Т-34, и я записался у какого-то капитана, который пообещал, что возьмет меня к себе в бригаду командиром танка — тридцатьчетверки. Нас, человек двадцать, привезли в Ясную Поляну, где стоял штаб 69-й механизированной бригады и ее 53-й танковый полк. В штабе записали наши данные, повели в музей графа Толстого, который был разграблен и захламлен немцами. Потом капитан мне сказал: «Я командир танковой роты, пошли со мной, познакомлю тебя с экипажем». Мы пошли к железнодорожной линии, на которой стоял эшелон танков.

Я залез на платформу, и тут раздался гудок паровоза, капитан куда-то побежал и исчез. Смотрю, а на платформах стоят английские танки «Валентайн», которые мы в училище не изучали. Там нам показывали на плакатах только силуэты немецких танков, а ленд-лизовскую технику мы не знали совсем. С экипажем познакомился прямо возле танка. Механик-водитель танка старшина Мыкола Васильев. Заряжающий Чистяков. Он залез в танк и вытащил оттуда книгу в синем переплете: описание танка МЛ-2-7 на русском языке. Я сел на платформу и стал ее читать: танк «Валентайн», вес 18 тонн, пушка калибра 75 мм, спаренная с бельгийским пулеметом «Браунинг». Боекомплект: 60 снарядов, пулеметных лент — 15, по 250 патронов в каждой. Пулемет зенитный «Брен» с пятью дисками по 100 патронов. Дымовой курковый миномет 50 мм, и к нему 18 дымовых мин, два огнетушителя. Броня 60 мм, масимальная скорость танка 32 км/час, двигатель 160 л/с, горючее — газойль, как и у Т-34, бак на 160 литров топлива.

На танке было много ящиков с боеприпасами, накрытых брезентом.

Танкисты звали этот танк по-своему: «Валентина». Механик Мыкола, видно, был «тертым калачом», казался человеком многоопытным, старше меня лет на восемь-десять, но как механик-водитель он был совсем никудышным, а на передовой Мыкола показал свое истинное лицо — труса и последнего гада. Но ни он, ни заряжающий раньше, как и я, на фронте не были, так что в этом вопросе мы были все равны.

Мыкола, здоровый мужик высокого роста, был из донских казаков, но, видимо, жил на Украине и говорил со мной по-

украински, и как-то он приволок в мешке какую-то розового цвета соль, видно, что удобрения. На остановках мы меняли эту соль на еду, и у нас в рационе даже появилась курятина. Наш эшелон шел по Украине, и я узнал, что наша бригада входит в состав 3-й танковой армии генерала Рыбалко.

Вечером выгрузились, ко мне подошел лейтенант и сказал: «Я твой командир взвода, моя фамилия Ребров. Твой танк будет на марше замыкающим в колонне, запиши маршрут движения». Ребров назвал мне деревни, через которые предстояло проехать, сказал, что фары при движении не включать, и тот, кто зажжет фары, сразу пойдет под трибунал. Двинулись по маршруту. А уже стояла ночь, да такая темная, что хоть глаз выколи. Говорю механику: «Машину не гони», сам сел на правое крыло, сержант на левое, нам дорогу лучше видно, чем механику-водителю, мы его движение регулируем по просвету дороги. Вдруг Васильев останавливает танк: «Я мотор перегрел!» Мы постояли немного, но за это время колонна ушла вперед, мы от нее отстали.

Спрашиваю механика: «Ты дорогу видишь?» — «Мне абсолютно ничего не видно!» — «Тогда не гони танк, мы на крыльях сидим и тоже ни черта не видим».

В небе появился просвет, и где-то в стороне, далеко от дороги мы увидели огни, похожие на свет в окнах. Старшина сходил к этим хатам, узнал, какое это село и что за деревня впереди, и мы сверились с нашим записанным маршрутом. Подъехали к переезду, но путь закрыт, на 2–3 километра все забито железнодорожными вагонами. Видно, как самолеты немцев бомбят станцию, мы остановились и стали ждать. Сзади подъезжает танк, на нем наш командир полка с картой в руке, спрашивает: «Чей танк?» — «Вашего полка, товарищ полковник. Командир танка младший лейтенант Матусов». — «Почему стоите?» — «Переезд закрыт, а станцию непрерывно бомбят». Мы ведь уже второй час стояли у железнодорожных путей, а комполка, видно, сделал с другими танками большой круг и только сейчас вышел к дороге. Он приказал: «Через полчаса подойдет колонна полка, пристраивайтесь к своей роте». Подошел полк, я с танком опять был последним в колонне. Добрались до леса неподалеку, уже стало совсем светло. Здесь нас дозаправили, дали поесть. Когда стемнело, полк снова начал движение. Я говорю своему механику-водителю: «Ты только танк не гони, мотор запорешь». Ехали до рассвета по грунтовой дороге, спрашивая в придорожных деревнях, правильно ли мы едем. На рассвете догнали свою колонну, впереди был какой-то мост, а на него положили крупные бревна, и танки по очереди стали переезжать на другую сторону. Слышу, как наш начальник штаба

майор Мороз кричит мне: «Давай машину на мост». Пошел рядом станком. Я говорю Васильеву, чтобы не наезжал со всего маху на бревна и за рычаги не хватался, а ехал медленно, а он все сделал наоборот. Заскочил на мост на скорости, бревна стали расходиться, и одно из них чуть меня не задело, я успел отскочить от моста. А Васильев, гадина, танк то влево, то вправо разворачивает, а потом и вовсе заглушил мотор, оставив машину посередине моста. Майор Мороз стал психовать: «Дезертир! Пристрелю!», кричит мне: «Дай ему ломом по башке!» Ору Васильеву: «Вылезай!» Он выбрался, весь в поту, гимнастерка на спине вся мокрая. Подошел другой танкист, старшина, залез в танк и плавно вывел его с моста. Вскоре вся колонна прошла через мост, было совсем светло, моросил дождь. Полк снова укрылся в какой-то роще, нас опять заправили горючим. Сержант принес завтрак: гороховая каша с тремя кусочками мяса. Хлеба не было, его не выдавали уже несколько дней. В танке был НЗ: шматок сала, две горстки сахара и несколько черных сухарей, но мы этот НЗ съели еще по пути следования. Снова ждали сумерек, и в кромешной темноте наш замыкающий танк опять отстал от основной колонны. Мы с заряжающим сидели на крыльях и почти ничего не видели в этой темени. Вдруг я заметил слева перила моста… и мы вместе с настилом падаем на бок. Я успел ухватиться за пушку, но лицом ударился о башню, почувствовал кровь во рту. Кричу Васильеву: «Мотор заглуши!» Смотрю, танк лежит в канаве под мостом, но нам повезло, в канаве не было воды. Несколько ящиков с боеприпасам слетели на землю, доски настила валялись в метре от танка. Дождь не переставал. Васильев говорит: «Мост кто-то точно подпилил». И тут сзади появляется танк комполка. Я доложил командиру, что мост был подпилен и поэтому машина слетела с него. Командир полка приказал взять его «Шерман» и поставить мой танк на гусеницы, а сам пошел в сторону хат, видневшихся неподалеку. Двумя тросами, моим и с «Шермана», мы подцепили «Валентайн», потянули и поставили танк на гусеницы. Когда цепляли тросы, я слышал какой-то приглушенный взрыв. Побежал к хатам, доложить комполка, что его приказ выполнен. Полковник сел в «Шерман» и поехал догонять полковую колонну. Осмотрели машину, у нас только масло вылилось из коробки скоростей. Снова поставили слетевшие на землю ящики на танк и выехали из этой канавы. Уже светало, и мы по танковому следу догоняли своих. Немного проехали и увидели, как на дороге стоит наш «Валентайн», экипаж сидит сверху. У танка по левому борту сзади вырвано два катка, танкисты говорят, что наскочили на противотанковую мину и теперь «загорают». Я понял, что за взрыв

тогда услышал, и подумал, что нашему полковнику повезло; не отдай нам он свой «Шерман» на помощь, ехал бы комполка по этой дороге и именно его танк нарвался бы на эту мину. Ночью мы подъехали к Днепру, на том берегу горели хаты, и нам передали по рации приказ: вести огонь из пушки и пулемета по этим хатам. До Днепра было метров триста, наш берег был пологим, сплошной белый песок, а противоположный берег реки был гористым.

Я стрелял по хатам, пока не поступила команда прекратить огонь. Командир роты, старший лейтенант Лосев, по рации сказал, что мы отбили несколько немецких атак.

Букринский плацдарм

Ротный Лосев по рации передал приказ: «Давай свой танк заводи на понтон». Экипаж тоже слышит команду ротного по ТПУ (танковому переговорному устройству). Командую Васильеву: «Давай, старшина, на понтон!» А он, сволочь, не доехав до реки метров сто пятьдесят — двести, вдруг так крутанул танк, что два катка выскочили и гусеницы слетели с катков. А траки у нас двухрожковые, в них забился песок, вот они и слетели, а на Т-34 такого произойти не могло, там траки однорожковые. Я увидел, как на понтон заехали два тяжелых танка, и он пошел на тот берег. Мы стоим, кругом песок, до редкого лозняка метров двести, и до реки столько же. Мимо проходят пехотинцы и орут нам: «Теперь вам точно несладко придется! Теперь вы неподвижная мишень, как в тире!» Говорю экипажу, что надо танк замаскировать, положим брезент, а сверху накидаем белого песка. Васильев предложил убежать в лесок, в лозняк, пока нас тут не накрыли, а я ему говорю: «Будешь у танка, и точка!» У нас одна лопата, но брезент скатывается с танка от тяжести песка, не держит его, да и высота танка с турелью пулемета почти три метра, как тут брезент закрепить? Послал механика с ведром к Днепру, он принес воды, мы стали поливать брезент водой, и мокрый песок на нем держался. Залезли в танк, открыли люк и через прорези в брезенте смотрим, что вокруг творится. Слышим нарастающий гул, в небе появились немецкие «юнкерсы», я начал считать — сколько самолетов участвуют в налете, доходил до цифры 60 и сбивался со счета. Кругом грохот, шум, взрывы, бомбы срываются с самолетов. Потом стало тихо, но через пару часов авианалет повторился еще с большей силой. И так целый день, немцы бомбили наш берег, но моему танку везло, видно, хорошо мы его замаскировали, и сверху мы летчикам ничем не

напоминали цель. Стемнело, мы натянули гусеницы, завели мотор и подошли к кромке берега, где стоял пустой понтон. Переправились через реку, с нами еще четыре танка. Только съехали с понтона, как налетели два самолета, похожие на наши «кукурузники». Пехотинцы кричали: «Воздух», и я стал стрелять по этим самолетам из пулемета Брена, и они вскоре улетели. Пехота сказала, что эти самолеты — «итальянские костыли». Подошел командир взвода лейтенант Ребров и поставил задачу: проехать по дороге в деревню Григоровка и потом вернуться назад, но уже по другой дороге. На мой вопрос: «Зачем все это?», Ребров ответил, чтобы немцы подумали, что у нас здесь много танков. Мы колонной из пяти танков пошли к селу, дорога шла по возвышенности, и нас стали обстреливать из орудий, и нам пришлось на максимальной скорости проскакивать через разрывы снарядов.

Назад возвращались почти по кромке берега. Потом снова проделали этот маневр, пошли к Григоровке, но как только танки показались на возвышенности, немцы моментально открыли по нас огонь из орудий, снаряды рвались рядом с танком, как смерч.

Танк, идущий передо мной, взял чуть вправо, завалился, и упал набок в небольшую балку, а остальные проскочили. Остановились «отдышаться», решили поесть, у нас еще оставалось немного гороха, но взводный приказал мне вернуться к свалившемуся в балку танку и поставить его на гусеницы, что мы и сделали, заведя два троса под танк. Командир этой машины сказал, что возвращается к реке, что-то у него в машине барахлит, в мы снова поехали в Григоровку. На подъезде к деревне, в двух километрах, нас остановила пехота, которая окапывалась рядом с дорогой: «Вы куда?» — «В Григоровку». — «Так немцы там, они нас из деревни выбили!»

Какой-то солдат в телогрейке сказал: «Здесь занимайте оборону».

Я подобрал возвышенное место, покрытое кустарником, и на обратном скате приказал рыть танковый окоп. У нас были лопата, кайло и лом, и мы втроем стали усиленно копать укрытие для танка. Первый метр был мягкий грунт, потом пошел щебень, стало труднее копать, но мы углубили окоп по ширине гусениц еще на полметра. Загнали танк, выгрузили ящики с боеприпасами и сделали продольный ровик для них. Замаскировали танк ветками и приготовились к бою. Уже светало, началась перестрелка. Смотрю в прицел, а на нас немцы бегут в атаку, и я стал вести огонь. Наши бойцы вырыли окопы в три ряда, так они то бегут назад из окопов, то снова бросаются вперед. Так же и немцы, бегут в атаку, отходят под огнем и снова идут напролом.

Так продолжалось несколько раз. Я стрелял из орудия по отблескам огня в кустах, но больше всего мне понравилось, как бил наш пулемет, строчил, как хорошая швейная машинка.

С наступлением темноты немцы прекратили атаковать. Мы стали пополнять боезапас, набивать ленты патронами, и тут выяснилось, что у нас нет трассирующих патронов, а в ящиках со снарядами лежали по две металлические коробки, в каждой из которых было по два хорошо упакованных снаряда, а сами коробки были скреплены, обмотаны изолентой. Старшина посмотрел на эти коробки и сказал, что неплохой котелок для нас получится, тут же нашел кусок проволоки и сделал ручку. По рации передали распоряжение от старшего лейтенанта Лосева, чтобы к трем часам ночи мы прислали человека за обедом. И я понял, что, видно, мой взводный Ребров так и остался у немцев в Григоровке, оттуда не выбрался. Механик пошел с новым «котелком» за едой, принес опостылевшую гороховую кашу с тремя кусочками мяса и стеклянную фляжку с водкой. Мы были голодными как собаки и сразу все срубали. Под утро опять началась стрельба. Я стрелял из пулемета, хотя в прицеле редко кто показывался. Так в перестрелке прошел еще один день, а к вечеру стала вести огонь наша артиллерия с другого берега реки. Вначале они, по ошибке, ударили по нашим передовым окопам, потом перенесли огонь дальше вглубь.

Ночью по рации меня вызвал ротный Лосев и сказал, что утром ко мне подойдут еще два наших танка, и по сигналу — красная ракета — мы должны атаковать немцев, и пехота пойдет за нами. Утром — красная ракета в воздухе, мы проехали все три линии наших окопов, и из первой траншеи пехотинцы махали нам касками. Мы развернулись в линию, мой танк посередине, и двинулись вперед. Я стрелял из пулемета по фрицам-пехотинцам и бил из пушки по отблескам пламени на немецкой стороне, рядом с танком рвались немецкие снаряды. Стали и мы непрерывно стрелять из танкового орудия; Чистяков, молодец, не дожидаясь моей команды, сразу после очередного выстрела заряжал пушку. В бой мы пошли с открытым люком, он у «Валентайна» двойной, как этажерка, опускается на башню, и издалека даже не видно, что люк открыт, но я говорю Чистякову: смотри, чтобы нам немцы гранату в башню не забросили, мы ведь уже шли через их окопы, и немецкие солдаты мелькали тут и там. Я до того увлекся беспрерывной стрельбой, что, крутя башню, и не заметил, что мой механик-водитель находится позади меня. Кричу ему: «Что, на немцев смотреть не можешь и танк развернул на 180 градусов?!» Я пнул его сапогом по спине, и тут Чистяков достает гранаты и с одной из них снимает чеку. Ору ему:

«Бросай!», он кидает гранату из люка, и в это время по рации передают команду: «Вернуться…» Весь экипаж слышал эту команду, Мыколе разворачиваться не пришлось, и он сразу двинул танк назад. Приказал Чистякову стрелять из дымового миномета, и он выпустил три мины. Дымок нас немного прикрыл, и мы благополучно вернулись в свой танковый окоп, загнали в него танк, быстро наломали веток с кустов и замаскировали свою машину. Лосев по рации приказывает явиться к нему. Пошел не прямо, а между кустов, вышел к Днепру и вижу, что наши танки закопаны в возвышенностях берега в нескольких десятках метров от реки. Отдельно стоит «Шерман», возле него командир полка и начштаба Мороз. Полковник меня увидел и говорит: «Докладывай, сколько фашистов убил?» Я оторопел, но сказал, что стрелял по врагам из пушки и пулемета. Комполка говорит Морозу: «Запиши, что он уничтожил 12 фашистов и две пулеметные точки. А ты, лейтенант, молодец, хорошо воюешь».

Я спросил: «А почему пехота за нами не пошла?», на что командир полка ответил: «У пехоты такого приказа не было. Мы вас в разведку боем посылали».

Я осмелел и сказал следующее: «Товарищ полковник, мой танк на позициях пехоты закопан, а остальные наши танки в пятистах метрах сзади. Что-то мне это не нравится». Полковник усмехнулся, похлопал меня по плечу, и ответил: «Чтобы тебе скучно там не было, я вперед еще один танк пришлю».

Иду к пехоте через кустарник, а по возвышенности в ту же сторону идет наш «Валентайн». Немцы стали бить из шестиствольных минометов. Добежал до своего танка, а идущая к нам «Валентина» уже горит. Схватил огнетушитель, побежал к горящей машине и стал поливать внутрь, благо люк у танка был открыт. Сначала погасло пламя, а потом и дым исчез, я залез в башню — сгорел гильзоулавливатель — большой брезентовый мешок, идущий от орудия до днища танка, да еще на ящике с пехотными минами обгорела крышка. Я хотел выбросить мины из танка, схватился за одну и сразу обжег ладонь.

Внизу стоны механика-водителя. Командир танка, успевший выскочить из горящей машины ранее, вернулся к ней, и мы вместе вытащили раненого механика-водителя, у которого была большая рваная рана на спине. Лейтенант повел своего механика в тыл.

Я вернулся к танку, и снова все повторилось как «дежа вю». Наша артиллерия бьет через Днепр, накрывая первым залпом свою пехоту, и только потом переносит огонь в сторону немецких траншей. Стреляет немецкая артиллерия, и пехота периодически тревожит друг друга огнем. И я стреляю из пушки, не экономя

снаряды, по каждому отблеску пламени перед нами. К вечеру подбитую «Валентину» отволокли в тыл. Наступила ночь, мы немного стали замерзать, ведь на нас только летнее обмундирование, ни ватников, ни комбинезонов. Стали давить донимавших нас вшей. Ночью Чистяков сходил за нашим «завтраком-обедом-ужином» — и опять горох с тремя кусочками мяса, да еще принес немного водки. Заряжающий сказал, что нам этот горох придется до самой смерти есть, поскольку полк захватил где-то у немцев целых два вагона гороха. Немного подремали сидя, а на рассвете снова начался взаимный артобстрел. Слева от нас появился танк Т-34, остановился в пятидесяти метрах и стал стрелять по немцам.

Говорю механику: «Старшина, сходи узнай, кто такие? Как здесь очутились?»

Васильев вернулся и говорит: «Эти с другого фланга. У них атака сорвалась, вот они и прыснули в стороны, кто куда. Их лейтенант сказал, что у них машина повреждена. Сейчас весь боекомплект выпустят и поедут в тыл на ремонт». Т-34 стрелял еще минут двадцать, потом ушел в тыл, но по месту, где он стоял, немцы выпустили 15–20 снарядов, разорвавшихся близко от нас. Обстрел прекратился, я вылез из танка, вся маскировка сорвана, зенитный пулемет разбит, глушитель тоже, и все ящики по левому борту искорежены, брезент разорван в нескольких местах. Мимо пролетел снаряд, я поднял голову посмотреть, где он разорвался, и тут мне осколок, видно, уже на излете, ударил в левую надбровную дугу.

Кровь полилась по лицу и на гимнастерку. Чистяков мне обмотал голову индивидуальным пакетом. Смотрю, а рядом с бруствером лежит неразорвавшийся снаряд от немецкой 105-мм пушки. Снова замаскировали танк.

Опять Лосев по рации приказывает прибыть во вторую линию к Днепру. Дошел до «Шермана», стоит комполка: «Оказывается, это тебя ранило? А мне доложили, что твоего механика задело. Как себя чувствуешь?» А я же был патриот и «дурак», так отвечаю: «Нормально все, товарищ полковник». — «Держись, Матусов, ты у нас молодчина».

Потом достает из кармана квадратное зеркальце и говорит, мол, посмотри на себя.

Я глянул и сам себя не узнал, все лицо в копоти, кровь запеклась на лице и на гимнастерке. И тут крики: «Немецкий танк», комполка мне: «Давай, беги к своему танку, ты к немцу ближе всех будешь». Побежал к своим, мимо меня пролетел один снаряд, и когда я уже почти достиг своего танка, в немецкую сторону «пошел» еще снаряд и попал прямо в немецкий танк,

который загорелся, и в горящей машине стали рваться снаряды. Наступила холодная ночь, нас жрали вши, и в три часа я пошел за «кормежкой для экипажа». Полевая кухня стояла где-то за бугорком, «сопкой», я уже слышал, как звякают котелки, разговоры, громкий шум, как немцы кинули сюда мины. Разрывы, дым, я закашлялся, смотрю, а одна неразорвавшаяся мина торчит в земле возле меня. Шум прекратился, все мины упали по эту сторону сопки, никого не задев у кухни. Я подошел, стоят солдаты, говорят, еще не сварили, вот, стоим, ждем. Я встал в очередь, мне налили в котелок гороха, кинули три дежурных кусочка мяса. Вдруг кто-то меня подзывает: «Товарищ лейтенант, идите сюда». Сидит старшина, наливает мне полфляжки водки, дает высокую банку консервов, пару кусочков сахара и пару сухарей, говорит: «Это ваш доппаек». А я тогда и не знал, что есть офицерский дополнительный паек. Я его впервые получил. Принес еду в экипаж, и мы первым делом открыли консервную банку, в ней оказалось завернутое в пергаментную бумагу сало, шириной в две моих ладони, да такое красивое — сантиметр сала, сантиметр мяса. Для нас это был шикарный деликатес, съели его под стопку водки, а опостылевший нам горох не тронули, так эта каша уже в печенках сидела. Попили водички, которую механик принес из Днепра.

Утром немцы пошли в атаку, без артподготовки. Наша пехота открыла огонь, я начал стрелять из пулемета, но вдруг пулемет замолчал. Оказывается, одна гильза застряла в стволе, как бы приплавилась к нему. Мы с Чистяковым не смогли ее извлечь из пулемета.

Я стал по рации вызывать ротного, но на связь вышел наш помпотех Савиных и, услышав, что у нас приключилось, пообещал, что скоро доставят запасной ствол.

Уже в сумерках пришел какой-то солдат и принес в брезентовых чехлах два запасных ствола и сразу испарился. Я передал стволы Чистякову, он посмотрел на них и сказал, что стволы не подходят к нашему пулемету, они от немецкого танкового пулемета «Беза» (стоявший на некоторых танках в полку), а у нас на танке бельгийский «Браунинг». Что делать? Вдали за нашими окопами стоял подбитый «Валентайн», днем его хорошо было видно, и я решил ночью пробраться туда и снять пулемет с подбитого танка, даже не подумав, а вдруг на нем стоит немецкий пулемет. Но тогда я был «настырный глупец», упрямый парень, и если что задумывал, то обязательно делал.

О своем намерении я ничего экипажу не сказал, и когда Чистяков ночью ушел за нашим «обедом», я тоже вылез из танка, добрался до низины, увидел силуэт танка и пополз к нему. Из-под

танка меня тихо окликают. Я сказал: «Свой», заползаю, а под днищем три наших пехотинца вырыли себе окоп. Через открытый люк залез в танк, снял пулемет с цапфы, взялся за ствол, надавил, Развернул на 45 градусов, и ствол оказался у меня в руках и по виду подходил для нашего, вроде такой же, длиной где-то 60–70 сантиметров. Пополз назад, сбился с дороги, наткнулся на труп, потом встал в полный рост и добрался до своего танка. Поменяли ствол, и мой танк снова стал в полном боевом снаряжении. По рации передают, чтобы мы утром были готовы к атаке по сигналу красных ракет. Передали открытым текстом, и немцы тоже все, конечно, слышали.

Мы дозарядили пулеметные ленты, укомплектовали еще несколько ящиков со снарядами. Оставалось еще два ящика патронов, но среди них не было трассирующих. Говорю Мыколе, чтобы проверил работу мотора и прогрел его, и он что-то долго возился с переноской, свет есть, а мотор не заводится. Он пробовал несколько раз, ничего не получилось. Я подумал, что он чего-то мудрит. Стал по рации передавать свои позывные, на связь вышел ротный, и я доложил Лосеву, что у нас мотор не заводится, прогреть его не можем. Ротный ответил, что пришлет помпотеха, старшего лейтенанта Савиных. Ждали помпотеха долго, он появился ночью, залез в башню, я с переноской рядом. И тут Савиных достает пистолет и направляет его на старшину Васильева и говорит: «Тебя, сукин сын, трибунал судить будет!» И выясняется, что Васильев специально перерезал провода, а Савиных в этих делах, видно, был опытным человеком.

Старший лейтенант приказал Чистякову взять автомат и отвезти Мыколу в штаб и сдать под охрану. Васильев был бледным, как стена. Помпотех пообещал прислать другого механика-водителя. Они ушли… Я в загородке мотора открыл круглый ящик, и действительно — два провода аккуратно перерезаны. И когда эта сволочь успела сделать такое, ведь мы с Чистяковым вылезали из башни, только когда снимали и чистили гильзоулавливатель от стрелянных гильз. И тут я вспомнил, как начштаба назвал Мыколу дезертиром на мосту, и как механик крутанул танк в песках перед посадкой на понтон, что аж с танка слетела гусеница, и как в атаке развернул танк без команды, и как все время просился к Днепру за водой. Все сложилось один к одному, как стеклышки в калейдоскопе. Что интересно, все мои команды он выполнял беспрекословно, меня всегда называл «лейтенант», хотя я был только младшим лейтенантом, и, вообще, разве мог я подумать, что он сознательно пытается увильнуть от боя… Ошибся я в этом человеке. Порылся в ящике, нашел складной нож, изоленту, зачистил обрывки проводов, скрепил,

включил тумблер, и в танке появился свет. Сел на место водителя, проверил «нейтрал», нажал на педаль мотора, и танк сразу же завелся. Вернулся Чистяков, привел с собой старшину, который мне доложил, что он мехвод и прибыл в мое распоряжение. Не помню уже его фамилии. Я ему сказал, что утром, по красным ракетам идем в атаку, а старшина мне говорит, что этот приказ отменен и нас перебрасывают для атаки в другое место. Под утро мимо нас прошли наши «Валентины» и три «Шермана», и мы присоединились к ним. Прошли мимо подбитого «Валентайна», стоящего лицом к нашей колонне, возле него валялись разбитые ящики с патронами с красными наконечниками — трассиры. За нами двигались еще танки. Проехали мы колонной километра два-три по диагонали к фронту, остановились у какой-то возвышенности. Лосев приказал занимать оборону, и мы стали рыть окоп для танка, под танком вырыли еще щель для себя, туда затолкали рваный брезент, набрали соломы из большой скирды и замаскировали машину. Подошел Лосев и рассказал, что вернулся мой командир взвода, он несколько дней скрывался на чердаке в одной из хат в занятой немцами Григоровке, а танки сожгли то ли немцы, то ли власовцы… Рассвело, было тихо, никто не стрелял на нашем участке. За возвышенностью, за нашей спиной была низина метров 600–700 длиной, а за ней шел небольшой бугор и картофельное поле, а впереди низинка и небольшой лесок. Немецких траншей я не увидел. Часов в одиннадцать я решил пойти за трассирами, валявшимися в ящике у подбитой «Валентины». У нас в танке был один на экипаж автомат «томпсон», такой грубо изготовленный и неказистый, выглядевший как обрубок, с рожковым магазином. Я взял автомат и пошел. Проходил мимо расчетов ранцевых огнеметов, увидел много окопов, которых раньше тут не наблюдалось. Добрался до подбитого танка, снял с себя гимнастерку, завязал за ворот и рукава, получился как бы мешок, навалил туда штук триста патронов, взвалил «мешок», в одной руке держу автомат, и пошел к своим. Слышу громкий шепот: «Ложись, стрелять будем. Ползи сюда!» Я не пойму, в чем дело, но лег и пополз на голос. В окопе три наших бойца, спрашивают: «Ты откуда взялся?» — «За трассирующими патронами ходил». — «Да как ты через лесок прошел, там же немцы! Мы в боевом охранении». — «Но меня никто не остановил»… По ходу сообщения я двинулся дальше, и тут решил проверить свой автомат, дать короткую очередь вверх. Нажимаю на курок — не стреляет. Я снова передернул затвор, и только с третьей попытки последовала очередь. И мне стало не по себе, ведь немцы могли меня схватить как котенка, я бы даже

толком не смог оказать сопротивления. Пришел к экипажу, мы вставили трассиры в пулеметные ленты, один через каждые 3–4 обычных патрона. С тыла подъехала «катюша», из машины вышли два человека, поставили на треноге какой-то инструмент, наверное буссоль, замерили угол прицела и через пару минут дали залп по немцам и сразу же смотались. Немцы дали ответный залп из орудий, разрывы, крики раненых пехотинцев. Ночью из-за Днепра прилетели наши ПО-2 и без звука, выключив моторы, бомбили немцев с планирования.

Я заснул. Под утро ребята меня разбудили, поел гороховой каши, выпил свои 100 граммов под кусок жесткого мяса. Начинался очередной день войны на плацдарме.

В лощине, в 100 метрах от нас, появились бойцы, которые ставили в длинную линию, в два ряда, ящики с РС наклоном к фронту, готовились к ракетному залпу. Привел Лосев, предупредил, что будет наступление, сразу после залпа РС. Мы были готовы к атаке, механик прогрел мотор. В семь часов утра в небо взлетела сигнальная ракета и эрэсы, один обгоняя другого, полетели в сторону немцев, и мы рванули вперед. Танк, идущий слева, подорвался на мине, но лавина «Валентайнов» шла по большому ровному полю на немцев. В этот момент над нами появился самолет и сбросил на танки контейнер, из которого посыпались сотни гранат. Идем по чужому танковому гусеничному следу и упираемся в стоящую «Валентину», вся башня в крови, гудит рация, внутри убитый механик-водитель, пахнет кровью и горелым. Рядом еще один наш застывший навеки танк. Запах гари. Наши танки скапливались правее от нас, в балке, и я выехал к обрыву и увидел, как вдали в клубах дыма и пыли отходит колонна немецкой техники. Я выпустил по ним с десяток снарядов и отъехал от края балки, где стали рваться снаряды. Стоит метрах в ста от нас еще одна «Валентина», подбегаю к ней, снял с пояса гранату, стучу ею по броне. Вылезает из башни командир танка, спрашиваю: «Где ротный?» — «Убило Лосева. Теперь Савиных нами командует». Пошел по тропке до края балки, где находилось несколько наших танков, увидел там Савиных, доложил ему, что по дороге отходит немецкая колонна. Он приказал мне бить по этой колонне, Пока остальные танки попытаются под немецким артогнем выехать из балки. Мой танк выехал на край, мы снова стреляли по колонне, которая скрывалась в громадных клубах пыли и дыма, пока Савиных с другими танками не вышел из балки, а потом и сами двинулись вперед, в направлении деревни Букрын. Ехали по полю, я стрелял из пулемета по хатам, вышли на полевую дорогу, веющую прямо в село, и заехали в проулок. Смотрю, справа от нас

немецкое орудие, стал поворачивать башню, успел увидеть, как немцы отбегают от орудия, и тут… адская боль в руке, я сполз с сиденья, танк сильно качнуло, грохот, и машина остановилась. Мы наехали на пушку и раздавили ее. Меня вытащили из танка через башню, сзади уже подбегала наша пехота. Чистяков мне забинтовал кисть правой руки, кровь сочилась через бинты, и я сказал заряжающему, чтобы он взял у меня из левого кармана еще один индивидуальный пакет и наложил его на первый бинт. Я сказал экипажу, чтобы ждали, кого-то пришлют мне на смену, попрощался с механиком и заряжающим и, стоная от боли, пошел в тыл, к Днепру, по грунтовой дороге. Навстречу мне шла цепью наша пехота. Смотрю, на дороге стоят два «Тигра», один против другого, слева резкое возвышение дороги, а справа обрывистый скат. Эти подбитые «Тигры» закрыли собой проход для колесных машин, которые догорали, окутанные чадящим дымом. Несколько грузовиков, легковушка, три покореженные разбитые пушки, трупы… и снова горящие машины… Все брошено впопыхах. Видимо, первый подбитый немецкий танк, стоящий поперек и уткнувшийся пушкой в возвышенность, собой перекрыл дорогу, и вся колонна оказалась в ловушке, никто не смог развернуться, с другой стороны — обрыв. Я шел, и радость от увиденного немного приглушала сильную боль в раненой руке, я думал, что тут и моя работа, ведь это был именно тот участок дороги, по которому я стрелял из танка.

Стал рассматривать первый «Тигр», на трансмиссии была натянута мелкая сетка, наверное, чтобы брошенные бутылки КС не разбивались, и покрытие, кажется, мягкий асбест. Я сполз по обрывистому скату, вдали блестел Днепр, и пошел к реке…

На мосту стояли военные с красными околышами на фуражках, энкавэдэшники из заградотряда. Среди них был один капитан, который крикнул кому-то из своих: «Проверь танкиста! Небось руку кровью обмазал и бежит!» Заградотрядовец стал разматывать бинты на руке, глядит, из под них сочится кровь, и говорит мне: «Извини, браток, проходи». — «А где тут госпиталь?» — «На той стороне, пройдешь прямо по дороге до села километра там увидишь госпиталь». Иду, вижу несколько хат с соломенными крышами и большая брезентовая палатка с красным крестом. Мне в палатке сделали укол от Столбняка, повели на санобработку, обмундирование кинули в прожарку, и я, кряхтя от боли, пытался как-то помыться. Повели в палатку, сняли мои бинты, промыли рану, положили гипс до локтя. Завели в хату, там на полу постелена грязная солома и лежит на ней один младший лейтенант из пехоты, жизнерадостный и веселый татарин. Ему осколок попал в ягодицу, и я сказал: «Ты, видно, драпал, если

тебя в такое «интересное» место ранило». Он рассмеялся, мол, точно драпал, да сзади мина разорвалась. Из соседней комнаты раздавались стоны, и пехотинец сказал, что там лежит сильно обгоревший капитан-танкист. Ночь я провел в стонах, боль в руке усиливалась, и мне казалось, что стоны помогают ее терпеть, а в соседней комнате орал от боли обгоревший танкист, пришла медсестра, сказала, что капитан не жилец, и помочь ему медики уже не могут. Мне тоже хотелось кричать от невыносимой боли, рука под гипсом горела, я озверел и как ошалелый зашел в палатку, где находилась женщина-врач, капитан медслужбы. Я кричу: «Гипс снимите! Боль адская», а капитанша заявляет, что гипс наложен на две недели, и только потом его снимут. Я стал орать, что сам сорву этот гипс, тогда военврач говорит Медсестре: «Сними с него гипс». Срезали гипс ножницами, а под ним кругом черный гной. Стали промывать рану из нее вываливается осколок. Мне стало легче, боль затихла. Я лежал в госпитале, наши уже взяли Киев, рана не заживала, а два крайних пальца скрючило контрактурой, они были загнуты к ладони.

Наш полевой госпиталь в ноябре перебазировали в Пуще-Водицу и на окраине Киева нас разместили в хорошем уцелевшем здании, где уже были железные кровати с постелями. Рядом с госпиталем роща и конечная остановка киевского трамвая. Стал осматривать меня главный хирург госпиталя, зондом тыкал в мою рану, пока не пошла кровь с гноем, и после сказал, что надо делать операцию по удалению осколков из руки. Привели в хирургическое отделение, привязали за руки и за ноги к операционному столу, сделали блокаду, обкололи всю руку, хирург сделал разрез и стал копошиться в ране.

Я только слышал, что он говорит ассистенту и операционной медсестре: «Запишите, разрез длиной 13 сантиметров, чистка лучевой кости»… После этой операции мое состояние улучшилось, но тут пришло письмо из Артемовска, в котором кто-то мне сообщил, что вся семья Матусовых погибла от рук немцев. Мне стало тяжело на душе, не хотелось жить… Я стал для себя никчемным человеком, который никому не нужен и которого никто уже не ждет. Только одна мысль — побыстрей выписаться и снова пойти воевать и мстить. В ране оставалось еще сантиметра четыре незажившего шва, и я пошел к главному врачу госпиталя и попросился на выписку. Он ответил: «Пока рано. Да еще и так бывает, есть такие ловкачи, которые специально выписываются с незажившим ранением пораньше, чтобы потом растянуть лечение в другом месте и не попасть на фронт. Я о вас так не думаю, но если вы хотите выписаться досрочно, то пишите заявление с просьбой». Я раненой рукой кое-как написал заявление и

5/2/1944 меня выписали из госпиталя. Выдали старую солдатскую шинель и направление в сторону Винницы, где в каком-то штабе я должен был получить назначение. Добирался на попутках, и как-то слез в какой-то безлюдной деревушке, где повсюду валялись трупы немецких солдат. Проехал до следующей деревни, машина дальше не шла, в какую хату дверь ни открою, все битком забито нашими солдатами. Смотрю, вдали лесочек, а на опушке стоит одинокая хата. Пошел туда по полю, снег по колено, открываю дверь, в сенях никого нет, захожу в комнату и вижу, что за столом сидят двое. Один из них, здоровяк с наголо бритой головой, сидит ко мне спиной. Спрашиваю: «Можно здесь заночевать?», а мне «спина» отвечает: «Здесь расположена армейская штрафная рота, и посторонним тут находиться запрещено!» Я вышел из хаты, куда идти не знаю. И тут за мной выходит этот бритый здоровяк: «Извини, товарищ лейтенант. Зае…сь эти танки. У меня на Дону четверо ребят батьку ждут!» Я обернулся и сразу узнал Мыколу Васильева, своего бывшего механика-водителя. Он добавил: «Я здесь в штрафной роте по ночам штрафникам на передовую обед доставляю. Заходите, товарищ лейтенант, не обижайтесь». Я зашел в хату, Васильев говорит своему товарищу: «Это мой командир танка». Сели за стол, старшина достал бутылку самогонки, разлили ее по кружкам и молча чокнулись. Я подумал, вот гад, и в штрафной роте пристроился, чтобы не воевать, нашел теплое местечко. Постелил шинель на пол и заснул. Ночью ушел из этой хаты, ни с кем не прощаясь. На дороге поймал попутку и доехал до города, явился в штаб БТ и МВ, показал документы и справку в одном из кабинетов и сказал, что разыскиваю свой 53-й ТП 69-й механизированной бригады. Офицер взял мои справки, вышел из комнаты и, вернувшись, заявил: «Твой полк давно на Урале, отправлен на переформировку. Мы решили направить тебя на другой фронт. Поедешь в Карелию, финнов бить».

У меня даже не было сил удивляться, неужели на Украине нет танковых частей, нуждающихся в танкистах, зачем гонять офицера через полстраны куда-то на сервер. Полнейший абсурд. Мне выдали направление, продаттестат. На товарняке добрался до Киева, дальше на Харьков, где мне предстояла пересадка на Москву. На вокзале встретил старшину-танкиста, который сказал, что помнит меня по мехбригаде и что меня за бои на Букринском плацдарме наградили орденом Красной Звезды. Где сейчас наша часть, он точно не знал, поскольку тоже возвращался из госпиталя. Пошел в Харькове на вокзальный медпункт поменять бинты на руке и встречаю там двух офицеров, один из них старший лейтенант из нашего училища. Говорит мне: «Покажи

награды», а я ему показываю на бинты и думаю, вот наивный парень, спешит на фронт за орденами, а я на войне о них и не думал и не стремился что-то получить… В Москве, в комендатуре, мне объяснили, на какой вокзал надо перейти, я залез в поезд, идущий на Мурманск, мне досталась узкая третья багажная полка, и чтобы не слететь с этой полки во сне, я привязывал себя поясным ремнем за трубу. Через несколько дней я слез на станции Беломорск, и в каком-то штабе мне дали направление в часть в город Кемь, куда я и прибыл в начале марта 1943 года. В трех километрах от станции Кемь находились бараки, в которых размещался танковый резерв.

Карельский фронт

В офицерском танковом резерве в городе Кемь нас разместили в бараках, где мы спали на нарах, в нашей комнате находились двадцать офицеров, все лейтенанты, за исключением одного капитана. Познакомился с младшим лейтенантом Ивановым, парнишкой из Алма-Аты, еще не побывавшим на фронте. Я прибыл в Карелию в старом порванном «госпитальном» обмундировании, и меня в резерве переодели в сносную форму.

В резерве ежедневно проводились четырехчасовые теоретические занятия, и после них мы были совершенно свободны. Кормили впроголодь, два раза в день. Кругом сопки, болота и слякоть. В свободное время мы бродили в окрестностях, ходили в Кемь, знакомились с девушками. Через несколько недель я получил предписание прибыть в свою новую часть — 38-ю танковую бригаду, дислоцированную в районе Кандалакши, в лесу, в пяти километрах от города. В штабе 1-го танкового батальона меня встретил капитан Мельник и отвел к командиру первой роты капитану Михайлову.

Ротный, здоровый мурловатый мужик, привел меня в расположение роты, к моему экипажу и сказал танкистам: «Это ваш новый командир танка». Я представился.

Они посмотрели на мои две нашивки о ранениях, стали знакомиться. Механиком-водителем танка был старшина Мальцев, заряжающим был старший сержант, сибиряк, но его фамилии и имени стрелка-радиста, я уже не помню. В боях они еще не участвовали, поскольку часть долгое время находилась во фронтовом резерве, занимая оборону во второй линии, вдали от передовой. Как тогда говорили, «есть три нейтральные страны: Швеция, Швейцария и Карельский фронт».

В батальоне были танки Т-34 с бензиновыми двигателями,

еще первого выпуска Сталинградского завода, с одним общим люком в башне и авиационным мотором с Р-5 мощностью 375 л/с. Я тут же облазил всю машину. Рядом стоял танк командира взвода лейтенанта Саши Уткина, призванного из Саратова. Я доложил ему о себе. Лейтенант Уткин был белокурым молодым парнем, а по характеру — замкнутым человеком.

Уткин сказал, что предыдущий командир с экипажем не ладил, а сейчас лежит в госпитале с какой-то инфекцией в руке. Пошли с Уткиным в офицерскую казарму — такая полуземлянка с окнами и нарами для сна. Познакомился с командиром второго взвода старшим лейтенантом Виктором Валиновым. Мне рассказали, что наша бригада состоит всего из двух танковых батальонов, в ротах по 10 танков Т-34, и что бригада на Карельском фронте еще не воевала. Комбригом был полковник Коновалов, пожилой человек, ему было больше 50 лет. Меня отвели к старшине, и я получил офицерский доппаек: две банки консервов — треска в масле, полкило печенья и несколько кусков сахара. Вернулся к экипажу, говорю: давайте поедим, для нас все это было деликатесом, эту «провизию» мы моментально «приговорили».

Мальцев еще заметил, что прежний командир никогда доппайком с экипажем не делился. Я начал входить в курс дела. Заместитель командира батальона по строевой капитан Мельник ко мне очень хорошо относился, часто приходил ко мне и подолгу беседовал. Это был немолодой человек, лет 45, бывший детдомовец, который всю сознательную жизнь служил в армии, на его груди висела медаль «20 лет РККА». Я подружился с командиром одного из танковых взводов старшим лейтенантом Иваном Литовским, у нас было много общего во взглядах на жизнь. Он был простой хороший бесхитростный парень, 1922 года рождения, родом из Златоуста, плотный здоровяк с простым открытым русским лицом.

В парковые дни мы находились у своих машин, проводили тренировки. А по воскресеньям мы отдыхали. Ходить в свободное время было некуда, город был далеко от нас. Кругом негустые леса, в которых солдаты собирали ягоды — голубику и морошку. Нам выдали личное оружие, револьверы «наган». Шли дни спокойной службы вдали от передовой. Как-то вызывает меня командир роты и говорит, что на завтра назначены показательные стрельбы, и в них «будут участвовать твой танк и экипажи Уткина и Черногубова, стрельба по мишеням, всего 3 цели». Отстрелялись мы на «отлично», за нашей стрельбой наблюдали с трибуны командир бригады и городское начальство. После окончания показательных стрельб к нам подошла группа

гражданских и военных, поблагодарили и каждому командиру танка дали по пачке папирос «Казбек». Я открыл коробку с папиросами, все закурили, а командир взвода Уткин сказал, что свои папиросы он откроет только в день окончания войны. И сколько мы ни пытались потом эту коробку с папиросами выиграть у него в карты, Уткин никогда ее на кон не ставил. Но не суждено было моему взводному выкурить эти папиросы. В марте 1945 года немецкий снаряд врезался в башню уткинской тридцатьчетверки, и ему оторвало голову. И меня в той атаке ранило… В один из летних дней 1944 года нас подняли по тревоге, мы совершили марш к передовой и через брешь, прорванную пехотой в обороне противника, пошли в рейд по его тылам. Мы двигались по бездорожью, по сопкам, болотам и валунам, некоторые танки застревали, у нескольких оторвались катки, но мой механик-водитель Мальцев был опытным, и нам удалось избежать подобных неприятностей. Мы двигались беспрерывно больше десяти часов, пока не выбрались на какую-то магистраль. Моя машина вышла к ней пятой или шестой. На этой дороге немцы или финны бросили 15 целых танкеток французского производства, и мы с Валиновым ходили на них смотреть, и когда увидели, что на танкетках стоят только 20-мм пушки, то нам стало ясно, почему их бросили, ну что бы с таким вооружением они могли бы сделать нашим Т-34.

Мы продолжили движение по этой дороге, впереди оказался танк капитана Мельника. Перед нами мост. Мельник по нему проехал, и тут мост взлетел на воздух, а по нашей колонне начали бить из орудий, один танк съехал с дороги и сразу зарылся в болото почти по башню, перед мостом рвались снаряды, и мы, не разворачиваясь, стали сдавать назад. На той стороне оставался танк Мельника, а мы пятились, и по бокам отходила под артогнем наша пехота. Медсестра нашего батальона, спасаясь от осколков, подлезла под один танк, и он, разворачиваясь, ее покалечил. Мы отошли в лесисто-болотистую местность, окопались, замаскировали танки. Так прошли сутки, над нашими головами изредка пролетала «рама». Пришел ротный, сказал, что мы наткнулись на укрепрайон и что немцы ночью подбросили к мосту раздетый изуродованный труп капитана Мельника. Его тело выкрали наши разведчики и увидели, что на спине Мельника были вырезаны звезды. А чуть позже с немецкой стороны выбрался старшина, стрелок-радист из экипажа Мельника, и его сразу взял в оборот Смерш.

И тут, с его слов, выяснилось следующее, что наш комсорг, башнер в мельниковском экипаже, сразу после подрыва моста за спиной, из пистолета застрелил Мельника и механика-водителя, а

его, радиста-пулеметчика, взял в плен и сдал немцам, и что этот комсорг на самом деле был немецким лазутчиком, засланным к нам давно, еще в маршевую роту, получавшую танки в Нижнем Тагиле. Капитана Мельника похоронили в Кандалакше… Прошло еще несколько дней, Финляндия капитулировала и вышла из войны, немецкие части уходили на север, и наша бригада встала в районе станции Аллакурти, все железнодорожные подъезды к которой были взорваны при отступлении. Город Аллакурти фактически существовал только на карте, на месте сгоревших домов торчали только печные трубы. Экипажи стали валить лес, рыть землянки и танковые капониры в сопках. В землянках устроили топчаны с настилом из хвои, а дверь в землянку смастерили из немецких крестов. Рядом со сгоревшим городком Аллакурти находилось громадное немецкое кладбище, которому не было видно ни конца ни края. Десятки тысяч крестов.

Кресты на могилах были из дубовых досок, на тыльной стороне было выжжено клеймо изготовления, 1939 год, а на лицевой стороне были написаны данные похороненного, вплоть до даты гибели, и прибита личная алюминиевая бирка овальной формы. Каждый крест имел свой порядковый номер, и я видел даже такую цифру: № 55 208, вот сколько немцев здесь полегло, воюя за финнов. И мы, как варвары, обрубали поперечные доски и делали из этих крестов двери в землянку. Рядом с основным кладбищем я увидел несколько незасыпанных ям с убитыми немцами и отдельный саркофаг, видно, из мрамора, говорили, что тут захоронен большой немецкий чин, наверное, генерал.

Мы жили в отдельной офицерской землянке: командиры танков Черногубов, Львов, Зуев, Киселев и я, командиры взводов: Литовский, Уткин, Валинов. Целый месяц мы «загорали», делать было нечего. Потом нас перевели в финские бараки с нарами в два яруса, где мы встретили зиму. Снега намело по пояс. Ночью наблюдали северное сияние. А потом начались теоретические занятия по изучению по плакатам тяжелого танка ИС-2. Зимой нам вручили новое обмундирование, сказали, что это подарок английской королевы офицерам Красной Армии, мне досталась суконная гимнастерка и синие галифе, а сапоги у меня по-прежнему были кирзовые. В феврале 1945 года мы начали тактические занятия в поле, «пеший по танковому», экипажи ходили по сопкам и валунам, и ежедневно в течение нескольких часов мы изучали ИС-2 по плакатам.

Как-то на полевых занятиях мы «находились на исходных» для атаки, и в двадцати метрах от меня стоял экипаж старшего лейтенанта Валинова. К его экипажу подошла группа штабных командиров во главе с комбригом полковником Коноваловым, и

комбриг спросил Валинова: «Что будете делать на исходных позициях?» — «Сброшу запасные баки и буду ждать сигнала командира роты на решительную атаку, товарищ полковник». — «А если я тебе скажу, стрельни с исходных из орудия в сторону противника?» — «Я стрелять не буду. Так это не по уставу, товарищ комбриг, выстрел может меня демаскировать перед атакой». И Коновалов, услышав такой ответ, стал орать на старшего лейтенанта, топать ногами и угрожать разжалованием, хотя права такого не имел, звание офицера давал Верховный, а не этот Коновалов. И на каждом собрании офицеров, при каждой возможности полковник Коновалов в присутствии личного состава оплевывал и всячески оскорблял старшего лейтенанта Валинова, мол, «Я ему приказал под шумок артподготовки выстрелить в немцев, а он отказался! Да я его в порошок сотру».

Старший лейтенант Валинов весной 1945 года сложил свою голову на поле брани, а наш Коновалов, которого все мы звали «старый буденновец», наслаждался жизнью в штабе, в то время когда его танкисты горели заживо в своих боевых машинах.

Коновалов всюду возил за собой корову с дояркой, личный финский домик и молодую ППЖ — медсестру, имея при этом семью в Москве.

Но как он унижал Валинова, я не могу забыть по сей день…

В феврале 1945 года нашу бригаду погрузили в эшелон и отправили на запад. Прибыли в Белоруссию, в город Осиповичи, где происходила переформировка 38-й ТБр.

Здесь мы сдавали в учебный ТП свои Т-34, а взамен стали приходить ИС-2. Наша бригада стала называться 38-я гвардейская тяжелая танковая бригада прорыва, Коновалову присвоили звание генерал-майора, и на базе батальонов развернули танковые полки. Мне предложили перейти адъютантом штаба в 109-й ТТП, но я отказался, считая, что предстоит возиться с бумагами, «тыловой холуйской крысой» я становиться не желал и на переформировке попросил оставить меня в должности командира танка или отправить в другую боевую часть, находящуюся на передовой. Тогда командир роты Михайлов меня успокоил и сказал: «Ладно, Матусов, пойдешь в мою роту, иди сдавай свою тридцатьчетверку и попрощайся с экипажем». Я все сделал, и меня повели в ту часть танкового парка, в которой разместились прибывшие из тыла ИС-2 с экипажами. Познакомились: механик-водитель техник-лейтенант Николай Папков, командир орудия старшина Владимир Возовиков, заряжающий старшина Перкалов. На фронте, к моему большому удивлению, раньше никто из них не был и боевого опыта не имел.

Танк ИС-2 весил 46 тонн, имел 122-мм пушку с

боекомплектом из 28 снарядов (14 фугасных и 14 бронебойных). Каждый снаряд был длиной 35 сантиметров и весом 25 килограммов, снаряды были раздельного заряжания: гильзы с порохом весом по 10 кг находились на днище танка в кассетах и по 5 зарядных гильз с двух сторон в боевом отделении. На танке 4 пулемета: зенитный ДШК с боекомплектом 250 патронов, курсовой пулемет у механика, третий спаренный с пушкой и четвертый у меня в командирской башне. К пулеметам мы имели 37 дисков, по 63 патрона калибра 7,62 в каждом диске. Экипаж имел личное оружие: 4 автомата, один револьвер и ящик гранат Ф-1 (20 штук). Лобовая броня танка 170 мм, бортовая — 90 мм, на днище — 20 мм. Скорость — 40 км/ч, скорость при езде назад — 27 км/ч. Ручной привод в башне у моторной загородки. Одним словом, не танк, а настоящий шедевр. Единственное, что можно было считать недостатком, стрельбу с ИС-2 нельзя было вести с ходу, а только при короткой остановке. Роты танков ИС-2 состояли из пяти боевых машин, и после переформировки со мной в одной роте оказались старые товарищи: Литовский, Уткин, Черногубов. Командовал нашим 109-м ТТП подполковник Ленков.

В первых числах марта переформированная 38-я бригада была переброшена по железной дороге на Данцигское направление, на 2-й Белорусский фронт. Мы совершили марш к передовой на 30–40 километров, нам вручили топографические карты предстоящего района боев.

Бои под Данцигом

Прибыли к передовой, и возле большого польского села наша колонна остановилась на последний привал. Я дал команду экипажу прочистить ДШК. Через десять минут зовут назад к танку. Оказывается, что при чистке пулемета раструбом затвора старшине Перкалову оторвало фалагу на указательном пальце правой руки. Кто виноват, я не стал разбираться, Перкалов и Возовиков, бранясь, показывали один на другого.

Доложил ротному по связи, что у меня ЧП, на что Михайлов ответил: «А что еще можно было ожидать от твоего старшины? Он же всю войну в штабных писарях просидел, и сейчас туда же!.. На окраине села разместился бригадный резерв, иди туда, пусть тебе дадут нового заряжающего». Я дошел по мерзлой грязи до большой хаты, где находился резерв, и его командир, старший лейтенант, сказал, что в резерве 20 человек «безлошадных», все с Т-34, сейчас их построим, забирай к себе кого захочешь.

«Резервных» построили, я подошел и сказал, что мне нужен заряжающий на ИС-2 и желающие пусть сделают два шага вперед.

И тут я был поражен, обе шеренги дружно шагнули вперед. Я сказал: «Вольно!», прошел вдоль строя взад-вперед и выбрал к себе в экипаж одного старшину, здоровяка, возрастом лет под тридцать, что в рост, что вширь, и хлопнул его по плечу: «Пойдем». Он представился: «Старшина Богданов Сергей, из Сибири». Пришли с ним к танку, завели мотор, подъехали к нашим артиллерийским позициям и стали ждать дальнейших указаний. Ротный вызывает на связь: «Разверни карту. За нашими пехотными позициями отмечено болото. Разведай, проход в болоте имеется или нет». — «Есть, товарищ капитан». Проехали километра два вперед и остановились прямо возле окопов пехоты. Неподалеку от нас пулеметный расчет, что-то нам орут. Папков заглушил мотор, я открыл в башне «револьверную пробку» и услышал, что мне кричит пулеметчик: «Танкист? Земляк? Стрельни по амбару за насыпью, там немцы сбежались, человек тридцать». Даю команду: «Вперед. Приготовиться к бою!», и Богданов загнал снаряд в орудие. Перед нами каменный мост, ведущий к насыпи, а сама насыпь высотой по башню, за ней идет роща, а дальше, на возвышенности, большой деревянный сарай или амбар. Я крикнул: «Короткая!», и Возовиков сделал два выстрела, сарай загорелся. Едем дальше, дорога шла как бы по диагонали, через лесопосадку, к группе больших зданий из красного кирпича, откуда по нас стали вести орудийный огонь. Мы, стреляя «с короткой» по вспышкам орудий, пошли напролом через рощу. Откуда-то слева появились наши Т-34. От нашего огня над кирпичными домами поднялось зарево. Грунт плохой, и машина стала вязнуть в грязи, я только успел доложить ротному, как наш танк засел в грязь по днище.

Мы втроем моментально выскочили из танка, сняли с крыльев два толстых бревна и положили их поперек гусениц, одно в метре от другого. Папков надавил на газ, машина вылезла из грязи, и мы снова забрались в башню, и опять «вперед… короткая… выстрел». Но машина вязнет, еле двигается.

Я перелез к смотровой щели механика и кричу: «Не газуй, с выхлопных идет масса искр…» Где-то зарево огня, а справа звук от залпов шестиствольного миномета. Мины несколько раз разорвались прямо перед танком. Папков матерится, кричит, что танк «не тянет». Справа от нас траншея, видимо торфяная, и туда заскочил и застрял танк лейтенанта Уткина, пошедший в атаку справа от нас. Мы до этой траншеи не доехали всего метров пятьдесят. Смогли под углом градусов сорок подойти куткинскому ИСу, и он через полуоткрытый люк прокричал, что

они «увязли по полной» и механик уже сидит в воде. Мы подогнали свой танк вплотную, вылезли и под огнем зацепили своим тросом застрявшую машину, но, сколько ни пытались, танк Уткина ни с места, а еще глубже зарывался в траншею, уже по башню. Я к рации, передаю ротному, что нас надо вытаскивать, а Михайлов мне отвечает, что три остальных танка роты сейчас отходят по приказу, их заменит вторая рота, и приказывает мне охранять танк Уткина, чтобы немцы ночью не подобрались близко и не сожгли нас из фаустпатронов. Я отогнал свой танк в низину, Папков остался на своем месте, а остальной экипаж с автоматами вылез из танка, и мы заняли оборону. Из уткинского экипажа никто не вылезал. Под утро вдали по траншее — крики людей, немцы стали бить из пулемета. Я вскочил в башню, снял пулемет с диском с подвижной цапфы. Немного отошел на возвышенности, кинул на землю полушубок и залег сверху с пулеметом. Стал стрелять очередями на огонь немецкого пулемета, он затих. Отдаю пулемет Богданову — закрепи назад на место в башне, — старшина отходит к машине, и тут на меня выходят два немца. Я за револьвер, а немцы оказались безоружными. Один худощавый, в очках, второй — невысокий коренастый крепыш.

Руки подняты вверх. Кричат: «Камрад, плен!»

У крепыша на мундире висит красно-черная муаровая ленточка. Немцы твердят в один голос — «кессел… кессел…», и я понял, что они говорят, что находятся «в котле». Хватаю рукой за эту муаровую ленточку и рву на себя, думал, что это какая-то награда. А немец говорит «Москау», понятно, значит, еще под Москвой гадина воевал. Ленточку до конца не оторвал, ее край остался висеть на кителе у пленного. Мой Возовиков сидел на крыле танка, и я с грустью смотрел на его обмотки. Четвертый год война идет, немцы до сих пор все в сапогах, а мы, как «голь перекатная», в обмотках. Говорю немцу, чтобы «поменялся» с моим старшиной обувкой, а немец делает вид, что по-русски ни бельмеса не понимает, но после тычка дулом револьвера в живот сразу скинул сапоги. Но Возовикову они оказались малы, он вернул их немцу, который не скрыл своей радости, бормоча себе под нос «зер гут». Я показал немцам направление, куда идти в плен, и они ушли в утренний туман. На передовой было тихо, фрицы не стреляли. Когда рассвело, со стороны домов к нам подъехал танк командира второй роты, майора с редкой и очень «армейской» фамилией Подполковников. Он посмотрел на уткинский танк и заключил, что танк можно вызволить двумя тросами. На мой совет не подъезжать к Уткину со стороны траншеи, там топь, майор не среагировал, и итог его «маневра»

был заранее предсказуемый, танк этого ротного также закопался в грязь по башню, застряв прямо напротив танка командира взвода, под наклоном больше 50 градусов. Подполковников начал мной распоряжаться: «Мне в 12–00 с двумя танками надо идти в атаку. Пойдешь вместо меня». Я его послал подальше: «Ты, майор, меня за идиота держишь? Ты же специально свою машину в грязь засадил, а теперь я вместо тебя должен в бой ехать?! Я тебе вообще подчиняться не обязан!» Но Подполковников сразу по рации накапал на меня в штаб, и часов в десять утра к нашему «торфяному завалу» пришел капитан и передал мне приказ, написанный на обрывке бумаги и подписанный самим комбригом, генерал-майором Коноваловым, в котором моему экипажу предписывалось дозаправить танк горючим и снарядами и в двенадцать часов дня атаковать противника. Мы отъехали назад, к какому-то скотному двору, где нас уже поджидал заправщик. Тут же подошел тягач со снарядами. Ко мне присоединился командир другого танка лейтенант Львов и стал помогать грузить заряды. Я отошел за угол сарая, «отлить» и тут увидел, что в одну выгребную яму стащили много трупов немецких солдат. И у одного трупа торчит на мундире муаровая ленточка, именно та, которую я так до конца не оторвал. Спрашиваю у Львова: «Почему вы пленных расстреляли?» Он отвечает: «Знаешь, Мушкет, с моря, в лесок, прямо туда, где стоял штаб нашего полка, прилетел большой снаряд, солидного калибра, видно, корабельный, и с танка Черногубова аж сорвало башню, всего полтора десятка убитых и раненых. И тут эти два немца подходят. Кто-то крикнул: «Корректировщики!» А у одного из них под бушлатом тельняшка. Вот их и хлопнули по горячке…» Я только выматерился… Взяли на борт десять снарядов сверх боекомплекта, уложили их на днище боеукладки, закрыв выход механику-водителю, и я скомандовал Папкову: «Давай! Вперед, к домикам!» Проехали метров пятьсот, и тут по нас стали долбить. И снова: «короткая — выстрел — вперед — короткая — выстрел». Выпустили снарядов шесть, подъехали к разбитому кирпичному дому, а рядом с ним в траншее бойцы. К танку подскочил представительный мужик с усами «под Сталина», не то солдат, не то офицер, запомнилось, что он был еще в ветхой гимнастерке старого образца, и на петлицах были следы «шпал» (говорят, что у некоторых было такое «пехотное суеверие», в бой надевали старую гимнастерку, в которой начинали войну, считалось, что это приносит удачу).

Он сказал: «Я командир штрафной роты. Вы поступаете в мое распоряжение».

Я доложил: «Младший лейтенант Матусов». Здесь уже находились старший лейтенант Валинов и еще один лейтенант со

своими экипажами. Командир штрафников сказал, что сейчас мы пойдем на рекогносцировку. Вдоль фундамента дома был выкопан длинный окоп глубиной до уровня моих глаз. Штрафник начал давать указания: «Лейтенант, ваш сектор обстрела — лес с левой стороны». Мне: «Ваш сектор — опушка леса и станционное здание». — «Опушку вижу, а станционные постройки — нет!» — «Согните правую руку, пальцы в кулак, и справа от кулака все увидите». И действительно, сделав все по совету штрафника, я заметил здание красноватого оттенка. Дальше выделили сектор Валинову — скопление вагонов на станции. И тут штрафник скомандовал: «Товарищи офицеры! Смирно! Наша пехота перерезала железную дорогу, и ваша задача поддержать стрелков огнем и броней. По машинам!» Я побежал к танку, почему-то думая, что этот командир, наверное, бывший «академик» (преподаватель Военной академии), посланный в штрафную за какой-нибудь грех самим Верховным. Забрался в танк и сказал Возовикову, чтобы он перелез на мое место, что я сам буду вести огонь, хорошо понимая, что у старшины боевого опыта мало, а я уже успел побывать в переделках. Пошли в атаку, три танка в линию. Перед нами выросла как бы огненная стена от разрывов немецких снарядов. Бьем по вспышкам орудий с коротких остановок, от каждого нашего выстрела, машина отходит на полкорпуса назад, я вижу отдачу по танку Валинова. Дошли до немецких окопов, вижу каски перед нами, и артиллерия прекратила по нас бить, чтобы не задеть своих. Стреляем из орудия и пулеметов, и тут по рации команда: «Отойти на исходные позиции!», и механик-водитель это тоже услышал.

Не медля ни секунды, Папков, не разворачивая танк, стал сдавать назад на скорости, благо задняя скорость у ИСа 27 км/ч…

Мы снова оказались за домиками из красного кирпича. Я вылез из танка, подошел к этому командиру штрафников, схватил его за грудки и стал на него орать: «Ты, сволочь, сказал, что пехота перерезала «железку»! Где твоя пехота?! Почему никто за нами не пошел?!» Он спокойно похлопал рукой меня по плечу: «Мы вас в БРД посылали, браток. Для смелости. Если устав знаешь, так ты в курсе, что такое БРД». Устав я знал, и что такое БРД — разведка боем, помнил еще по 1-му УФ.

Рядом остановился наш третий танк, и из него вытащили танкиста, раненного в плечо. Вылез лейтенант, командир этой машины, и сказал, что у него от касательного удара снаряда по башне отлетел привод — поворотный механизм. И тут меня этот штрафник спрашивает: «Ты стрелял в секторе опушка леса — станционное здание?» — «Так точно». — «Ну тогда пошли со мной в окоп». Спрыгнули в траншеи, прошли вперед, и он мне

показывает: «Видишь, где черный дым? Это твоя работа, там «Тигр» горит. Точно, твоя работа. Можешь доложить своему ротному, что сжег немецкий танк». Я присмотрелся и увидел, что на земле лежит, по всей видимости, башня от «Тигра», все в черном дыму, слышны глухие взрывы… Вернулся к своему экипажу. Валинов поставил свой танк неподалеку, между разбитыми домами, высунулся из башни и стал наблюдать за полем боя. И тут ему немецкий снайпер всадил пулю прямо в голову. Тело Валинова экипаж принес за дома. На его переносице было маленькое черное пятнышко, а сзади было выходное отверстие с кулак величиной. Просто вырвало кусок головы. Вместе с его экипажем мы быстро вырыли с тыльной стороны здания могилу для старшего лейтенанта и похоронили нашего боевого товарища прямо на этом месте.

Коля Валинов, молодой москвич, умница и красавец с шевелюрой темных волос. Смелый танкист, одним из первых в бригаде вырвавшийся к магистрали во время нашего рейда по тылам противника на Карельском фронте. Замордованный и униженный нашим «старым буденновцем» комбригом Коноваловым, старший лейтенант Валинов нашел свою смерть под Данцигом. Пусть земля ему будет пухом…

После этой атаки Михайлов по рации передал распоряжение вытащить танки Уткина и майора Подполковникова из топи и придал мне в помощь еще одну машину. Пока мы это сделали, пока выкопали капонир для своего танка, потеряли последние силы и, будучи «вдребезги усталыми», в изнеможении забрались в танк и заснули на своих сиденьях в полускрюченном состоянии. Вечером нам передали очередной приказ: в шесть часов утра, по сигналу «две красные ракеты» — атака… Ночью кто дремал, кто травил байки, но в пять утра поднялась стрельба с двух сторон. И мы стали готовиться к бою.

Папков предложил: «Лейтенант, давай НЗ съедим? Вторые сутки ничего не ели». В крафт-мешке лежал наш НЗ: литровая банка немецких мясных консервов, черные сухари и четыре горстки сахара-рафинада. Открыли консервы финкой, по очереди передаем банку друг другу, и только Богданов отказывается есть, говорит: «Вы, молодые, дураки. Зачем жрете перед боем? Попадет пуля в живот, подохнете как собаки», — на что я ему ответил: «Дело твое, как хочешь» — и передал банку дальше, а Папков меня поддержал: «Зато сытыми помрем!» У меня от обильной еды стало распирать живот, и я ослабил поясной ремень, на котором у меня висели «через рычажок» две гранаты Ф-1. А свой револьвер я носил за пазухой комбинезона, чтобы он не цеплялся за откидное сиденье и не мешал быстро вылезать из башни. Я снял одну

гранату с пояса и положил ее на казенник пушки, снова затянул ремень и продолжил есть из банки, заедая мясо сухарями. Вокруг нас все чаще стали раздаваться взрывы немецких снарядов. Возовиков глянул в прицел: «Командир, вижу цель — немецкая пушка. Давай шмальнем по ней!» Пушка была заряжена, и я кивнул заряжающему, мол, валяй, действуй. Выстрел, гильзу отбросило назад, часть копоти от порохового заряда ушла в башню. И тут я вспомнил, что положил «эфку» на казенник орудия. Включили тумблер освещения и башни, и я увидел, что граната заскочила в просвет между казенником и тормозом отката и наполовину зажата между ними… Я хотел попробовать вытащить гранату рукой, и у меня в ладони оказалась только часть ее чугунного корпуса. Говорю экипажу, чтобы лезли под лафет, и попросил у Возовикова отвертку. И в это время в воздух взлетают две красные ракеты… Я отверткой поддел за оставшиеся полкорпуса гранаты… и она выскочила обратно на казенник.

Запал был погнут дугой. Я все ее остатки выбросил через открытый люк… Вот так граната, к нашему общему счастью, не взорвалась. Что интересно, видимо, я был «туповат» и, доставая гранату, страха не испытывал, думал, что от силы мне оторвет несколько пальцев на руке. Мелькнула такая мысль. Но все обошлось благополучно. Кричу: «Папков! Вперед!», сам сел на сиденье артиллериста, а Возовиков забрался на мое место. Мы не смогли сразу выехать, одна гусеница попала в широкую и глубокую обочину, и танк вело юзом. Я выскочил из башни, чтобы направить действия механика, забежал вперед и стал показывать Папкову, куда ехать. Сбоку, из-за деревьев, выбегает высокий немец в грязной шинели и, чуть не плача, поднимает руки и кричит: «Я поляк!» Я махнул ему рукой — назад, танк выбрался из колеи, и мы пошли в атаку.

Впереди отблески, вспышки орудий. Короткая — выстрел — вперед. Все как обычно.

Папков выжимает сцепление, я стреляю, и танк снова идет вперед. Слева от нас лесок, рядом с которым идет в атаку танк командира взвода. На большом подъеме наша машина глохнет, и Папков не может никак ее завести вновь. Решили попробовать завести танк инерционным стартером, на боеукладке лежала заводная ручка. Вставили ручку в гнездо на перегородке моторного отделения и втроем стали ее крутить. Я, раскручивая торец мотора — храповик, крикнул Папкову: «Давай газ!», а сам оттянул рычаг включения, и машина завелась… По местам и вперед! Преодолели подъем и стали спускаться в низину. Я увидел обрыв, дальше шла колея железной дороги, а за ней шел сплошной лес. И в этот момент из леса по нашему танку стали

бить орудия. Снаряд попал прямо в танк, и внутри машины все осветила громадная белая вспышка света, как будто смотришь близко на сварку. На какую-то долю секунды я увидел, что голова Папкова откинулась назад и из его рта идет белая пена. Наверное, это шла кровь, но в белой вспышке она показалась мне пеной. Кричу ему: «Папков!!!», а он… мертвый. Снова истошно кричу уже своим старшинам: «Выскакивайте!» Мы выскочили из танка в разные стороны, они побежали в поле, а я к лесу. В руках у меня автомат ППС. Около леса стояли небольшие пушки, а между деревьями пулеметы на сошках. Кругом кучи стреляных гильз. Бегу в лес, пули свистят, и мне казалось, что это наши по мне по ошибке стреляют. Бегу инстинктивно, не понимая толком, куда и зачем, стреляю из автомата по сторонам. Передо мной бугорок с разрушенным блиндажом, заскакиваю внутрь, а там куча окровавленных бинтов, валяется большой раскрытый чемодан с блестящими хирургическими инструментами…

Я назад к выходу, и тут надо мной летят щепки от торцов бревен блиндажа. Я понял, что по мне стреляют, и юркнул снова в блиндаж. У правой стойки входа я, полусидя, изготовился к стрельбе. И в это мгновение в блиндаж лезет фриц с автоматом, он сразу меня заметил и закричал. Я жму на спусковой крючок, а выстрела нет! Видно, и немцу в этот день счастье, как и мне, перепало. Оказывается, я расстрелял весь рожок, еще когда бежал по лесу… Сначала в проеме показался ствол немецкой винтовки, и я оцепенел.

И тут в блиндаж летит граната на деревянной ручке. Я эти гранаты знал, мы их изучали, да в памяти крепко засел рассказ, как во время гражданской войны в Испании республиканцы выбрасывали эти гранаты из окопов назад на противника, ведь они взрываются только через 6–7 секунд после броска.

И, видно, в критические моменты, когда все в человеке подчинено одному желанию — выжить, сознание «выбрасывает» подобную информацию для спасения. Я потянулся к гранате, и в это время залетела еще одна. Взрыв… мне кажется, что я не терял сознания… Запахло горелым мясом, все внутри блиндажа заполнилось едким желтым дымом, и я стал задыхаться. Боли не чувствовал из-за возбуждения, но правый глаз ничего не видел. Я рукой за лицо, что-то мокрое, и я решил, что мне один глаз выбило осколками, закрыл правый глаз ладонью, левый видит, и я обрадовался. Дышать из-за дыма нечем, я дышал «как рыба». Чувствую, что-то мокрое в одном сапоге, провел рукой — кровь, но вроде кости целы. И в это время начался орудийный обстрел по участку, на котором находился этот злополучный блиндаж, сверху на меня стала осыпаться земля. Желтый дым от

сгоревшего тола слабо выходил из моей западни, я задыхался, но рядом слышалась немецкая речь, кто-то из фрицев подавал команды. Я отбросил в сторону бесполезный автомат и достал из-за пазухи «наган». В голове одна мысль — что, если немцы забегут в блиндаж, я не смогу притвориться мертвым, поскольку не могу успокоиться и сильно дышу из-за нехватки воздуха. Следующий снаряд разорвался совсем рядом, снова посыпалась сверху земля, и я приставил револьвер к своему виску. Плен — не для меня!

В проеме, в двух метрах от меня показалась спина в немецком мундире, руки раздвинуты, видно, смотрит в бинокль. Меня уже посчитали мертвым, и немец не чувствовал никакой опасности сзади. Решение пришло за доли секунды. Я, вместо того чтобы выстрелить в себя и покончить разом со всем, выстрелил в немецкую спину. Немец сник, стал падать, заваливаясь вперед. И в этот момент снова разрывы снарядов в траншее. Еще осыпалась земля, когда я выскочил из блиндажа, перепрыгнул через что-то и застыл на месте… Прямо по траншее передо мной кучно лежали человек пятнадцать немцев в зеленых шинелях, прижавшись к земле, спасаясь от осколков. Я пальнул в одного лежачего и побежал куда-то, вроде вниз к редкому лесу. По мне, видно, немцы стреляли вдогонку, ибо у меня из руки выбило револьвер с такой силой, как будто палкой ударили. Я бежал, пока не оказался возле подбитого ИС-2, люки открыты, ствол сдвинут набок. Забежал сзади танка. Там воронка, я в нее. Осмотрелся, вижу, как недалеко отходит назад наш ИС-2 и в его сторону летит фаустпатрон, как желтая «свиная морда». Где-то недалеко взрыв, и тут я вылетел из воронки и побежал к этому отходящему танку и заскочил за левое крыло. На опушке леса танк остановился, и я скатился с него и пополз туда, где находились позиции наших штрафников. Сил идти уже не было. На душе такая радость — живой! Дополз до штрафников, стал им рассказывать, из какой кровавой каши я только что вылез. Кто-то из них разрезал мой сапог и перебинтовал раненую ногу. Сапог был полон крови. В эту минуты в двухстах метрах от нас в лесу раздались очереди из немецких автоматов. Я посмотрел в сторону и увидел, как стоят в ряд наши танки Т-34, но тут машины стали загораться одна за другой, и часть танков просто стала уходить за опушку, стрельбой из пулемета сдерживая немецких автоматчиков. Штрафники разбежались по сторонам… И я снова пополз по вдавленному следу к линии наших окопов, переполз через них, впереди меня небольшой холмик, там вырыт окоп, и из него какой-то сержант с медалями на гимнастерке кричит мне: «Давай сюда!» Я подполз, а у него тесный маленький окопчик глубиной по пояс, но рядом

была вроде еще пустая вырытая ячейка. Оттуда вылез солдат с сумкой, на которой был красный крест. Сержант кричит ему: «Перевяжи раненого!» Я заполз, санинструктор стал бинтовать мне голову, оставив открытым только один глаз. Я ему сказал: «Спасибо, браток, я свое отвоевал», и пополз дальше в низину, и снова вверх на бугор. Смотрю на поле боя, и насчитал на нем 17 наших танков, некоторые из них сильно дымились. Сержант кричит мне с другого бугорка: «Ползи назад, ко мне, по тебе стреляют». И я увидел, как навстречу бегущим штрафникам появился на возвышенности человек в солдатском ватнике, с винтовкой с оптическим прицелом в руках и орал на бегущих: «Назад!», и бойцы стали поневоле возвращаться в брошенные окопы. Дополз до сержанта, и он мне говорит: «Видал, это наш капитан остановил драпальщиков», а я еще подумал, вроде заградотряды уже отменили, откуда тогда взялся этот офицер со «снайперкой»… Меня всего мутило, я не мог найти себе места, дикая жажда, и я снова выполз из неглубокого окопчика и пополз к дороге, в кювете которой был маленький ручеек. Все руки в грязи и в крови, и я лакал мутную воду, как собака. Рядом разрывы мин, слышна сильная перестрелка. Возвращаюсь к сержанту, а он… сидит в окопе, голова откинута назад, руки выставлены вперед, уперты в край окопа, и с них как будто шкуру с пальцев срезали, все в крови. А на груди сержанта вогнута внутрь медаль «За отвагу» и впадина, видно, мина попала ему в грудь и разорвалась. Мимо ползет девушка с санитарной сумкой, добралась до убитого сержанта, сняла с его руки часы, кинула в сумку и снова поползла вперед.

Боец из соседнего окопчика, тот, который бинтовал мне голову, крикнул: «Это наш санинструктор, Маруся. Не баба, а конь с яйцами. А тебе, танкист, повезло. Как тебя сержант в свой окоп звал… Счастье твое, что ты от него уполз, а то сейчас бы также мертвым валялся!» Я снова стал испытывать жажду и опять пополз напиться к дороге. На ней появился тягач, Т-34 без башни, танкисты с него меня заметили, подняли на броню и привезли сразу в какой-то санбат или полевой госпиталь. Мне вкололи противостолбнячную сыворотку, раздели догола, положили на операционный стол, привязав к нему жгутами руки и ноги. Пришел врач-хирург, спросил: «Пьешь много?» — «Нет, я малопьющий». — «Это нормально». Налицо положили марлевую повязку, и медсестра начала капать раствор из бутылки.

Я задыхался, такое ощущение, будто тебя медленно душат, и ты проваливаешься в бездну с великим грохотом в голове, словно тебя по ней кувалдой огрели. Очнулся я, как мне показалось, минут через тридцать, уже на носилках, и услышал, как хирург

диктует кому-то из своих: «Запишите, сестра, сделано два продольных разреза голени: 18 и 12 сантиметров». Занесли меня в палату, а там уже лежит командир моей роты капитан Михайлов. Ему, когда он выскакивал из горящего танка, две пули попали пониже спины и прошли навылет. Михайлов ко мне всегда неплохо относился, хотя с другими танкистами был груб и заслужил от них прозвище Волчара. Михайлов сказал, что Уткин погиб, ему оторвало голову. Мы пролежали в госпитале 18 суток, он уже ходил с палкой, а я на костылях, и когда бригаду перебрасывали на Одер, нас, по распоряжению танкового начальства, забрали из госпиталя с собой. Мы почти выздоровели, и когда вернулись в полк, то Михайлов снова стал командиром роты, а меня опять взял к себе командиром экипажа танка ИС-2. И тут выясняется, что в том бою мои танкисты Возовиков и Богданов также спаслись, они снова попали со мной в один экипаж, а механика-водителя мне дали из бывших политруков, прошедших после упразднения института военных комиссаров переобучение на строевые воинские специальности. Механиком оказался старший лейтенант, казах Джамбаев, которого я называл по отчеству — Джамбаевич. Было ему уже лет 40–45, невысокий, коренастый, с грубым смуглым лицом. Он рассказал, что в армии служит уже седьмой год, сего слов, он участвовал в финской кампании, а в Отечественную на фронт попал впервые, только сейчас, весной сорок пятого, и под Алма-Атой у него осталась жена и четверо детей. Джамбаев был тихим, выглядел каким-то подавленным, и я подумал, что ему, старшему лейтенанту, неприятно, что он должен подчиняться мне, офицеру в звании на две ступени ниже его. Как механик-водитель он был подготовлен слабо, и мне приходилось ему все время что-то показывать и подсказывать. Перед форсированием Одера весь офицерский состав полка собрали вместе и нас предупредили, что мы будем двигаться по дамбе к реке, и если какая-то машина заглохнет, то ее сразу будут сбрасывать под откос, чтобы не замедлять движения колонны полка вперед. Дамбу мы проехали без ЧП и добрались до тяжелых понтонов, которые должны были перебросить танки на другой берег. Мой ИС должен был переправляться первым, но командир полка Ленков приказал: «Отставить!» и добавил, что первым через Одер пойдет его танк. И тут случилось несчастье. Танк комполка заехал на понтон всего метра на полтора, как противоположная часть понтона поднялась и вздыбилась на водой. Механик, старшина, с улыбкой вылез из танка, и ему Ленков махнул рукой, мол, проезжай дальше вперед. Механик обратно в танк, проехал еще с метр, и тут понтон «вывернулся» из-под танка, «сыграл», и машина моментально

ушла под воду. Там глубина была метров семь. Механик утонул… А он был еще раньше, в Карелии, водителем танка у погибшего лейтенанта Валинова, и тогда произошла с ним беда, танкисты пошли поохотиться, и этот механик случайным выстрелом ранил своего товарища. Получил за это от трибунала три месяца штрафной роты, и когда он по истечении срока вернулся в полк живым, то подполковник Ленков взял его в свой экипаж как классного механика-водителя. И вот он… так глупо погиб на наших глазах… Уже потом, когда танк подняли со дна реки, этого старшину похоронили со всеми почестями. Стали разбираться с понтонерами, и выяснилось, что их командиру, капитану, сказали, что переправляться будут Т-34, а не ИС-2, которые на 18 тонн тяжелее тридцатьчетверок, вот и произошла трагедия — понтон не выдержал тяжести.

Мы ждали на берегу, пока не пригонят более мощные понтоны, нас перебросили через реку, а там еще один рукав разлился. Мы снова двигались по дамбам, потом скапливались для атаки в низине. К вечеру полк вышел на шоссе Берлин — Штеттин, и наши танки прорвали фронт противника. Впереди нас шли Т-34, а наша полковая колонна пошла по дороге за ними. Нас обогнали бэтээры с пехотой, и в сумерках мы попали в засаду. Сбоку из леса по колонне стали бить несколько немецких танков, загорелись наши колесные машины, но паники не было. Мы развернули башню, выпустили по танкам несколько снарядов. А потом немецкие танки ушли в глубь леса. И мы снова пошли вперед. Наша лавина проскочила городок, который, кажется, назывался Демин, и на развилке увидели указатель — «До Берлина — 80 километров». Доехали до какого-то большого города, все танки развернулись в линию и приготовились к атаке. Передо мной, чуть левее, метрах в трехстах каменный мост, и я сразу подумал, что немцы застрелятся, но этот мост обязательно заминируют. И точно, как только на мост заехал первый Т-34, раздался взрыв, и от моста полетели обломки. Экипаж погиб. Мы обошли переправу по каким-то канавам и оказались на окраине этого города. По нас не стреляют, стало не по себе. И тут мы видим, как навстречу нам с белыми флагами идет колонна немецких солдат, заезжаем в город… а там на всех окнах висят белые простыни или самодельные белые флаги. Германия сдается… Мы без боя дошли до центральной городской площади, и наша колонна остановилась. Это было 28 апреля 1945 года. Так для нас закончилась война…

После войны

Демобилизовался я из армии 5/1/1947 года. В Донбасс возвращаться не было смысла, почти вся моя семья погибла от рук немцев в оккупации. И я поехал к старшей сестре, оставшейся после эвакуации жить в Узбекистане. Приехал на рудник Койташ Джизакской области УзССР, и на этом руднике по добыче вольфрама я проработал 42 года, провел в шахте под землей с 1947 по 1989 год. Начинал простым подземным бурильщиком разведочных скважин, по седьмому разряду, через два года стал прорабом подземных буровых работ, потом закончил заочно Семипалатинский геологоразведочный техникум и на своем руднике трудился геологом капитальной разведки. Работал на совесть, вкалывал, как каторжник. Женился на девушке из Белоруссии, медсестре, но вот уже прошло почти 16 лет, как достался один, жена ушла из жизни.

А мой рудник Койташ, который я знал как свои пять пальцев, уже закрыт, и все подземные шахты затоплены, говорят, что якобы из-за истощения рудных запасов…

Кузьмичев Николай Николаевич

Я родился в Пензенской области, район Белинский, раньше он был Чембарский, село Вершина, Вершиной назвали не случайно, потому что в нашем селе есть точка, откуда вода течет в одну сторону — в Волгу, в другую сторону в Дон. Вот село и назвали Вершиной. Родители — крестьяне, потом колхозники. В 39-м году, отучившись семь лет, закончил неполную среднюю школу, ШКМ (школа колхозной молодежи). У меня был выбор: или пойти учиться в педучилище в Чембар, или идти в среднюю школу. Пойти в среднюю школу материальные возможности не позволяли, а учителем мне быть не хотелось. Собрались нас четверо ребят и решили ехать учиться в фабрично-заводское училище в Тулу при оружейном заводе. Там мы должны были учиться два года. Так получилось, что поступил я туда один. 39-й год… в декабре началась финская война. В этом году была очень суровая зима. В Туле морозы доходили до 46 градусов. Карточек не было. Хлеба хватало, но запасов не было. Школа предоставила нам койки у населения, общежитие тогда не могли предоставить.

В 40-м году в кинотеатрах показывали киножурналы минут на 15–20: внутренняя и международная обстановка, демонстрации в Таллине, Каунасе в поддержку присоединения к Советскому Союзу. В 40-м году к осени вышло постановление правительства или Совета народных комиссаров по созданию трудовых резервов. ФЗУ изменили название на ремесленные училища. Нас досрочно выпустили в декабре 1940 года, и мы попали на завод. Я работал токарем 5-го рабочего разряда. Декабрь 1940 г. Трехсменная работа. С 8 до 4, с 4 до 12 и с 12 до 8. Если выполняю норму за 8 часов, то стоимость моей работы — 14 рублей 70 копеек. Если перевыполняю, например, полторы нормы дал — еще 7 рублей 35 копеек. Стал зарабатывать 700 рублей. Первый месяц — 312, потом — 400 и так далее. Ко мне подходит токарь, значительно старше меня, лет 40. Говорит: «Коля, ты знаешь, ты сейчас молодой, быстро все делаешь, мы тоже такими были. Через несколько лет у тебя не будет такой прыти. Учти, если ты так будешь делать постоянно — нам всем норму повысят. Так что давай — не больше полторы нормы». Ладно. Полторы нормы и выполнял.

В 1941 году мне было 17 лет. 22 июня было воскресенье, я как раз вышел с третьей смены. Пошел по городу погулять. В 12 часов по радио (на улице на столбах висели большие репродукторы) выступил Молотов, председатель Совета Министров, он объявил о том, что началась война. Гитлеровцы

вероломно напали, нарушив договор, без всякого предупреждения. Сказать, что наши не знали о готовившейся войне, нельзя. Все чувствовали, даже я. Знали, что война все равно будет, но что так быстро — не ожидали, да и не хотелось. Только что установилась более-менее в материальном отношении благополучная жизнь.

Я немножко забегу вперед и скажу, что, когда попал на фронт, я слышал разговоры пехотинцев. Они говорили, что только началась хорошая жизнь, с колхозами все уладилось, а тут тебе на! Вот так. Да…

Сразу сделали двухсменную работу — по 12 часов. Со следующей недели — с 8 утра до 8 вечера и с 8 вечера до 8 утра. Через неделю, когда утром освободился, неплохой день, кушать захотелось. Куда пойти? Везде карточки, но и не всегда по карточке еду получишь. Пиво же отпускали без карточек. Была пивная на ул. Советской, берешь кружку пива — тебе бутерброд, или с окороком, или с красной рыбой. Я взял две кружки пива из-за того, чтобы взять два бутерброда. Пиво, показалось, отдает полынью — в первый раз попробовал, но не выливать же. Бутерброды все съел, но сделался пьяный.

Конечно, мы болезненно воспринимали отступление. Ведь тогда пели песни: «Мы чужой земли не хотим, но и своей ни пяди не отдадим». А тут отступают! Не знаю, как взрослые, но у нас, у молодежи, было ощущение, что все же мы дадим им сдачи, он нас не победит. Но как бы там ни было, к сентябрю немец Орел взял, а это от Тулы 70–80 км. Все ближе и ближе подходит.

Я первый раз попал под бомбежку в октябре. После 8 часов вечера. Шел возле вокзала. Перешел я через мост, отошел метров 150–200, смотрю — самолет низко идет по направлению к железной дороге, хорошо видны на крыльях кресты — ночь была не темная. Шел он как раз по направлению к железной дороге, а там река и мост. Я сразу подумал, что будут бомбить мост. И тут услышал взрыв. Это первая встреча с немецкими самолетами, с немецкой авиацией. Правда, оказалось, он промахнулся.

Началась эвакуация в сторону Ряжска. Отъехали, может, километров 100 или больше, и налетели бомбардировщики. Состав остановился. Мы все в сторону. Нам 17 лет — быстрые. Отлежались, а поезд уж трогается, так я от него и отстал. До ближайшей станции дошел — нету моего эшелона. На попутном до узловой — там нет. Куда податься? До Ряжска грузовыми доехал, а там и домой к середине октября добрался. Меня на окопы. Западнее Пензы рыли противотанковые рвы, траншеи. Потом мы вернулись. Отец у меня был пожилой — ему было за 60. Участвовал в Первой мировой войне против немцев, был в

плену в Австро-Венгрии. Он говорит: «У тебя же есть специальность, иди в машинно-тракторную мастерскую в районном центре, токарем». Меня приняли не по 5-му разряду, а по 6-му, а разряд тогда имел оплату. На машинно-тракторной станции я проработал 7 месяцев. 10 августа 1942 г. меня призвали, и так как я имел 7-летнее образование, да плюс я стал уже с 39-го рабочим, меня направили в Ульяновск в танковое училище. Там было два училища — первое и второе. Первое — это гвардейское училище тяжелых танков, а второе было организовано в 41-м году из Минского пехотного училища. В основном учили на танк Т-70, были учебные Т-60, Т-37, 38.

— Вы осваивали целый спектр?

— Да сначала посадили на танкетку Т-27. Потом Т-60, а после, как освоили, — Т-70, на котором год должны были учиться. Программа жесткая была: 9 часов занятий плюс три часа самоподготовки — это 12, а тут еще обед, завтрак и ужин. После ужина: уход за оружием, личное время для того, чтобы написать письмо. Времени было мало. Учебный процесс фактически шел 9 месяцев. В июле мы сдавали экзамены. Потом у нас были полевые занятия, выезжали на несколько дней. Как в настоящем бою с точки зрения маршрута и так далее. Потом нас выпустили. Присвоили нам звания лейтенантов. Два или три человека получили мл. лейтенантов — они не совсем успешно сдали экзамены. Выдали нам форму, звездочки. Как раз в 1943 году ввели новую форму. И тем не менее мы ходили в столовую строем. Сапоги выдали нам кирзовые, и то хорошо — пехотинцам выдавали обмотки. И вот в конце августа мы уже собирались отправляться по назначению. Построили нас и объявили: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР отныне присвоить звание мл. лейтенантов». Звездочки долой, а в удостоверение перед словом «лейтенант» поставили «мл.», и точка. И мы поехали на фронт. Я попал в группу, которая отправлялась на Брянский фронт. Нас сопровождал подполковник. Он нас отпустил по домам, сказав, чтобы через три дня собрались в Ряжске.

На одной из станций, что между Орлом и Тулой, видели результаты недавних боев. Село, церковь, а на церкви башня тридцатьчетверки, рядом корпус весь развороченный. Экипаж испарился. Это оставило неприятный осадок. Мы прибыли в Брянск. Побыли несколько дней. Нас разместили в отдельный сводный танковый батальон. Буквально через неделю, в начале октября, нас отправили на Второй Прибалтийский фронт. Добрались мы до Великих Лук, а затем до станции Устожка. Днем

слякоть, а ночью морозы. Мы прибыли в 78-ю отдельную Мемельскую танковую бригаду, которой командовал Кочергин. На вооружении стояли Т-70. Это был ноябрь. Осень была дождливая и снежная. В землянках стояла вода. Сапоги наши прохудились. Дали валенки. А валенки мокрые, сушить где — негде, и застудил я легкие, попал в госпиталь. Да к тому же у меня началась чесотка. Лечили… Когда обратно прибыл, машина вышла из строя, и нас решили отправить в Москву.

— Сломалась?

— Сломалась или подбили, шут ее знает. Заменять нечем.

Прибыли в Москву. Направили нас в Сызрань на переподготовку на СУ-76, что выпускались на базе Т-70. Как раз в ночь с 7-го на 8-е поездом мы ехали на Куйбышев, мне сравнялось 20 лет. Помню, в Москве купил две бутылки водки, а на закуску нам паек давали. Стоила бутылка водки 400 рублей. Получали мы так: командир танка — 650 рублей, 400 рублей за звание (мл. лейтенант) и плюс 50 процентов полевых. Короче говоря, 800 рублей я нашел, и по дороге мы это дело отметили. В Сызрани меня признали негодным для обучения — с сердцем не в порядке. Откровенно говоря, я обрадовался, потому что СУ-76 крайне неблагоприятна для экипажа. Отправили меня на переподготовку на Т-34.

В конце июля 1944 года нас отправляют в Горький. За городом располагался запасной танковый полк. Там формировались экипажи, взводы и роты. Там происходило сколачивание. Мне определили механика-водителя, командира орудия и заряжающего. А радист-пулеметчик был только на командирском танке. Были ребята, которые постарше меня и по званию повыше, они были командирами взводов. Кто-то командиром роты. Мы отрабатывали упражнения для сплочения экипажа, взаимопонимание отрабатывали, все приемы, которые необходимы. Также и во взводах, мы, офицеры, проводили занятия. Жили не в палатках, а в землянках. Жарко, июль. Там песок и сосновый лес, не успели заснуть, как нас начали мошки атаковать. Утром стали обмениваться впечатлениями, ребята говорят: «А мы уходим отсюда подальше в лес и спим на деревьях». Деревья лиственные. Я попробовал один раз, когда невтерпеж стало. На суку задремал. На стуле сидеть и то сложно, а тут… вот такие были условия. Через какое-то время мы пошли на Сормовский завод. Он был известен речными судами, мы там помогали собирать танки и одновременно знакомились с устройством машины. Получили машины и после учения с боевой стрельбой, завершив сколачивание экипажа, погрузились и через

Москву на Белорусский вокзал, это уже понятно — оттуда только на запад, не в Прибалтику, не в Карелию и не на Украину. Хороший был день. Мы прибыли поздно, ночью, и салют был. Какой-то город на Украине освободили. Потом поехали — Кунцево, Вязьма и дальше. На одной станции подсоединили нам госпиталь, его передовой отряд, который ехал к новому месту дислокации. Мы, когда остановились, вышли, смотрим — гуляют женщины, девушки, в основном девушки. Познакомились. Была там одна девушка, ей было 17 лет. Мы расстались, но обменялись адресами. Завязалась у нас переписка. Потом она нарушилась. У меня остался ее московский адрес. Потом после войны я к ней приехал, и мы поженились. Так вместе и живем. Прибыли мы в Польшу, на Пулавский плацдарм в 36-ю Краснознаменную орденов Суворова и Кутузова Танковую бригаду 11-го Берлинского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова танкового корпуса. Как раз наш плацдарм располагался против г. Раменка, за освобождение корпусу присвоили звание Раменский. Марш совершили, наша авиация там все охраняла, и во время марша на нас никто не посмел напасть. Побыли мы на нашей стороне, провели учения, боевую стрельбу. Было и такое упражнение: заряжающий берет лопату и идет метрах в 10–20 впереди танка, штык лопаты перемещает влево-вправо, вверх-вниз, а наводчик должен прицел орудия держать по центру этой лопаты. Я тоже тренировался — это очень тяжело. Обязательно нужна взаимозаменяемость. Механик-водитель тоже тренировался — мало ли что случится в боевой обстановке. Он меньше, но, тем не менее, он освоил все необходимые приемы, при случае чтобы мог и из пушки, и из пулемета стрелять.

Немцы хотели нас сбросить в Вислу с этого плацдарма, поэтому мы всегда находились в боевой готовности номер один. Рыли окопы на танкоопасных направлениях. На одном из танкоопасных направлений вырыли ночью окопы. Утром всех командиров танков и командиров взводов повели по маршруту, по которому мы будем продвигаться, наши окопы размещались на открытом месте, справа лес, слева ручей проходит, впереди свободное место и лесок, за ним немцы. Туман был. Пока туда-сюда, туман разреживаться стал, и нас засекли, мы слышим — мины, и кто куда. Рядом траншея, а там вода, в воду не хочется. Я руками и ногами на край траншеи и опускаюсь туда, несколько мин выбросили, затишье, руки-ноги уже стали мертветь, еле поднялся, но не замочился.

Простояли мы там довольно долго. И вот 14 января утром артподготовка. Сигналом был залп «катюш», и пошли. Мы первый день в боях не участвовали — участвовали танки

непосредственной поддержки пехоты. Что там говорить, не самое лучшее для танкистов прорыв обороны с противотанковой артиллерией, но я не видел по дороге ни одного нашего подбитого танка. На третий день 16-го получилось так, что наш взвод был в походной заставе, наш экипаж во взводе был первым, и вот подошли к Кракову. Остановились. Стоит рубленый сарай, на западной стороне куры под нижним бревном на солнышке греются. Обед. На марше два раза ели, если позволяла обстановка. Скоро солнце сядет. Дали нам по 100 граммов — принесли крышку от котелка, в которой был налит спирт. Его давали 43,5 кубика. Только мы сели — команда: «По машинам!» Котелки-то ладно. А куда спирт девать? Оставили с тем расчетом, что вернемся и выпьем. Мы сели. Идем. Там подъемчик небольшой. Показался домик, около него стоит пушка. Я командую: «Осколочным заряжай!» Командир орудия у меня Пугачев, москвич. Такой рыжий здоровый парень. Я говорю: «Стреляй». Он дрожит. Метров двести — недалеко, и видно, как из домика выбегает расчет. Я его отстранил, выстрелил, снаряд разорвался рядом, они убежали, он пришел в себя и вторым снарядом пушку разбили. Дальше едем, смотрим — поле. Что-то подозрительное. Мины. По радио докладываю: «Вроде минное поле». Обхожу слева. Налево повернулся — сбоку по дороге идет колонна танков. Даю команду: «Подкалиберным заряжай! Не стреляй. Команду дам». А танки вроде немецкие — с набалдашником (дульный тормоз. — А.Д.). Мы наперерез — они на нас ноль внимания, ближе подъезжаем — ИС-2. Они остановились. Мы вышли на дорогу и пошли по шоссе. От шоссе небольшой уклон, насыпь, механик говорит: «Давайте сойдем с шоссе и пойдем под прикрытием насыпи». Так и сделали. И тут по нас открыли огонь. Попадают или в насыпь, или мимо нас. Остановились. Уже стемнело, у меня отказала радиостанция, к нам пришел посыльный от командира батальона. Командир приказал вернуться, и мы задним ходом отошли. Вернулись. Экипаж остался в машине, автоматчики рядом. Доложил комбату: «По вашему приказанию прибыл». Он командира взвода матом: «Юноша чуть ли не первый бой принимает и то догадался, а ты на рожон полез!» Оказалось, что танк командира взвода подбили, пока он двигался по шоссе. Ранило механика-водителя, машина не загорелась, но была повреждена. Всего подбили две машины. С другой роты, Белов, командир орудия, погиб. Встретила нас зенитная батарея, 88-миллиметровые пушки. Утром пошли дальше, и смотрим, впереди пушка на прицепе. Фуганули — они застряли, Видимо, это было то самое орудие, что по нас стреляло. Город Томашув, это на реке Пилица, западный приток Вислы, там

немцы взорвали мост через реку, нам пришлось форсировать по дну, а перед этим колонну немцев раздавили.

— Колонна машин?

— И машины и самоходки отступавшие, не «Фердинанды», а типа «артштурм». Форсировать пришлось по дну. Короче говоря, все члены экипажа перешли по льду на ту сторону, а там командир бригады, покойный нынче, ГСС, полковник Жариков Иван Алексеевич, встречал: кружка спирта, закуска.

— А как же по дну-то, герметично же машину не закрыть?

— Конечно, сплошной ливень, промокли. Сразу по чарке водки. Согрелись, но мокрые, поехали дальше. Впереди г. Лодзь. Тут у нас стартер замкнуло — купание сказалось, потом заводили с толкача, но в конце концов до Одера дошли. Лодзь взяли без потерь, дальше идем, все нормально, мы немцев опережаем, они всегда сзади. Идем, ночь уже, справа высотка, и с нее фаустпатрон — промахнулись.

За Лодзью взяли спиртзавод. Ребята говорят:

— Надо спиртом запастись.

— Куда? В питьевой бачок? — Они из алюминиевого сплава, по 2 литра каждый, закрывается винтовой крышкой.

— Мы же за два дня не дойдем до Берлина — мало будет!

— Тогда надо в топливный бачок (два топливных бачка и один запасной масляный), объемом по 90 литров. Хорошо промой этим же спиртом и заливай под завязку. Ну, иди…

— Мы уже залили.

Я вам говорил, что в наступлении мы опережали немца, естественно, на марше скорость максимальная, у механика-водителя люк открыт, я как командир сижу, люк тоже открыт. Ветер, температура градусов 10–15, просифонивает насквозь. Комбат дает команду: «Малый привал!» Открываем бачок, закуска у нас уже есть (до войны такой толстой колбасы я лично в Туле не видел. Хорошая колбаса была, и сало украинское толщиной в ладонь, и шоколад у нас был, и изюм), наливаем граммов 150 70-процентного спирта, сразу воду и закусываешь. Потом команда: «По машинам!» — и вперед. Мы за сутки по 90 километров наматывали на танке, да тут еще и огневые столкновения были. В общем, за сутки 8–10 раз останавливались. Потом, когда до Одера дошли и нас переправили на плацдарм, оказалось, что там тоже спиртзавод был. Наши взяли, узнали, что спиртзавод, и напились. Немцы пошли в атаку и всех перебили. Наши с потерями отбили, опять напились, оставили, опять взяли. Начальство догадалось, цистерну нашли, вылили на землю, было это в начале февраля,

снега большого не было, мирные жители ушли, а коров оставили, и вот эти коровы напились пьяными. Нам это рассказали. 23 февраля, это праздник, к этому моменту Жуков отдал приказ: «Войскам, которые находятся на Плацдарме, 100 граммов не выдавать». Почему? Своего хватало!

Дошли до Одера, и нас направили вдоль него на север. Потом переправляли на ту сторону на пароме. Слепа дамба. Поставили машину, и затяфкали наши зенитки 37-миллиметровые. Смотрим — «Фокке-Вульф-190» разворачивается и на нас пикирует. Ну куда деваться? Весь экипаж спрятался за танк, чтобы в тени быть, потом видим, летит бомба. Представляете наше ощущение? Упала она на дамбу с той стороны и там взорвалась. Повезло.

Там у нас еще были бои по расширению плацдарма, 2 марта, тогда два плацдарма соединились и окружили Кюстрин. Мы действовали с 8-й ударной армией Чуйкова. Нас поставили на внешнюю линию окружения, мы зарылись. Представь, чтобы танк зарыть, примерно 28 кубометров земли надо вынуть!

— С вами были автоматчики?

— Да. Зарыли. Сижу я и наблюдаю, погода пасмурная, но дождя нет, у меня бинокль немецкий, я вперед смотрю. Механик-водитель принес обед. Я сидел на крыше, опершись на люк заряжающего. Спрыгнул с башни на трансмиссию, потом на землю, и вдруг пролетает над головой болванка. Покушали. Обратно полез, и тут мне стало страшно. На люке, вокруг отверстия сделан валик из металла диаметром 100 мм, чтобы вода внутрь не затекала, так вот на этом валике осталась вмятина от пролетевшей болванки. Задержись я на 10–15 секунд — ничего бы от меня не осталось. Это не бой. В бою — там азарт. Приказ. Ждем сигнал к атаке. Когда ждешь, всякие мысли лезут: «Что будет? Живой останешься или калекой? Повезет или не повезет?» Лучше быть убитым, чем стать калекой. Конечно, матери пусть калека, но живой. А когда первый выстрел сделали, приходишь в себя.

Так вот объявили, что будет пехота меняться. А у меня перед этим, как раз 2-го марта, когда расширяли плацдарм, ранило командира орудия Михаила Михайловича Азизова (вообще-то он Магомед Магомедович). Мы взяли небольшой населенный пункт и видим — встает в нашей шинели с карабином пехотинец и стреляет в него. Оказалось, власовец. Попал в автомат. Потом его ухлопали. Наводчика в тыл отправили. Он сам дошел, все нормально. После Победы он вернулся к нам в часть. Дали другого. Парень из Сталинградской области. Сорвиголова.

В начале марта они попытались прорваться из Кюстрина. Я

говорил, что нам сказали, что пехота должна меняться. Видим — идет колонна со стороны внутреннего кольца. Кричим: «Стой! Кто идет?!» А оттуда по нас… На трансмиссии лежал ящик с итальянскими гранатами, такие кругленькие, как яйцо. Я гранату бросил метров на 50. И началось. Вытащили лобовой пулемет — они же на нас с тыла зашли. Башню развернули. Со мной автоматчик. Пулемет на бруствер поставили, огонь ведем. Попали или нет — не разберешь. И тут взрыв! У меня пулемет ДТ подбросило и мне диском по носу, я на какое-то мгновение отключился. Оказалось, кто-то фуганул из фаустпатрона, и он, не долетев до меня, стукнулся об землю. Основной взрыв в землю ушел, а этот пулемет мне нос сломал. Отбили атаку. Израсходовали 8 снарядов и 16 дисков пулеметных. Положили человек 800. И когда рассвело, они флаг выбросили.

Числа 10-го или 9-го нас разместили в небольшой рощице. На плацдарме войск уже было много. Мы опять зарылись. День был хороший, солнечный. Это уже ближе к 16 апреля. Остались мы по одному человеку в машине, а остальные в баню пошли. Я стою на боеукладке, крышка люка заряжающего открыта, моя голова выше крыши башни. Стрельба идет, слышу — что-то урчит, фырчит, я за ручку крышки люка беру и закрываю. В это время взрыв! У меня из глаз искры, дышать нечем! Больше ничего не взрывается. Очухался. Танк стоит, а метрах в двух от него воронка, метра два-три в диаметре и глубина с метр, не меньше. Хорошо, что это был одиночный выстрел. Чуть-чуть бы, и все… Смотрю, на стволе пушки вмятина приличная. Чехол, как пошли в наступление, 14 января не надевали, а заклеивали бумагой, чтобы в ствол пыль не попадала. Открываю — внутри выступ, стрелять нельзя. Доложил по команде, с 15 на 16 ночью нас послали на сборный пункт аварийных машин, менять ствол пушки. Посмотрели. Говорят: «Вы ложитесь». Мы легли спать на брезент и брезентом накрылись — тепло уже было. Разбудили. Гул стоит, самолеты идут туда и обратно, «катюши» играют, артиллерия бьет! Мы спали и ничего не слышали. Техники говорят: «Принимайте». Приняли. Догнали своих.

22 апреля мы вышли к восточному пригороду Берлина, Марцану. Там мы ночевали. Пришли туда к вечеру, пригород выглядел так, как наши садовые участки. Небольшие домики, щитовые однокомнатные, в доме диванчик. Вишня или черешня под окном. Не разрушали его. Когда бои шли, конечно, и дома эти, и сады давили, тут никуда не денешься. Пошли дальше. Вышли на улицу, которая пересекалась с Франкфурт-аллеей, которая шла от центра и по направлению к Франкфурту-на-Одере. Пересекли ее. Дальше Шлиссенгарт, Восточный, а раньше

Селезский вокзал. Мы остановились перед перекрестком, на углу справа виднеется ствол. Наши автоматчики сказали, что там зарыта самоходка. Фуганули по ней из фаустпатрона, а там никого — сбежали все. Мои товарищи были впереди, я шел несколько сзади справа, и ко мне обратились артиллеристы за помощью. Попросили пойти на улицу, которая шла параллельно Франкфурт-аллее и пересекала нашу, между Франкфурт-аллей и Селезским вокзалом. Оказалось, что это артиллеристы 122-миллиметровых гаубиц. Они вошли на улицу, а с верхних этажей по ним открыли огонь и расчеты побили, они отступили, оставив орудия. Я по верхним этажам из пулемета и пушки работал, а автоматчики, которые со мной были, заняли эти дома. Орудия вернули.

Наш батальон через сутки боев вывели в резерв бригады, для штурма рейхстага, и мы целые сутки не участвовали в боях. В резерве — это что значит? Мы на одной улице стоим, а на параллельной бой идет. Вот это резерв. В штурме мы так и не участвовали, говорили, что нам не подготовили переправу через Шпрее. Пока в резерве стояли, автоматчики и экипаж нашли бутылки. Думали, ситро, а оказалось — это шампанское, жарко было: напились, и нас немножко повело. Весело было. Надо отдыхать. Легли под машину. И тут началось — бомбили тяжелые бомбардировщики соседнюю улицу — небольшое землетрясение. Танк аж подпрыгивал!

Мы выходили на Александр-плац, ближе к центру. По-моему, это 29 или чуть ли не 30 апреля. Утро. Мы стоим посередине улицы — у стены нельзя, а то может обвалиться или сверху что-нибудь кинут. Впереди ИС-2 нашего корпуса, сзади метрах в 50, поближе к стене, стоит СУ-76. Стоит и стоит. Взрыв! Я стоял сзади своего танка — под машину забрался моментально. Видимо, в самоходку попала мина. Экипаж остался жив, потому что был в подвале. Они-то знают, что в их самоходке оставаться нельзя, если не идешь в бой. А мы наоборот — под машину прятались.

Подошли к Александр-плац. С вокзала по насыпи идет колея, да и сам вокзал находится на уровне второго этажа. Под насыпью были какие-то складские помещения, рядом тюрьма. Получил задачу: занять позицию перед этой железнодорожной насыпью между двумя домами. С этой улицы, где самоходка взорвалась, чуть продвинулись и завернули за угол. Встали — наш танк и еще один из третьего батальона, но командира я лично не знал. Стоим — где что-то зашевелилось, мы туда снаряд или с пулемета. После одного из выстрелов командир орудия упал на колени. Я подумал, что его убило, а оказалось, что наши

ремонтники болты, которыми держится специальная накладка на казеннике, не завернули, а забили. Стреляли мы много — за сутки несколько боеукладок опустошали. Стреляли практически по одиночным солдатам. Накладка отлетела и ударила по прицелу, в который смотрел наводчик. Может, он и сознание от удара потерял. Стрелять больше нельзя. Я доложил по радио и получил приказ на отход. Я отошел и за угол — к остову самоходки. Механика-водителя на машине отправил на СПАМ (сборный пункт аварийных машин), а сам решил вернуться ко второму танку. Прихожу, смотрю: машина оттянулась назад, командир танка прыгает с башни, и у него нога подломилась. У него ранение в ногу, кость перебило. Оказалось, что механик-водитель увидел, как появился ствол, и повел машину назад, вместо того, чтобы туда сразу снаряд, как мой экипаж делал — выстрелил, и сразу заряжаем новый. Назад сдал — это же отступление, за это не погладят по головке. Командир, видимо, приказал вернуться назад, они высовываются, а им под башню и фуганули. Наводчика убило, он ниже его, а командира в ногу ранило. Если у тебя инициатива, ты первый вышел на эту позицию, не упускай ни под каким предлогом.

— А в Берлине большие были потери среди танков?

— Потери… у меня же тоже потеря! Я танк потерял, правда, не безвозвратная потеря, но танк не мог участвовать в дальнейших боях. Правда, мне командир батальона дал выпить, сказал, отдохни. А на следующий день: «Вот тебе экипаж, машина осталась без командира, давай, вперед». Первое мая я не помню. Второго мая мы двигались, пересекли Франкфурт-аллею. Капитуляция! Нам приказали прекратить огонь. Неплохо! Для нас шансов побольше остаться в живых. Принимаем капитуляцию. Тут опять наука тоже. Хотя об этом всегда говорили. Один автоматчик сидит и пытается разобраться с пистолетом. Ничего в нем не понимает. Раз-раз, выстрел, и механик-водитель получил тяжелое ранение. Так вот, значит, 2 мая приняли капитуляцию. В основном пехота этим занималась. Мы остановились метрах в 100–150, наблюдали, и все. Тут выходит один немец и начинает стрелять из автомата, ну рядом были его же соотечественники, они ему по голове стукнули.

— На Западе распространена идея, что в Берлине было поголовное насилие и убийство.

— Что вы! Когда с окна стреляют, мы туда из пулемета или автомата, в зависимости от того, какой этаж. Заходили проверять, в подвале сидят гражданские лица, мы смотрим, нет ли среди них

военных. Не знаю, может, кто-то что-то, но так чтобы поголовно — нет. Мирных жителей не трогали. Когда видели женщин с детьми — тем более. Когда мы перешли старую границу с Польшей за Познанью, город Бенчен. Мы утром туда нагрянули, остановились у дома. Как раз я заходил автоматчиком. Стол, на столе блюдо, тарелки, что-то наложено, никого нет. Мы в подвал. Языком не владели. Выходите! Кушайте! Садитесь! Мы есть не хотели. Попросили пить: «Дринкен. Дринкен». Налили нам по стакану: «Хозяин, пей первый». Он смеется, выпил. И мы ушли. Вот тыловики могли, особенно те, у кого семьи были расстреляны на Украине и в Белоруссии. Не знаю никакого мародерства, люди разные бывают, может, кто-то злой, что у него семья погибла. Отдельные личности были. Мы еще стояли на плацдарме на Одере, нам объявили приказ Сталина, Верховного Главнокомандующего: «Имеются единичные случаи мародерства и убийства там-то и там-то». Военный трибунал приговорил их к высшей мере наказания и приказал принимать самые строгие меры, вплоть до расстрела. В Берлине немцы своих стреляли больше, наверное.

Ночевали на том же месте. Утром приказ: «Походная колонна марш». Нас вывели на юго-восточную окраину и разместили на позиции зенитных батарей ПВО Берлина. Позиции были бетонированные. Прошла пара дней. Ночью, по-моему, я в наряде не был, стрельба поднялась. Итить твою мать! Ракеты, трассирующие вверх идут. Самолетов не слышно. И вдруг: Германия капитулировала!!! Начали стрелять из пистолетов. Радость, конечно, была. Шансы остаться живым увеличились.

Потом нас перебросили на канал Одер — Шпрее, бараки сборно-щитовые. Мы разместили там парк и обслуживали машины. В конце мая был приказ совершить марш в район Дрездена. Время сумбурное. Переход от боевой к мирной жизни в чужой стране. Какая-то психологическая перестройка. Не совсем веселая, радостная. Сказать, что угрюмая, тоже нельзя.

Попов Николай Васильевич

Я родился 17 апреля 1924 г. в г. Камышлове Свердловской области. Родители мои были простыми рабочими, отец умер, когда мне пять лет исполнилось, мы жили с матерью, нас было трое братьев, я средний. Я учился в свердловской насоновской школе, окончил 7 классов. В конце 1940 г. меня послали на курсы трактористов, которые я закончил зимой 1941 г. Работал рядом с городом, тракторов тогда было очень мало, труд наш ценился. Осенью 1940 г. моих родственников, демобилизованных из армии, стали вызывать в военкомат на переподготовку. Зимой с 1940 на 1941 г. они уходили, и большинство потом не вернулось с фронта. Уже было тревожное ощущение, что-то предвиделось. 22 июня 1941 г. я как раз был на улице, и по радио объявили о начале войны, еще никто не знал ничего. Во второй половине дня объявили: «Внимание! Внимание! Особое сообщение!», и все сразу прислушались, выступал Молотов. Выяснилось, что фашисты вероломно напали на Советский Союз.

После 22 июня началась мобилизация, кто-то добровольно шел, кого-то вызывали в военкоматы и отправляли на фронт. Я продолжал работать, со мной присыпщиком работала уже девушка, в конце 1941 г. мы подготовили наши трактора к следующему, 1942 г. на МТС, машинно-тракторных станциях. Тогда специальных мастерских не было, сами, кто работал, тот и ремонтировал. А потом в 1942 г. по весне наша бригада выехала в поле, в конце мая мой меньший брат прибегает к нам на полевой стан и приносит повестку в военкомат. Явиться надо было в 9.00 утра, а он в поле пришел только к обеду. Я загнал трактор на полевой стан, бригадира не было, умылся в ближайшей речушке и быстренько домой, дома мать уже знала о повестке. Быстренько переоделся и прихожу в военкомат, где-то уже после обеда. А на меня там как напустились, ты, дескать, дезертир, в армию не хочешь идти, мы тебя под трибунал отдадим, я говорю: «Я же не знал! Был на работе». Они поуспокоились, отправили на медкомиссию. Я сразу зашел, там несколько врачей сидело, разделся, меня спрашивают: «На что жалуешься?» Я ведь молодой был, говорю: «Да ни на что я не жалуюсь!» Быстренько посмотрели, сказали, годен. А там, в военкомат уже приехало много молодежи, вызвали со всего района, во дворе стояли. Я до дому сходил, в 20.00 надо было уже в военкомат с вещами. Из военкомата до станции привели, на поезд посадили, и утром мы приехали в Свердловск, в облвоенкомат. Привели, сказали располагаться, а негде было, ночь провели на земле. Утром

начали нас распределять: кого в училище, кого сразу формировали и в расположенную там же в городе воинскую часть направляли. Меня не сразу распределили, на третий день направили в нижнетагильскую танковую школу. Я там оказался в начале июня, проучился три месяца. Эту школу только-только эвакуировали из Харькова, так что мы большую часть времени занимались не обучением, а подготовкой школы — копали землянки, готовили классы, теоретических занятий мало было. Сразу по прибытии в Нижний Тагил свозили в баню, выдали обмундирование, тогда еще погон не было, были петлицы, после присягу приняли. В училище кормили не очень, но все же давали. Ближе к концу обучения на практических занятиях показали, где заливается масло в танке. Вначале на тракторе ЧТЗ проехали круг, я же работал уже трактористом, поэтому я проехал метров 100 или 200, и инструктор говорит: «Слазь с трактора». У нас были танки БТ-7, на нем несколько кругов на танкодроме проездил, а потом на Т-34. Командиры в большинстве уже были с госпиталей, в боевых действиях участвовали, можно сказать, инвалиды войны. Учили так — немного теории, практики, на танкодром несколько раз строем водили, он недалеко от училища находился. Стрелкового оружия не давали, только когда на посты охраны ходили, тогда давали винтовку. А так без оружия были, и стрелять никто не учил. В училище проходили подготовку по трем направлениям — механик-водитель, радист-стрелок и заряжающий, командиры машин там не учились. Нас выпустили в начале октября, сразу свели в маршевую роту, разбили на экипажи, по три экипажа вызывали на завод, и там мы получали машины. Экзаменов, можно сказать, никаких не было, нам говорили: «Научитесь там!» Всем механикам присвоили звания сержантов, тогда погон не было, были треугольнички на петлицах.

После окончания училища мы получили на нижнетагильском вагонозаводе танки Т-34, съездили на обкатку, и сразу на платформу погрузились. Больше всего запомнилось на заводе, как с одной стороны цеха завозились корпуса танковые и башни, а в другом конце уже гудела готовая машина. Танки были уже с рациями и танково-переговорными устройствами. Слабенькие рации были, в пределах 5 км работали, и то не сильно брали. Наши танки были уже белой краской покрашены. Как получили машины, нас погрузили на платформу, рабочие закрепили танки, и под Сталинград. Вначале говорили, что на Ленинградский фронт отправляемся, но направили под Сталинград. Наш эшелон пополнил 36-ю танковую бригаду 4-го механизированного корпуса, приданного 5-й ударной армии. Под вечер прибыл наш

эшелон в г. Камышин под Сталинградом, мы были в теплушках, по прибытии к нам сразу пришел помпотех, велел забирать свои вещи, и по машинам. Мы свои вещи забрали, подошли к платформам, а там: «Рубить основное крепление танков!» Мы сняли крепление, оставили только под гусеницами, ночью разгружались возле леса. Через какое-то время пролетел самолет, понавесил «фонарей». Мы как раз успели танки сгрузить с платформы, и регулировщики кричат: «Скорее уезжайте». Оттуда мы уехали в лес, танки поставили, через небольшой промежуток времени слышим гул самолетов, и началась бомбежка. День простояли, ночью переправляли нас через Волгу. Утром сразу вошли в бой, вышли в ложбинку, там местность была такая, балки, овраги, 19 ноября начался прорыв, мы пошли в бой, танкового десанта не было. Начали теснить фашистов, мы поддерживали пехотную часть, оттуда нас бросили в сторону города. Первый бой, мы только первую бомбежку услышали, кругом дым, рвется, когда люк передний закроешь, через оптический прицел только и видишь «земля — небо, земля — небо». Вот и все, командир только указание даст, так ориентир и уловишь. Перед нашей атакой была артподготовка, потом за валом огня мы пошли, на первые немецкие траншеи наехали, я через триплекс увидел, да и почувствовал, что на траншеи наехали. Увидел уже наши первые горящие машины. В первом бою мы много на пулеметы наезжали, командир из пушки и спаренного пулемета лупил. А стрелок-радист, ему тоже через небольшую дырочку многого не видно, ты уже сам что-то через триплекс видишь, в бок его пихаешь, он только поворачивает, диск поставит и на гашетку нажимает. Не жалели патронов, абы шум был. А куда стреляешь, кто его знает. Потери были очень серьезные, мы под Сталинградом, можно сказать, половину своей техники потеряли. После первых боев нас, выпускников училища, почти что не осталось, кого ранило, кто погиб.

Когда Манштейн начал прорыв к Сталинграду, нас бросили на р. Мышку, немцы подбросили с Кавказа подкрепления, хотели освободить окруженного Паулюса. Но наш солдат грудью встал. Если бы не наш Ванька, прорвался бы Манштейн к Паулюсу. Мы ночью атаковали, при поддержке артиллерии и минометов. Там село было — ночью мы его брали, днем фашист. Дня три продолжалась такая катавасия. Там у фашистов все было, и мины, и противотанковые орудия. Нас не сильно использовали, больше артиллерия действовала. Встречались там с немецкими танками, но у немцев тогда ни «Тигров», ни «Пантер» не было, наша броня посильнее была; если в нас снаряд попадал в лобовую броню, у нас вмятина появлялась, а у немецких танков в случае попадания

трещины по корпусу шли, у наших танков вязче броня была. У нас во время боев перебили гусеницу: подорвались на мине, хотели восстановить, но фашисты нас обстреляли, пришлось до вечера сидеть в танке. К вечеру наша пехота потеснила немцев, вот мы и занялись гусеницей. Сами гусеницу натянули, у нас специальные тросы были. Запускаешь двигатель — и на основное колесо наматывали, потом уже перекатами, под катки. И потихонечку двигались, поворачивали. Постепенно мы начали теснить немцев в сторону калмыцких степей, они стали отходить, в декабре на других участках фронта их давить начали.

Мы через калмыцкие степи пошли на Ростов. Тут мы гнали румын и итальянцев. Они в большинстве отрядами отступали, у румын были повозки, «каруцы», задние колеса большие, передние маленькие. У нас же с питанием было не очень, остановишь румын, один на танке с автоматом стоит, остальные по «каруцам» шарятся. В начале февраля мы вышли к Ростову и встали на формирование. Под Ростов пришли почти без танков, в нашей бригаде не больше двух десятков танков оставалось. Мы простояли месяца полтора в станице Большекрепинской, почти каждый день нас немцы бомбили. В станице нам уже погоны прицепили, присвоили части гвардейское звание, почетное название «Сталинградская», стали мы 36-й гвардейской Сталинградской отдельной танковой бригадой. Мне присвоили звание ст. сержант. Бригаду полностью укомплектовали.

Потом подошли к р. Миус, там есть такая сопка знаменитая, Саур-могила. С этой сопки, говорят, был виден Таганрог и Азовское море, даже Харьков можно было разглядеть. Эта Саур-могила была немцами сильно укреплена, мы под сопкой пошли в прорыв, тяжелые бои были, в этом бою наш танк сгорел. Когда после артподготовки мы двинулись, сразу прошли первые траншеи, а на вторых нам в лоб попало, а потом сбоку, и пламя в машине быстро загорелось. У нас заряжающего ранило, пришлось его вытаскивать, еле-еле вытащили, только вылезли, как по нас из пулеметов бешеный огонь открыли, мы слышали, как по люкам пули звенят, свою-то пулю не услышишь, не поймешь, как на земле окажешься. Я за войну из трех горящих танков вываливался. Немцев уже теснили, но, когда от танка отбежали, увидели, что недалеко пушка стоит, она нас и достала. Где ползком, где бежали, раненого на себе тащили. Все было, и пулеметы, и снаряды рвались, не поймешь, где немцы бьют, где наши. Потери в этом бою были огромные, в прорыв ведь как на смерть идешь, нас снова отвели в Луганскую область в села Амвросимовка и Сухая Балка на пополнение. Там наш экипаж получил новый Т-34–76 с командирской башенкой.

После пополнения участвовали в боях за Донбасс, фашисты там сильно не сопротивлялись, они уже отходили. Больше в зачистках участвовали, люк приоткроешь, гранату РГД в траншею немецкую бросаешь. Тут сильных боев не было. Нас готовили делать прорыв на юг Украины. Мы вышли на р. Молочную, тут уже сильные бои были. Там равнина в большинстве, поэтому мы понесли большие потери от артиллерийского огня. Здесь наш экипаж впервые встретился с «Пантерами». После прорыва на р. Молочной мы вышли к селам Малый и Большой Токмак (Днепропетровская область), под обстрелом на гору поднялись, и там нас встретили две «Пантеры». С нами была самоходка ИСУ-152, вот она вышла из лесопосадки и уничтожила одну из них, вторая сбежала. Вот тут нам, представьте себе, попали в ствол пушки, он согнулся, мы развернули башню назад, по немецким траншеям поездили, взяли раненых и поехали в тыл. В тылу заменили пушку и потом обратно пошли через Гуляй-Поле, на Новоасканию. Тут немного постояли, помню, как наши истребители над нами часто летали. В конце октября вышли на Голую Пристань. Нашу бригаду хотели перебросить в Северный Крым на помощь 19-му танковому корпусу, но мы не успели подойти, они, 19-й танковый, погибли в Армянске.

Потом нас отвели в села Малая и Большая Белозерка в Днепропетровской области. Там мы стояли в обороне, закопали свои танки, рядом с нами артиллеристы размещались. В январе 1944 г. началась Никопольско-Криворожская операция, меня под Никополем ранило. Мы с пехотой в прорыв вошли, взяли г. Дзержинск и вышли к станции Чертомлык, и там нам указали, что в балке укрепились фашисты, их надо выдавить. В нашей бригаде танков оставалось немного, мы вышли из-за домов в наступление, нас сразу обстреляли, один танк взорвался полностью, его экипаж погиб. Мы отступили, потом вечером опять пошли на первийские хутора, на станцию Чертомлык. Вот под станцией меня и ранило, из горящей машины выскочили, мы уже бежали, ничего не видел, слышу, прошумело что-то, и все — осколками ранило всю левую сторону — щеку, руку, ногу.

Потом госпиталь. Нас, раненых, вначале привезли в полевой медсанбат, мы все грязные, зима была теплая, дождливая. Нас помыли, я, правда, был без сознания. Когда я пришел в чувство, сколько пролежал без сознания, не знаю — на мне чистые кальсоны, рубашка, лежу в палатке, я зашевелился, рядом лежащий раненый солдат как закричит: «Медсестра! Медсестра! Раненый танкист ожил!» Потом госпиталь; пока я выздоравливал, наши уже освободили Одессу. Тогда узнал, где стояла моя бригада, в Одесской области есть станция Раздельное, и сбежал

туда из госпиталя. В бригаде как узнали, что я свой, меня сразу в новый экипаж направили. Тех ребят, с которыми был, я больше уже и не видел. Кто говорил, что раненые, никто точно не знал, пополнение новое пришло.

После прибытия участвовал в Ясско-Кишиневском прорыве. Вначале артподготовка, мы форсировали Днестр, взяли городок Бендеры и за городком ночью зашли в лесок. И там нас самолеты «илы» обстреляли, наши летчики, потерь, к счастью, не было. По Молдавии мы прошли с малыми боями, потери тоже были небольшие. Но под Тирасполем серьезные бои были, через Днестр плацдарм был захвачен еще по весне, наши солдаты там днем в окопах по колено в воде сидели. Рано утром мы по понтонному мосту перешли и вошли в прорыв, потери были.

Затем ночью форсировали р. Прут в районе г. Камрад по железнодорожному мосту, который фашисты не успели взорвать. И вошли в Румынию, румыны нам не сопротивлялись уже, они потом вошли в антигитлеровскую коалицию и совместно с нами участвовали в боях, особенно в Венгрии. Но местное население нас встречало не особенно. После Румынии вошли в Болгарию. Там особых боев не было, только бой был за г. Бургас, потому как там фашисты хорошо укрепились, и в Софии довелось участвовать в уличных боях. У нас был танковый десант, улочки неширокие, два танка уже не проедут. Мы были уже обстрелянные, из подвалов и из окон был обстрел, гранаты на нас кидали, мы как боролись: люк приоткрывали, у нас в каждом танке был запасной пулемет Дегтярева, и из него заряжающий через люк противника обстреливал. Но в городе пехота самое главное делала, дома зачищала, мы их поддерживали, где-то за стенку спрячешься, где-то за дом, и подавляешь огневые точки противника. Там фашисты не очень крепкие были.

После Софии мы прошли через горы в Югославию, поддерживали югославских партизан из армии Тито, вместе с югославами пошли на Белград. Немцы в нем сильно сопротивлялись, но там большую часть сами югославы воевали, мы их поддерживали. Мы в Белград заходили через небольшой городок, в нем освободили лагерь военнопленных. В Белграде потеряли много танков, в конце сентября 1944 г. нас опять в Белграде пополняли. Там я присутствовал на параде югославской армии, сам Тито выступал, нас как гостей пригласили.

Оттуда мы пошли в Венгрию, без боев переправились через Дунай, прошли маршем до г. Дебрецена, здесь участвовали в больших боях, после которых фашисты отошли под Будапешт. У озера Балатон в бригаде много танков сгорело, наш тоже. Под Балатоном мы столкнулись с «Пантерами», «Тиграми» и даже с Т-

VII, «Королевским тигром». Было это зимой, наш танк сгорел, ему болванка в борт попала. Вывалились оттуда, убежали кто куда, в траншеях немецких постреляли и пошли к своим. Я пришел в штаб, мне сразу говорят, в одном экипаже раненый механик, иди туда. Вот я пересел в другой экипаж.

Все же начали теснить немцев, вошли в Будапешт, там наши танки фаустники хорошо жгли, из подвалов лупили. Наши братья пехотинцы их уничтожали, мы сами тоже. Большие потери были. Как с фаустпатронщиками бороться? Только матушка пехота и сами где заметим, или отъезжали в сторону, стреляли из пушек, но что пушкой сделаешь? Если бронебойным — не выкуришь, осколочно-фугасным — у фундамента взрывается, немец в глубь подвала забьется, не достанешь, так что большинство пехоты с фаустниками расправлялось. Там долго бои были, наш танк тоже подбили, нас вытягивала ремонтная бригада, спамовцы, на одних катках. Наш танк где-то за городом восстанавливали, а в это время бои шли, теснили фашистов в городе.

Как танк отремонтировали, у нас в экипаже изменения — нового командира машины поставили. Немца уже в сторону Австрии теснили, там же лесистая местность, горы, нелегко прорываться. Мы возле Вены в прорыв вошли, там были сильные укрепления, сразу большие потери понесли, нашу танковую бригаду назад отвели, где-то нашли все-таки слабину, прорвали. И тогда нам на танки посадили десантников, по бочке солярки, два ящика боеприпасов привязали — и в прорыв. Вену обошли без боев. Но все же фашисты уже слабые были, наши в Берлине сражались, 1945 год, фашисты уже не так сильно сопротивлялись.

Подошли мы к г. Ленцу, встали под ним, не заходя, там и встретили 9 мая. Стояли мы ночью в лесочке, танки замаскировали ветками. Я сиденье разложил, спал, командир с заряжающим на боеукладке спали, весна, тепло. У радиста рация всегда включена была, вдруг радист как ударит меня в бок, обнимает, я не пойму, что случилось, кругом стрельба такая, кричат. Я вначале подумал, что фашисты наступают, сильная стрельба. Когда в люк высунулся, радист кричит: «Победа! Победа!» Командира с заряжающим разбудили, обнимаемся, выскочили, кто кричит, кто стреляет. Обнимались, целовались, кто плакал, кто смеялся. Откуда-то взялись гармошки, песни пошли, пляски.

— Как вас встречало мирное население в союзных республиках и освобожденных странах?

— Мирное население в Молдавии и на Украине очень хорошо встречало, но больше всего мне понравилось в Болгарии. Там нас

прекрасно встречали, везде и всюду, чуть остановились — вино, всякие закуски. Особенно когда мы освободили один приморский город, там очень хорошо встречали.

— Использовали ли танкистов как пехоту?

— Было такое. Я не один раз был в оборонительных боях, в атаку не ходили, а в обороне использовали. Под Сталинградом свое оружие поменяли на немецкие автоматы, они получше ППШ были. Во-первых, скорострельность лучше, во-вторых, в ППШ чуть песок или земля попала, уже заклинивает, в-третьих, у наших были диски, а у немецких рожки, удобнее было, пусть и патронов меньше. Тогда, в Сталинграде, всякого оружия можно было набрать. Мне, как механику-водителю, и командиру танка выдали «наганы» с барабанами, семизарядные. Мы под Сталинградом по фашистским землянкам и траншеям полазили, я себе нашел «парабеллум». Он, правда, тяжелый, но стрелял хорошо. Да и наша пехота немецкие орудия применяла, особенно в Югославии, всю войну с немецкими пулеметами воевал наш Ванька.

— Находился ли на вашем танке во время прорывов танковый десант?

— Представьте себе, вплоть до выхода на р. Миус танковых десантников у нас практически не было. Вот когда уже вышли на границу с Румынией, в Ясско-Кишиневской операции, у нас десантники, можно сказать, постоянно были. Особенно когда подошли к границе с Венгрией, потом с Австрией. Там у нас десантники с танков не слезали.

— Вам, как механику-водителю, удавалось в бою видеть врага?

— Вы знаете, когда в танке едешь, не сильно видишь врага. Только когда на орудие наезжаешь, чувствуешь. Хорошо скребет по днищу.

— Как вы оцениваете сплоченность экипажа?

— Большая дружба. Как привозили обед, завтрак, ужин — все вместе, кто-то брал котелки, ходил на кухню за едой, если кого-то нет, дожидались, ели только всей компанией. Когда за границей шли, сплоченность вообще была большая. Друг за друга горой стояли. Сколько я экипажей прошел, командир себя не выпячивал, ни разу не видел деления, вот я командир, а вы солдаты. Правда, был один случай, когда мы в станице Большекрепинской стояли. Из училищ пришли молодые ребята на должности командиров, у нас поставили нового командира в

звании мл. лейтенант, в хромовых сапогах, уже с погонами, начал себя выпячивать, дескать, я ваш командир, я над вами поставлен. Мы что сделали, как раз начались бои за Саур-могилу, у всех же оружие было, мы уже первые траншеи прошли, начался артобстрел второй линии немецких траншей, мы поставили танк в лощинку. Командир нам: «Вперед!» Мы: «Подожди! Мы тебя убьем, но командовать нами не будешь. Вылазь!» Он нам: «Ребята! Я больше не буду!» И представьте себе, стал совершенно другим человеком. Сменил свои хромовые сапоги на обычные, надел солдатские брюки, стал своим парнем.

— Какие наиболее уязвимые для артиллерийского огня места у танка, кроме бортов?

— Вы знаете, снаряды же летят по изгибающейся траектории, это только при прямой наводке снаряд летит прямо. А если на большое расстояние, обязательно кривая траектория. Так что самое уязвимое место у танка был борт, там броня всего 45 мм. Были случаи, что над танком мины разрывались, но для танка это что горох. Разве только башня была после бортов самая уязвимая часть.

— Как вы оцениваете ходовую часть танка?

— Ходовая часть была хорошая, торсионы отличные, были сделаны из такой стали, что пружинила, надежные были. Но гусеницы уязвимы, пальцы, бывало, рвались.

Во время длинных маршей часто технические поломки были. К примеру, когда мы вышли к Голой Пристани, у нас трансмиссия полетела, шестерни какие-то полетели. По рации вызвали спамовцев, нам заменили трансмиссию, и мы дальше поехали.

— Какая была температура в танке?

— Зимой с 1942 на 1943 г. в танке было холодно, у всех сапоги, чем спасались — находили бумагу, вначале обматывали ноги бумагой, а потом портянками. В лобовой части танка, на пусковых баллонах был лед. Потом полегче было, зима с 1943 на 1944 г. была слякотная, теплая. Во время боя, наоборот, душно было. Каждая гильза падала, гильзоуловливатель, конечно, был, но после 10–15 выстрелов у него чехол сгорал, гильзы горячие, мы их во время боя через люк выбрасывали.

— Какие недостатки вы могли бы выделить в танке Т-34?

— Была очень слабая оптика. Но сам танк был проходимый, маневренный. На формировке в Донбассе в наш корпус пришли английские танки «валлентайны» и «матильды», так они по

вооружению были слабее, по ширине уже, чуть что, падали, крен был выше. Наши ребята не любили на них ездить. Их пришло-то штук 10 или 20, так наши танкисты их скорее бросили, чем немцы танки эти подбили. Вот после окончания войны в бригаду поступили ИС-3. Я на нем немного ездил. У ИС-3 вооружение более мощное, пушка 122 мм, оптика была другая совсем, видимо, сделали как в немецких танках, связь, рация отличная. Хорошая машина, но тяжелая, наш Т-34 подвижней.

— Как происходило пополнение боекомплекта в танке? Кто отвечал за пополнение? Приходилось ли брать дополнительный боекомплект или хватало стандартного?

— Весь экипаж занимался. Кто-то ящики носил, кто-то на башне стоял, подавал, кто-то укладывал. Так же заправляли, тогда заправщиков не было, привезут в бочках, ведрами носили. Дополнительный боекомплект, бывало, в прорыв брали. В боях на р. Мышке, к примеру, снарядов не хватало, приходилось у пушкарей брать, но они тоже не особенно делились. Да и с доставкой всяко бывало. Когда мы пошли в прорыв в Никопольско-Криворожской операции, дороги были непроходимые, грязь везде, так нам тракторами боеприпасы пришлось доставлять. А расходовали снаряды смотря по обстоятельствам, когда первый раз моя машина сгорела, мы успели выстрелов десять сделать, остальное взорвалось. Вообще наши танки часто взрывались, если танк подбит, надо было от него срочно отбежать. Если боеукладка полная, то у него сразу башню срывало.

— Какие немецкие танки могли противостоять нашему Т-34?

— Конечно, против «Тигра» или «Пантеры» наш был послабее. Во-первых, у них броня была толще, лобовая до 140 мм, бортовая толще нашей. Но Т-34 чем брал — он как змеек вертелся, как вьюнок, а немецкие были тяжелые, неповоротливые. ИС-3 уже по сравнению с Т-34 намного тяжелее, хотя проходимость у него тоже была неплохая. Но в то же время, чтобы «Тигр» наверняка поразить, надо было расстояние между машинами сократить до 300 м. В лобовую часть «Тигра» ни разу не видел, чтобы он был поражен, только борта.

— Были ли у вас какие-то хитрости, уловки при борьбе с танками противника?

— А как же. И не только против танков, но и против пехоты. Командир машины всегда наблюдал, нет ли рядом немцев с

гранатами, люк у него приоткрытый даже в прорыве был. Где-то скопление заметит, сразу предупреждает, кричит: «Стоп! Давай назад!» А при встрече с тяжелыми немецкими танками стремишься поближе подъехать, ищешь такую ложбинку, где немец тебя поразить не может. Также командир взвода через рацию давал указания, как сбоку половчее зайти.

— Как вас кормили?

— Не очень, шла война. Привозили в основном ночью, приезжали заправщики, подвозили боеприпасы. Бывало, по 100 граммов наливали. С 1942 на 1943 г., когда мы под Ростовом стояли, нам привезли подарки. Мне попались носки теплые, кисет, немножко сухариков, и еще мандаринки. У нас же в Свердловской области не было, они были замерзшие, я мандарины никогда не пробовал до этого. Но пока шли по нашей территории, по Украине, хорошей кормежки не было, одна перловая каша, мы ее «шрапнель» называли.

— Выдавали ли сухой паек при вводе танков в прорыв?

— Было, выдавали. А количество зависело от того, смотря где прорыв, какие задачи. Когда по Украине шли, запасов почти никаких не было, вот на территории Румынии легче было. А так в танке НЗ на четырех человек всегда был. Но голод не тетка, если желудок пустой, тогда и НЗ ели.

— Где у танкистов хранились личные вещи?

— Что у солдата личного? Вещмешок и все, остальное по карманам в комбинезоне, наградные, документы в гимнастерке. Танк загорелся — вещмешок схватил, автомат уже не успеваешь, и вываливаешься.

— Как командир танка отдавал вам приказы?

— Когда по рации в танкошлемах, но большинство ногой, он же над механиком-водителем, нажмет на левое плечо — поворачиваешь налево, на правое — направо. Вперед надо — в затылок ногой. От танкошлема провода идут, механику-водителю они мешают, поэтому выдергиваешь их, вот командир приказы ногой и отдает, да и связь была не очень. Когда так ткнет, что больно было. Все было. Когда новые танки Т-34–85, там командир машины должен был в башенке сидеть, мы ее «башенкой смерти» называли, но командир машины редко туда садился, туда только взводные, ротные садились, а в большинстве машин по 4 человека было, в рядовом танке командир на месте командира орудия сидел и ногами продолжал командовать. Вначале ведь

командирами танков офицеры были, а потом сержантский состав, мы большие потери несли.

— Какое отношение у вас было к партии, Сталину?

— Неплохое. Мы только «За Родину! За Сталина!» в бой шли, и пропаганда постоянно была.

— Были ли верующие в экипаже?

— Перед боем каждый крестился, только бы жить остался. Обязательно говорили: «Боженька, сохрани меня».

— Сталкивались ли с пленными немцами?

— Сталкивались, в Сталинграде впервые увидел. Потом румын и итальянцев сами в плен брали, они же сразу говорили: «Русиш! Куда в плен дорога?» А какое к ним отношение — немец, он ведь тоже человек. У пленных пехота оружие отбирала, складывала отдельно, мы танком проехали, чтобы уничтожить, а потом немцев с конвоиром уводили, а бывало такое, что солдат не хватало, показывали: «Туда!» А куда они пошли, может, обратно к своим, кто его знал. Но все равно, так поступали тогда, когда наши части уже шли за нами, они их все равно забирали.

— Приходилось сталкиваться с частями Ваффен-СС?

— Представьте себе, мы дважды сталкивались с дивизией СС «Галичина». Здесь, во время Корсунь-Шевченковской операции встречался наш корпус. И потом я уже лично в Венгрии под Будапештом, мы их там давили. Так они, гады, отстреливались до последнего. Наши, украинцы, они не сдавались, немцы уже чуть что — руки поднимали, а эти до конца сражались. И главное, такие свирепые были.

— Какое настроение было в войсках под Сталинградом?

— Мы знали, что город был почти полностью уничтожен, фашисты во многих местах находились у самой Волги. Наше настроение было боевое, приказ № 372 появился, ни шагу назад, за Волгой места нет. Совсем уже, все поняли, стоять надо.

— Сталкивались ли со старшими офицерами?

— Такие, как командующий фронтом, армией, они на передовую не сильно лезли, мы их не видели. А вот командир нашего корпуса Танасчишин постоянно на передовой был, у нас в экипаже несколько раз побывал. С ним всегда адъютант и два солдата. У него тросточка была, и он, даже во время крупных боев, пешком по полю ходил, и чуть что, где-то танк остановился,

он подходил, бывали случаи, что и расстреливал на месте. Бесстрашный был.

— Получали ли вы деньги на руки?

— Нет, не было такого. Вот когда уже демобилизация, нам сразу на руки выдали деньги, а так во время войны как зарплату не давали.

— Брали ли трофеи?

— Конечно, брали, особенно вооружение и харчи. Уже когда в Австрию вошли, часов набрали, штамповки. Когда города брали, в магазин зайдешь, бери все, что хочешь. Кто-то много набирал. Но когда вошли в Румынию, прошли километров 50, нам приказ пришел остановиться. Приехал замполит, прочел лекцию о том, что мы вошли в дружественную страну, чтобы мародерства не было. За это полагался расстрел. И было такое, в 1946 г., прямо перед демобилизацией у нас один солдат был куда-то в командировку отправлен, так по возвращении его расстреляли перед нашим строем за мародерство. В Венгрии освободили один поселок, вина понабрали, зашли в какой-то богатый дом, видим, гардероб, костюмы мужские, свое вшивое сняли, надели костюмы, думали, что хоть вшей меньше будет, а через небольшое время вши обратно у нас завелись.

— Как мылись, стирались?

— По этому поводу могу рассказать такой случай. Нас отвели на небольшой отдых зимой 1942/43 г., там была такая специальная часть, мы ее называли «мыльно-пузырный» батальон. Там были и кухни, и пекарни, и прачечные. И вот приехала баня, там и машины специальные, и вошебойки. Мы-то с вшами только так боролись — проедет большая машина, снимаешь гимнастерку, обматываешь трубу, вшей жжешь выхлопными газами. Так в этой бане моешься — тут вымыл, а тут уже застыло, еще сзади уже кричат: «Вылазь скорее!» Летом где-то возле колодца моешься, украинцы нам воду носили, подогревали нам, сами поливали, чтоб мы обмывались. Украинские девушки, женщины заботились о нас, было такое, что симпатия возникала между ними и нашими солдатами.

— Были ли в части женщины, как складывались с ними взаимоотношения?

— Были, санинструктора, раненых выносили. Нам когда пушку пробили, санинструктору ногу оторвало, она в немецких траншеях на мине подорвалась. И когда мы раненых на танке

вывозили, ее тоже везли. ППЖ, полевые временные жены, тоже были, кому кто понравится.

— Что было самым страшным на войне? Бывали ли минуты слабости?

— Вначале все было страшно. В первые дней семь вообще тяжело было, а потом как начали освобождать наши села, города, как увидели, сколько наших жителей было повешено, стариков, детей убитых увидели, тогда уже зло пошло, ненависть к фашистам проклятым. Но все равно были уверены в победе, особенно после Курской битвы, тогда у солдат дух совсем поднялся. Уже когда в Донбассе сражались, чувствовалось, что фашисты ослабли, не те, что были под Сталинградом, там фашисты сильные были, особенно когда Манштейн рвался к Паулюсу. Но все равно трудно было, вот на р. Молочной столько нашей пехоты положено, очень много. А после Ясско-Кишиневской битвы мы в победе не сомневались, от немцев уже итальянцы отошли, потом румыны. Немец слабее стал.

— Как хоронили наших убитых?

— По обстоятельствам. Были специальные похоронные взводы, они собирали у всех вооружение и хоронили. А если немцы теснили, то находили поглубже окоп, в плащ-палатки завернули, окоп засыпали. Документы себе в карман, а то и вместе с документами хоронили. А что вы думаете, мало сейчас по Украине таких безымянных могил?! И так бывало, что того, кто похоронил, сразу убивало или ранило. Кто вспомнит, где хоронили.

— Какое отношение у вас было к политработникам?

— Был такой случай. Когда нас выводили с Австрии, уже где-то на границе колонна остановилась, у немцев мы взяли журналы с разными видами женщин, карты игральные с обнаженными женщинами. Экипажи собрались вокруг нашего танка, у нас заряжающий на гармошке играл, сидим, играем в картишки. Тут проходит замполит, подошел к нам: «Ну что, отдыхаем? А ну-ка покажите!» Как увидел, сразу приказал распалить костер и сжечь, и чтоб больше он такого не видел.

— Какие отношения складывались с особистами?

— О-о-о, пришлось встречаться, мужики суровые. Когда у нас первый танк сгорел, мы пришли в свою часть. И вот у нас ночью вызвали командира машины, потом остальных в особый отдел. Такие вопросы задавали: «Почему вы с танком не сгорели?

Машину не сохранили?» А потом вышел приказ Сталина, что мы можем технику сделать за какие-то часы, а человека надо 20 лет растить. И особый отдел от нас отстал. Говорят, особисты завязывались с теми, кто в плен попадал, а мы ведь даже в окружении не были.

Когда война закончилась, мы в Австрии постояли, там нас готовили на Японию, мы стояли на станции, ждали вагоны, уже танки ИС-3 были, но туда мы уже не попали. Потом нас вывели в Болгарию, в 1947 г. я демобилизовался, и началась уже моя мирная жизнь.

Кирячек Дмитрий Тимофеевич

— Как для вас началась война?

— Как раз перед войной я закончил 7 классов в школе. Как и все остальные мальчишки, я мечтал о чем-то. Тогда я читал всякую литературу и решил стать водолазом. (Смеется.) В Дзержинске водолазной школы не было, мне посоветовали идти в ОСВОД. Пошел к начальнику, он мне говорит, ты сначала матросом поработай, а потом зимой мы тебя пошлем на курсы. Проработал я там все лето, зимой меня послали на курсы водолазов в Горький, в управление верхневолжского пароходства. Зиму я там проучился, а весной сдал экзамены и прошел практику. В 3 часа дня я сдал экзамены, а в 5 часов у меня уже была повестка. В тот же день я уже сидел в эшелоне, даже домой не дали съездить. Сказали, что так надо, вот и весь разговор. Это был 41-й год.

В дороге мы все думали, куда же нас везут? Весь эшелон был исключительно из водников. Все мы были зеленые юнцы, ничего не могли, даже не знали, как винтовку держать. А повезли нас на восток, в противоположную от фронта сторону. Доехали до Читы. Куда теперь? Нам говорят: вот тут будет полустанок, если по этой ветке поедете прямо, значит, во Владивосток, а если направо, то куда-нибудь в другую сторону. На полустанке вагоны пошли вправо, так мы приехали на станцию Отпор. Тут нас сразу определили в 386-й учебный запасной полк и обмундировали кое-как. В этом полку мы пробыли до присяги, пришлось нам там очень тяжело. Я, например, стрелять умел, еще в школе ходил на курсы ворошиловских стрелков, а некоторые из нас даже и не знали, как винтовку держать правильно нужно. На фронте в это время была сложная обстановка, немцы подошли к Сталинграду, поговаривали, что после падения Сталинграда на нас нападут японцы. Каждую ночь нам давали лопату в руки и заставляли копать траншеи. Дают тебе норму — вот эти два метра выкопать. Вообще там, в Забайкалье, грунт такой скалистый, что без кирки ничего и не сделаешь. Лопатой ковыряешь, ковыряешь, а толку от этого мало. За всю ночь один метр траншеи выроешь, а потом ее еще и замаскировать нужно. Если ты свою норму не делал, то норма оставалась и еще добавляли два метра. Мы всегда были в долгах (смеется).

После принятия присяги нас начали из полка выдергивать. Попадали кто куда, но, правда, по своему желанию. Ко мне подошел лейтенант, спрашивает: в танковую школу хочешь идти? Как сейчас помню, лейтенант Сорока его фамилия. Щеголь он

был настоящий, одет с иголочки, даже ходил по струнке. Я подумал, пойду, все-таки буду с техникой связан, дал согласие. Пошли мы в новую часть, время было к завтраку. Лейтенант говорит: не будем завтракать, три сопки пройдем, а там уже наша часть. Прошли по жаре одну сопку, вторую, итак дальше. Дорога оказалась длинной, к 5 часам вечера мы не прошли еще и половины. В полк пришли уставшие как зюзи. Для начала нас распределили в учебном полку. Я сразу попал в экипаж, где первым делом стал изучать матчать.

— На каких танках вы учились?

— Были танки БТ-5 и БТ-7. Заряжающему в этих танках всегда надо было стоять. Я в то время был крепкого телосложения, и меня поэтому определили в экипаж заряжающим. Хотя по-настоящему быть заряжающим на тех танках мне не пришлось. Мы на них доехали только — от училища до Челябинска, а потом у нас их отобрали.

— В чем заключалось обучение заряжающего?

— Нам показывали, как что в танке надо делать. Была тренировка на стрельбу двумя видами снарядов: осколочно-фугасными и бронебойными, вот и вся наука. Одновременно с ролью заряжающего я был первым заместителем механика-водителя. Во все свободное время если он что-то делал, то и я работал с ним.

По окончании этой школы мне присвоили звание сержанта. К тому времени машин у нас не было. Посадили нас всех в эшелон, обмундировали во все новое и отправили за машинами. Доехали мы до Челябинска, нас всех высадили и отправили в 13-й танковый учебный полк. В это время только начали выпускать самоходки СУ-152. Пришлось некоторое время переучиваться на новые машины, звания при этом у нас остались какие были. К тому времени приехали фронтовики, разбили нас поэкипажно по пять человек и, организовав маршевые роты, послали на завод получать машины. Приехали мы туда, получили самоходки, погрузились и повезли их на фронт. Приехали под Москву, в Пушкино, а там как раз проходила тренировка 43-й гвардейской дивизии. У нас машины отобрали, у кого не хватало специалистов, пополнили из наших рядов, а остальных обратно в Челябинск за машинами. Когда мы второй раз получали машины, наши уже освободили Белоруссию. Нам, гвардейскому 43-му орденов Кутузова и Суворова, Кантемировскому тяжелосамоходному артиллерийскому полку, досталось идти от границы Белоруссии до Калининграда. В боях мы участвовали с

границ Кенигсберга, это уже пошел 44-й год. По сути, воевали мы только 6 месяцев: с декабря и до мая.

Пока мы дошли до Кенигсберга, от полка осталось только 2 машины: штабная машина командира полка и замкомандира полка по политчасти. Остальные машины или сгорели, или были подбиты, или потонули в болоте.

— Вас после этого зачислили в резерв полка?

— Нет, нас использовали как танковый десант. Под Кенигсбергом нам дали участок для обстрела. Сам Кенигсберг был обнесен фактически рвом, защищался он 12 фортами, как крепость. Нашей целью был 12-й форт. Помню, он был сделан из красного кирпича, артиллерийские амбразуры были зарыты метра на два в землю. Сверху форты были бетонированы, над бетоном были слои песка и грунта, снарядам было эти все слои не пробить. Сверху на грунте были посажены деревья, так что и не видно было, где эти форты вообще. Перед фортами находились рвы, заполненные водой. Промежутки между фортами простреливались. При начале штурма артиллерия и авиация три дня били по этим укрепрайонам, и только на четвертый день пошла пехота. Первым брали 5-й форт. Ночью небольшая группа саперов переправилась на другую сторону и забралась во дворик форта, в котором стояли минометы. Этих минометчиков саперы перестреляли, кое-где заложили взрывные заряды. Вообще эти форты взяли быстро, как будто их не было. Что мне непонятно до сих пор: в Кенигсберге был королевский замок, не очень высокое, красивое здание. Так нам по нему не велели стрелять. Куда хочешь, туда и стреляй, а по нему — запрещено. А когда война уже кончилась, кажется, при Хрущеве, этот замок разрушили и начали строить заново. Достроили его не помню до какого этажа, а потом замок дал трещину и так и остался недостроенным. Был я там в 53-м году по туристической путевке, так он и был недостроен.

— Что вам особенно запомнилось на войне?

— Что запомнилось? Очень много нужно было копать. Как только займешь какой-нибудь рубеж или переедешь, обязательно надо было закапывать машину. Командир Машины постоянно находился при штабе, механика от Работ освобождали совсем. Оставались наводчик, замковый и заряжающий. Вот эти 3 человека должны были самоходку каждый раз зарывать. Нормативов особых не было, но мы и сами понимали, что чем быстрее мы эту работу выполним, тем лучше это для нас. То же самое было и во время стрельбы. Если я плохо работаю, значит,

враг может поразить меня раньше, чем я его.

— Снаряд ведь весил 43 кг?

— Вообще, да. Но при этом он был раздельный: снаряд и гильза были отдельно. В 13-м учебном полку нас здорово тренировали насчет этого. Там был сделан тренажер, состоящий из трубы метр с чем-то диаметром под снаряд, и сделана люлька. Нужно было уложить снаряд на люльку, передвинуть ее и толкнуть так, чтобы снаряд вошел в нарезку в орудии и перелетел в трубу. Иногда мы шутили друг над другом, подкидывая в эту трубу песочка. Те, у кого снаряд не вылетал, должны были после отбоя оставаться и заниматься дальше. Правая рука становилась со временем от этих упражнений очень сильной.

— Какими-то уловками пользовались, чтобы быстрее зарядить?

— Со временем приноравливались. Кто относился к этому делу без инициативы, тому приходилось хуже. А в среднем получалось около шести выстрелов в минуту.

— Снаряды, так скажем, мыть или от смазки чистить ваша задача была?

— Это ерунда, это даже за работу не считали, просто протирали снаряды ветошью, и все.

— Во время войны боезапас возили только в рубке или на крыше тоже?

— Я не знаю, как это делалось у танкистов, у нас были специальные стеллажи, дополнительно еще снаряды клали под ноги.

— А наверх?

— Наверх мы снаряды никогда не клали.

— Снарядов-то мало было, всего 20–22.

— Нам этого боезапаса вполне хватало.

— Какие чаще снаряды использовали: осколочно-фугасные, бетонобойные или бронебойные?

— Бетонобойные снаряды применяла авиация. У нас а комплекте таких не было, мы пользовались осколочно-фугасными и бронебойными.

— Какие были взаимоотношения внутри экипажа?

— У нас в экипаже были русские, украинцы и один узбек. Отношения были самые хорошие, дружественные. Каждый всегда приходил другу на выручку. Видишь, что кто-то не успевает что-то делать, значит, помогаешь ему. Мне, допустим, помогали снаряды таскать и загружать. Что такое дедовщина, об этом мы и слыхом не слышали. По званиям выходило так: командир машины — лейтенант, механик-водитель — младший лейтенант, наводчик — старшина, замковый — старший сержант, и сержант — заряжающий. У нас рядовых не было, все были при звании.

— Замковый, это кто? Это радист?

— Нет, не радист. Радист — это командир машины. У пушки замок, дело замкового открыть этот замок, а мое дело затолкать и закрыть его.

— Кто ходил за едой?

— Ходили все по очереди. Офицеры питались отдельно от нас, им давали спецпаек. А мы питались как придется. В большинстве случаев кухни даже не было, питались трофеями. У нас в машине, допустим, стоял ящик галет, сверху прямо на машине валялся мешок сахарного песку. Утром встанешь, котелок сахарного песка с галетами рубанешь, и целый день есть не хочется (смеется).

— Кухня не поспевала за вами или почему ее не было?

— Не то что не поспевала, мы просто как-то не стремились к ней. Доппаек у нас был, а так самому долго, что ли, костер развести?

— Задача наблюдать вместе с водителем у вас была?

— А как же. Во время марша обязательно нужно наблюдать, помогать водителю. Во время боя, это уже другое дело, тогда уже смотреть по сторонам некогда было. Главная задача была как можно быстрее зарядить орудие.

— Где вы располагались во время марша, на трансмиссии или где-то в другом месте?

— Я находился в машине. У пушки было специально оборудованное сиденье, там я сидел, как на своем рабочем месте.

— ДШК на крыше стоял?

— Нет, не стоял. Наша самоходка была без пулемета на крыше.

— Получали ли вы какие-нибудь деньги?

— Да, каждый месяц я получал 120 рублей. Дополнительно к этому нам платили за гвардейский знак 23 рубля, столько не платили ни за один орден. А вот за подбитые танки нам не платили.

— Какие были отношения с мирным населением на территории Пруссии?

— Первое время мы абсолютно никого не видели. Когда мы вошли в Кенигсберг, начали появляться первые беженцы. Где-то впереди им перерезали дорогу, и они возвращались назад. Ничего такого особенного не было, они к нам по-хорошему относились, и мы к ним так же. Но конфликты были. Я затрудняюсь сказать, кто этим делом занимался, но беженцев вырезали целыми семьями. Они думали, что это мы делаем, но наши такими делами не занимались. Как-то мы зашли в усадьбу, там была семья: мужчина, пожилая и молодая женщины и двое детей. Все они были убиты выстрелами. Кто это сделал, трудно сказать.

— У вас к немцам какое было отношение?

— Я с ними лично не контактировал. Могу только сказать, один раз увидел немца молодого, убитого. Посмотрел и думаю, что ему нужно было? Жизнь только начинается, а он вот лежит мертвый. Ненависти к ним не было, но мы знали одно: если в бою мы его не убьем, то он убьет нас.

Доставалось нам от них, кстати, крепко. Я помню один момент наступления перед Черняховском. К закату мы подъехали к этой деревне, но в нее не вошли, машины зарыли на околице. Ночевали мы даже зимой обычно на улице, прямо под машинами — натащим сена, сверху укроем плащ-палатками. Вот и в этот раз командир машины мне и замковому говорит: «Сходите в сарай, принесите сено». Сарай был метров 50 длиной, с сеном, соломой. Пошли мы туда, только взяли сено, тут все и началось. Откуда они взялись, эти немцы, непонятно, повсюду стрельба. Все бегут, одни сюда, другие туда, не поймешь ничего. Мы быстрее взяли сено в охапку и пошли туда, где наши машины. Окопались мы там капитально, кругом рвы. Ночь просидели. Утром смотрим, а наших никого нет. Мы тут одни стоим, только по рации говорят: такое-то орудие, стрелять по такой-то цели, огонь. Потом наши пошли вперед, и мы остались уже у нас в тылу. В месте прорыва немцы здорово укрепились. В минном поле саперы делали проход, шириной что как раз машина проходила. Первая самоходка прошла, вторая прошла, а мы на полтрака влево взяли и нарвались на мины. В борту дыра такая, что я пролезть мог.

Командиру машины задницу как топором отрубило, наводчику ноги оторвало. Механика-водителя насмерть, а я со стороны взрыва был, взрывная волна пошла не прямо, а на механика водителя.

— Вы от пушки слева были?

— Да, я сидел с левой стороны, а мина взорвалась под стеллажом. Первое время после взрыва я ничего не слышал, ощущение такое, как будто весь в огне. Из уха течет кровь, левая половина икры вся в земле, гари и копоти. Первая мысль была: ну все, отвоевался. Минут через 10–15 начал немножко приходить в себя, стал слышать на одно ухо. Привели меня в санчасть, оказалось, у меня лопнули барабанные перепонки. Впоследствии я демобилизовался, так закончилась для меня война.

Аматуни Ашот Апетович, Герой Советского Союза

Я родился 23 декабря 1923 года в семье рабочего в городе Ленинакане, который носил это почетное название почти семьдесят лет. Отец всю свою жизнь работал плотником — почти 65 лет, из которых около трех десятков лет работал в ленинаканском вагонном парке. Отец был очень принципиальным и последовательным человеком. Времена изменились, но неблагородное дело — переписывать историю или искажать, фальсифицировать ее. Поэтому я хочу писать о том, кем и каким был отец в свое время. Будучи беспартийным, он активно участвовал в революционном движении того времени, в выступлениях, сходках революционной части железнодорожных рабочих, поддерживал тесную связь: с руководителями майского восстания 1920 года, прятал их и оказывал им всевозможную помощь. Но, видимо, личная ответственность перед большой семьей, детьми (тогда нас было шестеро детей) вынуждала отца, спасаясь от преследования, в том числе и турецкого нашествия, выехать с семьей в Тифлис (Тбилиси), где наша семья скиталась в поисках жилья почти до установления советской власти в Армении.

Отец был очень заботливым, но строгим и требовательным, хотя за всю жизнь пальцем не тронул своих детей. Особенно он заботился о будущем детей, требуя постоянно учиться, и не случайно то, что из шестерых четверо получили высшее образование. Брат, закончив учебу в фабзавуче, стал работать слесарем, помощником машиниста, а потом и машинистом паровоза, отец настоял на продолжении учебы и отправил его в Тбилиси в ЗИПС (Закавказский институт путей сообщения, в последующем ТБИЖД), который он окончил с отличием в 1940 году.

Мать всю жизнь была домохозяйкой. Она была добрая, душевная и заботливая женщина, которая каким-то образом, известным только ей, управлялась со скудным хозяйством и, несмотря на сложные материальные условия, умела удовлетворять потребности всех и создавать дружную, веселую атмосферу в доме. Она пользовалась таким непререкаемым авторитетом, что не только мы, дети, но и наши многочисленные родственники постоянно советовались с ней буквально по всем вопросам. Таким образом, наша семья была каким-то патриархальным центром среди наших родственников, которые

решали буквально все беспокоящие их вопросы, даже личные, только после предварительного совета с моими родителями. Эта традиция продолжалась и после кончины родителей, до гибели моего старшего брата, который фактически был нашим добрым ориентиром.

В 1930 году я поступил в 51-ю железнодорожную среднюю школу, которую окончил в 1940 году. Учился я средне. Не был никогда отстающим, но не был и отличником. Отлично, с похвальной грамотой окончил только 7-й класс. Неплохо шли дела и в 8-м, 9-м и 10-м классах, но, видимо, мешала мне чрезмерная подвижность. Десятилетку я окончил, можно сказать, успешно, сдав все выпускные экзамены на «5», но текущие годовые оценки не позволили получить аттестат зрелости с отличием.

Наш класс был исключительно дружным. В школе мы почти всегда занимали первые места как по успеваемости и дисциплине, так и в общественной работе. В классе училось очень много талантливых мальчиков и девочек. К сожалению, многие мои товарищи не вернулись с войны. Хочется особо подчеркнуть, что наша дружба была настолько чистой, крепкой и бескорыстной, что до сих пор мы все с огромной радостью при первой же возможности встречаемся. 10 лет мы учились вместе, с первого до десятого класса, и ни один из нас не остался на второй год. Из всех предметов особенно я любил историю и математику (как будто парадоксально). К предмету «военное дело», который тогда преподавали в школах с особой тщательностью, считая чуть ли не главным предметом, я также относился с любовью. Без преувеличения могу сказать, что для меня было праздником, когда мы стреляли из боевой винтовки, занимались изучением материальной части стрелкового вооружения. Помню, в классе чуть ли не лучше всех я знал пулемет «максим», а его сложный замок быстрее всех собирал и разбирал (в то время проводили такие соревнования среди школьников).

Военное дело преподавал старший лейтенант Григорян, имеющий недостаточное общее образование, но свое военное дело любивший фанатично. Он проводил занятия по военному делу очень интересно и увлеченно. Я должен сказать, что не последнюю роль он сыграл в последующем выборе моей профессии. Он много рассказывал об истории войн, отдельных сражений. Я довольно много стал читать исторической литературы, особенно о войнах, о походах великих полководцев, Суворова, Кутузова, Наполеона. У меня было около десятка книг о Суворове, я их перечитывал по нескольку раз и почти наизусть

знал жизнь этого самородка — величайшего полководца, его победоносные военные походы, афоризмы и т. д. В моем воображении он был каким-то особым, я бы даже сказал, не человеком, а сверхчеловеком. Позже, когда я смотрел фильм о Суворове в прекрасном исполнении замечательного артиста Черкасова, мне казалось, что я его уже видел в собственном сознании. Очень увлекала меня книга академика Тарле «Наполеон в 1812 году». Читая ее, я почему-то искал и хотел найти встречу на поле боя Наполеона с Суворовым, будучи вполне уверенным, что А. В. Суворов побил бы его, хотя с этой задачей блестяще справился ученик и соратник Суворова — М. И. Кутузов.

С ранних лет я собирал книги, особенно книги, в которых были ярко выражены герои-индивидуалисты. Любил я этих героев за смелость и бесстрашие, за то, что они, не задумываясь, вступали в драки, в бой, защищая слабых, за их твердые убеждения в правоте своего дела, за их тяжкие страдания и мужественное поведение. Но что еще больше поражало меня, это то, что, несмотря на их состояние, они, то есть, например, герои книг Войнич «Овод» и Островского «Как закалялась сталь», до конца своей жизни работали, действовали, сражались и делали все от них зависящее для воспитания молодого поколения, и не только своих современников. Но иногда мне казалось, что они — фантазия авторов, что один — действительно герой за свободу, а другой — может быть, собирательный образ совершенно другой эпохи, но тоже борец за свой народ, за свободу! Повторяю, что мне тогда не всегда верилось, что человек может иметь такую силу воли, чтобы, находясь в столь тяжелом физическом состоянии, жить и плодотворно работать. Но позже я убедился, что есть такие герои, и они — не только фантазия авторов книг, но реальные люди, действительно настоящие герои.

В 1971 году, находясь на сборах руководящего состава Вооруженных Сил по боевой подготовке во Львове, я встретил человека — худощавого, стройного, довольно привлекательного. Это был генерал-лейтенант артиллерии Василий Степанович Петров, дважды Герой Советского Союза, поразивший меня, как живая легенда. Не имея обеих рук, с искалеченными ногами, огромным шрамом на лице, он нашел в себе мужество не только жить, но и работать, участвовать в таких напряженных сборах. Достаточно сказать, что он продиктовал свою прекрасную диссертацию и, с блеском защитив ее, стал кандидатом военных наук. На этих сборах он не только присутствовал на всех занятиях, но и активно и деятельно участвовал в них и во всех учениях. Мне тогда казалось, что его заметят официальные

военные и гражданские руководители и каким-то образом отметят этого легендарного человека, который имеет мужество жить и плодотворно работать более четверти века после Великой Отечественной войны. Хочу отметить еще один штрих в его характере. В беседе с нами я уловил его горькую обиду на то, что он по понятной причине не позволяет себе питаться досыта и больше одного раза в день. Правда, решением И. В. Сталина и приказом Министерства обороны ему был выделен опекун-помощник до конца жизни.

Школа, где я начал учиться с 1930 года, была одной из лучших среди школ, входящих в сеть железнодорожных школ (была тогда такая ведомственная). Нам посчастливилось иметь замечательных педагогов, учителей, которые делали все, чтобы передать нам не только знания, но и все лучшее для формирования полезных обществу людей. В учебном заведении функционировало много кружков, в том числе и спортивный. Я постоянно участвовал в математическом кружке, увлекался футболом, баскетболом, а с 7-го класса параллельно ходил в спортивную школу по баскетболу, которым увлекался и после войны. Но баскетбол с каждым днем становился все выше и выше, и я вынужден был оставить любимый вид спорта из-за небольшого роста. Долгое время играл в футбол, кажется, имел и некоторый успех, но со временем оставил и его. Сейчас, как говорится, стал страстным болельщиком футбола, баскетбола и хоккея.

Рассказывая о юношеских годах, мне хочется с удовольствием вспомнить одно знаменательное событие, которое, на мой взгляд, также сыграло немаловажную роль в выборе мной профессии военного. После окончания финской кампании к нам в город Ленинакан прибыли многие войсковые части, участвовавшие в войне против финнов. Видимо, из-за недостатка жилплощади некоторая часть среднего и старшего командного состава размещалась в квартирах граждан. У старшей моей сестры жил подполковник, а в нашем доме — лейтенант, фамилии которых, к сожалению, не помню. По вечерам иногда они рассказывали о войне с финнами, о военной службе, и я, затаив дыхание, старался не пропускать ни одного слова. Я тогда решил, что, если мне удастся, буду военным, причем или летчиком, что было моей мечтой, или танкистом. Тогда нам, школьникам, много рассказывали о подвигах героев финской войны, особенно о первом армянском Герое танкисте Симоняне Карапете Семеновиче.

Вскоре не только в Ереване, но и в Доме офицеров ленинаканского гарнизона состоялось вручение орденов и

медалей награжденным. Поздно вечером вернулся домой и наш лейтенант с медалью «За отвагу» на груди. На следующий день сестра рассказала, что их квартирант подполковник получил орден Красного Знамени. По этому случаю отец, который очень уважал военных, устроил маленький торжественный военный ужин, пригласив и подполковника. Помню, с каким восхищением я смотрел на их награды и с каким увлечением слушал их рассказы. С командирами Красной Армии (тогда офицеров называли так, а слово «офицер» считали чуть ли не возвратом к царской армии) мы, мальчишки, были знакомы, скорее общались и раньше, когда мы ходили купаться на реку Арпа-Чаи (тогда она была полноводная) и купали лошадей пограничников или кавалеристов, которые иногда позволяли нам кататься верхом.

Десятилетку я закончил в возрасте неполных 17 лет, и, поскольку нельзя было поступать в военное училище (по возрасту), по совету и настоянию старшего брата я подал документы в Тбилисский ЗИПС, который недавно с отличием окончил брат. Вначале приемные экзамены мы с близким другом Мкртчаном Ашотом Оганесовичем сдавали успешно, особенно по математике. Преподавателем был Асланов, который очень уважал брата и пытался выяснить мои способности по сравнению с ним. Больше часа он, так сказать, прощупывал мои знания по математике, в итоге поставил четверку. Говорили, что это редкий случай в его практике. К концу мы сдавали экзамены по физике и химии, получили низкие положительные оценки и, естественно, не набрали проходного балла (впервые мы были невольными свидетелями всяких махинаций на экзаменах!).

Переживали мы очень сильно, было стыдно. Как я вернусь домой, фактически провалив экзамены? Стыдно было перед товарищами и родными, но делать было нечего, с чувством горького разочарования я вернулся домой. Но если вообще существуют понятия «везение» или «счастливый случай», то в данной ситуации это полностью относится ко мне. В том году в Ленинакане открылся педагогический институт, и мои оценки, полученные в ЗИПСе, были вполне достаточны для поступления на физико-математический факультет Ленинаканского пединститута. Я был очень доволен, хотя никогда не думал стать педагогом. В начале 40-х годов, будучи уже почти взрослым, я, как и мои товарищи, стал понимать, что международная обстановка накаляется с каждым днем. Затаив дыхание, мы все следили за действиями фашистской Германии. Знаменитый договор с Германией 1939 года как-то одно время подействовал успокоительно, хотя многие наши старшие товарищи и преподаватели очень осторожно давали нам понять, что «если же

с волком жить в «дружбе», то все равно нужно постоянно иметь дубинку наготове». Помню, как отец с возмущением говорил, что этот договор — обман, политическая провокация, что Германии пока нужно время, что войны с Германией не избежать. К этому выводу приходили и мы (правда, не все), мальчики, наблюдая за мероприятиями, проводимыми нашей партией и правительством.

В начале 1941 года я и несколько моих школьных товарищей пришли в военкомат с просьбой послать нас в летное училище. Военкомом Ленинакана был тогда подполковник Мартиросян — очень симпатичный, подтянутый офицер, просто настоящий представитель доблестного офицерства. Он понял нас, принял очень любезно и обещал выполнить нашу просьбу. Начались дни ожидания вызова в военкомат. Хотя я и был занят учебой, но чувствовал напряженную обстановку вокруг.

Вскоре грянула война. В этот день что-то было необычно, ходили разные слухи. Еще 21 июня в институте было как-то нервозно, сумбурно, преподаватели были также возбуждены. То, что они также не знали о скором начале войны, это мы понимали, но, видимо, преподаватели лучше и объективнее оценивали создавшуюся обстановку и делали соответствующие выводы.

Весть о войне я услышал дома, где-то к полудню 22 июня 1941 года из знаменитого выступления В. М. Молотова. Наверное, никогда не забуду его голос, интонацию, то, с какой горечью он оповещал наш народ о разразившейся трагедии, и с какой удивительной убедительностью и твердостью заявил о нашей будущей победе, о том, что коварный враг, безусловно, будет разгромлен. Наш коллектив, все мальчики, собрались очень быстро в военкомат, конечно, мы тогда были убеждены, что эта война будет короткая, наша армия разгромит немцев в пух и прах, и в таком настроении мы пребывали первые дни войны.

Но вскоре все изменилось, новости, особенно тяжелые вести с фронтов как-то загипнотизировали меня и моих товарищей. Удручало неорганизованное, подчеркиваю, неорганизованное отступление наших войск, мы поняли, что дело имеем с сильным противником и шапкозакидательство тут не сработает. Ожидая вызова в военкомат, мы не могли решить, что же нужно делать. В начале июля (3 июля) 1941 года, затаив дыхание, я слушал выступление Генерального секретаря нашей партии, а теперь еще и председателя Государственного Комитета Обороны (ГКО) Иосифа Виссарионовича Сталина, который тогда пользовался непререкаемым авторитетом и доверием. Мы с товарищами решили, что ждать нам больше нельзя, и всей группой пошли в военкомат. Там уже полным ходом шел призыв, и нам с огромным трудом удалось попасть к военкому, который еще раз подтвердил,

что скоро нас отправят на учебу в военное училище.

Действительно, через несколько дней нас вызвали в военкомат и направили в Тбилиси в специальную авиационную школу. К сожалению, наша группа находилась там только несколько дней, может, пару недель. Нас почему-то не одевали в военную форму, хотя все мы проходили врачебную комиссию, в свободное время помогали курсантам в городке, выезжали на аэродром, рыли капониры для самолетов и т. д. Однако скоро нам все стало понятно. Нас отправили домой в Ленинакан, пообещав, что очень скоро вызовут снова. Пошли слухи, которые потом и подтвердились: школу расформировали, а курсантов отправляют на фронт. В Ленинаканском военкомате нас успокаивали, говорили, чтобы мы не отлучались из дома, что скоро нас вызовут. В ожидании вызова я продолжал свою учебу. И действительно, вскоре нас вызвали в военкомат, прошли мы повторно призывную комиссию, с большой группой выехали в город Орджоникидзе и были зачислены курсантами во второе Орджоникидзевское пехотное училище.

Было очень обидно и горько. Рухнула наша мечта стать летчиками или танкистами. Но делать было нечего, время было военное, и вряд ли была возможность считаться с нашими желаниями. К счастью, училище было очень сильное, образцовое, там была исключительно четкая организация обучения, утром мы поднимались, как правило, в 6 часов. Потом шла физзарядка и начинались занятия. Служба мне нравилась, хотя и была трудной, особенно для меня, так как я слабо владел разговорной русской речью. Именно в стенах этого училища я получил многие знания, пригодившиеся в будущем. Надо сказать, что у нас постоянно проводили тактические занятия, причем занимались всерьез. С большой благодарностью вспоминаю своего первого командира взвода, лейтенанта Выракша, грека по национальности.

Он был для меня не только прекрасным военным воспитателем, отлично знал свое дело, учил нас, но и заботливо помогал, в частности мне, во всех вопросах, особенно в овладении русским языком. Жил он с матерью, был ее единственным сыном. Я помню эту замечательную, добрую женщину, которая заботилась обо мне, как родная мать. Как-то я получил посылку с армянскими сладостями и с радостью понес к ним домой: хотел чем-то отблагодарить этих замечательных людей.

С огромным сожалением и горечью вспоминаю нашу последнюю встречу с глубокоуважаемым командиром. В Сталинграде в дни тяжелых боев он как-то подошел ко мне, отдал свой командирский ремень с портупеей и сказал: «Если погибну, это отвезешь маме, один ты знаешь, где ее найти». До сих пор мне

очень горько вспоминать это, так как в этих боях он вскоре погиб, а я был тяжело ранен и не смог выполнить последнее поручение любимого командира.

Вскоре меня назначили командиром отделения, а через некоторое время в училище было сформировано два или три батальона, которые выехали на Северо-Западный фронт. С этой группой уехало много моих товарищей, в том числе и одноклассники. Буквально через несколько дней все наше училище также выехало на фронт. Ехали в товарных вагонах. Поездка была трудная. Наш эшелон часто останавливался, но нам было четко приказано из вагонов не выходить. На станции Ремонтная (это где-то в Сальских степях) нас впервые бомбила немецкая авиация. Фактически это стало моим первым боевым крещением. Картина после бомбежки была ужасная. Кругом разбитые вагоны, машины, стонущие люди, погибшие, одним словом, тяжело даже вспоминать. Дело в том, что наш эшелон не имел никаких зенитных средств. Поэтому немецкие самолеты безнаказанно в течение 15–20 минут бомбили и обстреливали нас. Конечно, наша бессистемная винтовочная стрельба никаких результатов не дала.

От станции Суровикино мы походным маршем вышли на передовую, шли форсированным маршем трое суток и где-то в 120–140 км западнее Суровикина заняли оборону; к сожалению, названий населенных пунктов не помню. Вскоре начались тяжелые бои. Мы были вооружены очень бедно, была одна винтовка на двоих или троих курсантов. Единственным положительным моментом было то, что в нашем батальоне имелось несколько ручных пулеметов Дегтярева, с круглыми дисками (один на пулемете и два в запасе у стрелка). В первый же бой я схватил ДП и прошел с ним до Сталинграда. Надо отметить, что первый бой прошел очень сложно, немцы тогда победоносно воевали, мы драпали, а они наступали. Но мы их хорошо встретили, удачно заняли оборону, крепко окопались, и хотя в обороне была только наша стрелковая часть, без средств усиления, но немцы, будучи самоуверенными, шли сначала во весь рост, с закатанными рукавами, руки вперед, стреляя на ходу из автоматов. Так было первые два дня, но потом, когда мы каждый раз косили их ряды, они поняли, что больше так не пойдет. Тогда начались тяжелые бои, немцы всегда шли в атаку при поддержке танков, бронетранспортеров, у них была высокая механизация. Вот танки представляли для нас самую большую опасность, потому что единственным средством борьбы с ними у курсантов были только бутылки с горючей смесью. Но в итоге мы научились пользоваться ими — надо было просто пропустить

танки через окопы, а когда они уже уходили, то по корме бросить бутылку, и такая тактика принесла нам пользу, немцы вскоре почувствовали, что постоянно в атаках теряют танки. Причем шли против нас не легкие танки Т-II, а средние Т-III и Т-IV, серьезные противники. Нас же к концу боев стали поддерживать английские танки «Матильда» и наши Т-24, но это были маленькие и нехорошие танки, вот действительно помогли нам Т-26, по тем временам это была неплохая машина. В любом случае, первые бои дались нам большой кровью, у немцев уже была определенная система и опыт ведения боя, а мы, молодые советские воины, только-только начали приобретать опыт. Но все-таки нам удалось задерживать немцев в течение полутора недель и заставить их топтаться на одном месте!

Перед началом наступления немцы наносили мощные авиационные и артиллерийские удары, иногда в течение 20–30 минут. Огонь артиллерии я как-то переносил и считал в порядке вещей, тем более что хорошо оборудованные позиции, окопы, ячейки во многом обеспечивали безопасность. Но налеты авиации, да еще вой падающих бомб наводили страх. Как потом мы поняли, немцы для создания шумового эффекта сбрасывали с самолетов пустые бочки и другие предметы. Постепенно страх и злоба ожесточили нас, и мы пытались делать все, что было возможно в то время. Мне иногда неловко было слышать хвастливое заявление некоторых вояк, которые говорили, что они никогда не чувствовали страха в бою, особенно в первом! Знаете, я так считаю, что только долг перед товарищами, долг перед Родиной не позволяли перерасти страху в панику. Конечно, в последующих боях, с приобретением определенного опыта, мы вели себя по-другому, но в первых боях было так. Каждому, кто постоянно находился на переднем крае, конечно же, не раз приходилось испытывать свойственные человеку чувства страха, самосохранения. И требовалось мужество, чтобы подавить в себе эти чувства, никому их не показать.

— Помните увиденного вами первого немца?

— Да, он мне врезался в память. Вы знаете, мы их считали дикарями, варварами. Я видел пленных, на Северном Кавказе, они тогда были в ударе, мы даже побаивались их, пусть и пленных. Но когда мы задали Паулюсу перцу под Сталинградом, чувство опаски к немцам у меня полностью прошло.

— Ходили ли вы в атаки?

— Да, вы знаете, я бы сейчас с моим сегодняшним умом такие атаки не стал бы делать, ведь что мы в порыве гнева,

обуреваемые чувством высокого патриотизма, не считались ни с чем и шли в атаку в открытую, не скрываясь. Немцы же этим пользовались.

— Немецкий пулеметный огонь был губителен?

— Да, ведь минометы тоже обстреливали нас, но мина падает и захватывает, ну, несколько людей рядом с местом разрыва, и то при удачном попадании, а пулемет — это оружие массового уничтожения, нам было сложно с ними воевать. Мы боролись с ними только орудиями и, самое главное, с помощью минометов, в основном батальонных 82-мм, их легко можно перенести и навести на огневую точку противника. И прямо рядом с немецкими позициями можно было бросать мины в ствол и сразу ложиться, укрываясь от огня противника. Минометы сильно помогали нам в атаке.

— Что вы всегда носили с собой, а от чего старались избавиться?

— Мы почти сразу противогазы выбросили, это была самая неудобная и ненужная вещь в снаряжении.

— На сколько бойцов обычно рыли окоп в пехоте?

— Сразу выкапывали индивидуальную ячейку себе, если стояли в обороне, потом начинали соединять их и делали траншею. То есть ячейки надо было рыть поближе друг к другу, чтобы потом их соединить можно было.

— Где находился командир роты во время атаки/обороны?

— Он всегда находился за боевыми порядками, но в то же время поближе к ним, не в тылу, ведь ему надо или голосом, или флажками, или еще как-то командовать. Иначе он только теми, кто рядом с ним, командовать может, а надо же постоянно следить за флангами.

— Самое опасное немецкое оружие?

— Немецкие автоматы. И наше самое лучшее оружие для пехотинца на передовой линии — автомат.

— Как организовывалось передвижение на марше?

— Мы ходили только пешком. Мозоли натирали еще как. И вот питание сначала было очень плохое, видимо, тыловики не успевали возить, иной раз они не могли довезти, ведь немцы уничтожали их. Только потом, по мере того как в Сталинграде установилась линия передовой, стало получше.

— Как пополнялся боекомплект в пехоте?

— Никаких трудностей не было. Может, в начале войны и не хватало боепитания, но у нас патроны и гранаты всегда были.

Бои 1942 г. были тяжелыми. Мы все никак не могли оправиться после мощного удара немецких, особенно моторизованных, сил. Несмотря на упорное сопротивление, мы вынуждены были отступать. Очень тяжелые бои развернулись в районе Калача-на-Дону. Сравнительно узкая полоса между Доном и Волгой была ареной невиданно кровопролитных сражений. В этих боях наше училище понесло большие потери. Тогда училище уже входило в Ударную курсантскую бригаду, куда, если память мне не изменяет, входил еще ряд училищ, в том числе Харьковское, Киевское, Одесское и т. д. В боях в районе излучины Волги и Дона я был ранен, но отказался ехать в госпиталь: рана была несложная, кости были целы, а молодой задор звал во что бы то ни стало отомстить врагу. В итоге после столь кровопролитных боев от личного состава бригады почти никого не осталось. Мы с тяжелыми боями отошли на внешний, а затем и городской оборонительный рубеж города Сталинграда.

Сегодня уже очень много написано о боях в Сталинграде. Знаете, это не фантазия, выдумка или бахвальство участников войны, когда они рассказывают, что в течение дня дома, улицы, кварталы несколько раз переходили то к немцам, то к нам. Городская война была очень сложной, там фактически шел бой за каждый дом и строение. И вот на этих узких участках города, ведь глубины обороны у нас не было, немцы наступали страшно. Представьте себе, мы были рядом с водой, но не могли ее брать, ходили к реке, по выбору, кому по очереди выпадало, брали котелки, привязывали друг к другу по 5–6, а иногда даже и по 8–10 штук. Опускали котелки в Волгу, и вытянешь их, половины котелков нет: или от разрывов улетели с веревки, или прострелены. Спокойных минут не было. Но немцы не могли с нами ничего поделать, хотя наседали на нас сильно. Они лезли прямо напролом, потому что у них были и сила, и умение. Шли они безалаберно, но всегда получали по носу. Мой ручной пулемет был отличным, во-первых, все другие пулеметы, к примеру, ручной пулемет Шпагина, были тяжелыми по весу, один возьмешь, и все, еле его тянешь, а он был легкий и удобный, кроме того, его можно было быстро и легко разобрать-собрать. Особенно остались в памяти тяжелые бои в районе Тракторного завода и городской мельницы (одна красная стена этой мельницы, по-моему, сохранена до сих пор как память о былых

сражениях). Тут немцы частенько пытались подобраться к нам и забросать гранатами, надо было каждый миг следить за флангами. В Сталинграде у немцев воевали действительно отборные части, немцы вообще высокий народ, а здесь были крепкие ребята, сразу видно. Поэтому их и подвело позже самолюбие, уверенность в собственной неотвратимой победе, так что в итоге они и не думали, что мы можем перейти в наступление.

Во время этих тяжелых боев в районе Тракторного завода я был вторично ранен, уже серьезно. Боевые товарищи вынесли меня из боя. В санбате прошел я первичную обработку, и на барже по Волге всех раненых, в том числе и меня, вывезли в город Саратов.

— Как вы в Сталинграде оценивали наши танки БТ-7 и Т-26?

— Они не считались в войсках плохими или устаревшими, основной танк у нас был Т-26, без него нам бы очень трудно пришлось.

— Какое наше стрелковое оружие вам нравилось, а какое не нравилось?

— Вот ППД не нравился мне, тяжелый очень, потом стал более удобный ППШ, но вот самым удобным был автомат ППС, сделанный по типу немецкого автомата, легенькое такое оружие было, можно было даже несколько штук с собой брать.

— Что вы можете сказать об эффективности гранат наших и немецких?

— Разницы, тем более в условиях города, нет, это ведь оружие ближнего боя. Тут важно одно — кто сумел бросить вовремя, тот выиграл, а кто не успел или прозевал, тот погибал. И гранаты немецкие мы назад не бросали, стремились сразу от них отбежать.

— Кто обучал вновь прибывшее пополнение в Сталинграде?

— Как правило, этим занимался командир взвода. Как только мы получали новобранцев, взводный сразу занимался ими. Если он дело знал хорошо, то и обучал их как надо. Но знаете, там других и не было, в городских боях плохому командиру было не уцелеть.

— С заградотрядами сталкивались?

— Ни разу, говорили, что на том берегу Волги такие отряды есть, но необходимости в них вообще не было. Мы и сами все понимали. Вот в 1941 г. они нужны были, потому наши части беспардонно бежали, и была такая необходимость, иначе солдаты бы все сдали. Но потом нужда в них полностью отпала.

Везли нас, как правило, только ночью. Днем наша баржа пряталась в каких-то заливах, опасаясь налета немецкой авиации. Раны мои были серьезными: перебиты левая нога и рука. Первоначальная обработка ран была примитивно выполнена в полевых условиях, ведь все происходило на поле боя. После нескольких дней мы наконец прибыли в Саратов. Я попал в военный госпиталь № 363. Несмотря на то, что левая нога и левая рука были в гипсе, я чувствовал себя нормально и после долгих месяцев молчания написал письмо на Родину родителям.

После изнурительного, опасного и тяжелого перехода из Сталинграда в Саратов в госпитале мы почувствовали, что такое забота и настоящее лечение. Дело в том, что после первой помощи, которую оказали наши полевые медики мне, серьезно раненному, меня начал мучить гипс, наложенный на ногу и руку. Было мучительно больно, к тому же появлялся нестерпимый зуд, нагноение, в результате чего еще на барже резко поднялась температура. Большинство раненых, в особенности тяжелых, просто мучились, так как первая помощь оказывалась в полевых условиях, под обстрелом артиллерии и авианалетов, и не могла быть проведена по всем правилам медицинской науки. До сих пор мурашки бегают по коже при воспоминании о том, как прямо на открытую большую рану с переломом кости наложили гипсовую повязку, скорее всего, заливали гипсом открытую рану после предохраняющего от столбняка укола.

Госпиталь, куда наконец нас привезли, находился почти в центре города. Размещался он в нескольких высотных зданиях. Наиболее легко раненные, которые могли самостоятельно спуститься при налетах немецкой авиации, были размещены на верхних этажах. А налеты немцев педантично повторялись ежедневно и, как правило, в 12 часов ночи. Госпиталь находился недалеко от сельхозинститута, а главное, не очень далеко от нефтеперегонных заводов, куда в основном была нацелена немецкая авиация. СХИ, как мы привыкли называть институт, напряженно работал, выполняя не совсем свойственную ему работу по обеспечению горюче-смазочными материалами войск и населенных пунктов. Еженощно мы, раненые, наблюдали, как ночью сигналили ракетами немецкие лазутчики, по выявлению и уничтожению которых шла напряженная борьба. Но часто мы

наблюдали, как из района нефтеперегонных заводов выпускались ракеты, указывая цели немецким самолетам.

Если в первое время немецкие самолеты действовали почти безнаказанно, то в последующем эти лазутчики-«наводчики» частенько арестовывались и, конечно, уничтожались. Тут большую роль сыграли курсанты пограничного училища, которое дислоцировалось в Саратове. Тем не менее немецкой авиации удавалось удачно отбомбить нефтеперегонные заводы, представьте себе картину, эти заводы горели сутками. Но и немцам доставались дорогой ценой такие успехи. В эти дни мы, раненые, впервые увидали немецких летчиков со сбитых самолетов. Эти самоуверенные немецкие «асы» вели себя не как пленные, а как победители, несмотря на их плачевное состояние. Их, этих хваленых вояк, показывали мирным людям, которые с нескрываемой ненавистью относились к ним.

Мысль о том, чтобы стать танкистом, меня не покидала и в госпитале. И нужно сказать, что мне повезло, так как в Саратове были танковые училища. Еще в госпитале я написал рапорт с просьбой зачислить меня в Саратовское танковое училище. Просьбу мою удовлетворили, и я был зачислен курсантом Саратовского танкового училища им. Лизюкова. Надо сказать, что в училище шла напряженная учеба. Имелась прекрасная учебная база, замечательные учебные классы, прекрасные учебные поля, танковый полигон и танкодром, а главное, были замечательные учителя, прекрасно знавшие свое дело и теоретически и практически. Как уже было сказано, главное внимание в учебе уделялось изучению материальной части бронетанковой техники, причем не только нашей — советской, но и других государств, в основном США и Англии, и особенно фашистской Германии. Особое место в нашей учебе занимали практические занятия, больше половины учебного времени мы проводили на полигоне и танкодроме, занимаясь стрельбой и вождением. Учебный день фактически не был нормирован. Если мы не на полигоне, то 8 часов занимались в классах и 2 часа обязательная самоподготовка, которая также Проводилась в классах и огневых городках.

Особенно привлекали практические занятия по технике и изучению материальной части вооружения. Наиболее важное место занимала тактическая подготовка. Методика преподавания была самая разнообразная, курсанты участвовали в двусторонних тактических учениях, выступали в роли командиров и штабных работников частей и соединений. Хочется подчеркнуть, что все эти занятия готовились и проводились очень поучительно, качественно и, главное, интересно. Мы учились на Т-26, но очень

мало, почти сразу перешли на Т-34, действительно самый лучший танк Второй мировой войны. Мы гордились тем, что нам доверили такие великолепные машины. Единственное, надо отметить, что во время учебы и на войне самой слабой стороной наших частей все еще оставалась радиофикация машин. В Сталинграде я даже и не помню, чтобы у нас были рации, только телефоны. Кстати, вот чем-чем, а строевой подготовкой мы занимались с неохотой и без желания.

Преподаватели у нас были отличные, сами все показывали, все на личном примере. Одним словом, шла напряженная учеба с учетом того, что курс обучения был сокращен до минимума, а продолжительность учебы ограничивалась 6–8 месяцами. Поэтому если в нормальных условиях учебы в мирное время из училищ выпускали офицеров в звании лейтенанта, то в условиях войны выпускали офицеров в звании младшего лейтенанта. Наряду с напряженной учебой курсанты училища занимались и многими хозяйственными вопросами. Мы участвовали в благоустройстве училища и всего военного городка, помогали созданию новых учебных корпусов, классов и т. д. Нередко нас привлекали на хозяйственные и другие работы в городе. Не знаю, стоило ли при таком графике учебы отрывать нас от занятий, но мы справлялись со всеми заданиями.

Мы, курсанты, получая увольнительные, небольшими группами ходили в город, который нам очень нравился. Спускались мы с нашего городка через так называемый «Шанхай», то есть район города, который непосредственно соприкасался с городком. Это небольшие, как правило, одноэтажные частные дома, где в основном жили сотрудники училища. С особым удовольствием иногда мы ездили в город Энгельс получать продукты для училища. В Энгельсе был огромный мясо-молочный комбинат, где работали десятки тысяч человек, в основном женщины, не только из Энгельса, но и из других районов и из г. Саратова.

К началу 1944 г. учеба в училище подходила к концу, и после напряженной и насыщенной программы мы, курсанты, готовились к государственным экзаменам. Нужно особенно подчеркнуть, что экзамены носили прежде всего характер практической работы на материальной части, стрельбы на полигоне, вождения на танкодроме; особое внимание обращалось на знание техники, устройств и правил эксплуатации танков и самоходных артиллерийских установок. Экзамены мы сдавали более подробно по материальной части советской бронетанковой техники: танков Т-34, КВ, Т-26 и в общих чертах по устройству ВТ техники наших тогдашних союзников — по танкам «Валентайн», «Черчилль»,

«Матильда», М-26 и др.

Итак, государственные экзамены сданы. Я успешно сдал экзамены по стрельбе на полигоне, израсходовав два из трех снарядов для уничтожения цели, неплохо выполнил вождение по сложной трассе танкодрома, и можно было считать, что офицерское звание я получу. Вскоре, буквально через неделю, нас одели в новую офицерскую форму и по группам, по 15–20 молодых офицеров, отправляли по разным танковым заводам для получения материальной части.

В начале января я с несколькими товарищами выехал в Челябинск на танковый завод. К сожалению, нас там не приняли, так как офицеров, ожидающих материальную часть, было там предостаточно, и нас отправили в Омск на танковый завод. На Омском танковом заводе сборка танков была чуть ли не индивидуальной — всего 10 танков в сутки. Тогда как Челябинск выпускал более 60 танков в сутки. Омск — один из последних городов на восток от Урала, где я был во время войны. Январь — самый холодный месяц в Сибири. Казармы, где нас разместили, отапливались, как говорят, чуть-чуть. В казарме было холодно, спали мы, как правило, одетые. Кормили нас с учетом военной обстановки довольно прилично. С утра мы уходили на танковый завод, где было несравненно теплее. Мы практически занимались комплектацией наших будущих танков. Получали корпус танка и с ним ходили по заводским цехам, комплектуя всем необходимым. По мере готовности танков для одной роты, то есть десяти танков, уже сформированной танковой ротой выезжали на полигон для практических занятий. Занимались в основном стрельбой и вождением по определенной программе. После напряженной учебы формировали уже боевые танковые роты для направления на фронт.

Наша рота укомплектована и во главе с капитаном Карпенко — командиром роты — погрузилась в эшелон. Везли нас чуть ли не безостановочно и почему-то через Москву. Мы были рады, что увидим столицу, а может быть, посчастливится несколько часов побыть в Москве. Но в Москве мы успели только набрать кипяток на Курском вокзале, и буквально через час-полтора наш эшелон двинулся дальше, на Украину. Ехали мы со скоростью лучших экспрессов. Наш эшелон прибыл в район Кривого Рога в состав 3-го Украинского фронта. Наша рота влилась в состав 135-й танковой бригады 23-го танкового корпуса. Корпусом командовал талантливый генерал Пушкин.

В составе бригады и корпуса я участвовал в освобождении юга Украины. Бои были очень напряженные, но радовало то, что теперь мы диктовали немцам нашу волю, гнали мы их по всем

правилам военного искусства, окружая и уничтожая мелкие и крупные группировки. Особо напряженные бои шли по окружению и уничтожению большой группы немцев в районе Березнеговатое — Снегиревка. Преследуя отходящего противника, мы освобождали города и населенные пункты. При освобождении Нового Буга мой танк был подбит, точнее, снаряд противника попал в пушку и ствол пушки был отбит. Но так как с танком ничего не случилось, я до конца операции (до выхода в район Тирасполя) так и воевал без пушки, уничтожая прорвавшихся из окружения немцев пулеметом и гусеницами.

Никогда не забуду, как командир бригады полковник Безнощенко вызвал меня к себе (тогда наш взвод охранял КП бригады) и сообщил, что большая колонна немцев движется по дорогам и без дорог на запад, пытаясь вырваться из окружения. Все танки бригады были задействованы, поэтому мне приказали своим танком (без пушки) ворваться в колонну, создать панику и закрыть выход немцев из окружения. После долгих и непрерывных дождей дороги почти были непроходимы, фактически дорог уже не было, была ужасная распутица. Немцы шли колонной, пешком, верхом, везли всякое барахло на быках, коровах, лошадях. Одним словом, картина была трагикомическая. Танком мы врезались в колонну, давя немцев, а у немцев не было сил даже разбежаться или убраться с дороги. Развивая наступление, наш корпус и бригада участвовали в освобождении многих населенных пунктов и городов, в том числе Новая Одесса, Березовка, Раздольная. Там особых боев уже не было, немцы так и ушли оттуда, ни в Тирасполе, ни в Бельцах не было серьезного сопротивления.

Преследуя немцев, я со своим взводом (меня уже назначили командиром танкового взвода) вышел в район заселенного пункта Малосоленая Вознесенского района. Мы двигались по заранее намеченному маршруту, но в деревне меня пытался остановить какой то гражданский человек, махая руками, чтобы я не проехал по дамбе на окраине деревни. У меня появилось подозрение, что это один из тех, которые ненавидели нас, воинов Советской Армии, ярые националисты. Но оказалось, что он пытался остановить нас, чтобы мы не пошли по дамбе. Дамба была насыпная. С одной стороны маленькое озеро; как мы потом узнали, местные называли его ставком. А с другой стороны был глубокий овраг.

И как было обидно, когда на середине этой дамбы мой танк сполз в овраг, откуда своим ходом мы не могли выйти. До боли было обидно, что я со своим танком почти три дня не мог участвовать в преследовании немцев, пока наша эвакослужба не

вытащила мою машину из этого глубокого оврага.

Заправили мы свой танк, взяли еще одну двухсотлитровую бочку с дизтопливом и стремительно двинулись по маршруту нашей бригады. Вскоре мы уже были в составе бригады. Преследование противника продолжалось. Бригада приняла участие в освобождении Молдавии и вышла в район Тирасполя. Но так как в бригаде уже не оставалось танков, она вышла из боев на отдых и для получения материальной части. Небольшая группа офицеров осталась без танков, получение их затягивалось.

Кстати, во время боев за Украину в районе Кривого Рога в нашу бригаду приехала делегация из Армении, из моего родного города Ленинакана. Приехали, конечно, не с пустыми руками, тогда шла такая кампания: города республик устанавливали тесный контакт с отдельными войсковыми частями, т. е. шефские отношения. Командование бригады после официальной встречи устроило торжественный ужин, куда я был приглашен как земляк делегации. Делегацию возглавлял ленинаканский писатель, фамилию которого, к сожалению, не помню.

Наша бригада была замечательной, с богатыми боевыми традициями, с замечательным боевым командиром во главе. Полковник, а в последующем генерал Безнощенко Н. З. был бесстрашным командиром в корпусе, начальником штаба бригады был подполковник Зайцев, впоследствии, уже в мирное время, получил звание генерала и работал, когда мы встретились, замначальника управления боевой подготовки Белорусского военного округа. Командиром батальона был капитан Власов — смелый инициативный командир, который особо отличился в бою за станцию и город Казанку. Нужно сказать, что наши командиры не только передавали нам, молодым офицерам, свой боевой опыт, но учили нас премудростям танкового боя, тактике танковых подразделений и постоянно следили за ростом нашего мастерства. Хочу отметить еще одно приятное для меня обстоятельство, Дело в том, что мне посчастливилось после войны служить вместе с двоюродным братом Безнощенко Николая Захаровича — Сергеем Григорьевичем Безнощенко, грамотным, толковым генералом, который в дальнейшем был военкомом Республики Молдова.

К сожалению, в последний раз мы встретились в Крыму в 1974 году.

В боях за Украину и Молдавию в 1944 году и за освобождение города Тирасполя я получил свою вторую награду, орден Красной Звезды. Первую награду, также орден Красной Звезды, я получил в боях за Сталинград в конце 1942 года, уже в госпитале. Первая награда была мне очень дорога, она ведь сталинградская, считаю,

что она для меня значит даже больше Звезды Героя.

В это время, поскольку Вторая танковая армия из района города Фалешти после освобождения Молдавии должна была перейти в состав Первого Белорусского фронта, нас, группу офицеров, не имеющих материальной части, передали в состав армии. Я попал в 107-ю танковую бригаду 16-го танкового корпуса, в составе которой я и прошел до конца войны. В дальнейшем с получением гвардейского звания наша бригада стала 49-й гвардейской танковой бригадой, а корпус — 12-м гвардейским танковым корпусом 2-й гвардейской танковой армии. Нас эшелоном перебросили в район Ковеля, на станцию Маневичи. По прибытии в новый район сосредоточения все части корпуса и армии пополнялись новой боевой техникой и вооружением, а личный состав, в том числе и мы, офицеры, в период с 3 по 17 июля настойчиво изучали новую технику и готовились к новым боям. Как известно, к началу Люблинско-Брестской операции войска 1-го Прибалтийского и трех Белорусских фронтов провели ряд успешных крупных наступательных операций и за 20–25 дней продвинулись на 400–500 км. Создалась выгодная обстановка для активных Действий войск на других фронтах. Войска левого крыла 1-го Белорусского фронта начали стремительное наступление на Ковель-Люблинском направлении. 2-я танковая армия получила задачу, стремительно преследуя противника, к 23 июля овладеть городом Люблин. Это была сложная и очень ответственная задача, поставленная перед 2-й танковой армией, в том числе и нашей бригадой.

Нужно сказать, что на Люблинском направлении местность изобилует болотами, реками, крупными лесными массивами. Все это почти исключало использование танковых войск вне дорог. Город Люблин был приспособлен к круговой обороне. Немцы создали мощные оборонительные сооружения из двух обводов. Наша бригада, которая действовала в качестве передового отряда 2-й танковой армии, стремительно наступая, к 22 июля вышла к городу Холм и овладела городом, после чего бригада была направлена на Люблин. Бои за Люблин носили исключительно ожесточенный характер. Действуя в передовом отряде, наша бригада стремительно продвигалась в направлении города. Во главе походного порядка действовала наша рота, а мой взвод — как головная походная застава. Танк младшего лейтенанта Костылева из моего взвода, где механиком-водителем был старшина Ашан Дарбинян, первым ворвался в город, но противник сумел закрыть прорыв. В течение двух дней (если память мне не изменяет) танк Костылева в городе один отбивался

от немцев, которые пытались во что бы то ни стало захватить танк с экипажем. Только со взятием города 24 июля танк смог выйти к своим и соединиться с нашей ротой.

Подвиг экипажа, расстрелявшего весь боекомплект, был отмечен и награжден. Командир танка младший лейтенант Костылев и механик-водитель Дарбинян получили ордена Боевого Красного Знамени.

Тем временем наше стремительное преследование панически отступающего противника продолжалось. Мой взвод, действуя как головная походная застава нашей бригады, устремился в направлении на Демблин — Пулавы, с целью во что бы то ни стало захватить плацдарм на западном берегу Вислы. В составе роты мы к 25 июля вышли к Висле на участке Демблин — Пулавы и с ходу овладели этими сильно укрепленными пунктами. В эти тяжелые дни боев нас, воинов, неоднократно потрясало зверство немецких вояк. Особенно ужасное впечатление осталось от лагеря смерти Майданек в предместье Люблина. Политический отдел нашего корпуса 25 июля организовал поездку ротных агитаторов в Люблин для осмотра «фабрики смерти». Зрелище было ужасное. Немецкие власти вывозили заключенных из тюрьмы в предместье города. В Майданеке их расстреливали, душили газом и сжигали в печах, сооруженных для этой цели.

После овладения районом Пулавы и Демблина наша бригада получила задачу: стремительно преследуя противника в общем направлении на Варшаву, овладеть Прагой, предместьем Варшавы. Я со своим взводом продолжал действовать впереди как головная походная застава.

При движении к Праге происходили ожесточенные стычки с немцами, но они были скоротечными. Противник фактически вел арьергардные бои, пытаясь сдерживать наше наступление, пока главные силы организуют оборону Праги, да и Варшавы. Однако попытки противника остановить или же замедлить наше движение успеха не имели, и мы к 30 июля в составе бригады и корпуса овладели Прагой. Мне было особенно приятно, что в этих тяжелых боях я не потерял ни одного танка, тогда как мы своим взводом уничтожили 3 танка, больше одной батареи артиллерии противника и свыше 300 солдат и офицеров. Нужно отметить, что бои за освобождение таких крупных городов и населенных пунктов, как Варшава, Люблин, Демблин, Седлец, Минск-Мазовецкий, Скерневица, Лович, Лодзь, Кутно, Томашув, Вроцлав, Сухачев и Иновроцлав, были тяжелыми и ожесточенными и, к великому сожалению, унесли жизни многих наших боевых друзей.

В августе 1944 года в моей жизни произошло знаменательное

событие — меня приняли в члены ВКП(б). Да, я считаю это знаменательным событием, потому что в самые тяжелые и сложные периоды истории нашей Большой Родины это была единственная партия, которая всегда умела вывести страну из трудных положений. Кандидатом в партию я был принят еще в 135-й танковой бригаде. Хорошо помню наше собрание, когда приняли меня в партию. Это было перед боем после освобождения 24 июня 1944 года города Люблина в Польше.

Далее я хотел бы сказать несколько слов о Магнушевском плацдарме. К Висле наши танковые бригады с боями подошли уже к концу года. Нужно было во что бы то ни стало с ходу захватить мост через Вислу. Танкистам это не удалось, так как мост был взорван отступающими немецкими частями. Пехота, как мы тогда называли стрелковые части, захватила небольшой плацдарм в районе населенного пункта Магнушев. Немцы контратаковали беспрерывно с целью ликвидации опасного для них плацдарма. Ведь наши стрелковые войска не имели почти ничего из тяжелого оружия, прежде всего противотанковых пушек. Нужно было срочно переправить на плацдарм танки и артиллерию. Здесь я хочу особо сказать о тружениках наших инженерных войск — саперах, которые в ходе напряженного боя сумели восстановить мост через реку Висла. Я со своим взводом получил приказ: проскочить по мосту на плацдарм. Немецкое командование, прекрасно понимая значение плацдарма для наших войск, бросало в бой новые и новые подразделения и части. Особенно свирепствовала немецкая авиация. И, когда наш взвод был уже на мосту, им удалось разрушить целый пролет моста. Наступил момент, когда казалось, что наш взвод очутился в безвыходном положении: назад на свой берег идти невозможно, а впереди, представляете, мост разбит. Спасло нас появление наших истребителей, которые разогнали немецкую авиацию. Саперы восстановили мост, и наш взвод благополучно вышел на передние позиции Магнушевского плацдарма. Продолжительные и тяжелые бои за Магнушевский плацдарм продолжались до января 1945 года — до начала Висло-Одерской операции, которая фактически стала началом последних дней нацизма.

В дни, когда воины нашей армии готовились к завершающим боям, произошли незабываемые события. В ночь на 21 ноября 1944 года во всех частях почти никто не спал. Мы все уже знали, что наша армия и все части заслужили высокое звание гвардейских, ждали, что вот-вот будет получен приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина о присвоении армии звания гвардейской. 21 ноября во всех частях прошли митинги, где было объявлено о присвоении армии гвардейского звания. Наш 16-й

корпус стал 12-м гвардейским танковым Уманским Краснознаменным ордена Суворова корпусом, а 107-я наша бригада — 49-й гвардейской Вапнярско-Варшавской Краснознаменной, орденов Ленина, Суворова и Кутузова танковой бригадой. На митинге выступили командующий армией Семен Ильич Богданов, член Военного совета Петр Матвеевич Латышев, много Офицеров и солдат. Выступил и я и от имени нашей гвардейской бригады и батальона заверил, что накануне решающих боев мы с честью понесем вперед гвардейское знамя и клянемся: «Уничтожить врага в его берлоге, мы будем в Берлине!»

Подготовка к будущему наступлению проводилась очень серьезная. Готовились мы очень тщательно и основательно, проводили рекогносцировки по разным направлениям, отрабатывали различные варианты предстоящих боев, учитывая, конечно, что немецкие войска пока не разгромлены и еще способны вести не только упорные оборонительные, но и активные наступательные бои. Наша армейская жизнь постепенно нормализовалась. У нас начали появляться дома кратковременного отдыха, создавались (конечно, в тыловых районах) самодеятельные коллективы, начали показывать кинокартины, участились выступления артистов, которые, как говорили, бригадными методами уже чаще появлялись у нас. Одним словом, наша полевая и боевая жизнь постепенно приходила в нормальное состояние, насколько это возможно в условиях военных действий.

Но главное, еще раз хочу подчеркнуть, мы очень тщательно, с энтузиазмом, готовились к предстоящим наступательным боям. Наши тылы обеспечивали нас достаточным количеством боеприпасов, пополняли боевой техникой, мы уже получали новые стрелковые орудия, легкие противотанковые средства; тогда же мы впервые увидели наши новые тяжелые танки ИС-2 («Иосиф Сталин»), которые произвели на нас сильное впечатление. Особенно тщательно мы готовили материальную часть. Несмотря на то что в полевых условиях почти отсутствовали технические средства по обслуживанию танков, наш технический состав тщательно обслуживал танки. Проводили технические осмотры, механики-водители, командиры танков участвовали во встречах по обмену опытом эксплуатации танков. Большую и полезную работу проводил зампотех роты старший техник лейтенант Орешкин Павел Яковлевич (кстати, ныне он доктор военных наук, профессор, преподаватель в Академии бронетанковых войск им. Малиновского в Москве).

Несколько слов следует сказать о Висло-Одерской операции. Она занимает особое место в ходе Великой Отечественной войны

и сыграла огромную роль в деле окончательного разгрома гитлеровской Германии. Успешному проведению этой операции во многом способствовали стремительные действия нашей 2-й гвардейской танковой армии, которая в короткие сроки рассекла оборону противника на большую глубину. От Вислы до Одера армия за 15 дней с боями прошла более 700 км.

Тут я считаю необходимым сказать несколько слов о нашей армии, корпусе, бригаде, батальоне, которые прошли славный боевой путь. Армией командовал генерал-полковник Богданов Семен Ильич — в последующем маршал бронетанковых войск. Семен Ильич прошел суровую школу жизни. До Октябрьской социалистической революции он работал слесарем на Путиловском заводе. В 1919 году С. И. Богданов добровольцем вступает в ряды Красной Армии и участвует в разгроме сил внутренней и внешней контрреволюции. Великую Отечественную войну он начал под Брестом полковником, командиром 30-й танковой дивизии. Командуя дивизией, С. И. Богданов проявил стойкость, храбрость и разумную инициативу.

В этом я убеждался неоднократно, а в последний раз убедился воочию. Это было под Люблином, бои за который носили исключительно ожесточенный характер. Восточную часть города нашим частям удалось освободить быстро. Город рекой Быстрина разделялся на две части. Противник упорно оборонял западную часть города, чему немало способствовала река. Я со своим танком в составе взвода находился на окраине и был невольным свидетелем возмущенного разговора С. И. Богданова. Он решил, что командиры корпусов медлят, преувеличивая силы противника в городе, и предложил командиру 3-го танкового корпуса Н. Д. Веденееву проехать с ним через город. Предупреждение командира корпуса об опасности не было принято во внимание. Для сопровождения взяли только один танк. За танком на двух «Виллисах» следовали командарм и командир корпуса с адъютантом и офицером разведки старшим лейтенантом Геталовым. Танк и машины были подбиты противником, а тяжело раненный С. И. Богданов шел пешком более 3 километров, пока не подошла машина, которая доставила его на КП 3-го ТК.

Наш 16-й танковый, а в последующем 12-й гв. танковый корпус исключительно доблестно сражался в тяжелых оборонительных и наступательных операциях, освобождая многие города и населенные пункты Украины, Молдовы, Польши и Германии, заслужил много наград, в том числе ордена Ленина, Боевого Красного Знамени и Суворова, и наименование «Уманский». Корпусом последовательно командовали генералы

И. В. Дубовой, Н. М. Теляков, М. Ф. Салманов. Мне особо хочется сказать несколько слов о генерале Н. М. Телякове, с которым я имел огромное удовольствие встречаться несколько раз на войне и после войны. Наиболее заметных успехов добился 12-й гвардейский танковый корпус в период его командования. Генерал Н. М. Теляков пришел командовать корпусом из 49-й гвардейской танковой бригады, которой также успешно командовал. К сожалению, в Берлинской операции генерал-лейтенант Теляков Н. М. в районе боевых действий 49-й гвардейской танковой бригады был тяжело ранен, командование принял генерал-майор Салманов М. Ф.

С особым удовольствием я вспоминаю мою службу в 107-й танковой, а в последующем 49-й гвардейской танковой бригаде. Мы, все офицеры, гордились тем, что нам посчастливилось служить в этой замечательной боевой бригаде. Активно участвуя во всех боях и операциях в составе корпуса и армии, бригада заслужила ордена Ленина, Боевого Красного Знамени, Суворова и Кутузова, а также наименование «Вапнярско-Варшавская». Бригадой вначале успешно командовал Н. М. Теляков, а затем, до конца войны, полковник Тихон Порфирьевич Абрамов.

Нашим третьим танковым батальоном командовал майор А. Н. Кульбякин, замечательный командир, имеющий кроме военного и высшее гражданское образование. Он отличался своей интеллигентностью, был очень грамотным и всесторонне развитым офицером. К великому нашему сожалению (офицеров и личного состава батальона), 21 февраля наш боевой комбат в бою за город Штаргарт погиб. Похоронен на польской земле.

Думаю, не будет слишком нескромно, если я приведу текст наградного листа, подписанного моими глубокоуважаемыми командирами: командиром 3-го танкового батальона майором А. Н. Кульбякиным, командиром 49-й гвардейской танковой бригады гвардии полковником Т. П. Абрамовым, командиром 12-го гвардейского танкового корпуса Н. М. Теляковым, командующим 2-й гвардейской танковой армией генерал-полковником танковых войск С. И. Богдановым, и утвержденного командующим 1-м Белорусским фронтом, членом Военного совета маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и генерал-лейтенантом К. Ф. Телегиным.

Вот этот текст:

«Описание боевого подвига, совершенного командиром 1-й танковой роты 3-го танкового батальона 49-й гвардейской танковой Вапнярской Краснознаменной ордена Суворова бригады гвардии лейтенантом Аматуни Ашотом Апетовичем с 14 января по 23 января 1945 года.

Сын армянского народа Аматуни Ашот Апетович, воспитанный партией Ленина-Сталина, мужественно и героически сражался с врагом. Участвуя по разгрому немецких оккупантов с 14 января 1945 года по 23 января 1945 года, проявил на поле боя мужество и геройство. Рота, которой командовал гвардии лейтенант Аматуни с 16 по 23 января 1945 года, действовала беспрерывно в передовом отряде бригады. Неясность сведений о противнике не останавливала роту, рота искала врага, смело атаковала и уничтожала.

16 января 1945 года на подступах к городу Сохачев рота уничтожила: паровозов — 3, железнодорожных составов с продовольствием и военным имуществом — 3.

В ночь с 16 на 17 января 1945 года рота стремительно ворвалась в город Сохачев, отрезала пути отхода противнику, при этом уничтожила: автомашин — 110, пушек — 2, зенитных установок — 2, шестиствольных минометов — 6. Захватила складов с вооружением и продовольствием — 8. Уничтожила солдат и офицеров — 300 человек, освободил советских военнопленных — 250 человек и освободила советских граждан — 150 человек.

19 января 1945 года рота стремительно врывается в г. Любень; заметив отдельный подъем самолетов на аэродроме, гвардии лейтенант Аматуни атаковал аэродром, где уничтожил 17 самолетов противника и летный состав. При выполнении последующей задачи в ночь с 21 на 22 января 1945 года стремительно ворвался в город Иноврoцлав, несмотря на сильный артиллерийский огонь и обстрел фаустпатронами и ружейно-пулеметным огнем, продолжал атаковать врага, где уничтожил танков — 2, пушек — 2. В два часа ночи 22.01.45 г. ворвался на железнодорожную станцию, разбил: паровозов — 3, три эшелона подвижного состава, после чего прорвался на аэродром противника и уничтожил 10 самолетов. Отрезал пути отхода противника из г. Иноврoцлав на запад. При попытке противника отойти на запад, мощным огнем уничтожил автомашин — 35, солдат и офицеров противника — 250 человек.

За мужество и геройство, проявленные в борьбе с немецкими оккупантами, достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Дальше идут подписи о согласии и утверждении старшими командирами, указанными выше. Мне доставляет огромное удовлетворение, что в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года особо была подчеркнута и заслуга воинов моей танковой роты, которая к этому времени имела всего 4 боевых танка Т-34, и что восемь членов экипажей танков

получили звание Героя Советского Союза.

Имена этих героев: русские — Михеев Павел Антонович, Матвеев Олег Петрович, Пермяков Владимир Васильевич; украинцы — Погорелов Семен Алексеевич, Пилипенко Яков Павлович; белорус — Мацапура Сергей Степанович; армяне — Аматуни Ашот Апетович, Дарбинян Ашан Авакович.

Это единственная танковая рота в составе бронетанковых войск в нашей армии, в которой выросли восемь Героев Советского Союза.

Но что же стоит за строчками наградного листа? Далее я хотел бы рассказать об этом поподробнее.

Итак, начало знаменитой Висло-Одерской операции.

Когда мы готовились к этой операции, я стал невольным свидетелем радиоразговора командира нашей бригады полковника Абрамова Т. П., который открытым текстом приказал: «Слушай, Кульбякин. Поворачивай своих орлов на север, к Сохачеву. Захвати там мост и держи его до подхода главных сил…» В самом начале выполнения этой задачи погиб наш командир роты капитан Карпенко. Майор Кульбякин приказал мне принять командование ротой и потребовал выполнения поставленной задачи. К исходу дня я с ротой подходил к городу. Ночь. Принимаю решение: зажечь фары и на максимальных скоростях ворваться в Сохачев. На шум танков из домов выскакивают фашисты. Некоторые в нижнем белье. Командиры танков прямо из люков забрасывают их гранатами и в упор расстреливают из автоматов. Немцы пытаются как-то организовать сопротивление, но все напрасно. В этом бою мы уничтожили две пушки, 3 зенитных установки, 6 шестиствольных минометов, захватили 8 складов и 110 исправных, полностью загруженных имуществом автомашин. Кстати, не могу не отметить, что, несмотря на наше внезапное появление, немцы сумели вести бой, который не стихал до утра. Бои в этом районе оставили еще одно тяжелое впечатление.

При выходе из Сохачева для дальнейшего выполнения боевой задачи мы натолкнулись на концлагерь и, уничтожив его охрану, освободили наших военнопленных, некоторые томились в этом лагере еще с 1941 года. Один из таких пленных очень просил, просто умолял, чтобы я его забрал к себе на танк. Он хорошо говорил по-немецки, я и согласился. Он так до конца войны, то есть почти до Берлина был у меня на танке с десантниками. После Сохачева мы ворвались на станцию, где в упор расстреляли два паровоза и товарный состав. Недалеко от станции стоял эшелон с советскими женщинами и детьми, которых собирались отправить в Германию. С захватом Сохачева почти все дороги,

идущие из Варшавы на запад, были перерезаны. Немцы, боясь оказаться в очередном «котле», начали откатываться назад. Думаю, что захват города помог уже 17 января освободить Варшаву.

Но мы, наша рота, об этом узнали позже, так как стремились на запад и на рассвете 19 января 1945 года подошли к городу Любень. На исходе было горючее в танках и совсем мало осталось боеприпасов. По радио я доложил об этом командиру батальона майору Кульбякину А. Н., который приказал остановиться у фольварка (это около десяти домов, подобно нашим хуторам) для пополнения боеприпасов и заправки горючим. В это время к нам подъехал командир бригады Т. П. Абрамов. Пока я докладывал о результатах боя, к нам подошел местный крестьянин, который сообщил, что северо-восточнее города находится аэродром немцев, где еще более двух десятков самолетов. Я тут же получил приказ немедленно обойти город и захватить аэродром. Мы, обойдя Любень с севера, устремились к аэродрому, где немецкие летчики спешно готовились к вылету. Я опасался, что мои танкисты начнут таранить самолеты, а они, надо полагать, полностью были загружены бомбами, поэтому приказал по радио: «Самолеты не таранить, а уничтожить из пушек и пулеметов».

В этом коротком бою было уничтожено 17 самолетов и весь личный состав. Кроме того, 8 «юнкерсов» мы захватили полностью исправными. В плен сдались более 185 солдат и офицеров, остальные разбежались, и когда командир батальона и комбриг подъехали к месту боя, все уже было кончено. 20 января наша бригада в составе корпуса завязала тяжелые бои за освобождение крупного польского города Иноврoцлав. Мы должны были овладеть его юго-западной частью, железнодорожной станцией и перерезать шоссе, идущее из города на запад. К Иноврoцлаву наш батальон майора Кульбякина подошел ночью. Впереди шла моя рота, времени на изменения боевого порядка не было. Наша разведка доложила, что в городе немцы ведут себя спокойно, видимо, не ожидают скорого появления советских танков. На большой скорости мы влетели в город. Подскочили к зданию с немецким флагом, где захватили городского голову, который был у себя в кабинете. Этого немецкого деятеля я возил у себя в танке чуть ли не до Берлинской операции. К рассвету мы вырвались к железнодорожному вокзалу. Немцы пытались контратаковать, но их попытки были успешно отбиты. На путях стояли три состава с паровозами под парами, которые дружным огнем наших танков были разбиты. Но все-таки в городе нам оставаться было нельзя. Фаустпатронами немцы могли поджечь наши танки. Поэтому мы

стремительно выскочили на западную окраину города и были удивлены, так как натолкнулись на небольшой аэродром. Фашистские летчики лихорадочно заводили моторы, пытаясь подняться, но им это не удалось: самолеты были расстреляны на взлете из пушек и пулеметов танками роты. Кстати, в составе роты к этому времени осталось только 4 танка.

Связавшись со мной по рации, комбат по приказу комбрига приказал мне оседлать шоссе из Иноврoцлава на запад и занять прочную оборону. Несмотря на то что в роте осталось всего 4 танка, у меня были десантники-автоматчики, среди которых находились и некоторые из бывших военнопленных, которых мы освободили под Сохачевом. Мы только успели расставить и замаскировать танки, как из-за поворота дороги, идущей из города, показались немцы, которые отступали из города на машинах с пехотой, легковыми машинами, мотоциклами, повозками. Одним словом, чувствовалось, что немцы в панике. По радио я передал, чтобы открывали огонь только по моей команде, с дистанции не более 200 метров. Подпустив немцев на близкое расстояние, мы дружно открыли огонь из пушек, пулеметов и автоматов. Враг был ошеломлен. Фактически мы безнаказанно уничтожали немцев, которые отступали на запад. Бой продолжался довольно долго. К вечеру большая часть немцев и их техники были уничтожены, оставшимся удалось уйти. Разгром был завершен с прибытием нашего комбата майора Кульбякина с ротой Виктора Венке и батареей самоходных установок. Утром к месту сражения прибыли командир бригады полковник Т. П. Абрамов и начальник политотдела полковник Д. И. Цыган, которые тепло благодарили нас за боевые действия. Тем временем в городе шли ожесточенные бои с остатками немецкого гарнизона, но уже к исходу 21 января Иноврoцлав был полностью освобожден. Наш корпус, в том числе и мы, уже с бригадой, не прекращая наступления, ночью 22 января вышли в район г. Лившина. Хочу напомнить, что, развивая наступление, другие части нашей армии форсировали р. Нетце и, развивая успех, в полдень пересекли старую немецко-польскую границу и вторглись в пределы фашистской Германии. Нам особенно радостно стало, когда вечером 22 января 1945 года всем участвующим в освобождении города Иноврoцлава, следовательно, и нам, Верховный Главнокомандующий объявил благодарность, и Москва салютовала из 224 орудий.

Одновременно наша бригада, имея во главе наш 3-й танковый батальон, в составе корпуса, развивая наступление с рубежа р. Нетце в направлении города Шнайдемюля, приняла участие в окружении группировки противника в районе крепости

Шнайдемюль, и до 2 февраля мы вели бои в этом районе. В этих районах я с ротой участвовал во многих тяжелых боях с противником, который неоднократно контратаковал, пытаясь во что бы то ни стало задержать наше наступление. О нашем умении воевать в 1945 г. говорит только один факт — рота уничтожила немало немцев и вражеской техники, не потеряв при этом ни одного танка, ни одного бойца.

Фактически с выходом нашей армии, в том числе и нашего корпуса и бригады, на р. Одер была завершена Висло-Одерская операция, которая продолжалась 16 дней и в течение которой воинами армии с боями было преодолено около 700 км. Мы уже радовались, что получили некоторую передышку, чтобы обслужить технику, привести в порядок вооружение и самим прийти в себя, но получили новый и срочный приказ. Получилось так, что с завершением Висло-Одерской операции для войск нашей армии, по существу, никакой паузы не было.

Со 2 февраля противник начал с новой силой наносить контрудары, и наша армия, и наш корпус, и бригада участвовали в боях по отражению попытки противника, то есть штаргардской группировки, добиться успеха. Хотел бы еще раз подчеркнуть, что до 29 марта шли очень тяжелые и продолжительные бои, в результате чего частями нашей армии была захвачена масса населенных пунктов, в том числе такие города, как Наугард, Каммин, Голлнов, Альхдам. Тем самым была окончательно разгромлена штаргардская группировка немцев. Без больших потерь ротой было уничтожено более 250 немецких солдат и офицеров, подбито и сожжено более 35 единиц боевой и вспомогательной техники. Большинство воинов были отмечены правительственными наградами. Завершив боевые действия в Восточной Померании, бригада в составе корпуса и армии сосредоточилась в районе г. Зольдина и приступила к подготовке к боевым действиям на новом направлении.

После выхода к Одеру по твердому требованию командования основное наше внимание было уделено предстоящему наступлению на Берлинском направлении. Все мы готовились сами, готовили нашу технику с таким подъемом, что не было никакой необходимости старшим начальникам торопить или контролировать нас. Мы знали, что с разгромом берлинской группировки придет конец этой тяжелой войне, а до Берлина осталось не более 70 км.

Конечно, мы знали, что эти 70 км по сравнению с пройденным боевым путем были небольшим расстоянием. Но чтобы преодолеть его, нужно было прорвать глубоко эшелонированную оборону противника, состоявшую из трех

основных и нескольких промежуточных рубежей и из трех мощных оборонительных обводов берлинского укрепленного района, из которых внешний проходил в 25–40 км от центра города. Внутренний оборонительный проходил в основном по окраинам пригородов Берлина, а третий, городской, в основном совпадал с линией окружной железной дороги. Отмечу, что все эти подробные данные нам предоставили наши оперативные и войсковые разведчики, которые умудрялись добывать сведения в самой сложной боевой обстановке.

Как известно, на рассвете 16 апреля войска 1-го Белорусского фронта перешли в наступление. Несмотря на то что немцы оказали ожесточенное сопротивление, наступающим войскам в первой половине дня удалось прорвать первую полосу обороны. Однако командованию стало ясно, что прорвать оборону второй полосы с первоначальным построением боевого порядка войск быстро не удастся, и для наращивания силы удара в сражение были введены, в полосе наступления 5-й ударной армии, которая вела очень тяжелые бои, корпуса нашей армии. На завершающем этапе войны служба информации и взаимодействия между не только частями и подразделениями, но и родами войск достигала высокой степени четкости, и даже мы, командиры небольших подразделений, были в курсе полученных бригадой и корпусом задач. Для выполнения поставленной задачи первыми в сражение были введены передовые отряды корпусов. И мы, наша бригада, и на этот раз действовали как передовой отряд, а наш 3-й батальон — во главе бригады. Я со своей ротой был в головной походной заставе, и после прорыва к исходу дня, вечером, мы вышли ко второй позиции обороны противника, проходившей по реке Альт-Одер. Однако все попытки танкистов во взаимодействии со стрелковыми частями прорвать оборону немцев успеха не имели. Мы теряли людей и технику. В моей роте были подбиты 3 танка, а один сгорел.

На следующий день 17 апреля в борьбу за преодоление второй полосы обороны совместно со стрелковыми войсками вступили основные силы. И все-таки нашему корпусу, несмотря на тяжелые продолжительные бои, не удалось преодолеть вторую полосу обороны, тогда мы завязали бои за переправу. В это время стало известно, что наша соседняя 37-я механизированная бригада захватила исправный мост, по которому переправились части 1-го механизированного корпуса. Мы получили приказ немедленно переправиться по мосту и развить успех в направлении г. Регенвальда. В этих боях на подступах к Регенвальду был тяжело ранен командир 12-го гвардейского танкового корпуса генерал Н. М. Теляков. В последующие два дня

мы вели очень тяжелые бои и совместно со стрелковыми частями, преодолевая исключительно упорное сопротивление немцев и отражая непрерывные контратаки, продвигались вперед и к исходу 19 апреля подошли к лесному массиву «Претцелер-Форт».

Несмотря на наши успехи, немцы, продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. Наш корпус и бригада 29 и 30 апреля вели тяжелые бои в районе восточной части парка Тиргартен, тогда как воины 3-й ударной армии водружали над Рейхстагом Красное Знамя. В районе парка Тиргартен 30 апреля мой танк был подбит, и из горящей машины меня вытащили тяжело раненным, с перебитыми ногами и рукой. Было ужасно обидно, что это случилось почти в конце войны, и я не смог радоваться вместе с боевыми товарищами победному завершению войны.

После того как вытащили меня из горящего танка мои боевые друзья, меня эвакуировали в военный госпиталь, который находился в г. Ландсберг. Как меня забинтовали, перевязали, кололи и т. д., я не помню. Пришел в себя, когда меня эвакуировали на санитарном самолете в Варшаву, где я пролежал очень долго. Итак, я оказался в Варшаве, в Праге в военном госпитале. Госпиталь обслуживал 1-й Белорусский фронт, прибыл в Варшаву из Ленинграда. Госпиталь был огромный, занимал почти все уцелевшие здания польской Праги. Начальником госпиталя был подполковник, в дальнейшем полковник Крынский В. И. Я лежал в отдельной комнате, рядом с кабинетом начальника госпиталя. Состояние мое было очень тяжелое, как говорится, весь в гипсе, кроме правой руки, но уход был замечательный, специально назначенными медицинскими сестрами под постоянным контролем начальника госпиталя. Меня такое положение несколько удивляло, но потом мне стало известно, что в госпитальной картотеке было отмечено, что я получил звание Героя СССР в феврале месяце.

Превосходный уход и квалифицированное лечение помогли мне относительно быстро восстановить здоровье, и я стал беспрерывно просить, чтобы меня выписали и отправили на фронт. Но война уже заканчивалась. Я был почти здоров, когда госпиталь получил телефонограмму, чтобы меня отправили в Германию, в район Карлхорст, где располагались (в казармах инженерного училища фашистской Германии) Штаб и Управление оккупационных войск Германии. И вот в конце августа госпиталь выделил мне легковую машину (кажется, «ГАЗ-ММ»). Я со своим ординарцем Николаем, который постоянно был со мной в госпитале, поехали в Карлхорст — Ставку оккупационных войск в Германии. Разместили нас в гостинице

инженерного училища с прекрасным обслуживанием, где мы ждали вручения наград. В гостинице были многие офицеры и солдаты армии США, Англии и Франции. Приятно вспомнить наши добрые и теплые взаимоотношения. Встречались мы, как правило, в часы приема пищи — на завтраке, обеде, ужине. Часто мы собирались в комнате отдыха, проводя приятные совместные часы. Тогда мы, воины, офицеры союзников, не предполагали, что очень скоро станем непримиримыми соперниками. На третий день нашего пребывания в городке в ожидании вручения орденов, где-то к двенадцати часам, объявили, что прибыл маршал Жуков Г. К. и скоро начнется церемония вручения орденов.

Нас пригласили в зал (кстати, в этом зале немецким командованием был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии). К столу президиума из двери вышел маршал Жуков Г. К. со своими помощниками. Началась церемония вручения орденов. Мне было безмерно приятно, что после краткого приветствия Жукова Г. К. секретарь (или помощник) зачитал первой мою фамилию (видимо, по алфавиту). Я не помню даже, как вскочил и строевым шагом подошел к столу. Маршал поздравил, вручил орден Ленина, медаль «Золотая Звезда», Грамоту Президиума Верховного Совета СССР и, придерживая мою руку, спросил, откуда я. Я сказал: «Из Армении». Он как-то усмехнулся и загадочно сказал: «О!.. Понятно». Что и как «понятно», я, конечно, не понял. Но после многих лет службы, когда я неоднократно убеждался в большой дружбе двух замечательных и талантливых полководцев Георгия Константиновича Жукова и Ивана Христофоровича Баграмяна, только тогда я понял значение этого протяжного «О…».

После вручения орденов нас и иностранцев, всех, пригласили на торжественный прием. Было изумительно красиво, элегантно, безусловно обильно, и, кстати, все только советского производства. Прием продлился до позднего вечера. Разошлись где-то в 24 часа, получив большие пакеты подарков. Нам было объявлено, что, если есть желание, мы можем еще одни сутки жить в гостинице (конечно, с полным обслуживанием) и познакомиться с городом.

— Когда вас обучали на Т-34 в училище, была ли на нем командирская башенка? Что вам, как будущему командиру танка, о ней говорили?

— Да, была, она была такая низенькая. Говорили, что в первые годы войны, когда она была высокая и торчала над танком, то немцы стреляли по ней. Но когда я учился, то на новых моделях ее почти срезали, и нам было удобно в ней.

— Как наши танки вводились в прорыв?

— Передний край обороны противника прорывала пехота при поддержке танковых бригад НПП (непосредственной поддержки пехоты). Мы ждали, пока немцев выбьют не только с первой линии обороны, но и со второй, там немцы всегда ожесточеннее сопротивлялись. А потом наши танковые корпуса, а в 1944–1945 гг. и целые танковые армии шли в тыл противника.

— Какая наиболее типичная задача ставилась вам в прорыве?

— Задача ставилась одна — только «Вперед!». Как только пехота прорывала линии противника, нас пускали на оперативный простор, и ты летишь вперед, не обращаешь внимания, что сзади пехотой и не пахнет. Сколько можно, все вперед, я отрывался последний раз на 150 км от наших войск. Я был уже в Германии, а наши только через Польшу проходили. Только вперед, потому что, когда лавина танков шла вперед, немцы пребывали в шоке и не могли нам ничего противопоставить.

— Что делать, если вы столкнулись с танками противника во время прорыва?

— Мы никогда не уклонялись, нас учили так: надо занять удобную огневую позицию и с места либо с коротких остановок расстреливать его. Тут важно одно — надо попасть, именно попасть первым снарядом по танку противника. Как только он ударил по броне, экипаж противника будет в шоковом состоянии, а ты по тому же прицелу продолжаешь стрельбу, пока не подобьешь.

— Во время напряженного марша Висла — Одер потери матчасти происходили?

— Конечно. В основном из строя выходила ходовая часть, но мы ремонтников не ждали, а сами делали очень многое. Катки меняли самостоятельно, самый проблемный вопрос заключался в ведущем колесе, оно часто выходило из строя, передний, так называемый «ленивец», почти никогда не выходил из строя, как ни странно, хотя танки в лоб шли на противника. Но мы насобачились в итоге ремонтировать сами даже задние катки.

— Насколько хорош был Т-34 в условиях борьбы с немцами зимой?

— Что скрывать, наш Т-34 был холодной машиной, у немцев в

танках подогрев был больше, они всегда к себе относились с большим вниманием. Но, тем не менее, мы держались, не обижались на холод, потому что Т-34 есть Т-34. Мы всегда использовали брезент, его и в кабину стелили, и накрывались им. Он хорошо тепло держал.

— Какой запах витал в танке?

— Как от мотора, масло, ну, и дым был.

— Совершали ли ваши танки марши по бездорожью?

— Конечно, мы даже больше не по дорогам, а по пересеченной местности шли. Ведь для танков бездорожье даже лучше, на шоссе мы ясная цель для противника, а по лесам и полям как раз было удобно внезапно на немцев набрасываться.

— Как определяли, пройдет ли танк по мосту, если нет опознавательных знаков рядом с ним?

— Это был очень сложный вопрос, поэтому иногда мы даже пытались перепрыгивать через небольшие речки. Это было самое трудное, ведь на глазок никак не определишь, так что надо рисковать или танк пустить, но чаще всего отправляли пехоту и разведчиков, чтобы они посмотрели мост и определили, можем ли мы, танкисты, пройти. Трудно было, но мы справлялись.

— Были ли у вас какие-то хитрости и уловки, помогавшие в бою?

— Нет, мы воевали прямолинейно. Уже наша сила была, сопутствовал во всем успех, и мы были так уверены в Победе, что никаких хитростей не использовали. Единственное, у немецких танков на пушках был дульный тормоз, это в бою был один из признаков вражеского танка, если он есть, сразу определяешь, что перед тобой враг.

— Сталкивались ли вы со штурмовыми орудиями противника?

— Конечно, но немцы в 1944–1945 гг. были уже не те, здорово боялись наших танков и мехчастей. Они бежали от нас, когда мы орудовали в их тылу. Но конечно, штурмовые и противотанковые орудия продолжали оставаться для нас серьезной проблемой, самые сильные из них могли на дистанции до 2,5 км прошить броню Т-34 только так, снаряд пробивал оба борта. Надо сказать, что единственным эффективным способом борьбы с ними были минометы и артиллерия, такое орудие надо было на площади уничтожать. И хорошо мы их уничтожали, наши

ребята уже умели воевать по-настоящему. К концу войны немцы не могли успешно сопротивляться войскам Красной Армии.

— Как вы считаете, какую опасность нашему танку несло применение немецкими солдатами фаустпатрона?

— Очень большую; дело в том, что ведь и дети из гитлерюгенда легко могли им пользоваться. Они были настолько отважны, настолько напичканы этой антисоветской и антибольшевистской пропагандой, что шли на нас вплоть до самоуничтожения. К примеру, если они засели в здании, то единственным способом успешной борьбы с фаустниками будет только разбить здание, по-другому ты с ними ничего не сделаешь, по одному же человеку из пушки стрелять не будешь. Так что только так и боролись с ними.

— В чем заключалась основная сложность борьбы в городе?

— Мы больше всего от фаустпатронов и страдали, это сильное оружие, может прошить танк от борта в борт, поэтому, прежде чем войти в город, мы обстреливали интенсивно улицы. Бывало так, что только войдем в город, я у одного люка, заряжающий у другого, и только и делаем, что бросаем гранаты, я вправо, он влево, чтобы освободить улицы, иначе они нас щелкали, как хотели.

— Во время боев в городе вы закрывали люки?

— Я вообще не помню, чтобы я закрывал люк, ни в городе, ни в бою. Это очень опасно, ведь потом открывать надо, это и время, и какая обстановка будет, черт его знает, ведь иногда руки трясутся, не можешь открыть. У меня во взводе и в роте никто так не делал, я не разрешал закрывать люки. Они приоткрыты были, а немцев мы не боялись. Зачем им пытаться попасть гранатой в наш люк, когда у них везде фаустпатроны были?!

— Как вели себя немцы, когда вы на танках прорывались в тыл основной линии фронта противника?

— Они народ неглупый, поняли, что война проиграна, и вели себя достойно. Мы заезжали в города, надо заправить машины или остановиться отдохнуть. Заходили в дома; они, как правило, сидели в подвалах большими группами и сразу выходили, хотя у нас питание всегда было с собой, и хорошее, но они сами вытаскивали свои запасы, взаимоотношения у нас были нормальные.

— Где проходила формировка экипажей?

— На месте получения танка, там сразу и формировали. Я получал танки в Нижнем Тагиле, Челябинске, Омске, и мы прямым ходом на вокзал, там по железной дороге и до фронта. Экипаж был очень важен, это как настоящая семья. Это была очень добрая и искренняя семья. Никаких различий в экипаже не было, стол у нас был всегда единый, все, у кого что было, выставляли.

— Какова была иерархия в экипаже?

— У меня в экипаже командиром орудия был ленинградец, я его тогда считал дедом, ему было, наверное, лет 40, а мне-то было 20. К старшим у нас было уважительное отношение. Мы вообще дорожили такими добрыми отношениями, ведь в войну друг от друга зависит очень многое. Когда 30 апреля меня вытаскивали из подбитого танка, то тянули все свои, те, которые остались живы. По земле меня таскали, на большом ковре, не пойму до сих пор, где они его отыскали. И волокли меня километра 1,5–2, не меньше. Представляете, собой рисковали, но все сделали, чтобы вынести командира из зоны боя.

— Какое место в танке вы занимали?

— На марше я находился в командирской башенке, на отдыхе же мы, как только танк вставал, копали под его днищем что-то вроде большого блиндажа и находились там, прямо под танком, это было и безопасно, и все вместе находились.

— Ваше отношение к своей машине?

— Отличное, я ее вспоминаю и люблю до сих пор. Машина с номером 305 и сейчас мне мерещится. Чудесная машина. Мы тогда ходили по шоссе до 50 км/час, сейчас не все современные танки на такое способны.

— Как вы оцениваете подготовку танкистов?

— Очень хорошая, конечно, сначала было много трудностей, но я их не застал, я ведь попал в танковые войска, когда они были полностью сформированы, и их личный состав был подготовлен как положено.

— Бывали ли случаи перевозки танков тягачами?

— Конечно, вышедшие из строя танки вывозили тягачами, но надо отметить, что их быстро восстанавливали, очень быстро. У нас были организованы летучие восстановительные бригады, приданные каждому корпусу. Не успеет танк остановиться, только подаешь сигнал, и такая бригада тут же подъезжает к тебе,

особенно в 1944–1945 гг. эти подразделения действовали эффективно. Кстати, тягачи у нас были наши, отечественные, хотя, насколько я знаю, в корпусе были тягачи марки «Шевроле», а также танки «Черчилль», мы его называли «Крокодил», потому что он был очень высокий. Название вошло в историю. Кстати, экипажи свои «Крокодилы» любили. И неплохо оценивали их.

— Какие наиболее уязвимые для артогня противника места у танков, кроме бортов?

— Скаты. Но борта опаснее с этой точки зрения, тут самое главное, чтобы не выбило задние ведущие катки, ведь бывало, что из средних катков двух не было с каждой стороны, но это абсолютно не влияло на скорость и ход танка.

— Какие недостатки у Т-34 вы могли бы выделить?

— Не могу, честно. Мне кажется, что это совершенная машина. Во-первых, это была очень маневренная машина, этот танк весил 34 тонны с полной заправкой, но бегал, как легковая автомашина, ни с какими иностранными танками его не сравнить, наша родная тридцатьчетверка была непревзойденная, ее водитель крутил как хотел. Немцы пошли по другому пути — увеличивали броню танка. Вот «Королевский тигр» казался им непробиваемым, но бороться с ним оказалось очень просто — первое время мы стреляли в лоб, его, естественно, не пробить было, тогда мы насобачились обходить его и бить в борта, наш снаряд оба его борта навылет пробивал. Так что были очень неповоротливые машины эти «Тигры», в итоге немцы от них сами отказались. Вот «Пантера» в бою была опаснее «Тигра», она ведь чуть ли не копия Т-34. Вообще, немцы очень многое у нас позаимствовали в танковом деле.

— Какие характеристики танка вам кажутся наиболее важными для сражений в период ВОВ?

— Важны и броня, и пушка, но надежность танка — вот что самое главное.

— Кто был вашим наиболее частым противником в прорыве?

— Авиация. Когда мы уже вошли в тыл, мощно наступаем, то немцы не принимали бой и убегали от нас. Единственное, нам очень много бед приносили их штурмовики. Мы сразу при налете останавливали машину и пытались найти ей прикрытие, спрятаться как-то. Немецкая авиация работала хорошо, для танка она была наиболее опасна. Но мы чувствовали себя в

определенной степени в безопасности именно в танке, потому что угрожало ему только прямое попадание, а если снаряд взорвется рядом, то что ему будет?! Только прямое попадание было опасно. В 1945 г. мы даже не обращали внимания на потери от авиации, когда я шел со своей ротой до Берлина, из 10 танков у меня подбили 6. Два сгорели сразу в прорыве, а 4 были подбиты и оставлены нами в тылу — то катки, то гусеницы, то борта, у одного даже башню подбили. Но быть подбитым тоже опасно, мы остерегались таких попаданий, ведь у нас внизу лежало 6 снарядных кассет, в случае удачного для врага выстрела они наверняка сдетонируют. Кстати, я только в 4 кассетах держал снаряды, а в двух — харчи, а снаряды укладывали и в башню, они даже валялись под ногами.

— Стреляли ли вы с ходу?

— Да. Обычно мы стреляли так, когда шли в атаку, а вот при прорыве рубежей эффективней была стрельба с остановок. Там нужна прицельная стрельба. Остановился, выбрал цель, поразил ее и дальше идешь. Мы стреляли по бронеединицам и пушкам, на пехоту не останавливались, она и сама разбегалась.

— Подбитый танк обязательно надо поджечь или достаточно, что он не стреляет?

— Нет, конечно, зачем на него снаряды тратить, если он подбит и не стреляет, то все, мы другие цели ищем.

— Насколько были эффективны танковые пулеметы?

— Пулемет, который был впереди у радиста, мы вообще убрали, он очень неэффективен был. На его месте выл небольшой глазок, танкист ничего не видит, куда он бьет и в кого стреляет. Это был пятый член экипажа. Поэтому его тоже убрали, осталось нас четверо, все занимали свои места, экипаж работал четко, как хорошо отлаженный механизм. А курсовой, естественно, эффективен был. Радиофикация у нас уже была, сначала было очень трудно, танки, как правило, между собой связи не имели, рации были очень слабенькие, только к 1944–1945 гг. стало получше, мы связывались между собой по радио, достаточно было команду отправить и выключить рацию. Так что без радиста мы не страдали.

— Как отдавались команды механику-водителю?

— Ногами, естественно, налево надо повернуть — по левому плечу бил легонько, а если остановиться надо, то я ему за шиворот стукну, и он сразу все делает.

— Кто был обязан следить за боекомплектом танка? Существовали ли какие-то нормы расхода боекомплекта?

— Нет, ничего такого не было. А следили мы все, у нас были специальные подносчики, которые занимались подвозом боеприпасов. Наше дело было в одном — мы говорили командиру, что боеприпасов нет и нужно подвезти, т. е. заявку делали. И сразу нам привозили снаряды, организация была хорошая. Я, к примеру, не помню, чтобы когда-либо мой танк страдал без боеприпасов. Выдавали боекомплект на батальон или на роту минимум, но четко подвозили снаряды прямо к танкам.

— Стреляли ли вы с закрытых позиций?

— Нет, но у нас в бригаде был сформирован отдельный дивизион, он умел стрелять, причем очень толково. Они танкисты, и вдруг стреляют с закрытых позиций, артиллерия понятно, это их хлеб, но чтобы танкисты стреляли, это было ново. Кстати, получалось у них хорошо, потом нам их все время в пример приводили.

— Что выделали, если во время боя перебивало гусеницу?

— Надо попытаться ее отремонтировать, пусть прямо во время боя. Танк ведь остановился, остальные-то идут вперед. Ты уже оказался в тылу, надо ремонтировать срочно и присоединяться к своим.

— Возможно ли было применять в наших танках немецкий бензин?

— Нет, бензин не применяли, а дизтопливо — конечно, использовали. Оно было, в принципе, одинаковым, но все-таки немецкое как искусственное, немного теряло в мощности. Хотя все равно мотор работал.

— Как бы вы оценили наши легкие танки Т-60 и Т-70?

— Это легкие танки, маленькие такие машинки, мы их называли танкетки. Они в боях, наверное, участвовали, но со мной они не были в прорыве. Что от них получишь, у них пушка-то была всего 45-мм, по-моему.

— С КВ вы сталкивались?

— Да, это хорошая машина, но очень тяжелая, поэтому она в итоге не пошла в массовое производство.

— У кого была лучше оптика, у нас или у немцев?

— У немцев, мы управлялись со своей оптикой, но когда мы разбирали немецкие танки, то я видел, что их оптика превосходит нашу. Вот в боях в сумерках и ночью приходилось трудновато, но, к счастью, вскоре у нас. Также появились приборы ночного видения, это нам помогало с немцами бороться на равных.

— Как бы вы оценили удобство вождения Т-34?

— Механику-водителю было удобно водить, из наших танков он был, вероятно, самым удобным. У механика-водителя была свобода в танке, он сидел впереди и легко управлял. Но вообще-то он должен был быть крепким мужчиной, наша механизация улучшилась только после войны, приборы начали работать хорошо, механику стало легче, он только ручку повернет, и сразу поворот. А до этого усилия, и немалые, прилагать надо было.

— Производилась ли чистка гусениц?

— Нет, мы не делали ее, когда мы ехали, большую скорость дашь, и все само очищается.

— Обучали ли вас покидать танк?

— Конечно, ведь те, кто танк подбил, всегда ждали, куда экипаж денется, сверху или снизу ждали, пока мы вылезем, пристреливались заранее. Чтобы с наибольшей вероятностью остаться в живых, надо было вылезать из танка снизу, на днище был специальный люк, его очень трудно было открывать, и сразу же решаешь — или назад, или вперед выходить из-под танка, это очень сложно было, ведь вокруг стреляют. Неприятное ощущение. За войну я потерял 6 машин, вынужден был менять довольно часто танки, так что попадал в сложные ситуации.

— Доводилось ли вам применять личное оружие?

— Да, в городах приходилось. Особенно когда мы уже входили в город, боев не было, но появлялись где-то немцы, вели огонь из засады, также они любили снайперов в засадах оставлять, по ним мы и стреляли. Нашим штатным оружием был пистолет, но всегда в танке были немецкие трофейные автоматы, они были очень удобные, легенькие такие, черненькие. У убитых немцев регулярно патроны собирали для них.

— Как кормили в танковых частях?

— Хорошо, даже отлично. Но мы сами себя кормили, не ждали, пока кашу принесут, у нас всегда сухпайки были, в него входили сухари, мясные консервы, американские, помощь по ленд-лизу. До сих пор помню, были квадратные и круглые

баночки.

— Сталкивались ли вы с танком ИС-3?

— Да, я его очень хорошо знаю. Но он не воевал, хотя это был хороший танк, советская промышленность знала, как делать хорошие танки.

— Как организовывалось ваше взаимодействие с пехотой?

— Почти всегда у меня был танковый десант. Но были моменты, когда танкисты шли вперед, а пехоты не было. Специального отделения для нас не выделяли, стрелковый командир распределял солдат перед боем, четко сказать, что за нашими танками были закреплены одни и те же отделения, я не могу. В прорыве у нас всегда были пехотинцы, конечно, они несли потери, но до Берлина пехотинцы у меня на броне оставались. Я мало потерял за время прорыва, кстати, в бою я ими руководил, раз десант ко мне пришел, то я уже командую, как надо. И только начинался бой, они сразу же спрыгивали с танка и шли в атаку под нашим прикрытием.

— Помощь саперов в чем заключалась?

— Они нам много помогали, во-первых, минные поля очищали, во-вторых, в прорыве делали проходы в минных полях противника. Они часто погибали, работа была очень опасная, но все-таки обеспечивали нам безопасный проход. Много делали нам полезного. Надо сказать, и то во время прорыва саперное отделение обязательно на танках было.

— Как организовывалось ваше взаимодействие с артиллерией?

— Нужно сказать, что с пушками у нас всегда был хороший контакт, мы сильно от артиллеристов зависели, ведь поначалу они должны были расчистить нам дорогу. Мы с ними крепко дружили. Частенько мы вызывали огонь артиллерии на противника, в процессе боя ведь всякое бывало, мы иногда не могли прорваться, пока артиллерия не расчистит нам дорогу. Тогда мы вызывали артиллерию, они запрашивали координаты и давали немцам прикурить. Также у нас была практика выделения нашей бригаде полковой и дивизионной артиллерии для стрельбы прямой наводкой, в ходе боя мы такой прием часто использовали, потому что по-другому было не прорвать укрепления немцев.

— Бывало, что наша авиация вас бомбила?

— Такое тоже случалось, и я попадал под «дружественную» бомбежку. Это было на Мангушевском плацдарме, мы только вошли в прорыв, видимо, штабы опоздали передать новости воздушникам, они уже прилетели с задачей добить те точки, что мы уже уничтожили. Начали нас утюжить, но мы быстро поняли друг друга, с танков ракеты пустили, и они улетели, разобрались, что свои. Они 2 или 3 бомбы сбросили, несколько человек пострадало, но несерьезно.

— Было ли проблемой подплавление подшипников двигателя на Т-34?

— Да, такое случалось, если плохо экипаж ухаживал за мотором и вовремя масло не доливал. Тут самое главное было внимательно следить, чтобы постоянно было масло, тогда можно быть спокойным.

— Как часто необходимо было чистить масляный фильтр?

— Многое от него зависело, поэтому когда мы останавливались и определенное время стояли, то всегда все фильтры чистили. Вот «Циклон» был хорошим фильтром, но я не обращал внимания на такие вещи, это дело механика-водителя.

— На каком расстоянии вы предпочитали открывать огонь по цели?

— В среднем самым оптимальным результатом было, когда мы подпускали немцев ближе и огонь открывали где-то за 400–500 метров, с такого расстояния мы смогли легко прошить всю технику противника. Процент попадания был высоким, 50–60 %. Кроме того, мы часто использовали тактику «вилки» недолет, перелет, потом попадание. Это основное правило стрельбы, оно активно использовалось в боевой обстановке.

— Сталкивались ли вы с примечательными случаями сбития вражеского самолета, захвата летчика?

— Нет, у нас такого не было, я не помню, но летчики, у нас в корпусе регулярно появлялись, садились к нам в прорыве и передавали приказы командования.

— Встречались ли вы со случаями применения немцами наших танков или пушек?

— Использовали, конечно. Особенно они любили наши Т-34, но потом все-таки отказались от них. Бросали, бежали, не могли эксплуатировать их так, как мы, ведь по-варварски на танках ездили наши ребята. А им надо, чтобы все было по-культурному.

— Каков ваш личный счет подбитых немецких танков?

— Мы не вели такой подсчет, но навскидку более 6 штук я точно подбил. И танковых асов у нас в бригаде никак не выделяли.

— Как поступали с немецкими пленными?

— Отправляли в тыл, я не помню случаев расстрела, а ведь столько пленных мы брали, особенно в 1944–1945 гг., и ничего с ними не делали. Даже наоборот, наши люди их кормили. Столько творили они в нашей стране, столько жестокости показали. А когда мы вошли в Германию, то не тронули ни одного человека. Ни наши солдаты, ни офицеры тем более. Знаете, у нас был случай, страшный, сейчас сегодняшнему поколению непонятный. За изнасилование немецкой женщины расстреляли нашего солдата, причем перед строем, прочитали решение трибунала и расстреляли. Был строжайший приказ Сталина, чтобы с населением обращаться так, как положено, поэтому у нас с населением ни одной стычки не было. Хотя мы их ненавидели сильно, прямо ужас. Пленных строем отправляли на восток, и представьте себе, такую ораву кормить надо. Естественно, нужно было, чтобы они что-то создавали, хотя бы для того, чтобы прокормить себя. Это был трудный период для нашей страны, столько народу было, который ничего не создает, а его надо кормить, поить и одевать.

— Ваше отношение к партии, Сталину?

— Самое наилучшее, самое наивысокое. Мы воевали «За Родину! За Сталина!». Патриотизм наш был к Родине, я до сих пор всем говорю, что шел в атаку «За Родину! За Сталина!». В этой связи я думаю, что следует несколько остановиться на роли Сталина в управлении государством и армией в первые дни войны. Версия, согласно которой И. В. Сталин, узнав о нападении фашистской Германии на Советский Союз, был так поражен, что впал в прострацию и, уединившись на даче, фактически самоустранился от руководства государством, является чистейшей клеветой. Это получило распространение только благодаря подлым стараниям Хрущева Н. С., этого авантюриста, который фактически пытался опозорить не только работу целого ряда правительственных учреждений, но и многих государственных деятелей. Факты же говорят совершенно о другом. Согласно учету посетителей Сталина, который велся дежурными в приемной вождя, следует, что с 21 по 28 июня 1941 г. Сталин принимал (иногда до утра) не только членов

Политбюро ЦК ВКП(б), высших военачальников армии и флота, государственных и политических деятелей. Вместе с тем в те напряженные июньские дни и ночи И. В. Сталин принимал многих руководителей наркоматов, военных, ученых. Вообще о Сталине следует говорить только объективно и справедливо. Сталин — это эпоха. Эпоха борьбы и побед. Эпоха укрепления государства, улучшения жизни трудящихся. Сталин в 1929 году закрыл последнюю в России биржу труда, а сейчас биржа труда открывается. Спустя два года после войны Сталин отменил карточную систему, а сейчас уже была попытка ввести снова карточную систему, а ведь прошло после войны более 50 лет. Сталин заслужил к себе гораздо более уважительное отношение потомков, по крайней мере, он имеет гораздо больше права на понимание, чем на презрение. Не надо его отделять от того жестокого времени, в котором он жил. Сталина не надо защищать, за него говорят его дела.

Уинстон Черчилль, роль и деятельность которого известны в мировой международной политике, особенно в период Второй мировой войны, вспоминает в своих автобиографических произведениях: в конце войны заходит к нему помощник и передает пакет от Сталина. Вскрыли пакет, а там, кроме большой фотографии самого Иосифа Сталина, ничего не оказалось. Черчилль, который тоже обладал острым умом, сразу понял, что это неспроста, и попросил помощника срочно дать ему последнюю сводку. Через несколько минут помощник говорит: «Сэр, они перешли западные границы. Они уже в Европе!» Но как красиво было подано: мол, ты не хотел второго фронта? Так я уже здесь. Я у тебя на столе! Несколько позже Черчилль, говоря о Сталине, заявил: «я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правившему судьбой своей страны во времена мира, и победоносному защитнику во время войны». И все это говорит человек, который чуть ли не всю жизнь боролся против социалистического государства, против идеи социализма, коммунизма. Можно соглашаться с характеристикой господина Черчилля или нет, но факт остается фактом — вычеркнуть Сталина из истории не удастся никому.

— Сколько национальностей было в вашей танковой роте?

— Пять. И знаете, никаких трений не было; настоящий интернационализм Красной Армии заключался в том, что мы даже и не спрашивали о том, кто какой национальности.

— Было ли вам что-то известно о гигантских потерях в Красной Армии в 1941–1942 гг.?

— В первые годы войны я ничего не знал, но вот в 1943 г. информация до нас уже стала доходить. Ведь потери были в основном не смертельные, а пленных была масса.

— Какие настроения у вас были в период обороны Москвы?

— Мы были уверены, что ничего не будет. Мы устоим. Знаете, когда я в Нижнем Тагиле получил танк и ехал с ним прямо через Москву, даже никаких намеков не было видно, что могло быть поражение в битве под Москвой.

— Какое отношение было в войсках к старшим офицерам?

— Мы обожествляли своих командиров, они были на самом деле очень достойными полководцами. Главное, рели себя достойно, Катуков начинал с танковой бригады, Рыбалко, Богданов, Кириченко. Все эти фамилии были на слуху, Ротмистров и Лелюшенко тоже звучали, но вот Ротмистров, как мы считали, меньше всего участвовал в боевых операциях, только в конце войны о нем пошли разговоры.

Хочу сказать несколько слов об очень уважаемом — и талантливом полководце И. Х. Баграмяне, с которым встречался многократно и считаю, что хорошо изучил его, прежде всего как замечательного человека. Он был выше среднего роста, хорошо сложенный, с настоящей кавалерийской выправкой, с глубоким, умным и чуть грустным, доброжелательным взглядом темно-карих глаз. Преданность революционному делу, хорошие командирские качества, высокий уровень военной подготовки, юношеская энергия и стремление к дальнейшему Совершенствованию были основой стремительного продвижения по военной службе Ивана Христофоровича Баграмяна. За заслуги в планировании и организации ведения боевых действий за короткое время И. Х. Баграмян от полковника в начале войны к 19 ноября 1943 г. уже получил звание генерала армии.

12 августа 1941 г. ему присвоено первичное генеральское звание генерал-майора, а в декабре 1941-го звание генерал-лейтенанта. В Орловской операции ярко проявился талант И. Х. Баграмяна как военачальника, и ему было присвоено звание генерал-полковника с вручением ордена Суворова 1-й степени, а 19 ноября 1943 г. он был назначен командующим войсками 1-го Прибалтийского фронта с одновременным присвоением звания генерала армии. 29 июля 1944 года за выдающиеся успехи, достигнутые войсками фронта, которым командовал И. Х. Баграмян в Белорусской операции, ему было присвоено

звание Героя Советского Союза. По какому-то случаю (уже не помню) правительством Армении был приглашен маршал Баграмян И. Х. Решением ЦК Компартии и Совета Министров Армении мне было поручено сопровождать маршала в поездке по районам и городам республики. Было исключительно приятно постоянно находиться рядом с этим замечательным, добрым, отзывчивым, мягким и искренним по характеру человеком, который только своим присутствием благоприятно влиял на окружающих его людей. В Ереване он захотел осмотреть многие исторические и привлекательные места. С особым интересом он осмотрел памятник Железному Гаю в Советском районе города. Памятник ему понравился, хотя он и сделал несколько небольших замечаний и пожеланий. Особенно интересной была поездка в Ленинакан (теперь Гюмри). На границе с Турцией маршал И. Х. Баграмян очень долго вспоминал те времена, когда он служил солдатом и унтер-офицером в царской армии в этих районах — в крепостях «Красный» и «Черный». В Ленинакане остановились мы на 2–3 дня, жили в гостевом доме. В первый день нашего пребывания он говорит мне: «А можно ли заказать хаш — национальное блюдо Армении?» Председателем горисполкома Ленинакана был мой племянник Каракосян Эмил Микаэлович, которому я позвонил и передал пожелание маршала. На второй день утром хаш был доставлен к завтраку. Приехали несколько человек во главе с председателем. Конечно, хаш прошел превосходно со всеми сопутствующими добавками, и вдруг маршал говорит: «Было бы неплохо послушать армянскую музыку в исполнении дудукистов» (дудук — армянский музыкальный инструмент), и тут выходят три человека, один с барабаном (доулом), и спрашивают маршала, что бы он хотел услышать. Нас, всех присутствующих, в том числе и меня, поразило, что почти всю жизнь находясь в Советской Армии среди не только русских, но многих других народов, он сохранил в своей памяти многие армянские лирические и патриотические песни, которые талантливо были исполнены музыкантами. Однако нашему изумлению не было конца. Вдруг маршал попросил сыграть музыку армянского танца «транги» и с молодым задором начал танцевать, приглашая других. Танцевал он долго, и я начал беспокоиться, ведь возраст у маршала был солидный. Так мы провели с маршалом 2–3 очень приятных дня. Это был последний приезд Ивана Христофоровича Баграмяна в Армению. К сожалению, мне больше не пришлось встречаться с маршалом.

— Как складывались взаимоотношения с мирным населением в освобождаемых странах?

— По-разному. В Польше к востоку от Вислы, жители очень хорошо относились, а вот западная часть смотрела на нас с опаской. А в Румынии спокойно, румыны вообще очень слабый народ, и как вояки они были плохие, знаете, предпочитали вообще не воевать. В Сталинграде они также плохо воевали, итальянцы тоже своими достоинствами не выделялись, но особенно румыны, было видно, что они не хотели воевать.

— Посылали ли посылки домой из Германии?

— Нам разрешали посылать, но я ни разу не отправил, потому что была у меня такая мысль: «Если посылку отправлю, то завтра меня убьют». Примета такая была. Но ребята посылали, и по нескольку раз. Когда я после войны приехал домой, меня даже спросили, мол, что я так поступал, все вокруг получали, а от меня ничего не было. Я ответил: «Не хотел заниматься этим».

— Как мылись, стирались?

— Это была проблема. Иногда нам удавалось попасть в баню, на фронте это вообще мечта была. А так приходилось очень тяжело, чуть ли не на ходу все делали, как только удавалось остановиться в здании, находили комнату и начинали с мытья хоть какого-то. Потому что грязь была чревата многими неприятностями.

— Что было самым страшным для вас на фронте?

— Авиация. Мы больше всего от нее страдали, она постоянно над головами ходила. Остальное терпимо.

— Проблем со сном не было?

— Да мы на ходу спали! Идет танк, ты голову на руки положил и спишь.

— Наших убитых как хоронили?

— Обычно хоронило или мирное население, или пленные немцы. Когда успевали, то мы сами отправляли в последний путь, а когда нет, то немцы. У них под Дрезденом есть целое кладбище, там лежат наши воины. Немцы за могилами очень хорошо ухаживают.

— Женщины в части были?

— У нас нет, я не видел ни одной. Но к женщине на фронте мы относились с почетом и уважением. Раз она женщина, да еще на фронте, то тем самым заслужила уважение.

— Были ли вы все время убеждены в неминуемом поражении немцев и в нашей Победе?

— Безусловно. Эта вера только и давала нам силу. Вот я вспоминаю: в самые трудные моменты была ли у меня какая-то неуверенность, ответ один — не было.

— Получали ли вы какие-нибудь деньги на руки?

— Нет, все шло на сберкнижку, а они у кого были, у кого не были. К примеру, у меня ничего такого не имелось.

— Доводилось ли вам воевать против власовцев?

— Нет, мы их уничтожали. Они мерзавцы были те еще, мне помнится, когда наши ребята как-то поймали очень большую группу власовцев, оказалось, что они стреляли нам в спину. Так их сначала разоружили, а потом у всех было одно желание — расстрелять их всех. Но в бригаде был строжайший приказ — никого не трогать, поэтому вот так они как пленные и жили. Жрали наш хлеб и жили. Правда, я слышал, их всех потом отправили в Сибирь, они там работали.

— Ваше отношение к замполитам?

— Ну, они выполняли особую роль на войне, облегчали работу командиров, занимались воспитательной подготовкой. Я всегда к ним относился лояльно, с уважением. А многие их не уважали. Замполит батальона все время был у нас в роте, он вообще был боевым офицером. Тогда все политработники были боевыми и, кстати, неплохо воевали.

— Ваше отношение к особистам?

— Необходимы они были. Но личное мое отношение — только отрицательное, пусть и была такая необходимость. Я со стороны смотрел на их работу, самому не приходилось с ними дела иметь, но они очень нахально вели себя, бесконтрольно и считали, что над ними никаких законов нет и никто их не остановит. Так эти особисты привлекали самую настоящую ненависть к себе, таким своим поведением.

— Как вы были награждены за войну?

— У меня два ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны II и I степени, ну и Звезда. Также давали медали «За освобождение Польши», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и другие.

— Тяжело ли было возвращаться с войны?

— Нет, мы радовались Победе, ведь мир наступил. Наша мечта была увидеть Москву, столицу нашей Родины.

Через день после награждения я вернулся в госпиталь в Варшаву-Прагу, где также организовали торжественную встречу. Лечение мое фактически было завершено. На комиссии при выписке мне предоставили месячный отпуск с выездом на родину.

Самолетом У-2 нас с ординарцем и нескольких таких же отпускников отправили в Москву. Встретил меня бывший член моего экипажа, уволенный в запас по возрасту в начале 1945 года младший лейтенант Женин Николай Петрович, у которого мы и остановились на несколько дней, пока я оформлял проездные документы, менял польские деньги (злотые) на наши, советские и готовился к отъезду. С Курского вокзала поездом № 13 Москва — Тбилиси в отдельном купе мы выехали где-то в середине сентября. Питались мы по специальным талонам на крупных станциях, когда позволяло время стоянки поезда, или получали за эти же талоны продукты. Дорога была очень интересная. Несмотря на то что война кончилась недавно, на станциях было, можно сказать, обилие продуктов. Особенно соления и овощи. На четвертые сутки мы прибыли в Тбилиси, и меня удивило, что на станции меня встречали несколько человек — работники Управления Закавказской железной дороги. На мое удивление они сказали, что им звонил мой брат из Еревана, которого очень уважали в Управлении дороги. После короткого приема руководством дороги нас накормили как почетных гостей и вечерним поездом Ереван — Тбилиси отправили домой на родину.

Вот и станция Санаин, первая железнодорожная станция Армении, где проходила передача состава грузинской бригадой паровозной бригаде Армении. До Санаина наш вагон стал чуть ли не местом паломничества. Беспрерывно входили в наше купе разные люди, в основном железнодорожники, несли разные продукты, напитки, беспрерывно задавали разные вопросы и т. д., одним словом, скучать не давали. Мне еще на подъезде к станции Санаин передали, что там ждет прихода нашего поезда мой брат. На станции я спускаюсь из вагона, а мне навстречу идет мой любимый брат с женой. Неописуемая радость встречи. Собрался народ, с трудом поднялись в вагон, и там опять снова собралось много людей. Такой шумной компанией мы ехали в Ленинакан. Брат меня предупредил, что в Ленинакане готовятся к встрече и что на станции будет много народа.

Поезд прибыл на станцию Ленинакан. Смотрю в окно вагона — на перроне масса людей, сотни, если не тысячи. Брат говорит: «Это тебя встречают». Я совсем растерялся. В вагон входит группа

людей во главе с первым секретарем горкома партии Ленинакана Барсегяном В. Г., которого я знал еще до войны, когда он был первым секретарем комсомола города. Он предупредил, что я должен сказать несколько слов, но у меня было такое состояние, скорее растерянность, что вряд ли что-то могло получиться из этого выступления. На подножке вагона я мог только громким голосом сказать: «Здравствуйте, дорогие ленинаканцы!» Не знаю, почему-то на русском языке. Поднялся невероятный шум, крик и т. д. Стащили меня со ступенек, и по образовавшемуся людскому коридору в окружении родных и близких я вышел из здания вокзала. Оглянулся, а за нами масса людей провожают нас.

А дальше были бесчисленные встречи в школах, на предприятиях, в разных организациях и учреждениях. Но самая приятная встреча была в пединституте, где собрались студенты и преподаватели, большинство из которых я хорошо знал и помнил. Не могу не назвать некоторых: Гагика Григоряна — преподавателя по математики, элегантного Баголяна — преподавателя физики, ректора института, замечательного человека, историка Маркоряна И. М., преподавателя русского языка Наталию Царукян и др. Месяц я провел среди близких и родных и в беспрерывных встречах. Военком города полковник Мартиросян как-то, уже к концу отпуска, пригласил меня и объявил, что по ходатайству руководства города отпуск мне продлен еще на один месяц. Тогда было принято решение отправить домой в Сибирь, в Иркутск моего сопровождающего Николая. Где-то к концу октября получаю телеграмму от Президиума Верховного Совета Республики с приглашением в Верховный Совет.

Принял меня в Верховном Совете председатель Президиума Шмавон Арушанян — бывший первый секретарь Ленинаканского городского комитета партии, которого очень уважала наша семья. Прием был очень сердечный. В присутствии некоторых руководителей республики он мне вручил Грамоту Президиума Верховного Совета Армении, много поздравительных адресов и пригласил на банкет (или прием) по какому-то случаю. В течение двух дней я находился в Ереване. Жил в гостинице, ходил по городу, так сказать, изучал город, который все больше и больше стал нравиться, особенно отдельные прекрасные здания, построенные из великолепного армянского розового туфа в прекрасном исполнении. Дело в том, что это было мое второе посещение столицы. Первый раз я был здесь в 1939 году, участвуя в школьных соревнованиях по легкой атлетике, волейболу, баскетболу, проводимых среди школьных команд республики. Да, тогда проводились такие замечательные соревнования, в которых

участвовали учащиеся всех школ республики. А с каким азартом и удовольствием мы играли чуть ли не с утра до вечера! Играли мы через день, а в свободный день более подробно знакомились с городом, который все больше и больше нравился нам.

Вернувшись в Ленинакан, мне пришлось продолжать встречи с коллективами школ, учреждений, организаций. Было даже неловко: я вынужден был почти одно и то же рассказывать о событиях войны, подробно характеризовать моих боевых товарищей. В Ленинакане я постоянно ходил в библиотеку горкома партии, которая находилась на первом этаже городского комитета партии недалеко от нашего дома. Как и до армии, я постоянно интересовался литературой. Моя библиотека постоянно пополнялась литературой, особенно редкими книгами. Их у меня было больше тысячи, но тогда в основном армянские книги. К сожалению, в дальнейшем все эти книги исчезли. Видимо, растаскали мои дорогие родственники. Из всех этих книг мне особенно жалко было книгу Хачатура Абовяна «Раны Армении» — это первое издание на хорошей бумаге и с хорошим оформлением. Исчезли и многие замечательные книги иностранных классиков в переводе на армянский язык. Книги Вальтера Скотта, в частности «Лорд Островов» и др.

Кстати, в библиотеке произошли события, которые стали для меня, можно сказать, судьбоносными. Там я познакомился с симпатичной девушкой с огромными косами, сестрой Розы, которая училась в Ереване на зубоврачебном факультете института и приехала на время каникул. Дружили мы недолго. Отпуск мой заканчивался, я должен был вернуться в Германию. Мать, узнав о нашей дружбе, настояла на том, чтобы я женился и уехал в Германию уже вместе с ней. Вскоре состоялась наша свадьба. Городское руководство совместно с нашей семьей организовали свадьбу на 100–150 человек почти на два дня. Через две недели после свадьбы мы едем в Германию. Едем через Москву. С нами едет дядя — мамин старший брат, сын которого находился в Подольске. В этом лагере находились бывшие пленные, которых освободила наша армия, и теперь они проходили проверку в подольском лагере. По прибытии в Москву буквально на следующий день поехал с дядей в Подольск. Принял нас начальник лагеря очень приятный полковник — Герой Советского Союза, к сожалению, фамилию не помню. Узнав о цели моего приезда, обещал, что к завтрашнему дню он проверит все данные и даст окончательный ответ. Сын дяди, Пепоян Левой Хачатурович, по всем данным, оказался порядочным бойцом нашей армии, никаких претензий к нему не было в период нахождения в плену, и, можно сказать, с почетом выдали нам все

оправдательные документы с хорошей характеристикой и освободили его. Мы довольно прилично отметили это событие, находясь у тети (маминой двоюродной сестры), хотя дядя не отличался щедрым характером, и поездом Москва — Берлин выехали в Германию. Выехали мы без единой копейки. Правда, мы своевременно в Москве запаслись для дороги продуктами, так сказать, высшего качества, особенно красной и черной икрой в банках, от которых немцы просто балдели.

Дорога была очень интересна, и мы с женой почти не отходили от окна. Нас просто поражали четко и культурно обработанные участки земли, они были похожи на картинки, нарисованные умелыми руками земледельцев. Сравнивая наши колхозные, да и личные, «собственные» обработанные земли, нам становилось обидно за нашу бесхозяйственность, хотя мы прекрасно знали, что наши земли были в несколько раз плодороднее, чем польские и немецкие.

Помню, как мы пересекли все границы: советскую, польскую и немецкую; нас почти не проверяли. Через двое или трое суток мы прибыли в город Ютеборг — на севере ГДР. Встречали нас мои сослуживцы — старший лейтенант Клименко с двумя солдатами. В тот же день мы выехали в город Ной-Рупен, где расположился мой родной 49-й гвардейский танковый полк (бывшая 49-я гв. ТБР).

В Ной-Рупене наш полк расположился в прекрасных казармах бывшего немецкого танкового училища. Парки были замечательные, оснащенные всем необходимым для качественной эксплуатации бронетанковой техники.

Каждый бокс — так мы называли место стоянки танков — имел горячую и холодную воду, сжатый воздух, естественный постоянный свет. Занимались мы боевой подготовкой. Часто выезжали на эссенский танковый полигон, танкодромы. Занятия, как правило, носили практический характер. Много стреляли из танков и стрелкового оружия, водили танки и бронетранспортеры днем и ночью. Одним словом, шла четко организованная боевая учеба. Где-то в апреле или мае 1946 года нам объявили, что приехала московская комиссия для отбора кандидатов на учебу в Академию ВТ и МБ им. Сталина. Проводили они предварительный отбор. Изучая личные дела офицеров, меня почти без опроса включили в состав кандидатов. Сыграло роль, конечно, то, что я учился в институте на физико-математическом факультете. Не последнюю роль сыграло и мое звание Героя Советского Союза.

Окончив Академию ВТ и МБ, я поехал на службу в Молдавию, оттуда на Север, потом служил в Германской группе войск. Много

мест повидал, был командиром 86-й Краснознаменной орденов Ленина и Суворова мотострелковой дивизии. Я и сейчас служу, как генерал-лейтенант я занимаюсь призывом в ресвоенкомате, недавно отправил юношей на службу. Вот такая у меня судьба.

Захаров Борис Петрович

Родился я 24 июня 1921 года в городе Городец, Горьковской области, куда мои родители приехали из голодной Москвы за продуктами. В 1940 году окончил московскую среднюю школу, после которой я и еще три моих одноклассника решили поступать в танковое училище. Сдав вступительные экзамены, в сентябре 1940 года мы были зачислены в Орловское танковое училище имени Фрунзе. В конце августа 1941 года нас выпустили лейтенантами и направили в Челябинск, в 30-й запасной танковый полк, готовивший командные кадры. При полку были организованы курсы усовершенствования командного состава, на которых я был назначен заместителем командира роты по технической части. Мы занимались преподаванием материальной части танка Т-34 и КВ курсантам, из которых готовили механиков-водителей. Только в начале осени 1943 года мне удалось, используя протекцию генерала Афонина, вырваться из этого полка на фронт. В запасном танковом полку в ноябре мы получили новые танки ИС-1, прошли на них подготовку в полевых условиях, на полигоне, стрельбы и вождение, и в декабре мы отправились на фронт. Привезли нас под Тулу, в Тесницкие лагеря, где мы влились в состав 13-го отдельного гвардейского тяжелого танкового полка. Надо сказать, мне всегда везло на цифру «13». В полк я был зачислен 13 января 44-го года приказом номер 13.

Так вот я был назначен командиром танкового взвода — под моей командой был танк командира роты и два линейных танка. Во втором взводе нашей роты было два танка (в роте было 5 тяжелых танков ИС, а всего в полку 21 танк). В начале 1944 года наш полк направили на 2-й Украинский фронт. Поначалу мы стояли в обороне в районе населенного пункта Джурженцы, а на рассвете 15 февраля нас вывели на позиции у населенного пункта Лысянка. При передислокации мой танк подорвался на мине. Взрывом выбило первый каток, заклинило коробку передач. Однако, поскольку ленивец остался цел, мы сумели натянуть гусеницу и привести машину в назначенный район. Еще у одного танка моего взвода обнаружилась течь в редукторе (бортовые редукторы на ИС-1 были очень слабые и быстро выходили из строя). Таким образом, во взводе остался всего один боеспособный танк, а в роте — три. Полк, а вместе с ним и наша рота, разместился на лесистой возвышенности перед Лысянкой. С нее хорошо просматривалась окраина населенного пункта, находившегося примерно в полукилометре, и насыпь

узкоколейной железной дороги, по которой вывозили сахар с сахарного завода на станцию Поташ. Она шла параллельно населенному пункту, и ее требовалось пересечь, чтобы добраться до городка. На следующее утро командир полка, получив задачу на атаку населенного пункта Лысянка, решил использовать первую роту, в которой все пять танков были исправны. Командовал ей капитан Гмирянский… Первая атака, которую мне пришлось видеть, оставила тяжелое впечатление. Тяжелое, потому что потом, имея определенный боевой опыт, я оценил действия командования полка как непродуманные. Без всякой разведки, без огневой поддержки рота была брошена на противника. Развернувшись в линию, пять танков пошли вперед, и когда они начали забираться на эту насыпь, немецкие зенитки, установленные на окраине Лысянка, уничтожили их буквально в течение несколько секунд. Некоторые танки продолжали катиться, пока не завязли в снегу, некоторые загорелись. Вся рота погибла… В 1974 году, когда отмечалось 30-летие освобождения района, мы поехали с ветеранами полка по местам боевой славы. Заехали в Лысянку, побывали на месте этого боя. Когда прошли чуть правее от места расположения нашего полка, то увидели небольшой овраг. Если бы была проведена разведка, наверное, можно было бы эту Лысянку обойти по низинке и зайти немцам в тыл. Кроме того, наши танки, оставшиеся в резерве, могли поддержать огнем атаку, но ни одному танку боевой задачи поставлено не было. Спрашивается, почему? Расчет был на то, что эти новые танки неуязвимы, что они могут пройти через любой огонь…

После этого наш полк отвели в резерв командования Вторым Украинским фронтом. Там мы, приводя себя в порядок, простояли до 5 марта, когда Вторая танковая армия в составе Второго украинского фронта была введена в прорыв. Началась Уманско-Боташанская операция. Стояла ранняя весна. Оттепель превратила все дороги в грязевые потоки. Мы погрузили на броню боеприпасы, прикрутили бочки с горючим на крылья танков, посадили по отделению автоматчиков и пошли на запад. Вообще, уже потом, воюя на ИС-2, мы всегда старались брать дополнительный боекомплект. Ведь в танке ИС-2 было всего 28 выстрелов, поэтому на пол клали еще выстрелов пятнадцать и столько же зарядов к ним, да и на броню несколько ящиков.

Не доходя до Умани километров тридцать, нам встретилась маленькая речушка Горный Тикич, к которой мы подошли в районе села Иваньки. Берега ее были непреодолимы для танков. Мост же, стоявший в этом селе, был пригоден разве что для телег, а не для сорокашеститонных машин. Полковые саперы

обнаружили еще один мост ниже по течению реки, но он был заминирован, а они не брались за разминирование, ссылаясь на слабую подготовку. Тогда саперы из танкового корпуса, в который мы входили, начали усиливать мост в селе. Протрудились весь световой день и к вечеру доложили, что мост должен выдержать танк. Мой танк оказался первым у моста, так что опробовать их работу пришлось мне. Дойдя до середины моста, танк обвалил его левую сторону, перевернулся и упал в реку, уйдя под воду так, что на поверхности торчала лишь правая гусеница. Я сидел перед люком механика-водителя, освещая переноской дорогу (фары мы не включали, опасаясь налета немецкой авиации). Меня сбросило в воду, но я достаточно легко выбрался сначала на танк, а с него и на остатки моста, а экипаж остался в танке… Полк, переправившись в другом месте, ушел вперед, а я остался ждать эвакороту, чтобы вытащить танк, захоронить экипаж. Догнал я полк уже в Молдавии, где-то в начале мая. Матчасти в полку практически не осталось — много потеряли по техническим причинам, а также в результате боевых действий.

Вскоре нас погрузили в эшелон и направили опять в Тесницкие лагеря под Тулу. Там мы получили новые танки, ИС-2, со 122-мм пушкой. На этих танках мы поехали воевать на Второй Прибалтийский фронт, в Десятую гвардейскую армию, в качестве полка армейского подчинения. В составе фронта полк прошел от границ Калининской области, через Псковскую область и Латвию до Риги, а затем участвовал в окружении Курляндской группировки. Все лето 1944 года мы воевали на территории Латвии. Дорожная сеть в этой лесисто-болотистой местности развита слабо, и фактически мы воевали вдоль дорог, причем практически без поддержки пехоты. Тем не менее нам удавалось достаточно успешно продвигаться вперед. Запомнился такой эпизод, произошедший за городом Мадона. Полк двигался по асфальтовой дороге местного значения (после прохождения колонны танков от асфальта мало чего оставалось). Немцы на дороге устраивали завалы из елей, росших рядом с дорогой, а в крону упавшего дерева подкладывали противотанковые мины. Мой танк шел первым. Я, для того чтобы себя обезопасить, расстреливал кроны деревьев осколочными снарядами, а сам пускал танк по комлевой, голой части ствола. Так мы продвигались по этой дороге, когда впереди примерно в трехстах метрах я увидел, что дорога выходит из леса на Т-образный перекресток. Командир орудия Миша Козак, отличный стрелок, заметил какое-то шевеление в кустах, росших прямо возле перекрестка. Как потом оказалось, там была самоходная артиллерийская установка «Артштурм», которой, по-видимому,

пришлось слегка развернуться, для того чтобы взять нас в прицел. В нашем орудии был заряжен осколочно-фугасный снаряд, и нам ничего не оставалось, как выстрелить им. Самоходка загорелась с первого же выстрела! Выйдя на перекресток, я повернул влево. Механик-водитель шедшего за мной танка не справился с управлением, танк завалился в овраг, который был с правой стороны от дороги, и застрял. Я вылез из машины, оставив командиром механика-водителя, а сам пошел посмотреть и организовать его вытаскивание. Подойдя к танку, я дал команду экипажу третьей машины сделать связку тросов, зацепить танк и вытянуть его задним ходом. В это время прибежал заряжающий с криком: «Танки!!!» Я приказал экипажам двух машин заниматься эвакуацией, а сам побежал к машине, сел и дал команду выдвинуться вперед на поворот дороги. Выйдя на его середину, я увидел, что метрах в восьмистах навстречу мне движется колонна противника. Виден был только передний танк, остальные были закрыты пылью. Командир орудия первым же осколочным снарядом этот танк сжег. Заряжающий начал открывать замок, чтобы произвести второй выстрел, — замок не открывается. Оказалось, что наводчик положил пулеметный диск на казенник орудия, наверно, решив сменить диск. Когда орудие после выстрела откатилось назад, магазин упал на штоки откатника, а когда орудие пошло вперед, оно сдавило этот магазин. Полного наката не получилось, гильза не экстрагировалась. Начали ковыряться, пытаясь вытащить покореженный диск, а в это время немецкие танки, которые шли в колонне, вышли из-за подбитого танка и начали вести огонь по нас. Я приказал механику-водителю сдать назад, и мы отошли на перекресток. Немцы вперед не пошли. Пока продолжалась эта дуэль, третий танк вытянул застрявшую машину и волоком (видимо, у нее заклинило гусеницу) тащил ее к перекрестку. Откуда-то сбоку, очевидно фаустпатроном, ударили по буксировавшему танку, и он вспыхнул. Смотрю, из открытого люка башни никто не показывается. Я подбежал, и только хотел заглянуть внутрь танка, как оттуда вырвался столб пламени, а вместе с ним выскочил горящий человек. Оказалось, это механик-водитель. Я с него содрал шлемофон и комбинезон, лохмотья которого горели, показал ему, в каком направлении бежать. Вот так в коротком бою мы потеряли танк лейтенанта Кобардина…

В ноября месяце нас опять погрузили в эшелон и отправили в те же самые Тесницкие лагеря. Там опять получили танки ИС-2, назначили меня командиром роты, и полк направился на Сандомирский плацдарм, где вошел в состав четвертой танковой армии. Прибыли мы туда 12 декабря 1944 года, а через месяц

началось наступление. Наш полк по-ротно придавался то десятому добровольческому танковому корпусу, то шестому механизированному корпусу. Наступление велось настолько стремительными темпами, что мы входили в города, где еще горел свет, работали рестораны, магазины. Быстро шли…

На территории Польши я был ранен. Получилось вот что. Мы двигались ночью. Моя четвертая рота шла в хвосте колонны полка. Прошли какую-то польскую деревню, сейчас уже не помню ее названия, в которой отдыхал передовой отряд наших войск. По-моему, они даже не проснулись. За деревней командир полка приказал остановиться, рассредоточиться, организовать охранение и ждать приказа, а также машин с горючим и боеприпасами. Вдруг в этом населенном пункте началась стрельба, сразу загорелось несколько домов. Оказалось, что вслед за нами шла немецкая колонна, которая вступила в бой с этим отрядом, расположившимся на отдых. Командир полка приказал моей роте развернуться и провести разведку. Я двумя машинами выдвинулся вперед к деревне, а остальные машины оставил на обратном скате холма, приказав следить за эфиром и в случае необходимости поддержать меня огнем. Вдруг из деревни вырывается немецкий танк, облепленный человеческими фигурами так, что башни вообще не видно было. Он был как ежик! Я говорю командиру орудия: «Видишь цель?» — «Нет, не вижу». — «Давай, крути башню влево». А танк уже уходит. Все-таки наводчик заметил этот танк и осколочным снарядом вложил. Танк он не подбил, но удирал он уже совершенно голый, вся эта людская масса была сметена взрывом. Я начал продвигаться дальше. Поскольку в панораму ничего видно не было, то я высунулся из люка и, прикрываясь его створкой, смотрел вперед. В какой-то момент мне потребовалось спуститься в башню, для того чтобы переключить связь с внешней на внутреннюю. Как только я опустился, что-то ударило меня по голове. Из глаз посыпались искры, мне показалось, что танк горит. Я вывалился на крышу башни. Смотрю, ничего не горит, и полез обратно. Оказалось, что болванка попала в переднюю створку люка, разбила его, и осколки, пробив танкошлем, ранили меня. Задержись я еще на одну-две секунды, и снесло бы мне голову. Медицинским пакетом меня перевязали, а утром в медпункте мне прочистили рану.

Еще такой случай запомнился. В составе передового отряда шестого механизированного корпуса мы вышли к реке Чарна Нида. Подошли к мосту, что располагался около мельницы. Мост оказался слабеньким, и наши разведчики пошли вверх по течению в поисках брода, а мы рассредоточились, спрятав танки за

каменным забором. Дело было к концу дня, когда на высотке в нашем тылу мы заметили появление то ли бронетранспортера, то ли танка. Стрелять по нему мы не стали — далеко. Видимо, не обнаружив нас, разведывательная машина, а это была именно она, дала команду колонне немецких танков и бронетранспортеров двигаться вперед. Когда первая машина уткнулась в мост, мы открыли огонь из засады. Это было побоище. Немцы не успели сделать ни одного выстрела! Через несколько минут на дороге горело два десятка костров…

Под Берлином наш полк принимал участие в операциях по овладению небольшими населенными пунктами, в частности городком Люкенвальде. Моя рота, в которой было всего полтора десятка танкистов, к тому времени осталась без танков. В конце апреля нам было приказано, вооружившись стрелковым оружием и трофейными фаустпатронами, прикрыть перекресток дорог в районе деревни Енникендорф. Нас, танкистов, отправили как простую пехоту… Правда, боев нам вести не пришлось. Один только раз на наш дозор из четырех человек выскочил немецкий бронетранспортер. Солдаты, что сидели в нем, бросили ребятам пачку папирос и поехали дальше. Ни они, ни мы не стреляли. Однажды ночью прибегает солдат и кричит: «Немцы!» Мы быстренько выскочили, залегли в кювете возле дороги. Подпустили немецкую колонну поближе и открыли огонь. Немцы зашумели, закричали, что-то вроде того, что они сдаются. Мы прекратили стрелять и видим, что от них с белой тряпкой выходят два или три человека. Набрали сотни три пленных, построили их в колонну. Я дал двух солдат из наших автоматчиков, один впереди, один сзади, и их повели в сторону Берлина. Потом был марш-бросок в составе второго эшелона полка на Прагу. Вот, собственно, и все…

— Какова скорострельность танковой пушки ИС-2?

— Максимум два выстрела в минуту. У заряжающего была тяжелая работа: сначала требовалось заложить снаряд весом около 25 килограммов, затолкать его деревянным досылателем, потом взять гильзу, которая тоже весит килограммов 25, туда ее запихнуть. Это, конечно, очень долго, но зато уже если попал, то цель точно поражалась.

— Кормовым пулеметом приходилось пользоваться?

— Мне не приходилось пользоваться. Это оборонительное оружие использовалось в случае выхода танка из строя, когда к нему подбирается пехота. Мне в такой ситуации быть не приходилось, и этим пулеметом в башне не пользовался. Не было

у нас и зенитных пулеметов.

— Кто давал команду на открытие огня?

— Полагалось, что наводчик, обнаружив цель, должен доложить командиру, который принимает решение на открытие огня. Но, если наводчик толковый мужик, он сам выбирает цель, которая по значимости важнее. К тому же в бою все может решить секунда, так что он сам ищет цель и стреляет, но поскольку у командира поле обзора шире, то чаще всего я ему подсказывал, в каком секторе ее искать. Прицелы у нас были размечены в тысячных. Поэтому наведение происходило так: «Цель — танк, прямо колокольня, вправо — десять тысячных».

— В бою люк открыт?

— Обычно был открыт. Сверху ожидать нападения при наличии автоматчиков на броне нет смысла. А так… общение и с автоматчиками, и с обстановкой знакомство лучше идет, когда сам высунул голову и посмотрел.

— За уничтоженные танки полагалось вознаграждение?

— Говорят, полагалось. Я, откровенно говоря, не знал, какое у меня было денежное содержание. Когда приезжали на формировку, приходил к начфину, расписывался. За что он мне деньги давал — не знаю. Аттестат я оформил матери. Да не до этого было! Жив, и ладно, а больше денег или меньше — не столь важно.

— Как был организован быт?

— В наступлении спали в танках. Механик-водитель откидывал сиденье, вытягивал ноги и спал, а остальные на днище. В Прибалтике набрали трофейных одеял с захваченных позиций. Обтрясли с них вшей, в танк затащили, постелили, через некоторое время вши исчезли. Надо сказать, что в условиях постоянной «дезинфекции» дизельным топливом и маслом они не приживались. На отдыхе обязательно мылись, прожаривали белье. Однажды там же, в Прибалтике, на цементном заводе разжились новыми мешками для цемента. Ты знаешь, в наступлении вообще-то не до сна. Я помню, в Корсунь-Шевченковской операции по несколько суток приходилось оставаться в машине без сна. Пищу подвозила кухня, а нам ее приносили в термосах автоматчики: первое, второе, 100 грамм. В Висло-Одерской операции, так там на подножный корм перешли. Помню, разгромили тылы какой-то немецкой части. На повозках лежал хлеб. Черствый-пречерствый, топором рубить пришлось. Ничего, помочили в водичке, съели,

есть-то надо было что-то.

— «Безлошадные» танкисты, что делали?

— Они все со вторым эшелоном, с хозяйственными подразделениями.

— Был ли экипаж взаимозаменяемым?

— Скорее нет. Хотя при обучении каждого из специалистов давались азы работы других членов экипажа, но этого было недостаточно, чтобы говорить о взаимозаменяемости. Например, наводчику объясняли, как вести танк, но мог ли он это делать, проехав всего 200–300 метров на полигоне? Нет, конечно. Да и специалистов готовили слабо. Перед Висло-Одерской операцией к нам на пополнение прибыли механики-водители, которых переподготавливали из бывших заместителей командиров рот по политической части. Один из пополнения попал на мою машину. Так мне пришлось его заменить за рычагами, поскольку мы все время отставали от колонны.

— Как встретили 9 мая?

— Мы совершали марш-бросок на Прагу и утром 9 мая проходили в районе населенного пункта Слане. Помню, там встретили немца, который хорошо говорил по-русски. Мы с ним разговорились. Он рассказал, что в Первую мировую был в русском плену, а потом вернулся в Судетскую область, и его больше всего волновал вопрос, отдадут ли Германии после войны Судеты или передадут чехам. Вот впечатление от победного дня 9 мая.

Отрощенков Сергей Андреевич

Я родился в 19 октября голодного 1921 года в Смоленской области, в городе Демидов. Мой отец, Андрей Егорович Отрощенков, вырос в деревне Большая Червонная, Красненского уезда, там же, на Смоленщине. Он был кадровым военным. Служил в царской армии в чине штабс-капитана артиллерии. Выйдя в отставку еще до революции, отец устроился работать в охрану городской тюрьмы и со временем стал ее начальником. Но в 1923 году его, как бывшего царского офицера, с этой должности попросили уволиться.

Мама, Прасковья Васильевна, была родом из той же деревни, что и отец. Никакого образования получить она не успела. Занималась только домашним хозяйством и нами, детьми. Всего в семье было семеро детей, пятеро братьев и две сестры. Одна сестра, правда, умерла в двухлетнем возрасте, еще до моего рождения. Я был самым младшим. Помню деда, Егора Андреевича, он прожил 102 года. Был неграмотным и всю жизнь работал пастухом. Начал трудиться еще при крепостном праве, пас скот своего помещика. После пас мирскую, а когда свершилась революция, и колхозную скотину. Дед жил один на своем хуторе. Я его хорошо помню. Длинная седая борода. Очень строгий. Не дай бог в его присутствии кто-нибудь хоть слово скажет за едой! Была у него клюка, палочка, с которой он ходил. Клюкой за шею — и вон из-за стола. После еды обязательно лбы перекрестили, и можно разговаривать. К спиртному не притрагивался, но курил трубку. Ел всегда гречневую кашу и молоко. Его любимая была пища. Дед не признавал транспорта, когда видел машины, плевался, мол, нечистая сила. В столетнем возрасте он ходил пешком на огромные расстояния. К нам, в Демидов, и к своему второму сыну, в Смоленск. От нас до его хутора 70 километров! Когда дед умер, все его зубы были целы и были белые, как чеснок, хотя он их никогда не чистил.

Мы жили в своем большом доме, с огородом, баней. Жили не богато и не бедно — как многие. Во времена нэпа народ жил неплохо. Что бы ни говорили, Ленин очень быстро наладил жизнь после Гражданской войны. Меня и сейчас никто не переубедил, что при Ленине было плохо. У нас была корова, лошадь, другая живность. Я помню обилие товаров в магазинах и лавочках. Но в начале 30-х нэпманов начали сажать, грянула коллективизация. Когда у нас стали создавать колхоз, отцу пришлось отдать туда всю нашу скотину. Сдать требовали все. По дворам ходили «синеблузницы» — так мы их называли. Женщина-милиционер, в

синей блузе, берете, с «наганом» на поясе. Увидит у кого поросенка, приказывает: вырастить до такого-то веса и сдать. Никто не интересовался, чем ты сам будешь кормиться. И отказаться нельзя, это верный путь в лагеря.

В 1932 году начались перебои с хлебом. В два часа ночи шли занимать очередь в магазин. Сами пекли хлеб с картошкой. Начистим ее пару ведер, натрем на терке, и эту массу досуха отжимаем, чтобы вытек сок и крахмал. Потом крахмал сушили, делали из него блины и резали из этих блинов лапшу. Из лапши варили суп. Жмых, оставшийся после отжима, мешали с небольшим количеством муки, лишь бы склеить его, и пекли хлеб.

В 1933-м грянул страшный голод. По нескольку раз перекапывали огороды и поля в надежде найти несчастную картофелину. Траву жевали. От голода опух и умер мой дед Егор Андреевич. Отец тоже опухал, но ему удалось выжить.

После окончания 9 классов в 1938 году я поехал в Ленинград, устраиваться на работу. Поступил на трехмесячные курсы, закончил их и устроился работать на судостроительный завод им. Марти. Работал сверловщиком на северном стапеле. Тогда корпуса кораблей не сваривали, а делали на заклепках. Вот я и сверлил дырки для этих заклепок. Другие рабочие нас называли «звонарями», из-за жуткого грохота, который мы производили. Корпус корабля, словно огромный, железный колокол, а мы по нему долбим! Приходилось работать в наушниках.

Конечно, в молодости всего хочется попробовать. Я решил получить специальность шофера. В то время водительские права были далеко не у каждого. Иметь их было очень престижно.

Днем я работал, а вечером учился на водителя, благо курсы тогда были бесплатные. Получил права, мне тут же захотелось поработать шофером. Устроился водителем на мясокомбинат им. Микояна. Возил сосиски по магазинам. Кормили нас на комбинате изумительно! Все же знакомые, женщины-поварихи накладывают в тарелку от души. Солянку сборную мясную, помню, скушаешь, и целый день сыт. На колбасу смотреть уже просто не могли. Так избаловались.

В то время молодежь поголовно занималась спортом. Была мощная пропаганда физической культуры и спорта. В полную силу работали разные спортивные секции. Борьба, плавание, стрельба, футбол — выбор был на любой вкус. И все бесплатно. Я тоже в свободное время увлекся боксом, получил первый разряд. Очень гордился своим значком ГТО второй ступени. Первая ступень была у многих, а на вторую сдать было не так просто.

В 1940 году, весной меня призвали в Рабоче-Крестьянскую

Красную Армию. Я проходил действительную военную службу в Гуйве, рядом с Житомиром. Служил в 40-й танковой дивизии, в 79-м танковом полку. К началу войны был младшим сержантом, в должности механика-водителя легкого танка Т-26. Потом, после боев в Сталинграде, 79-й полк преобразовали в 20-ю гвардейскую танковую бригаду.

Служить мне нравилось. Подъем в 6, отбой в 23 часа. Плюс полтора часа дневного отдыха. Остальное время — боевая подготовка, учения, стрельбы. Очень много времени уделялось физической подготовке красноармейцев. Допустим, если у кого-то не получается упражнение на турнике, то он с него долго не слезет. Сержант будет гонять до седьмого пота. Кормили в армии великолепно, кроме того, экипажи танков получали дополнительный паек: двойную порцию сахара, масло, другие продукты. Проводились учебные стрельбы, правда, чаще из пулемета. Это после войны накопилось много боеприпасов и на подготовку танкистов их не жалели, а тогда еще снаряды берегли. Отпускали на танк три-четыре боевых снаряда в год. Вкладных стволов для винтовочного патрона у нас тоже не было. А куда вкладывать? Пушка на Т-26 всего 45 миллиметров.

Проходили учения. Танк в наступлении, танк в обороне. Взвод в наступлении, взвод в обороне, и так далее по плану, ротные, батальонные. В конце года полковые учения. В обороне тактика, в общем, была грамотная. Определяли сектора обстрела каждому экипажу, записывали ориентиры. Тогда делали упор на создание ротных опорных пунктов, причем главная ставка делалась на пехоту, а танки играли вспомогательную роль. Теория самостоятельного решения боевых задач танковыми войсками появилась уже в ходе войны. За это спасибо маршалу Ротмистрову. Что касается атаки, я считаю, что до войны нас учили не тому, что было нужно, но об этом позже.

Все-таки военная карьера меня не прельщала. Были планы после демобилизации вернуться в Ленинград, на судостроительный завод, получить квалификацию.

Я уже считал дни, сколько мне армейской каши осталось съесть, когда началась война.

Накануне, в субботу, личный состав полка вывели на стадион. Часть готовилась к спортивному празднику. Отрабатывали упражнения, махали руками, а на следующее утро, 22 июня, немцы нам сыграли подъем. Прямо во двор трехэтажного кирпичного П-образного здания нашей казармы угодила бомба. Сразу вылетели все стекла. Немцы отбомбились, и многие бойцы, не успев не то что повоевать, но даже проснуться, оказались ранены или убиты. Представьте себе моральное состояние 18–19-

летних ребят.

Беспечность нашего начальства была страшная! Вроде недавно отшумела финская кампания. Недавно освободили Бессарабию, Западную Украину и Белоруссию. Все знали, что рядом граница, знали о скорой войне, разговоры шли, но мы солдаты, нам не до больших материй. Что комиссар в казарме скажет, то и правда. А боеготовность гадкая была. Танки наполовину разобраны. Аккумуляторы хранятся в аккумуляторной, приборы стрельбы и наведения — в другом месте, пулемет — в третьем. Все это надо получить, принести, установить. Каждый аккумулятор — 62 кг. На танк их нужно четыре штуки. Вот мы с башнером Сафаровым сходили четыре раза. Командир танка, лейтенант, а у меня был танк командира взвода, жил на квартире в Житомире. Это 11 километров до Гуйвы, где базировалась часть. В полпятого немцы начали нас бомбить, и только к часу дня я увидел в расположении первого офицера. К линии фронта выступили уже вечером, затемно.

Незадолго до начала войны к нам в полк пришли 30 танков Т-34. Поставили трехметровый проволочный забор вокруг них, охрану. Нас, танкистов, не пускали их посмотреть! Такая была секретность. Так мы и ушли без них. Потом они нас догнали, и дрались с немцами, но большей частью нелепо погибли, засев в болотине.

Двигаясь на запад, прошли Новоград-Волынский, на окраине города — аэродром. Прилетели семь штук немецких «юнкерсов» и на наших глазах начали его бомбить. Только один советский самолет смог подняться. «Чайка», так тогда называли одну из модификаций И-15. В те годы люди в армии были очень хорошо подготовлены физически, а главное морально. Многие были готовы за идею идти на смерть. Сейчас редко встретишь людей того уровня. Вот эта тупоносая «чайка» уцепилась в хвост бомбардировщикам, умудрилась одного фашиста отбить от стаи и посадить на наш аэродром. На моих глазах «юнкерс» сел. Что там было дальше — не знаю, мы двигались вперед. По дороге идут беженцы, немцы их бомбят. Корова бегала по полю, так немец, паразит, заходит на нее и строчит из пулемета! Корова шарахнулась в сторону, он разворачивается и опять стреляет, но не по ней, а рядом, гоняет ее по полю, развлекается. Столько злобы кипело в душе, что если бы этот летчик попал к нам в руки — разорвали бы на кусочки.

Наш первый бой состоялся 26 июня. Позже, повоевав, я стал понимать трагические ошибки и этого боя, и многих других боев начала войны. Но тогда мы еще не были настоящими солдатами, мы пока были неразумным пушечным мясом.

Советская пропаганда работала отлично. В какой-то степени и она сыграла злую шутку с Красной Армией начала войны. «И на вражьей земле мы врага разобьем…» — пели мы, собираясь вести войну только наступательную. Многие тогда считали, что изучать, знать врага — это лишнее, врага нужно только бить, и при первом хорошем натиске противник побежит без оглядки. Даже учения, по крайней мере в нашем полку, были такие: «Противник занимает оборону на этой высоте. Вперед! Ура!» И помчались, кто быстрей. Однажды на учениях с боевыми стрельбами кто-то даже влепил боевым снарядом по башне танку, вырвавшемуся вперед. Слава богу, снаряд был осколочный, и никто не пострадал, плафоны в танке только посыпались. Так и воевали в сорок первом. Но одно дело «ура» кричать и мчаться вперед на изученном вдоль и поперек полигоне, другое — в реальном бою.

Потом уже наше поколение молодых офицеров-танкистов ценою многих жизней создавало эффективную тактику танкового боя. Изучало структуру войск противника, их тактику и вооружение. Все то, что необходимо знать, чтобы успешно воевать. Получив разведданные, грамотный командир по названию части противника должен определить, каким оружием враг встретит его, как с ним бороться успешно и с минимальными потерями. Но это было потом.

А пока мы пришли к Дубно и встали в оборону перед городом. Небольшой городишко. Горит. Немцы выходят из Дубно колоннами, пока не замечая нас. А наши лихие командиры, вместо того чтобы максимально подготовиться к встрече противника, решили покончить с врагом лихим кавалерийским наскоком: «Ура! За Родину! За Сталина!» Взревели моторы, и полк помчался в атаку. Здорово мы погорели там. Немцы остановились, на наших глазах быстро развернули артиллерию и как дали нам прикурить! Расстреливали, как в тире. Штук семьдесят этой мелюзги, легких танков Т-26, Т-70, участвовало в атаке, а осталось около двадцати. Т-26 даже крупнокалиберный пулемет прошивал в борт насквозь. Разве это броня — 15 миллиметров?! Мой танк тоже был подбит, снаряд сбил подвесную каретку на гусенице. Немцы, почувствовав более или менее серьезное сопротивление на этом участке, стали в оборону и наступление прекратили. За ночь мы своими силами отремонтировали танк. Наш экипаж снова был готов к бою.

В июне и июле дрались постоянно. Обычно получали приказ занять оборону на определенном рубеже. Занимали, ждали немцев. Иногда они шли на нас, тогда дрались, иногда немцы обходили нашу оборону на другом участке, тогда приходилось

отступать, чтобы избежать окружения. Но отступали только по приказу. Ни разу немцы не пробили, не смяли оборону нашего полка. Скоро наш танк подбили, и пришлось его бросить. Танк сгорел 9 или 10 июля в окрестностях Новоград-Волынского. Никто из нас даже не заметил, откуда прилетела болванка. Нам попали в борт, и танк загорелся. Мы выпрыгнули около железнодорожного переезда, у меня комбинезон горел. Рядом была канава с грязной болотистой водой, я бросился туда и сбил с себя огонь.

В июле же на станцию Федоровка пришел эшелон с пополнением для полка, в котором были танки БТ-7. Всего семь машин. Ночью «безлошадные» танкисты, в том числе и наш экипаж, которому тоже выделили танк, пошли разгружать эшелон. Каких-либо специальных приспособлений для выгрузки танка с платформы на станции не нашлось. Решили просто спрыгивать с платформы. Мотор у танка мощный, ходовая часть надежная, все танки удачно соскочили на насыпь. На БТ-7 удалось повоевать около трех дней. В очередной атаке немцы нас подбили, экипаж успел выскочить.

Отступали через Новоград-Волынский. Здесь я увидел то, что немцам простить не мог уже никогда. Мы прошли мимо расчета 45-мм противотанковой пушки. Дальше лежала молодая женщина, убитая при немецком налете, а рядом с ней ползал и кричал ребенок. Малышу было, наверное, чуть больше года. Куда нам этого пацана девать? Пошли стучать в ближайшие дома. Один, другой, нет никого. Потом нашли старушку, она забрала мальчика. После этого я так возненавидел немцев, что только с недавнего времени слово «немец» перестало вызывать у меня ненависть. Тогда в голове сидело одно — немец это враг, который должен быть уничтожен! И до конца войны пленных мы без особой нужды не брали.

Сегодня моя дочь живет в Калининградской области, по работе много общается с немцами. Удивляется: папа, почему ты все еще так не любишь их? Как ей объяснить?

Наши легкие танки по одному скоро выбили все. Пошлют 3–4 танка в атаку, и нет их.

Большинство танковых частей того времени были созданы на основе кавалерийских корпусов. Многие командиры, бывшие конники тогда командовали по привычке: аллюр «три креста» и вперед, лишь бы быстрей. Ведь танк — это не лошадь, его легко посадить в какой-нибудь ручей, овраг или болото, где он, неподвижный, становится легкой добычей для вражеских танков и артиллерии. При таких необдуманных играх в догонялки резко снижается эффективность танковых соединений. И главное —

огневая мощь танка: его пушка и пулемет становятся малополезными. И вот половину пришедших из Житомира тридцатьчетверок в одной из первых атак посадили в болото и бросили. Очень жаль. Танк Т-34 в начале войны был мощным оружием, с которым немцам приходилось считаться.

Т-34 ходили как королевы. В полку оставался один танк, им командовал капитан, не вспомню фамилию, хороший мужик был, жизнерадостный. Он закрывал люки и выходил на горку, на открытое место. По нему немцы бьют, но броню пробить не могут, а он наблюдает, только где цель заметил, туда снаряд, и никто не шевелится, и никто к нему не подойдет. Так потом «Тигры» в 43-м воевали. У них пушка мощная была, 88 мм, дальнобойная, и оптика отличная. Но ловили мы и «Тигров». А тогда, в 41-м на Т-34 я с умилением смотрел. После боя подошли к нему:

— Ну, вам и попало, товарищ капитан!

— Да что попало! Видишь, все отскакивает, только считай.

Начали считать, вышло сорок четыре попадания! И ни одной пробоины, только лунки.

Смеется:

— Ну, а вы что, танкисты, в пехоту записались?

Записались. Танк сгорел. Дали винтовку, больше ничего, ни лопатки, ни хрена. Окопаться нечем. Воюем в пехоте. Но мы не бежали! Оборонялись люди стойко. Немцы обойдут где-то на другом участке, нам дают команду отходить, ночью отходим. Но когда на позицию вставали — ничего подобного. В ночной поиск ходили даже. Минометная батарея нам досаждала. Командир полка, полковник Владимир Исидорович Живлюк, с четырьмя шпалами в петлицах, ставит задачу: надо эту батарею найти и обезвредить.

В начале войны немцы довольно беспечные были, они же считали, что русские разгромлены и война закончится в считаные недели. Мы вышли на эту батарею ночью, перебили минометчиков, ни одного в живых не оставили. Взяли, сколько было, минометов. Минометы были ротные, 50-мм, маленькие, как игрушечные. Собрали и утащили к себе, доложили командиру полка. Потом разбирались с этими минометами, пробовали даже стрелять по немцам. Получается.

Однажды поймали «курощупов». Немцы, когда эту деревню заняли, на ночь в ней не остановились, а сидели в своих блиндажах, охранялись. А мы ночью слышим, в деревне куры орут. Пошли втроем посмотреть. Немец один на часах у забора стоит, а второй по двору кур ловит. Наш парень часового ножом в шею, раз! И готово. А второй фриц задом пятится, мешок с добычей тащит. Мы с Лешкой Куровым ему вещмешок на голову,

и лямку затянули. Приволокли этого фрица вместе с оружием, со всем добром, в мешке на веревочке.

С Алексеем Куровым мы вместе призывались из Ленинграда и познакомились еще на призывном пункте, попали в одну роту. Он рабочий и я, сошлись характерами, подружились. Служили в одном полку, но Леша не был танкистом, и до того, как сожгли мой танк, мы виделись редко. Ну а теперь, в пехоте, мы стали неразлучными друзьями. Спали, постелив одну плащ-палатку на землю, а укрываясь другой, вместе. Шинелей к тому времени у нас уже не было. Пока стояло лето, побросали скатки, как лишний груз. Выбросили также противогазы, оставив только сумки из-под них. Эти сумки были удобные, мы использовали их как вещмешки. Что никогда не бросали, так это оружие и лопату. Лопата — это спасение. На войне если ты не окопаешься, то на ровном месте ты совершенно точно будешь убит, осколок тебя найдет. А в окопе есть шанс выжить. Лопаты никто не бросал, таскали с собой и саперные, и большие садовые лопаты, какими копают огород. Как только полк останавливался, сразу рыли окопы. Никто никого не заставлял, все работали с полной отдачей. Нам, танкистам, лопатки не выдали, поэтому во всех деревнях, которые мы проходили, бойцы обязательно искали лопаты и оставляли их себе. У нашего экипажа на троих была крестьянская лопата. Один устал, копает другой, так, сменяясь, мы довольно быстро отрывали себе окопы.

Мой друг, отличный парень Леша Куров погиб под Горшиком. Из-за глупого ребячества погиб. Стояли в обороне, обстановка была спокойная. Лешка вылез на железнодорожную насыпь и стал немцам показывать голый зад, издеваясь над ними. Фрицы по нему из пушки выстрелили и убили.

Примерно тогда же взяли в плен немецкого подполковника, начальника штаба пехотной дивизии, со всеми документами.

Прямо сквозь наши окопы шла железная дорога на Овруч. Впереди, на горке — деревня Горшик. На правом фланге местность была заболочена, дальше, на запад небольшой лесок и рокадная дорога, параллельно линии нашей обороны. Ночью мы перебрались через болото и отправились в ночной поиск, в направлении дороги. Надо сказать, что поиск — это не просто разведка, здесь участвует значительное число бойцов. Поиск можно сравнить разве что с разведкой боем. Нашей группой командовал лейтенант Оськин. Был еще один офицер, младший лейтенант из запасных, фамилию его, к сожалению, не помню. Мы его за веселый нрав клоуном называли. Никогда не грустил мужик, если видит, кто-то захандрил, подойдет, анекдот расскажет, рассмешит. Потом он выбыл по ранению.

Благополучно добравшись до дороги, мы разделились. Две группы отправились прикрывать фланги, а наша, центральная, расположилась в засаде. Вскоре послышался шум мотора, показалась открытая легковая машина, без охраны. В ней водитель и два офицера. Кто-то бросил гранату под колеса, и раздалось несколько быстрых выстрелов. Водитель был убит на месте. Один из офицеров, капитан, держась за раненое колено, выскочил из машины, второго, подполковника, выдернули мы сами. Ударили его по голове, накинули мешок и, через болото отвели на наш командный пункт. Раненого капитана пришлось застрелить.

За первые бои, в том числе и за этот эпизод, я получил свою первую медаль «За отвагу». Еще двое ребят получили. Один «За отвагу», другой Красную Звезду, батальонный комиссар орден Боевого Красного Знамени получил, комполка ничего не получил. Тогда награды не очень-то щедро раздавали. А эту награду я очень ценю. Получить медаль «За отвагу» в сорок первом — совсем не то, что в сорок пятом.

Уже больше двух месяцев мы воевали в качестве пехотинцев. Ни одного целого солдата не осталось среди нас. Все были ранены. Меня тоже по ноге хорошо зацепило, но на месте перевязали, дальше воевал. Новоград-Волынский, Федоровка, Овруч и до Чернобыля.

В Чернобыле нас посадили на грузовики и вывели через Чернигов в Нежин. Там стоял штаб Юго-Западного фронта. Командовал фронтом тогда Семен Михайлович Буденный. Нас, человек тридцать безлошадных танкистов, определили в охрану штаба, который располагался в бывшем пионерском лагере.

Ночью лежим по двое в секрете, выходит на веранду генерал. Сам под хорошим хмелем и поет: «Три танкиста выпили по триста, а башенный стрелок выпил полный котелок». Такое меня зло взяло! Думаю, дать бы тебе по морде. Там люди кровь льют, а ты пьянствуешь. Не знаю, может, я и не прав был, но такая дерзкая мысль по отношению к высокому чину у меня промелькнула.

Потом погрузили нас в эшелон и отправили в Котельниково. Не доезжая станции Бахмач, эшелон остановился, и нам скомандовали выскакивать и рассредоточиться в поле. Выскочили, залегли. Поселок бомбили немцы. Немецкие штурмовики летали очень низко, и Бахмач разбомбили основательно. Станция полыхала. Развороченные пути восстановили только к ночи, тогда смогли пропустить эшелоны. Поехали дальше. Начиналась осень. В пути, на станциях местные женщины бросали нам в теплушки арбузы. Оборванные, грязные,

раненые, мы добрались до Котельниково. Там, за поселком, полк начал копать землянки. На роту, пятьдесят человек, — одна землянка. Наш полк переформировали в мотострелковый. Укомплектовали его морскими пехотинцами. Пришли моряки, мощные ребята, красавцы. Поступили семь тяжелых танков КВ. Сформировали танковый батальон, а также несколько артиллерийских батарей. В Котельниково какое-то время танкисты занимались тактикой танкового боя. И мы, «безлошадные», с ними ходили, «пешим по-танковому». Командир покрикивает, а мы всем экипажем, вчетвером бежим вперед, по команде разворачиваемся, перестраиваемся. После занятий обязательно на ближайшую бахчу завернем, арбуз скушаем, и домой.

Вскоре полк погрузили в эшелон и отправили до Батайска. Оттуда ребята двинулись к Ростову, на фронт, а нас, танкистов без машин, отправили в 29-й запасной танковый полк, в Сталинград. Там с нами тоже проводили занятия. Изучали средний танк Т-34 теоретически. Танков не было, все на фронте. Отрабатывали вождение на танкетке. Экипаж 2 человека, справа механик, слева пулеметчик, между ними газовский двигатель. Один рычаг. Вперед толкнешь — поворот направо, назад — налево. Нас предупреждали, чтобы двигатель не перегревали, иначе танкетка может загореться без помощи противника. Посмеялся я над такой техникой. Братская могила на двух человек.

С начала войны у меня не было никаких известий из дома. Мой родной город Демидов немцы оккупировали уже в июле. В оккупации остались отец с матерью, младшая сестра Екатерина и старший брат Борис со своей семьей. Борис до войны учительствовал в сельской школе, в Максимово. Как я узнал позже, при немцах Боря ушел в партизаны и воевал на Смоленщине. Брат Николай раньше работал агрономом. Его в 40-м призвали в армию. Служил в Прибалтике и в 41-м при отступлении он погиб на эстонской земле. Андрей служил на Дальнем Востоке. Еще один брат, Иван, был своенравный парень. В 17 лет поругался с отцом и ушел из дома. Первое время работал в шахте. Затем написал Калинину просьбу поспособствовать поступлению в институт, просьбу удовлетворили. Иван отучился и работал инженером-конструктором на заводе зуборезных станков в Саратове. Обзавелся семьей. Когда началась война, брата Ивана призвали в армию. Он служил во 2-й ударной армии, которой в 42-м командовал генерал Власов. И я, самый младший, тоже был в армии.

Тем временем к нам в запасной полк приехал представитель

Сталинградского танкового училища капитан Огородников. Всех, имеющих среднее образование, вызвали для беседы с ним. Я зашел, он видит — медаль. Спрашивает: за что получил? Я рассказал. Он говорит: мы вас приглашаем в Сталинградское танковое училище. Так и сказал «приглашаем».

Я отвечаю:

— Не хочу я в ваше училище. Я и так танкист, скоро танк получим, и вперед, на фронт.

— Есть приказ Сталина, всех, таких, как вы, отправлять учиться.

Тут не поспоришь. Набрал он нас полсотни человек. Учили денно и нощно. Но и мы ведь не с азов начинали, успели на танках послужить. Кормили в училище хорошо. Главное, была железная дисциплина. Командир отделения, помкомвзвода, старшина для нас были большие начальники, авторитеты. Да и сами мы учились на совесть. Понимали, что от этого жизнь зависит. Наконец-то «пощупали» танки. Было вождение, стрельба. Изучали танк Т-34, его пушку Ф-34, потом на них зисовскую стали устанавливать. Прицел ТМФД не очень удобный был. С ним работать сложно. До войны ведь у нас на легких танках прицелы стояли классные, они опережали свое время. Его можно было контролировать и прибором наведения. ПТ-4–7 стоял у командира, и ТМФД у него же, как наводчика. Он мог и тем и другим работать синхронно. Расстояние до цели можно замечательно считывать. Потом их упростили, и на Т-34 уже не ставили. Во всяком случае, готовили нас хорошо. Я по одной цели два раза редко стрелял. Меня называли снайпером. Мы, курсанты, нередко участвовали в сборке танков на СТЗ. Мастера-рабочие говорили, что нужно сделать, мы выполняли. Работа на конвейере тоже здорово помогала в изучении материальной части танка.

За учебой и работой прошла зима. Наступило лето 1942-го. Училище перевели в летние лагеря, за город, поближе к полигону. Когда стало известно, что немцы форсировали Дон и перешли в наступление, училище срочно погрузили в эшелоны и эвакуировали в Курган. Здесь отобрали пятьдесят лучших курсантов, я тоже вошел в это число. Нас освободили от любых работ и нарядов и в спешном порядке, без выходных стали готовить к выпуску.

Скажу без преувеличения, после всех этих занятий танк Т-34 я знал до болтика. Для примера расскажу про один случай на практических занятиях. Мой танк остановился. Механик-водитель кричит: «Стоим, командир, давления нет, манометр показывает, что масло не идет. Можем двигатель запороть».

Я курсант, но механик у меня штатный, опытный. Говорю

ему:

— Отворачивай этот колоколообразный колпак, там нажми клапан, если масло брызнет, все нормально, поедем.

— Откуда ты знаешь?

— Делай, что говорю, я же командир танка.

Он отвернул, нажал, ему как брызнуло маслом прямо в лицо.

— Видишь, — говорю, — давление есть, система работает, просто манометр из строя вышел.

Начальнику потом доложили об этом случае, он мое решение одобрил:

— Командир поступил правильно, танк исправен, чего стоять.

Это — опыт, который стоит дорого.

В августе нас построили и зачитали приказ о присвоении званий. В зависимости от успехов в училище давали звания младшего лейтенанта и лейтенанта. Я получил лейтенанта и за отличную подготовку 500 рублей премии. Тут же перед строем вручили погоны и деньги. Затем поехали в Нижний Тагил за танками. Там был запасной полк. Сентябрь и начало октября провели в Тагиле, помогали собирать танки, сколачивали экипажи. Мне тоже назначили экипаж. Механик-водитель Леша Орлов, отличный механик. Радист-пулеметчик Скудный Степан Петрович, кузнец с Кузбасса, пожилой уже человек, но исключительно шустрый и пронырливый. Заряжающий Федоров Иван Федотович, белгородский парень. С экипажем мне повезло, ребята потом дрались хорошо.

14 октября нас погрузили в эшелон и привезли в Татищевские лагеря под Саратовом. Вот где душа пела, когда мы туда приехали. Формировались 17-й и 18-й танковые корпуса. 18-м корпусом в свое время командовал Черняховский, а тут к нашему приезду уже был Бахарев. 18-й корпус и наша 170-я танковая бригада к тому времени хорошо повоевали, остановили немцев под Воронежем. Многих ребят я встречал и после войны — хорошие, умные, толковые боевые офицеры и солдаты.

Так вот, когда глянули, какое количество техники в этом лагере, сразу почувствовали, что готовится какая-то серьезная, хорошая работа. Только в конце ноября нас погрузили и перебросили в Урюпинск.

Нас с экипажем поставили на квартиру к местным жителям. Соседские пацаны часто вертелись около танкистов, интересовались танками, оружием. Мы их не гнали, наоборот, рассказывали, что могли. Среди них был такой Сашка Бурцев. Ходил за мной по пятам: дяденька, возьмите на фронт. А в 44-м, когда я уже был комбатом, ко мне в батальон с пополнением прибыл из танкового училища младший лейтенант Александр

Бурцев. Он же. Такое интересное совпадение. Сейчас Александр жив, мы дружим, подполковником он закончил службу.

Из Урюпинска вышли мы к Нижнему Мамону, в излучину Среднего Дона. Холода стояли жуткие. Зимой в танке холодней, чем на улице. Броня ведь. Ау нас одеяние не меховое, шинель. Позже, в боях уже, стали формой пренебрегать. Найдешь шубу, в ней и греешся. Водку давали, но я пил очень редко. После боя только, если стресс нужно снять, выпьешь рюмку. А в бой нужно трезвому идти. Пьяный пошел, считай покойник. Когда на отдыхе были, я свою водку экипажу отдавал. У отца нас пять сыновей было, я самый младший. И никто дома не смел ни выпить, ни закурить, ни сквернословить. Это было исключено.

Бригада без боя переправилась через Дон и вошла в прорыв. На том берегу уже наши дрались с румынами на высотках. Потом мы вышли на равнину. Такого зрелища, такого количества танков я никогда не видел. Куда ни посмотришь, сколько глаз хватает — все поле в тридцатьчетверках! Первая освобожденная нашей бригадой деревня была Вербековка. Перед атакой ко мне в танк прыгнул ротный комиссар, лейтенант.

— Давай я у тебя заряжающим поеду?!

— Ну, умеешь, так заряжай.

Хорошо заряжал. Наш взвод атаковал высотку, на которой располагалась половина села, остальные танки побежали дальше, мимо высоты, по долине. Там, за небольшой речушкой, стояла церковь и другая часть села. Я говорю комиссару: «Надо десант ссадить, чтоб за танком шел». Он: «Да нет, вперед!» Начали по нас стрелять, кого-то из десанта побили. Я высунулся, крикнул: «Прыгайте сейчас же с танка, долой!» А они сидят, в башню вцепились. В деревню влетаем, там румынская пехота. Не побежали румыны, отстреливались из-за домов. Нашему десанту пришлось тяжело, румыны били из винтовок по ним в упор, с расстояния 10–15 метров. Слышу крики, мат — наша пехота подошла. Перестреляли румынов, гусеницами передавили, но и наш десант понес потери. Я сам успел подбить Т-III и раздавить противотанковую пушку. Мой танк тоже подбили. Снаряд попал выше бортовой передачи, разбило левый тормозной барабан и тормозную ленту. Мы сначала не почувствовали, уже потом механику говорю влево поворачивать, а танк не слушается.

Танки, что атаковали через реку, тоже освободили другую часть села с ходу, но речушка оказалась коварная и глубокая. Пять или шесть танков въехали в нее неудачно и потонули.

Было потом комсомольское собрание. Разбирали бой. Я тоже выступил, сказал, что танк имеет огневую мощь, которую нужно использовать. Сблизился с противником, подавил огневые точки

и двигай дальше. Там надо мной посмеялись некоторые, мол, знаток выискался.

— Чего вы туда сразу помчались? — говорю им. — Есть пушка, пулеметы, используйте. Десант тоже беречь надо.

Бригада пошла вперед, а мы дня на три застряли в Вербековке, пока ремонтники ковырялись. Какой-то генерал появился, приказал мне танк на окраину перегнать, чтобы, говорит, ни одна собака не сунулась. Танк-то подбитый, но как огневая точка вполне действующий.

Когда починились, догнали наших. Пришли в район, никогда не забуду, казачьего хутора Хлебный. В трех километрах другой хутор — Петровский. Его тоже заняли советские танки, но не нашей бригады. Между хуторами, расположенными на холмах, пролегала низина. Рано утром по ней огромной сплошной толпой пошла, спасаясь из окружения, 8-я итальянская армия. Когда передовые части итальянцев поравнялись с нами, по колоннам пошла команда: «Вперед! Давить!» Вот тогда мы им с двух флангов дали! Я такого месива никогда больше не видел. Итальянскую армию буквально втерли в землю. Это надо было в глаза нам смотреть, чтоб понять, сколько злости, ненависти тогда у нас было! И давили этих итальянцев, как клопов. Зима, наши танки известью выкрашены в белый цвет. А когда из боя вышли, танки стали ниже башни красные. Будто плавали в крови. Я на гусеницы глянул — где рука прилипла, где кусок черепа. Зрелище было страшное. Взяли толпы пленных в этот день. После этого разгрома 8-я итальянская армия фактически прекратила свое существование, во всяком случае, я ни одного итальянца на фронте больше не видел.

Дальше пошли на Богучар, взяли его, затем на Миллерово. Там топтались около двух недель. Слева от Миллерово стояла небольшая деревенька, занятая немцами. Перед деревней с нашей стороны высотка, которую немцы почему-то оставили. На эту высотку выскочил Т-70 из нашей бригады и почти сутки обстреливал деревеньку, пока его самого не подбили. Вечером Т-70 успел поджечь машину, груженную какими-то ракетами, ночью мы наблюдали фейерверк. Я занял позицию неподалеку, возле переезда. Эта позиция была более удобная для стрельбы, и обнаружить меня было не так просто. Немцы через какое-то время ушли и из этой деревни. Подъехал танк ротного командира, капитана Мухина, я доложил обстановку.

Спрашивает:

— Мы пройдем здесь за Миллерово?

Я говорю:

— Пролетим.

Шесть танков с десантом нас прошло по проселку в тыл к немцам. Десантников-автоматчиков наших всегда вспоминаю с благодарностью. Храбрые ребята. Такого, как в кино, что они с танками в атаку бегут или на танке под огнем едут, не было, конечно. Это ведь живые люди. Здесь они где-то спрячутся, где-то постреляют. Но ночью мы без них — слепые. Ночью они нас охраняли.

Немецкий полк, из миллеровского гарнизона, отходил из города. Организованно шли, колоннами. По дороге двигались пехота и артиллерия. Мы устроили засаду на дороге. Подпустили немцев очень близко, пулеметами можно было достать их, и открыли огонь. Первыми выстрелами смели голову колонны. В первых машинах ехал немецкий военный оркестр и везли знамя. Все, кто там был, около тридцати человек, погибли сразу. Ну и с остальными хорошо поработали. Разгромили колонну полностью, никто не ушел. Кого-то потом взяли в плен захватившие к этому времени Миллерово стрелки. В бою немцы успели мне влепить снаряд в моторное отделение. Танк подбили, но экипаж весь успел выскочить. Посадка-высадка экипажа занимала восемь секунд по нормативам.

Мы остались ремонтироваться, а бригада пошла вперед и попала в засаду на станции Чеботовка. Сунулись ночью, без разведки. Погибли комбриг Дурнев, полковой комиссар полковник Лысенко, брат известного советского селекционера, командир нашего батальона тоже погиб. Потеряли хороших ребят и семь танков.

После трагедии в Чеботовке к нам на помощь подошла мотострелковая бригада. Они перебили всех немцев, что засели в деревне. В этом бою я не участвовал, когда мы догнали часть, там уже все было кончено, но груды немецких тел, лежащие на улицах, видел. Мы с экипажем участвовали в похоронах наших товарищей, дали залп из танкового орудия.

После прошли километров пятнадцать, там речушка, украинское село, немцы уже почти не сопротивлялись, село взяли быстро, но мой танк, последний в батальоне, сожгли. Доложил комбату Исаеву, мол, танк сгорел, экипаж жив. Он обрадовался, с облегчением говорит: «Ну, война закончилась, теперь едем домой».

Долго отдыхать не пришлось. Более полугода уже продолжались бои на Изюм-Барвенковском направлении. Где-то в конце февраля нам пришлось поучаствовать в них. Бригаду, далеко не укомплектованную, отправили под Барвенково. Немцы нам листовки бросали: «Мы в кольце, и вы в кольце, а кому купаться в Донце?» И знак вопроса большой. Ну, купаться не

купались, но за Донец они нас потом вытеснили.

В городе шли бои. Половину города заняли немцы, а другую половину мы пару дней удерживали, затем получили приказ оставить Барвенково и отойти на Банное — Святогорск. Отходили ночью. Ко мне на танк насели двадцать один человек пехоты! Я специально посчитал. И комбат ко мне сел. Москвич, капитан Александр Иванович Исаев был новым командиром моего батальона. Мой танк шел первым, а за нами ехали несколько автомобилей с пехотой и обозом. Дорога шла через деревню Семеновку, но мы знали, что там были немцы. Исаев говорит:

— Поехали, Сережа, через деревню, объезжать замучаемся.

— Там же немцы!

— Ну и что, ночь ведь, включай фары, и вперед, проскочим.

Мы и поехали. Действительно, заезжаем в Семеновку, навстречу идет немец с ведром. Нас увидел, рот открыл, и ведро упало. Стоит, не знает, что делать. Так мы эту деревню проскочили, ни один немец по нас не выстрелил. Вышли на Банное — Святогорский монастырь и поехали к Донцу. По пути еще несколько танков из нашей бригады подошли.

У Донца заняли оборону. Потом добыли два мотоцикла. Немецкий дозор — два мотоцикла и бронетранспортер напоролись на наше охранение. Бронетранспортер наши ребята подбили, а мотоциклисты проскочили дальше и приехали прямо к нам в деревню, где мы их и поймали. Мы же все молодые, давай на этих мотоциклах по деревне гонять! С этой стороны Донца местность для обороны была не очень подходящая. Пришел приказ переправиться и занять оборону на нашем берегу. Зима в тех местах довольно теплая, да и март уже наступил, но ночью маленько подморозило. И все-таки лед на реке был слишком тонкий. Чтобы давление на лед было поменьше, мы всю ночь рубили лозу, другой растительности поблизости не было, и настилали из нее дорожку. Я вызвался переправляться первым, на свой страх и риск. Экипаж остался на берегу, в танк сел один механик. На первой передаче, с постоянным газом танк медленно двинулся по тонкому льду. Водитель вел машину плавно, без рывков, и через несколько минут 36-тонный Т-34 оказался на том берегу. До сих пор не могу понять, как мой танк прошел, ведь грузовая машина, пытавшаяся проехать следом, сразу провалилась в воду. Потом в обороне постояли, у меня танк забрали, передали в другой батальон, а наш батальон вывели из боя. Комбат меня забрал с собой. При передаче танков комбаты всегда старались свои старые экипажи оставлять при себе. Если было кем заменить, начальство не возражало. У меня в последнее время сильно болел глаз, я ходил забинтованный. То ли соринка,

то ли окалина с брони попала, глаз сильно распух. Врач эту дрянь из глаза удалил, опухоль спала, но видит глаз до сих пор неважно.

Бригаду вывели на отдых и пополнение под Воронеж, в райцентр Ольховатка. Пришли танки, я получил взвод, три танка. Первым делом мы собрались в баню. Посадил свой взвод на танк, и поехали. Подходим к бане, там уже наши офицеры, танкисты сидят у крыльца. Разводят шашни с местными девицами.

— Ну что, — говорю, — работает баня?

— Работает, только воды нет.

Послал старшину разузнать, как и что. Тот возвращается:

— Товарищ лейтенант, воды нет, дров нет, когда будут — неясно.

Посадил взвод обратно на танк, повез к речке, говорю: будем купаться здесь. А вода холодная! Но ничего, вымылись в холодной воде и поехали в лагерь, в лес.

Новым комбригом назначили подполковника по фамилии Секунда. Мы смеялись, что и командовал он нами секунду. Всего через пару недель его заменили на Казакова. Секунда успел отправить нас, человек семь, по местам прошлых боев, зафиксировать и документально оформить подбитые танки нашей бригады. Технарь с нами поехал, остальные — боевые офицеры, временно безлошадные. Остановились в Петровском, где давили итальянцев. Вздохнуть нельзя, вонища стоит ужасная! Все же тает, гниет. Машины выделены, местные жители помогают вывозить трупы. Казачки говорят:

— Увозим по пятьсот человек в день хоронить, и все равно конца не видно. Столько мы их там набили.

Каждый бой для меня был трудный. Каждый бой это чья-то смерть. Командир, который сидит на КП возле карты, наверное, может сказать: «Здесь я легко победил имеющимися силами, а здесь сложнее». Я так сказать не могу, потому что в атаку ходил сам, мне в каждом бою светила болванка в лоб. За время войны только из горящих танков пришлось выскакивать девять раз. И это ведь не на полигоне, где выпрыгнул, папиросу закурил и пошел. Под огнем приходилось это делать. Поэтому любой бой, даже самый рядовой — трудный. Но самый впечатляющий, пожалуй, это Прохоровское сражение.

Мы находились в Ольховатке на формировании новой 5-й танковой армии. Наша промышленность к тому времени стала давать столько танков, что появилась возможность формировать танковые армии. 5 июля, после начала немецкого наступления, нас подняли по тревоге, и мы пошли. 5 июля вышли, а 11-го были в районе Прохоровки, северо-западнее ее. Во время боя

Прохоровка была у нас в тылу. Наш 18-й корпус развернули левым флангом к железной дороге, которая шла на Прохоровку, правым к реке Псел. Наш корпус был укомплектован до последнего штыка. Три танковые бригады и мотострелковая бригада со своим танковым батальоном — это около 350 танков. Плюс дальше за нами шли 4-й и 7-й мехкорпуса. Немцы атаковали тремя танковыми дивизиями на этом прорыве. Нам задача была поставлена не атаковать и гнать, а атаковать и не пропустить.

Сейчас много написано о Прохоровском сражении, приводятся разные цифры и данные. Здесь нужно понимать, что я, в ту пору командир танкового взвода, не мог видеть и даже представлять всей картины боя. Конечно, никто не раскрывал мне стратегические замыслы командования. Я видел только свой небольшой участок этой битвы, о том, что видел и пережил сам, расскажу. Что такое командир взвода? Три танка. Делай, как я, и вперед.

Я со своим взводом стоял на левом фланге, ближе к железной дороге. 12 июня, около шести утра, пошла команда «вперед!», и мы двинулись. Перед нами была траншея, в которой держали оборону мотострелки. Мы окоп проскочили, смотрим, а в нем уже немцы сидят. Они выбили нашу пехоту, и те рассредоточились по ближним оврагам. Немцы в этих окопах пехоту долго не пускали за нами. Пришлось даже отдельные машины разворачивать и выдавливать их оттуда.

Спереди слева от нас была небольшая роща. На нас из-за края рощицы выскочил Т-4, видимо, опешил, сразу увидев такую массу танков. Я подбил его в лоб первым выстрелом, в упор. Метров сто пятьдесят до него было. И начался страшный встречный бой. Немцы атаковали в основном «Тиграми» и Т-4, но были и Т-3, и самоходки «Фердинанд», 220-мм лобовая броня, чем ты ее пробьешь? У нас 76-миллиметровые орудия тогда были. Мой товарищ, командир второго взвода нашей роты Алексей Дроздов, новороссийский парень, вырвался со своим танком вперед. Его танк тут же подожгли. Леша, раненный двумя осколками в ногу, успел выскочить, но идти не может, лежит. Тут немецкая пехота стала отходить из траншеи, заметили его. Фашист затвор передернул и в голову ему выстрелил. Леша закрыл голову рукой, пуля попала скользом в лоб, пробила щеку и раздробила мизинец на руке. Лицо в крови, немец, думая, что тот убит, плюнул и пошел дальше. А с Алексеем мы потом в госпитале встретились, он мне и рассказал об этом.

Я стрелял, и по мне стреляли, в танк уже было несколько попаданий, но он не горел. В пылу боя попадания по своему танку

не всегда даже замечаешь. Разве что разорвется мощная мина рядом с танком, а болванка только свистнет по броне. Большую опасность для экипажа представляли осколки брони. Причем сама броня довольно вязкая, надежная, но грубо сваренные стыки броневых листов, окалина на внутренней отделке от попадания снаряда давали много мелких осколков, часто губительных для экипажа. Но, скажу прямо, танк Т-34 был сделан на совесть, с душой. Экипаж чувствовал себя защищенным. Другое дело, что артиллерия постоянно совершенствовалась, и неуязвимых танков не существовало.

В этом бою мне удалось подбить еще один немецкий танк, «Тигр». Он встал бортом ко мне, стреляя вдоль нашей линии атаки по другим танкам. Я по нему засадил двумя подкалиберными снарядами, потом двумя бронебойными, только после этого он загорелся. Когда экипаж стал выскакивать, дал еще по башне осколочным. Распластались они.

Все перемешалось, немцы и наши были спереди и сзади. Германцы вояки серьезные. Увидел, как в пяти метрах сидит фриц, раненый, на наш танк — ноль внимания. Бьет из карабина по пехоте. Я его достать не могу, он в мертвой зоне, пулеметчик его не видит. Пришлось разворачивать танк, давить гусеницами. Вот в кино показывают, как наши и немецкие танкисты из сожженных танков выпрыгивают горящие, дерутся и тушат себя в реке. Это реальная вещь, так и было. Поле все заволокло дымом и пылью, видимость была отвратительная. Давно потерял танки моего взвода, связь не работает. Каждый экипаж сам за себя. Я приоткрыл люки высунулся, чтобы оглядеться. Недалеко разорвалась мина, и осколком меня ранило в шею справа. Рука сразу перестала нормально действовать. Очередным попаданием в наш танк оторвало руку механику, башнер получил ранение в пах осколками брони. Разбило бензопровод, на боеукладке огромная лужа газойля. Выпрыгиваем из танка, гляжу, метрах в 60 немец, тоже раненый, перевязанный бинтами, стоит в окопе и в нашу сторону стреляет из винтовки. Я на башне на ларингофонах завис, штекер застрял в разъеме, а у танка полку сорвало, ногами до гусеницы не достаю. Пули по броне рядом стучат. Достал из комбинезона пистолет и из положения «на весу», что называется, в него пальнул. Убил с первого выстрела. Потом подошел, посмотрел, точно в лоб пуля вошла. Сейчас бы, наверное, так не попал, а там получилось.

Наш танк так и не загорелся. Техник потом подъехал, посмотрел, двигатель исправный, несмотря на семь серьезных попаданий в танк. Его потихоньку вытащили из боя в ремонт, а нас, всех раненых отправили в госпиталь. Было это около 16

часов дня, и бой еще продолжался.

В лесном госпитале, в Чернянке, признали, что ранение касательное, с повреждением плечевого сплетения правой руки. Рука не работала. Гораздо позже, после войны, выяснилось, что осколок все-таки сидел во мне, в полутора миллиметрах возле сонной артерии. Профессор Шеффер, нейрохирург, обследовавший меня, сказал: тебя должны были уволить из армии еще тогда, в 43-м. А если бы осколок продвинулся на полтора миллиметра, то и врачи тебе не нужны были бы. Железку размером сантиметр на 0,8 на 0,2 удалили только в 1968 году. До сих пор рентгеновский снимок у меня хранится. Двенадцатого числа мне не везло. В сорок первом, в августе ранило, под Прохоровкой ранило, тоже 12-го, и еще раз потом 12-го получил ранение.

В батальоне после боя осталось 4 или 5 танков, и те все подбитые, требовали ремонта. От остальных остался дым, все сгорело. Через месяц, возвращаясь с Алексеем из госпиталя, мы побывали на месте боя. Все поле — сплошная полоса горелых танков. В основном тридцатьчетверки. Наших больше сожгли, надо это признать. Много людей погибло. Но и немцы тоже, горелые, кучами стояли. Нашел я и танки, подбитые моим экипажем: Т-4 и «Тигр». Плюнули на них и поехали дальше. Добирались до бригады на попутках четыре дня. Потом встретили танк нашей бригады, возвращающийся из ремонта, на нем добрались до места. Приехали под Богодухов. В госпитале, когда выписывали, написали: «Две недели отпуска при части». Модно тогда так было писать. Ну а какой на фронте отпуск, комбриг Казаков говорит: во-первых, мы сейчас все в отпуску. Во-вторых, вам обоим присвоено звание старших лейтенантов. Без всяких построений, выдал нам погоны, Лене вручил орден Красного Знамени, а мне орден Отечественной войны первой степени. Поздравил и отправил пока в обоз. Какое-то время мы с Алексеем ездили пассажирами на трофейном тягаче «Ганомаг». В тягаче было два передних сиденья и заднее, широкое. Так мы и катались втроем неделю, один сидит спереди с водителем, второй спит на заднем диванчике. Водителем на «Ганомаге» был Сережа Иванов, трудолюбивый, добросовестный парень. Служил в бригаде со дня основания. Очень любил технику и прекрасно в ней разбирался. Позже, во время Корсунь-Шевченковской операции Сергей погиб. В деревенском дворе ремонтировал трофейную машину, тут прилетел шальной снаряд, и Сергея не стало.

Через неделю пришли танки, Казаков вызвал меня: вот тебе семь танков, ты ротный командир. Лешу Дроздова назначили заместителем начальника штаба батальона, потом он стал

начштаба, а со временем его взяли работать в оперативный отдел бригады. Леша был человеком великой силы воли. Еще в госпитале он рвался обратно в бригаду. Казалось, отними у него руки, ноги, он зубами будет драться с немцами. В районе Белогорья, у станции Яма, Дроздов получил еще одно тяжелейшее ранение. Узкий осколок снаряда, длиной десять сантиметров, как штык, пробил ему середину груди. Наружу торчала лишь небольшая часть металла. Потом Алексей мне рассказывал, как врач в госпитале говорил санитару: чего ты мне покойника притащил? Неси обратно. А я в сознании, хоть и сказать ничего не могу. Разозлился, потянулся за «наганом». Хорошо кобура пустая оказалась, а то мог бы и застрелить того доктора. Чего он меня в покойники раньше времени записывает?

Алексей Дроздов и после этого ранения вернулся в бригаду, воевал до конца войны. Уже после Победы его тяжелые раны напомнили о себе, врачи не смогли помочь, и Алексей умер в Венском госпитале. Был он тогда уже в чине майора.

В тех местах мне запомнился один эпизод. Мы готовились к атаке, шла артподготовка, а в воздухе над нами завязался бой двух истребителей. Немецкий «Мессершмитг» и наш Ла-5 кружили над головой, поливая друг друга из пушек и пулеметов. Мы выглядывали из танка, наблюдая. Интересно же, хотя и небезопасно. Трассы их очередей то и дело взрывали землю неподалеку от нас, стучали по танкам. Самолеты сближались и разлетались на крутых виражах, но никто из них не мог одержать верх. В конце концов они оказались на встречных курсах. Летчики шли в лобовую атаку, продолжая стрелять. Через секунды раздался удар, и груда горящего железа свалилась на землю. Ни один из них не отвернул, и оба погибли. Несколько секунд никто из нас слова не мог произнести, впечатление осталось сильное.

Получив пополнение и танки, мы пошли на Харьков. Через Дергачи, это окраина Харькова, вышли на Мерефу, Коротич, окружили Харьков. Бой трудно рассказывать, его лучше в кино смотреть. Так, какие-то обрывочные моменты запоминаются. Хорошо мы там подрались, сгорели у нас все танки. Погиб в боях за Казачью Лопань командир бригады Казаков. Нас отвели на переформирование. Получили новые танки — английские «Валентайны»: МК-2, МК-5, МК-7. МК-7 у меня был. Пушка 40-миллиметровая и пулемет спаренный. Поворотный механизм рукой, а подъемный — плечом. Снарядики только бронебойные, осколочных не было. Пшик, и полетела пулька, как плевок, зла не хватало. Что нравилось в «Валентайне», это планетарный поворотный механизм. На любой скорости он поворачивает куда надо, как на машине едешь. А на нашем Т-34 надо было сбросить

скорость, зажать рычаг, поддать газку, чтобы фрикционы сработали. Внутренняя отделка еще у англичан хорошая была.

В конце сентября 1943 года на «Валентайнах» форсировали Днепр южнее Кременчуга, в районе деревни Мишурин Рог. Наш левый берег был пологий, а правый, напротив, крутой, тем не менее пехота выбила немцев быстро, и сама деревня практически не пострадала. Саперы быстро навели понтонный мост. Мы переправились и вошли в прорыв. Через 3–4 километра начались затяжные бои за большие деревни: Попельнастое, Зеленое, Желтое. Немцы там такие укрепления построили! Распутица и минные поля не давали эффективно маневрировать танками. Саперы круглосуточно проделывали проходы, но были серьезные потери от противотанковых мин. Немцы успешно использовали в обороне «Тигры». Ставили танки на возвышенностях, с хорошим обзором, и те шили нас на полтора-два километра. Наши пушки до них на таком расстоянии не доставали. Два дня без успеха мы пытались атаковать Попельнастое. В результате решили брать деревню ночью, нахалом. В темноте ворвались в село, и тут уж у кого нервы крепче. После ближнего боя немцы деревню оставили. Бригада пошла дальше, освободив села Зеленое и Желтое, мы вышли к городу Павловск. Там немец нас прижал. Кроме того, оказалось, что фашисты снова заняли освобожденные нами деревни. Из-за угрозы окружения нас отвели назад, снова пришлось выбивать немцев из Желтого и Зеленого. Потом заняли оборону. Такая карусель регулярно повторялась и в дальнейших боях, до конца войны. Ведь как воевали в сорок первом? Когда противник стремительными танковыми бросками выходил в тыл наших частей, те сразу принимались отступать на соединение с основными силами. А бывало, и просто сдавались. Паника, страх и неумение грамотно действовать были врагами пострашнее немцев. Конечно, были редкие исключения. Например, корпус Попова под Москвой вошел в окружение, там дрался и отвлекал на себя значительные силы противника. Теперь же быстрые прорывы и выходы в тыл врага стали и нашей тактикой. Великое дело, что изменилась психология бойцов и командиров. Поняли, что немцев бить можем, а главное, умеем. Наработали опыт, появилась уверенность в своих действиях. После 1943 года мы уже не боялись вести бои в окружении, часто сознательно прорываясь как можно глубже в немецкий тыл.

Я получил повышение, стал заместителем комбата. Танк мне не полагался. У нас говорили: что такое заместитель? Ходит со свечкой и ждет, когда командира убьют, чтоб его место занять. Я обычно ездил с подразделениями. Опыт есть. Например, посылают командира взвода на задание, с тремя танками, выйти

туда, сделать то. Смотришь, у него ноги дрожат, молодые ребята, малоопытные, огонька не пробовали. По затылку его похлопал: ладно, я с тобой поеду. Посоветуешь, где лучше встать, как лучше сделать. Сходишь с ним один раз, он посмотрит, как и что делать, сразу «подрос». На войне быстро взрослеют люди. Там смертью пахнет, взрослеть необходимо. Со всеми новичками беседу проводили, в людях разбираться уже научились, с первого взгляда человек ясен, чего он стоит, поговорили, ага, вот этого надо заменить. Но многие приходили и с боевым опытом. Обязательно опытных офицеров добавляли в молодые экипажи. Командиров взводов, бывало, меняли. Иной раз механик не кует, не мелет, с машиной не справляется. Заменишь его на опытного, у которого своя машина погорела. Того в резерв, пообтирается возле старичков, смотришь, он ума набирается, опыта, со временем его можно в экипаж ставить.

Но и на старуху бывает проруха. Однажды всем батальоном ловили «Тигра». Батальон занял половину деревни Дмитриевка. Деревня большая, разделена рекой на две части. С одной стороны мы, на том берегу немцы. Южнее села, на нашей стороне реки находилась заброшенная станция МТС, где оставался запас горючего. Днем мы там заправлялись. Рядом со станцией небольшой мост. Ночью через этот мост на МТС пришел «Тигр» с того берега, заправился и поехал домой. На Украине ночи темные, глаз выколи. К тому же поздняя осень, земля черная. «Тигр» заблудился и вместо своего берега пошел в нашу часть села. Шел по главной улице, вдоль линии обороны, за спиной наших передовых танков. На левом фланге стояла приданная бригаде батарея СУ-85, они его не заметили, дальше был наш батальон. К нам в дом забегает солдат, докладывает Родину: «Товарищ комбат, с МТС немецкий танк идет!» Мы выскочили, он мимо нас не спеша проехал дальше по улице, в сторону штаба бригады. Штаб бригады был на противоположном от МТС краю деревни. По штабу в ту ночь дежурил начальник разведки бригады по фамилии Годин. Комбат звонит ему: «Годин, я Родин, к вам «Тигр» пошел!» Тот: «Как «Тигр»?!» «А вот так, выйди, посмотри, наверное, уже приехал».

Годин выбежал, точно, немец у штаба бригады. Танк в штаб уперся, осветительную ракету запустил, понял, что заплутал, развернулся и поехал обратно той же дорогой.

В это время с левого фланга одна «сушка» пошла за немцем, то есть уже ему навстречу. Фонари не включают ни тот, ни другой. Самоходка прошла мимо нашего дома и бок о бок разошлась с «Тигром». Даже задели друг друга бортами. Тьма полнейшая! Между нашим и соседским домом стоял «Валентайн»,

развернутый на улицу.

Я прыгнул на место наводчика, приготовился стрелять по команде комбата. Самому ничего не видно. Когда «Тигр» поравнялся со мной, Иван скомандовал, я выстрелил. Что там пулька, 40 миллиметров. Только искры выбило из башни у «Тигра», и он дальше пошел. Пока я второй снаряд заряжал, немец за угол дома заехал, а механика-водителя рядом не случилось. Выстрелил, мимо. И ушел «Тигр» домой без проблем. Сколько потом анекдотов по бригаде ходило — всем батальоном не могли «Тигра» поймать. А казалось бы, вот он, голыми руками бери. Человек не автомат, всегда действовать безошибочно не может.

Сейчас не помню название деревни, которую нам поручили взять. За домами там прятался «Тигр». Самоходчики его уничтожили, а рано утром мы вошли в эту деревню. Комбат сразу поставил на окраине, через которую мы вошли, танк лейтенанта Попова, прикрывать нам тыл. За нами ведь никого не оставалось. Вдруг шум, гам, стрельба. Автоматчики ведут шестерых немцев. Захватили их сонными, кого-то застрелили. Солдат есть солдат, спать хочется. Была порой такая беспечность и у нас, и у них. Вот они нас проморгали. Но еще раз повторю, немцы были грамотные вояки, и тут нам, можно сказать, повезло. Позиция в этой деревне была нехорошая, неудобная. С другой стороны деревни возвышался холм, поднялись на него. Оттуда видно было, как километрах в пяти от нас идет бой за большое соседнее село. Его обороняют немецкие самоходы. Всего у нас было 6–7 танков, и большую часть мы поставили на этой высоте. Сами пошли в деревню, в хату. Там идет бой, а у нас тишина. Кто покушать сел, Иван сидит, в тазу ноги моет. Я нашел немецкий «панцерфауст», стал с ним разбираться. Хозяйка заходит: «Там немцы!»

Мы из хаты выскочили. Видим — самоходка. Проехала мимо нашего дома и сада и остановилась на улице метрах в двадцати. К нам задом. Я молодой, азартный был. «Фауст» в руках, дай, думаю, попробую. Прицелился и выстрелил. Устройство несложное, по-моему, наши потом его скопировали. Очень похож на «фауст» был наш противотанковый гранатомет. Выстрелил и попал прямо в люк на тыльной стороне башни. Самоходка пыхнула. Все, кто в ней был, погибли, кроме водителя. У того свой люк спереди, он выпрыгнул, побежал, но и его пристрелили.

Стали разбираться, как же они прошли, ведь у нас на окраине у дороги танк стоял. Осмотрели его. Оказалось, немецкий самоходчик пробил болванкой ему башню. Мотор цел, заводится, но танк стрелять уже не может, разбиты приборы и в башне дыра. Самое плохое, что экипаж лейтенанта Попова удрал. Крови

внутри не было, значит, в момент выстрела танк был пустой. Вот тебе и наша беспечность. Сбежали и не предупредили нас. Потом контрразведка их искала, а я их больше не видел. Дальше нас сразу перенаправили на соседнее село, где немецкие самоходки оборонялись. Ушли мы из этой деревни. В этих местах в то время не было фронта в привычном понимании. Займем деревню, пойдем дальше, а немец опять туда входит. Вот мы и крутились.

После очередной переформировки бригада участвовала в Кировоградской операции. Начало ее для нас не было удачным. Артиллерия провела мощную артподготовку, но когда мы двинулись вперед, оказалось, что немцы отвели свои войска с первой линии обороны. Артиллерия била по пустым окопам. Танки пошли в атаку, а через несколько километров немцы встретили нас хорошо организованным, сильным огнем. Было это в районе деревни Плавни. Целый день мы не могли пробить немецкую оборону. И батальон и бригада понесли тяжелые потери.

Плавни мы взяли, и ночью двигались на деревню Андреевка. Я сидел на командирском месте в танке, а Иван, устав после дневных боев, расположился за башней, отдыхал. Танки шли по полю. Неожиданно начался обстрел. Когда танк проезжал мимо скирды сена, Иван спрыгнул на ходу, заскочил за нее. Там оказались немцы, они расстреляли его в упор. Замполит бригады Негруль привез потом его награды, а мне отдал фотографию Родина, всю в крови. На, говорит, погиб твой друг Иван. Фотографию я долго хранил, потом отдал в какой-то музей. Сейчас жалею, что копию не сделал. Иван Иванович Родин действительно был моим другом, настоящим, фронтовым. Его смерть меня здорово разозлила. На следующий день наш батальон захватил пленных. Больше со мной никогда такого не происходило, и подчиненным делать это я запрещал, но в тот день сорвался. Сам перестрелял немцев, попавших в плен. Получил хорошую выволочку от замполита бригады Негруля, но никакого серьезного наказания не было. После гибели комбата я стал выполнять его функции.

Начальник политотдела Негруль был отличным мужиком, он прошел с бригадой всю войну от первого до последнего выстрела. В атаку он не ходил, это естественно. Но за порядком следил, воодушевлял людей, кого палкой, кого словом. Он закончил войну полковником, жил на Украине. Я переписывался с ним до его последних дней. Вообще наших политработников упрекнуть не в чем. У меня в батальоне был замполит Постовалов. На марше перед батальоном обычно шел головной дозор — танковый взвод, три танка. Чтобы, попадая на немецкую засаду, не весь батальон

сразу оказался втянут в бой, чтобы было время сориентироваться в обстановке. Конечно, идти в головном дозоре было смертельно опасно. Постовалов, бывало так, видит, что у взводного коленки дрожат, залезает к нему на танк. В руках суковатая палка. «Вот, сынок, у меня «директива ноль-шестнадцать», давай вперед!» Садится за башню и едет на первом танке. Сознательно рисковал. Ну, если бой начнется, он спрыгнет, конечно. Хотя риск большой.

Со старым экипажем я давно расстался. Отличные ребята, дальше пошли. Скудный Степан младшего лейтенанта получил, стал командиром танка. Федоров служил старшиной батальона, занимался по хозяйству. Орлов после Прохоровки без руки остался, потом писал, что стал преподавателем.

Теперь у меня тоже экипаж хороший был. Механик-водитель Козлов, лет под тридцать, бывший механик-инструктор в училище, опытный товарищ. Наводчик Миша Давыдов, стрелял, молодец, здорово! Замечательный парень, молодой, сообразительный. Суворов Толя, радист-пулеметчик. Еще Вася Аринин был, второй радист, он же и ординарец, и заряжающий. Я сижу как командир танка, Миша стреляет или я стреляю. Но Миша, я считаю, лучше меня стрелял. Он ни разу не промахивался, сколько я ему цель ни показывал. По танку, который летит с бешеной скоростью, один снаряд, и он горит. Виртуоз. Таких снайперов я больше не встречал. Не раз благодаря Мише наш танк выходил целым из боя. Тут ведь кто первый попадет, тот и выжил. В Венгрии Мишу и Толю я в училище отправил. Разнарядка пришла, я с ними поговорил: «Вот что, ребята, поезжайте учиться, живыми останетесь». Они мне писали, фотографии присылали, стали бравыми лейтенантами. Козлов потом по ранению выбыл.

Толя и Миша после войны служили в Германии, в Берлине. В 1953 году там была заваруха. Немцы бунтовали. Дело дошло до ввода танков в город. Как мне рассказывали, Толя Суворов поставил свой танк перед толпой, сам сидел в башне с открытым люком. Все-таки мирное время. Раздался выстрел из толпы или из окон, неизвестно, и Толю убили. Экипаж потом открыл огонь, разогнал толпу. Михаил Давыдов тоже погиб в этих беспорядках. После Венгрии экипажи у меня часто менялись. Горел много, однажды в Австрии два раза за день горел.

После освобождения Кировограда 18-й танковый корпус срочно перебросили в новый район, готовилась Корсунь-Шевченковская операция. Поначалу наша 170-я бригада находилась во втором эшелоне, затем вошла в прорыв на Ситняжку и встала в оборону, прикрывая левый фланг 5-й армии и пехотных частей, наступающих в направлении Шполы. В

деревне Россоховатке стоял наш первый танковый батальон и противотанковая артиллерийская батарея. В Петровке — второй батальон.

Немцы, пытаясь перерезать коммуникации ушедшей вперед 5-й армии, атаковали нас с юго-запада крупными силами. Неделю мы, укрываясь за домами, ежедневно отбивали вражеские танки и пехоту. В батальонах осталось по десятку танков, однако командование дало нам приказ атаковать, продемонстрировать противнику, что на этом направлении стоят крупные силы. За нами текла речушка, и наша деревня стояла в низине, немцы же находились за холмами, откуда и делали вылазки. Вечером, накануне атаки, я побывал с разведчиками на высотке, посмотрел на фрицев. Было видно, что танков у них еще достаточно. Ночью, очень кстати, пришли две маршевые роты Т-34 и встали в лесочке неподалеку. Познакомились с людьми, а на следующий день они уже участвовали в бою. Утром мы пошли в атаку, много стреляли, обозначая имеющимися силами мощный удар.

То ли из-за этой нашей демонстрации, то ли выдохнувшись, немцы отказались от дальнейших атак на нашем направлении. Между тем наши войска продолжали подходить. И пехота, и артиллерия. Немцы постояли еще пару дней, а затем отступили.

После безуспешных попыток немцев «подрезать» нашу 5-ю армию и окружения Корсунь-Шевченковской группировки противника нашу бригаду поставили на внешний фронт окружения в оборону, в районе деревни Лысянка. Противник пытался пробиться на помощь окруженной группировке. Февраль на Украине. Распутица и слякоть. Плодородный чернозем превратился в жирную, липкую, черную грязь. Если танк застревает в такой грязи, чтобы его вытащить, нужно постараться. Гусеницы работают, крутятся, а толку нет, танк сидит на брюхе, и без тягача его не достать. А когда с огромными усилиями удается вытащить танк на твердый грунт, в грязи, на месте, где было днище танка, образуется огромная воронка, заполненная водой. Потом едешь, смотришь, в ней уже утки плавают. Сотни килограммов земли налипают на днище танка.

Надо сказать, что у немецких танков, особенно тяжелых, проходимость была значительно хуже, нежели у Т-34. А раз по полю противнику не пройти, только по дороге, то мы решили действовать из засад. Расставили танки у дороги, замаскировали в кустах, складках местности, кого-то немного закопали, определили сектор наблюдения и обстрела для каждого. Я сказал ребятам, чтобы открывали огонь только по моей команде. Пушки у нас тогда стояли еще 76-мм. Рисковать, стрелять издалека, в засаде смысла нет. Нужно обеспечить дальность прямого

выстрела, подождать, когда противник подойдет поближе, чтобы поджечь его наверняка. Когда первый немецкий танк подошел на 300 метров, я дал команду. Старший лейтенант Сережа Салтыков его подбил, по сути, в упор. Следующие танки попытались обойти подбитый, неподвижный «Тигр» и садились на днище в грязь. Танки сидят, значит, горят. Неподвижные цели мы расстреливали быстро. Около десяти факелов уже горело на этой дороге, когда задние танки сумели развернуться на месте и уйти восвояси.

Вскоре бригада получила приказ атаковать Шендеровку, последнюю деревню, где оставались окруженные немецкие части. Как потом выяснилось, в Шендеровке у немцев было сконцентрировано до 600 стволов артиллерии. Атаковали деревню неудачно, напоролись на плотный огонь и потеряли несколько танков. Наш комбат был ранен, и в батальоне после последних боев оставалось 5–6 танков. В бригаду подъехал командарм Ротмистров, комкор Полозков и еще один генерал. Оценили обстановку, дали приказ занять близлежащую деревню Комаровку и высоты рядом с ней, чтобы выйти на Шендеровку с другой стороны. Комбриг приказал мне принять остатки батальона и выполнить эту задачу. Из Комаровки немцев вышибли быстро, с высот тоже их посбивали. Подполковник Чунихин потом меня хвалил: «Здорово ты пушку сбил». Я говорю: «Это не я стрелял, другой танк». Мне чужого не надо. Утром снова пошли на Шендеровку с другого направления и взяли ее. Здесь меня утвердили в должности комбата. После взятия Шендеровки нас вывели из боев и направили на короткий отдых в деревню Моринцы.

Ночью выхожу на улицу. Погода мерзкая, холодно, грязь, еще и снег выпал. Накинул шубу, была у меня мадьярская. Рядом с нашей штабной хатой стоит кухня. Часовой один стоит, перетаптывается, видно, замерз. Сам в драном малахае, по форме редко кто зимой одевался, что найдем, то и носим. Я ему: «Что, холодно?» А он: «Холодно, нихт ферштеен». Я опешил: «Ну-ка иди сюда!» Смотрю — немец с винтовкой за плечами! Зубами стучит, посинел от холода. Ружье я у него отобрал, завел в дом. Наши — ординария, штаб, спят все, кто по лавкам, кто на соломе, на полу. Устроил им разгон, начальнику штаба чуть в ухо не дал, говорю ему:

— Кто нас охраняет?

— Так там часовой.

— Какой часовой, твою мать, немец штаб стережет!

В общем, шум поднял. Что с немцем делать? Начштаба говорит:

— Давай его расстреляем.

— Сначала поймай, потом расстреливай. Накормить, чаю горячего дать, спать положить, утром разберемся.

Устали все после боев, спать жутко хотелось. Утром стали немца допрашивать. В школе я учил немецкий, но, как многие, не очень прилежно. Отсидел урок и пошел. Если бы тогда знать, что пригодится. Но, кое-как, общими усилиями, используя свои скудные познания в немецком, наполовину общаясь жестами, выяснили, что немец этот не строевой солдат, а автомобильный техник. Воевать не хочет, прятался где-то в степи, замерз, оголодал, в отчаянии пришел в деревню, хочет в плен. Спрашиваю: «Гитлер капут?» Он с воодушевлением: «Капут, капут!»

После боев под Корсунь-Шевченковским в бригаде появилось много трофейных машин. «Бюссинги», «Ман-дизели». Наш зампотех Сергиенко в технике здорово разбирался, но все-таки с восстановлением трофейных автомобилей часто возникали проблемы. Направили немецкого техника ему в помощь. Надели на него наше обмундирование, только звезду с шапки убрали и погоны с шинели. Ну, все, говорю, Ванькой будешь. Так его и прозвали, Иваном. Настоящее его имя я сейчас и не вспомню. Он остался в батальоне, работал, занимался восстановлением трофейной техники. И дальше пошел с батальоном. Как-то, мы уже приблизились к Румынии, я пошел проверять посты. Это была постоянная практика, что комбат, или замкомбата, или штабные офицеры ходят, проверяют посты. Постоянно кто-то не спит, ходит патрульным порядком. Накануне наши хозяйственники поехали на трофейный склад, получать продукты, спиртное. Склады, хотя и трофейные, находились уже в ведении армии, имели охрану, заведующих, учет. Иду по расположению батальона, вдруг слышу: «Хальт!» Возле грузовика стоит Иван с винтовкой. Говорю ему: «Я тебе дам, «хальт», твою мать! Ты чего тут, почему с оружием?» Открыл дверь, изнутри вываливаются начпрод и зампохоз, пьяные в дым, ничего не соображают. В кабине наблевано, дорвались до вина. Нахлестал им по щекам, отправил проспаться. Надо же, вооруженного немца поставили в охрану, сами перепились.

Подобные проступки вне боевой обстановки случались, но за пределы батальона информация о них не уходила. Ребята свои, дело свое знают и делают хорошо, чего им жизнь портить. Если виноват, выругал его, в крайнем случае, дал по шее. Некоторым прямо говорил: будут награды давать за операцию, я тебя не представлю. И не обижались люди, понимали, что дисциплина должна быть.

Нашего Ивана перед Яссо-Кишиневской операцией забрали из

батальона. Контрразведка бригады знала, что он у нас, и первое время не возражала. Он был ценным специалистом. Потом контрразведчик пришел ко мне: «Все, Сергей, немца нужно отправлять в тыл, дальше ему с нами идти нельзя».

В бригаде сделали ему удостоверение, справку о его работе у нас. Потом он был направлен в немецкую антифашистскую группу Отто Гроттоваля. Как сложилась судьба Ивана дальше, не знаю, не до него тогда было. А сейчас думаю, что зря не записал его имени, адреса. Интересно было бы встретиться, посмотреть друг на друга. Хотя его может и не быть в живых, немец тогда был постарше меня.

Потом бригада участвовала в Уманской операции. В начале марта наступали в направлении станции Тальное. По пути атаковали деревню Соколовочку. Немцы хотели отойти через мост, но мне удалось зайти сбоку и поджечь немецкий танк в борт прямо на мосту. Речушка небольшая, с места перепрыгнуть можно, но пойма заболоченная. Оставшиеся немцы решили форсировать ее напрямик и посадили свои танки в болото. Экипажи выскочили и убежали, нам остались трофеи — 11 «Пантер»! Когда я доложил комбригу, тот вначале не поверил. Уже к вечеру, раздобыв у зампотеха краски, мы их перекрасили, начали формировать экипажи.

Стащили подбитую «Пантеру» с моста, переправились. Тальное было в нескольких километрах, но начиналась ночь. Наткнулись в поле на длинные скирды сена. Решили ночевать здесь. Приехала кухня, покушали, улеглись спать на сено. Танк поставили рядом. Утром просыпаемся от стрельбы. Вскочили, наш солдат, автоматчик ведет троих немцев. Оказывается, они ночью вышли откуда-то к нашей скирде, зарылись в сено с противоположной стороны и спокойно спали. Утром рано наш пехотинец пошел в ту сторону, увидел их и разбудил очередями. А если бы немцы раньше проснулись?

Мы ему говорим: «Что ты их привел? Кто с ними нянчиться будет? Наступление идет». Немцев тут же расстреляли.

Для «Пантер» нужен был высококачественный бензин, Б-70, у нас такой горючки не было. Поэтому или еще по какой причине комбриг приказал «Пантеры» бросить.

Жалко не было. Здесь головы летят, а железо чего жалеть.

Со 170-й танковой бригадой я прошел всю войну, от Сталинграда до Австрии. Четыре комбрига сменилось за мою бытность. Подполковник Дурнев командовал под Сталинградом, подполковник Тарасов погиб под Прохоровой, в атаку пошел и сгорел, Казаков — в боях за Казачью Лопань погиб, после него назначили Чунихина. Вот Чунихин командовал до конца войны.

Раньше он был начальником штаба бригады, толковый, умный, рассудительный офицер с академическим образованием. Да и просто хороший человек. Давал инициативно работать. Не давит, как некоторые: «Давай! Давай!», а поставил задачу, вот ты думай, как лучше сделать. Я бы не сказал, что он слишком храбрый был, осторожный человек. Под обстрелы не лез. Комбриги, что до него были, почему гибли? Потому что лезли вперед, под огонь. А Чунихин помнил, что у комбрига оружие — батальоны, роты, батареи, взводы — войска. Командовать надо этими войсками. У него 65 танков, батальон автоматчиков, артиллерия, зенитная артиллерия — всем этим нужно руководить. На его месте я тоже куда не надо не совался бы, наверное. Комбат, конечно, другое дело. Ему и место не далее 400 метров от боевого порядка, если рельеф позволяет просматривать местность. Иначе, рядом с линейными танками. Во время наступления, бывало, мы отрывались от штаба бригады на десятки километров.

— Где комбриг?

— Не знаем, рация не достает!

В бригаде три танковых батальона. Бывало, что бригада действовала в полном составе, но чаще всего каждый батальон получал собственную задачу и работал по ней. Танковый батальон — это начальная тактическая единица, решающая самостоятельные задачи. Если ты комбат, то в идеале в твоем распоряжении 21 танк. Конечно, так бывает редко, иной раз и вовсе приходится воевать 2–3 танками, но возьмем среднее число — 15 машин. Батальону придается 1–2 батареи самоходной артиллерии, батарея истребительно-противотанковой артиллерии, батарея зенитной артиллерии, рота танкодесантников или автоматчиков, отделение саперов, отделение разведчиков. Комбриг ставит задачу, когда и куда, на какой рубеж ты должен выйти, где закрепиться. Об исполнении доложить! И ты работаешь. Война — это прежде всего работа. Тяжелая, кровавая, кропотливая работа. Где находятся другие батальоны, чем заняты, ты не знаешь, если не стоит какая-либо совместная задача. Тогда увязывешь взаимодействие. А так решаешь свою задачу имеющимися средствами, если есть необходимость, запрашиваешь поддержку у комбрига. В его распоряжении тяжелая артиллерия, дивизион «катюш». Сообщаешь, какую цель необходимо поразить. Комбриг отвечает, когда и какими силами будет нанесен удар. После поражения цели идешь дальше. Когда батальон поддерживает авиация, летчики дают нам своего корректировщика. Со мной часто работал летчик, капитан Новослободский. Ему выделялся танк, радиоволна у него своя. Штурмовики подлетают, он наводит:

— Горбатый, Горбатый, я Новослободский, лесок видишь?

— Вижу.

— Батарею видишь?

— Вижу.

— Работай по ней.

И штурмовики работают. Выпускают «эрэсы» еще на подлете. Из-за нашей спины, в сторону противника красиво уходят дымные шлейфы. Затем начинают бомбежку. Однажды, правда, Новослободский указал цель, а они ошиблись, по нашему батальону ударили, хорошо, что никого не задело. Обматерили потом этого летчика, что ошибся, дали поправку. На фронте такие случаи нередки.

Радиостанции стояли на танках у командиров взводов, рот и батальона. На линейных танках радио работало только на прием. Я считаю, что это правильно. Если командир линейного танка начнет говорить, он забьет волну, то есть ни комбат, ни ротный в это время не могут подать команду. В бою же секунды решают, жить тебе или нет. С комбригом связь была повременная. Договаривались перед боем о времени выхода на связь.

Как использовали самоходки. Они работают обязательно позади атакующих танков, поддерживают атаку. СУ-85, СУ-100, СУ-122 у нас бывали. Использовали их как прикрытие от фланговых ударов. Допустим, мы атакуем населенный пункт, а сбоку или сзади у нас есть местность, по которой противник может контратаковать. Там пока нет никого, но на всякий случай ставишь туда батарейку в засаду: умри, а с места не уходи! Ситуация изменилась, пошли дальше, подтягиваешь эту батарею к основным силам. Кроме того, я обязательно держал при себе резерв. Где-нибудь опасная ситуация — двигаешь самоходы туда. А если нет под рукой, где возьмешь? С переднего края танки не снимешь, если они увязли в бою. Без резерва воевать никак нельзя. Однажды на Украине немцы бросили русскую 152-мм самоходку. Видимо, в свое время захватили ее в качестве трофея. Я ее забрал в батальон, кресты закрасили. Держал ее всегда под рукой, пока она свой ресурс не выходила, разваливаться не начала. Как только на «Тигра» напоремся, выдвигаю ее вперед. А «Тигры» тогда нас на два километра шили насквозь, мы своими пушками их достать не могли. Самоход пару выстрелов даст, у «Тигра» башня в сторону отлетает. С этой самоходкой такая история случилась. Кто-то из самоходчиков признал ее за свою. Шум подняли, до командира корпуса дело дошло.

— Вот он у нас самоходку взял.

— А где вы ее потеряли? Почему она с крестами была? Нет, он не у вас взял, у немца.

Так и оставили ее мне. Я на этой самоходке, кстати, спать любил. Полка у нее слева широченная, как стол. Шинель подложишь и лежишь, как на кровати.

Мы форсировали Днестр в районе села Сороки и оказались в Молдавии. С боями пошли в направлении Ботошани, по пути переправились через Прут. Это уже была Румыния. Там мы наткнулись на серьезное сопротивление. Немцами была оборудована целая сеть укрепрайонов. Стоит, например, несколько дотов и дзотов, они друг друга прикрывают огнем, с ходу пробиться мы не смогли. Доты там были серьезные, некоторые рассчитаны, по меньшей мере, на взвод. Два этажа, в подвале жилые помещения, склады продовольствия и боеприпасов, наверху артиллерия, пулеметы. Вокруг все простреливается, каждый куст пристрелян. И дзоты тоже нешуточные были — три или четыре наката толстых бревен, сверху все это засыпано камнями и землей, чем ты его возьмешь, такую махину? Его даже бомбой не пробить. Хорошо, что не было спешки, вперед нас не гнали, наоборот, было приказано уничтожать укрепрайоны методично, аккуратно, не лезть на рожон. Поэтому первую полосу укреплений шириной 2–3 километра мы проходили довольно долго, но со сравнительно небольшими потерями. В этих боях бригада потеряла всего несколько танков и погиб мой хороший товарищ, командир батальона мотострелков Осадчий. Как уничтожали огневые точки? Только выстрелом из пушки по амбразуре. Стреляли-то мы уже дай бог. Сначала один дот уничтожим, ага, он уже другого не прикрывает, идем на второй. В мае, когда прошли первую, приграничную полосу обороны, стало легче. Но за это время у немцев появилась вторая полоса укреплений, построенная по современным правилам фортификации. Она выглядела так. Три ряда траншей, соединенных ходами сообщения, глубиной около 2 километров, затем разрыв около 5 километров, еще три ряда траншей, опять разрыв и еще одна полоса укреплений. В траншеях — стрелки, противотанковая артиллерия, рядом закопанные танки. За первой полосой траншей тяжелая артиллерия, минометы. Огня было достаточно.

Наши войска пока тоже строили укрепления. Мы стояли за первой линией нашей обороны. Штаб бригады и мой батальон размещались в Потеньжене, второй батальон в соседней деревне Мовилене. Обе наши деревни постоянно находились под беспокоящим артиллерийским огнем немцев. Мы уже привыкли и узнавали «свои» пушки. Услышим — бум, бум, бум, сразу команда: все в укрытие! Спрячемся, снаряды разорвутся, и дальше занимаемся своими делами. Особых потерь мы от этих налетов не

несли, видимо они имели чисто психологический характер.

Не только наша бригада, но и весь корпус получал молодое пополнение, танки. С новым пополнением прибыли хорошие ребята. Среди них — Василий Брюхов, впоследствии Герой Советского Союза, мой хороший друг. И после войны и сейчас мы часто переписываемся, созваниваемся, он теперь генерал в отставке. Со временем я назначил Васю ротным, а потом, еще до конца войны, он стал командиром батальона. Отлично воевал. Позже его батальон первым встретил американцев. Пришел с танковым взводом лейтенант Иван Константинович Васадзе. Раньше он воевал в танковом батальоне одной из стрелковых частей, а когда в батальоне осталось два-три танка, их передали нам. Часть ушла на переформирование. Такие переброски последних танков всегда практиковались на фронте. Васадзе мне нравился своим спокойным, деловым характером. Был немногословен и удивительно смел в бою. Позже он стал моим заместителем. Иду перед строем молодого пополнения. Надо с каждым познакомиться, в глаза посмотреть, чем он дышит. Гляжу — знакомое лицо. «Сашка, ты?» — «Я, товарищ командир». Оказалось, Саша Бурцев, мой старый знакомый. Я его пацаном помню. «Дяденька, возьмите на фронт», — просился он еще в Урюпинске. Сашу я, как мог, старался беречь, пока он опыта не набрался. Вначале дал ему танк начштаба батальона. Потом он тоже хорошо повоевал. Немцев жег. Много отличных офицеров появилось в батальоне.

В это же время в корпус приехал член Военного совета фронта генерал-полковник Сусайков. Проводил совещание с офицерами от комбата и выше. Вызывает: «Командир первого батальона 170-й бригады». Я вышел, докладываю: «Батальон отмобилизован, полностью укомплектован новой матчастью». Как раз только что пришли танки с 85-мм орудиями. Мой батальон единственный в корпусе получил их. Продолжаю: «Проведены занятия с офицерами, батальон находится в полной боевой готовности».

Он на меня смотрит:

— Как давно командуете батальоном?

— С Корсунь-Шевченковской операции.

— Почему все еще старший лейтенант?

Я говорю:

— Это вопрос не ко мне, видимо, молодой еще.

— Какой чин по штату положен на должность комбата?

— Подполковник.

— Правильно, замкомбата — майор, командир роты — капитан. А вы старший лейтенант, занимаете эту должность.

Сусайков подозвал комбрига Чунихина, шепчется с ним. А я же не глухой тогда был, что-то слышу. Сусайков:

— В чем дело?

Чунихин ему отвечает, что вот, мол, посылали представления не раз, кто-то задерживает.

После перерыва опять вызвал меня:

— Приказом Верховного Главнокомандующего вам досрочно присваивается звание капитана.

Вот так получил капитана. Сам я никогда не поднимал вопросов ни о званиях, ни о наградах, которые вроде бы должны были дать, но почему-то не давали. Хотя иногда такие мысли возникали, но думал, может, из-за молодости придерживают звания. Мне же было 22 года всего. Не хотелось думать, что мое происхождение, отец — офицер царской армии, влияет на отношение ко мне начальства. Ведь воевал я честно. Уже после войны, когда я командовал полком в Забайкалье, дружил с нашим контрразведчиком Ерохиным. Он подтвердил мои сомнения. Говорит:

— Заворачивали твои представления, так как есть там (в деле) ссылка на родителей.

Я говорю:

— При чем тут родители?

— Отец ведь был царский офицер.

— Хорошо, но сейчас же другие времена, я и сам офицер, советский, прошел войну. Ты что, меня преследовать будешь?

— Времена другие, а информация осталась.

Ну и потом происхождение еще давало о себе знать. Я уже служил замкомдивом 44-й дивизии. Хрущевские времена. Пришла разнарядка отправить офицера нашей части на Кубу. Решили отправить меня. Через некоторое время звонит кадровик: «Работайте на своем месте, вместо вас направлен другой офицер».

Спросил контрразведчика:

— Почему его? Он же офицер никакой.

Он говорит:

— Потому. Родители рабочие и крестьяне.

Но я отвлекся. Все лето, до 20 августа мы «отдыхали». Сколачивали экипажи, проводили учения и занятия с офицерами. На занятиях обычно разбирали бои, в которых участвовала бригада. Передавали молодым свой опыт, приобретенный на войне. Я обязательно обращал внимание офицеров батальона на допущенные разными экипажами ошибки. В большинстве своем они были оплачены нашей кровью, поэтому к таким занятиям я подходил очень серьезно. В свое время под Сталинградом мой командир роты капитан Мухин, умница человек, тоже проводил

такие занятия с нами. И они очень многое давали молодым танкистам. Как действовать в той или иной ситуации, какие тактические приемы наработаны по местности, по времени суток, по действиям каждого экипажа — очень многие моменты разбирали на конкретных примерах. Приведу такой случай: батальон наступал через болотистую местность на дорогу, всем было приказано держать радио на прием. Смотрю, один молодой командир танка ведет машину прямо в болото. Командую ему: «Остановитесь, идете в болото!» Тот молчок, и жмет. Спрашиваю: «Вы меня слышите?» Ответа нет, танк влетает в болото и садится почти по самую башню. Вижу, как в километре от него по дороге в нашу сторону двигаются три немецких танка, среди них один «Тигр». Тут сразу связь заработала. Командир севшего танка тоже увидел немцев, запаниковал: «Немцы, комбат, что нам делать?! Помогите!»

Я ему говорю: «Не паникуй и не кричи. Немцев подпустишь на короткое расстояние и уничтожишь». Надо сказать, что сел он довольно удачно, с дороги его заметить было очень трудно. Когда немецкие танки поравнялись с ним, тремя выстрелами он сжег их в борта, один за другим. Все! Передаю: «Теперь сам выходи из болота, мы тебе помогать не будем. Не выйдешь — расстреляю». Так и сказал, дисциплина — штука суровая.

Этот экипаж потом полдня занимался самовытаскиванием. Я им даже троса не бросил. Нашли они бревна, вспомнили, как их крепить к гусеницам для самовытаскивания. С трудом, но вышли из болота.

— Ну, как, — говорю, — получил науку? Почему связь не работала?

— Да мы на внутреннюю связь переключились.

— Ну, это могло быть, но ведь тебе приказано было — радио держать на прием. Потому что в любую секунду можешь получить команду. Бой идет!

Стоит, молчит.

— За то, что ты немцев пожег, я тебя к награде представлю, но учти, сегодня тебе крупно повезло, а в следующий раз в такой ситуации погибнешь.

За этот бой он получил орден Красного Знамени, но, самое главное, опыт. Не бывает мелочей на войне. Есть приказ — выполняй точно. Подобные примеры, большинство из которых заканчивались совсем не так удачно, мы и разбирали на занятиях с командирами танков. Эти знания в училище не дадут, это практика. Перед каждым боем мы примерно знаем, в каком направлении, на какой местности будем действовать, против какого противника, откуда он может подтянуть резервы, где

нужно прикрыться от возможного флангового удара. Собираемся и примерно планируем предстоящий бой. Конкретную задачу заранее нам не раскрывали. Я, командир батальона, получал ее за считаные часы до боя. Тогда снова собираемся и уже конкретизируем действия всех экипажей. Увязываем взаимодействие с приданными войсками, артиллерией, пехотой. Много работы для мозгов перед боем. Вот мы, пацаны двадцатилетние, и сидим ночью над картами. На нас ведь огромная ответственность за жизни людей и за успешный исход. Бой все равно будет кровавый, но нужно сделать так, чтобы потери были минимальные.

Для меня на войне самый тяжелый момент, самый мандраж, это ввод в бой после переформирования или отдыха. До соприкосновения с противником лично у меня всегда была сильная тревога: как он, что он. Потом ты начал воевать, врос в обстановку, волнение сразу отпускает. Бояться некогда, ты занят делом. Появляется какой-то дикий азарт. Даже мысль, что тебя убить могут, не приходит, наоборот, я его должен достать, и не иначе!

Больше всего я боялся за пополнение, не нюхавшее пороху. Как эти люди поведут себя в бою? По опыту я уже знал, что если есть успех в бою, если противник играет по нашим правилам, то молодежь быстро схватывает, что к чему, воюет «на моей стороне», делает то, что я хочу. Если первый бой был успешный, инициатива у нас, то эти люди будут хорошо воевать и дальше. Но бывает и по-другому. Атаки отбиты, успеха нет, у молодых танкистов в себе уверенности тоже нет. Это самое страшное дело. Тогда жить этим ребятам в лучшем случае две-три недели. Потом на корм воронам. Выбьют всех. Так что основная моя задача: в первых боях вселить в молодых уверенность, что они могут и умеют драться. Тогда и на душе легко, и командовать легко.

5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова, в составе которой мы дрались еще под Прохоровкой, ушла в Белоруссию и дальше, в Померанию, Прибалтику, остались только 7-й мехкорпус и наш, 18-й танковый корпус.

20 августа началась Яссо-Кишиневская операция. Я, как комбат, был в курсе дела, что с утра начнется артподготовка. Да и повидал уже артобстрелов на своем веку. Но такого мощного огня видеть еще не приходилось. Началось все с реактивных залпов «катюш», затем подключилась артиллерия всех калибров, а потом и авиация — штурмовики и бомбардировщики начали обрабатывать немецкую оборону. У нас земля дрожала, стоишь рядом с человеком, кричишь ему, а он не слышит. Жуткий постоянный грохот. Около полутора часов шла артподготовка. Мы

к тому времени покормили людей и были готовы. В прорыве немецкой обороны мы не участвовали, оставаясь пока в резерве. От передовой в тыл потихоньку потянулись наши раненые пехотинцы, кто на подводах, кто пешком. Нам сообщили, что наметился успех наступления. Только в середине дня я получил задачу выйти с батальоном на исходный рубеж, в район армейского командного пункта. Перед наступлением я уже бывал на нем, на рекогносцировке. Большая высота, замаскированные ходы сообщения, наверху стереотрубы, приборы наблюдения. Оттуда просматривался значительный сектор вражеской обороны, конечно, тоже тщательно замаскированной. Тогда нам был дан строжайший приказ: не маячить, не демаскировать КП. И вот сейчас мы, группа командиров разных родов войск и званий, открыто стояли на этой высоте, глядя в бинокли. Вскоре после моего прихода на КП, прямо над нами, на высоте всего около 300 метров появилось полсотни тяжелых немецких бомбардировщиков Ю-88 (не путать с пикировщиками Ю-87). Надо сказать, эта махина нас впечатлила. Десятки здоровенных машин, несущих смерть! Мы все задрали головы и замерли в оцепенении. Не бомбят. Развернулись и пошли куда-то в сторону наступающих войск. Через некоторое время донесся мощный гул бомбовых разрывов.

Уже стемнело, когда мой батальон получил приказ на движение вперед, причем в авангарде бригады. Ночь, темно. Пока проходили развороченную нашими войсками немецкую линию обороны, нарвались на минное поле. Саперы наши просмотрели. Два танка в батальоне подорвались. К счастью, никто не пострадал, машины тоже — перебило гусеницы. Вызвали саперов, они быстро нашли проходы. Пошли вперед. Всю ночь батальон шел, не вступая в соприкосновение с противником, так его здорово пугнули. В головном дозоре шел взвод Брюхова, вдруг его танки остановились и открыли беглый огонь куда-то в сторону. Обстановка позволяла, и я подъехал к танку Брюхова, вылез, постучал в люк, он высунулся. Спрашиваю:

— Куда мы стреляем?

— Вон там немцы отступают.

— Сколько до них?

— Два километра.

Я посмотрел в бинокль, до отходящих немецких танков километра три-четыре.

— Ты стоишь на горке, тебе кажется, что близко, а на самом деле ты их не достанешь, и вообще у тебя какая задача? Это направление, вот и двигай вперед! Что происходит слева, справа, нас не касается. Ими другие занимаются.

Механик-водитель Брюхова, он сейчас живет здесь, в Екатеринбурге, потом мне рассказывал:

— Мы слышали, как вы Василия воспитывали, сидели в танке, улыбались.

Но потом Василий Павлович воевал здорово. Да и не он один. После взятия Хуши раскрылись души у молодых танкистов, почувствовали они, как бить немца. Уже через несколько дней я назначил Васю Брюхова командиром 2-й роты, вместо одного слабого офицера.

Только к утру у нас подбили головной танк, он не сгорел, но вышел из строя. Самоходка стояла в засаде. Ее мы ликвидировали. В тот же день нарвались на еще один поспешно организованный немецкий заслон. Батарея противотанковых пушек, одна из них была спрятана в стороне, сбоку. Она и подбила наш первый танк. Я вышел к подбитому танку, и Миша, мой наводчик, сбил пушку первым выстрелом. Потом обстреляли батарею, и я подозвал к себе еще один взвод на подмогу. Вместе подавили батарею, которую немцы не успели толком замаскировать, и огнем отогнали самоходное орудие. После этой задержки в авангард встал второй батальон и пошел на Хуши, важный транспортный узел, а мы за ним. Наступил вечер. Едем — деревня. В ней уже полно пехоты нашей, повозки, кобылы. Где они шли, как нас обогнали? Не знаю. Когда вышли к Хуши, перед нами открылась большая падь, шириной километра полтора. На той стороне долины, на высоте стоит сам город, а внизу мы увидели огромное количество автомашин. Машины шли, наверное, рядов в двадцать, не меньше. Фашисты отступали из города, из намечающегося окружения. Машин были сотни, если не тысячи. Мы двумя батальонами их успели перехватить и открыли огонь. Вначале по головным, чтобы никому не дать уйти. Машины горят. В городе тоже бой идет, там оставались очаги сопротивления, а этих мы зажали в долине. Невдалеке, километра три-четыре, был виден аэродром. Немецкие самолеты поднимались с него, бомбили нас и садились обратно на дозаправку на наших глазах. Целый день шел бой за Хуши. К вечеру мы пробились к городу, а к утру полностью очистили его от немцев. Затем, не останавливаясь, вышли к берегу реки Прут, замкнув кольцо окружения. Батальон вышел к сожженному мосту, где занял оборону, поджидая отступающих немцев. Но немцев отступало немного, 6–7 танков мы уничтожили на этом рубеже. Второй батальон получил свою задачу и работал отдельно от нас. На той стороне Прута уже действовал наш наступающий 4-й мехкорпус, под командованием генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Жданова, после войны он у нас командовал дивизией в

Забайкалье, я его хорошо знал. Впоследствии он стал Героем Советского Союза, Народным Героем Югославии, в его честь даже улицы там называли.

От Жданова к нам прибыл капитан, разведчик, для координации действий.

Дальше были бои, дрались каждый день, сейчас в памяти уже стерлись и названия населенных пунктов, и многие имена. Иногда всплывают какие-то фрагменты.

Однажды в бою заряжающий замешкался, я от прицела оторвался, повернулся к нему, ору: бронебойный, давай быстрее! Поворачиваюсь обратно, что за ерунда?! Под прицелом находится револьверное отверстие, чтоб из пистолета стрелять, смотрю, выше еще одно появилось, открытое, а прицела нет. Огляделся, понял. Пока я к заряжающему нагнулся, в башню болванка попала, отбила напрочь прицел и воткнулась в казенную часть пушки. Если бы я там сидел, полголовы бы снесло. На фронте так — повезет либо нет. В танковой дуэли все решают мгновения. Я остановился возле лесопосадки, чтобы сориентироваться, еще один танк моего батальона прошел на пятьдесят метров вперед, и тоже остановился. Как оказалось, вовремя. В этот момент он был обстрелян с ближайшей высоты немецким танком. Я сам видел, как снаряд ударил в землю буквально в паре метров перед тридцатьчетверкой и красной точкой срикошетил вверх. Наш танкист, к сожалению сейчас не вспомню его имя, развернул башню и первым выстрелом поджег немца. Я выглянул, увидел факел в полутора километрах от нас. Новые Т-34 с 85-миллиметровыми орудиями уравнивали наши шансы с немцами в дуэлях на дальней дистанции. В остальных батальонах пока оставались Т-34–76. Подошел, поблагодарил экипаж: «Молодцы, ребята, горит немец». — «Нормально, комбат». Если бы парень промахнулся или немного промедлил, то все, второй выстрел сделать ему бы не дали, фашист бы его наверняка уничтожил.

После взятия одной деревеньки к нам попали в плен пятеро вражеских солдат. Удивила их внешность, явно азиатский тип лица. По-русски не понимали или делали вид, что не понимали. Проверили документы, оказалось — узбеки, национальная часть. Расстреляли немедленно. Приходилось драться и с власовцами, те воевали отлично, ничего не скажешь. Это русские мужики, и терять им было нечего. Но и мы их не жалели.

Бригада подошла к Бухаресту, уже зная о том, что румыны прекратили сопротивление, король Михай пришел к власти. Правда, сообщили нам об этом с задержкой, и случались недоразумения, наши ребята разоружали румын, попавшихся по дороге. Не знали, что они уже на нашей стороне. Бригаде было

приказано остановиться перед Бухарестом. В вечернем городе мирно горели огни, я уже видел трамваи, идущие по городу. На нескольких легковых машинах из румынской столицы в бригаду прибыла целая делегация. Легковушки робко остановились возле передовых танков нашего батальона. Ко мне подошел человек, оказалось, наш, представитель Наркомата внешних сношений, предъявил документы:

— В город входить не нужно, никто вас с пушками не встречает, будете входить послезавтра, парадной колонной.

Эту ночь и следующие сутки мы чистились, мылись, наводили блеск на себя и машины, а затем при полном параде, впереди комбриг на «Виллисе», с развернутым знаменем бригады, колонной прошли через город и остановились на его южной окраине.

Три-четыре дня бригада отдыхала, приводила в порядок технику. Офицеры ездили в город. Там работали кино, кафе, магазины. После боев очень хотелось отдохнуть, вкусить мирной жизни. Заместитель комбрига майор Новиков как-то позвал меня и еще несколько офицеров в Бухарест: поедем, съездим, в бардак зайдем, посмотрим, что оно такое. Ну, у нас же в стране этого не было, всем интересно. Новикову в ту пору было около тридцати, мужик опытный, а я тогда еще, бывало, стеснялся к девушке подойти. Отправились на экскурсию, только посмотреть. Приехали в город, нашли бардачок. В стене окошечко, как в кассе кинотеатра, продают билеты. И стоит очередь румынов. В очереди сплошь мужики от сопливого пацана до седого старика. Рядом ходит патруль. Новиков к ним подошел, поговорил, те отвечают: идите, смотрите, нам не жалко. Мы зашли в вестибюль, там стол, диванчики. На диванчиках девки сидят. И идет конвейер. Заходит мужик с билетом, выбирает женщину, она его ведет в номер, дела делать. Из номера возвращаются, и она опять на диван садится. Одна цыганистая девица неплохо говорила по-русски. Мы ее попросили сводить нас в номер. Номер оказался чистенькой уютной комнатой. Санузел, как положено. Спрашиваем ее: заразиться не боишься? Она говорит: я своих клиентов обязательно осматриваю, а еще у нас врач есть, который нас проверяет.

С нами был солдат, водитель командира бригады, украинец по фамилии Лапа. Здоровенный парень, косая сажень в плечах, под два метра ростом. Мы ему говорим, как бы в шутку: «Лапа, давай мы за тебя заплатим, ты нам потом расскажешь». А он взял, да и согласился.

Потом Лапа к нам вышел, хвастается: она после меня на сегодня работу закончила, домой пошла, дал я ей прикурить!

Посмеялись.

Приехали в бригаду, тут же всех вызывает Чунихин. Контрразведка сработала. Рвет и мечет: «Вы, боевые офицеры, с орденами, шляетесь по бардакам, собираете заразу!» — «Да мы только посмотреть, товарищ комбриг». — «Не верю!» Долго ругался, потом за нас принялся Негруль. Я ему говорю: «Товарищ подполковник, как коммунист коммунисту, не было ничего, ходили посмотреть, любопытно же». — «Ладно, — говорит, — я тебе верю». Прекратилось все. Но подначивали нас потом долго. Наши девчонки бригадные, санитарки, телефонистки туда же. Раньше, бывало, поглядывали, мы же парни молодые, видные, а сейчас стали нос воротить. Война войной, а молодость брала свое. И офицеры, и солдаты, когда предоставлялся редкий случай отдыха, не упускали возможности где-то погулять или завести роман. Ходили и в подобные заведения.

И в бригаде случались романы. Служила у нас одна красивая дама. Мы обычно перед атакой разные варианты боя проговариваем с офицерами в комнатных условиях. Однажды провожу такую летучку в батальоне. В перерыве подходит она:

— Товарищ комбат, вот интересно, у нас столько девчат в бригаде, неужели вам ни одна не нравится?

Ну, я в почете там был. Комбат есть комбат. К тому же молодой, симпатичный.

— Почему, — говорю, — не нравится? Нравится.

— Вы мне скажите кто, я ей передам, она сама к вам придет.

— Знаешь, Шура, я бы тебе сказал, да народу много, стесняюсь.

Она настаивает.

— Так это ты, Шура!

Захохотали все, а она улыбается: поздно, товарищ комбат. Кто-то у нее уже был.

— Вот видишь, — говорю, — до войны мне с девушками тоже что-то не везло.

В десятом классе одна симпатичная была. Я неплохо учился и помогал ей по математике. Говорю: хочу предложить тебе хорошую дружбу на всю оставшуюся жизнь. А она: знаешь, чтобы с девушкой гулять, надо себе на штаны уметь заработать. У отца семья большая была, он кормил семь человек, да и вообще с одеждой тогда трудно было. Грубо я ей тогда ответил. Ладно, говорю, ищи свое счастье в штанах.

Вот я Шуре и рассказываю: одна отказала из-за штанов, вторая, когда лейтенантом был. А что лейтенант? Тонкий, звонкий и прозрачный. Двадцать лет человеку. Она мне сказала: ты еще зеленый, как стручок, возмужай, тогда и за девками

поухаживаешь. Вот и второй случай. И теперь, говорю, неладно, опоздал.

Ну, я ей специально так сказал, пошутил. Потом продолжаю: вот война закончится, я этот вопрос как-нибудь решу сам, без адвокатов. А пока занимаемся войной, вопрос закрыт. Этот анекдот потом пошел по бригаде гулять.

После короткого отдыха бригада двинулась дальше. Особо запомнился переход через Трансильванские Альпы. По мне, лучше бой провести, чем идти на танке по этим горам. С одной стороны пропасть, метров двести, с другой — отвесная скала до небес, и узенькая дорожка между ними. Одно неверное движение, и танк полетит в пропасть. Шли буквально пешком. Командиры танков постоянно выскакивали из машин, чтобы по сантиметру координировать действия механиков-водителей. Бывало, траки нависали над бездной. Довелось проходить по подвесному мосту через пропасть. Альпы — это суворовские места, но он-то ходил здесь с пехотой! Нервное напряжение трудно передать. Когда прошли горы, здорово полегчало на душе.

После перехода через Альпы наша танковая бригада получила возможность около двух недель отдохнуть на румынской станции Дева, в резерве корпуса. Это был большой, густонаселенный поселок. Многим танкам был нужен ремонт. Восстанавливали в основном ходовую часть. После длительных переходов по всем этим румынским серпантинам, на жаре выходили из строя, разваливались резиновые бандажи колес. К тому же в моем батальоне были танки с 85-мм орудиями, они тяжелее 76-миллиметровых. Нагрузка на ходовую часть очень большая. Туда нам везли колеса, балансиры, траки. Делали капитальный ремонт техники. Экипажи, ничем не занятые, вдали от постоянной смертельной угрозы, расслабились. Даже мы, командиры, от безделья иногда загуливали, выпивали. Здесь произошел неприятный случай, о котором я не люблю вспоминать. Однажды, под хмельком я возвращался из соседнего поселка в расположение части. По дороге увидел перевернутый грузовик мотострелков нашей бригады. На земле без движения лежали пять или шесть раненных при аварии солдат. Между ними с безучастным видом шатался замполитех мотострелкового батальона. Я выскочил из машины и бросился к нему, громко возмущаясь его бездействием. Замполитех, как и я, капитан, тоже был «под мухой». Ни слова не говоря, он развернулся и хорошенько дал мне по уху.

Я, конечно, вскипел, схватился за кобуру и вытащил пистолет. Капитан, даже пьяный, видно, понял, что сморозил большую глупость. И, недолго думая, бросился бежать. Не знаю,

чем бы закончилась эта история, если бы я выстрелил в него. Из пистолета я с десяти шагов попадал на спор в монетку. Слава богу, в последний момент что-то заставило меня поднять руку и выстрелить пару раз выше его головы. Возможно, это спасло жизнь нам обоим.

Свидетелей этого скандала было много, и замолчать его начальство бригады не могло. Дело о стрельбе дошло до командира корпуса, генерала Говоруненко, который лично снял меня с командования батальоном. Свой батальон я сдал заместителю, капитану Задорожному. Комбриг вначале поставил меня заместителем командира третьего батальона Грищенко, а потом выделил «Виллис» с водителем и отправил по маршруту бригады назад, до Бухареста, собирать отставшие танки. С тяжелым сердцем я отправился исполнять приказ. Капитан Задорожный в быту был хороший, веселый парень, мог анекдот рассказать, но в бою проявил себя не лучшим образом. На мой взгляд, он, опытный офицер, оказался трусоват. Вместо того чтобы оценивать обстановку на месте, маневрировать, командовать батальоном наконец, он в первом же бою безоглядно погнал ребят вперед, сам при этом оставаясь в безопасности. Поэтому в очередном наступлении при взятии крупного стратегического узла Арад 1-й батальон понес значительные потери.

Меня снова вызвал Говоруненко: надрался, набегался? Иди, принимай у Грищенко третий батальон. Самого Грищенко отправили командовать первым батальоном, вместо Задорожного. Вторым батальоном в то время командовал мой друг, хороший боевой офицер Коля Матвеев. Позже, уже в Пеште Николай нелепо погиб в автомобильной аварии. Не справился с управлением автомобилем, и машина упала в канал.

Под Арадом вместе с нашей бригадой действовал полк румын. Вояки они, конечно, плохие. Подгонять их приходилось постоянно. Иной раз палку хотелось взять и треснуть их полковника по голове, чтобы обеспечил выполнение приказов. Очень трусливая публика. Только по ним пальнут, они уже приуныли. А если, не дай бог, кого убили — все, стереги, чтоб не разбежались. Это не мы, русские Иваны. Если мне поставили задачу быть на заданном рубеже в такое-то время, я знаю, что я там буду. На карачках приползу, но буду! Комбриг звонит:

— Где находишься, задание выполнил?

— Так точно.

— Закрепиться на рубеже, ждать дальнейших указаний.

И, бывало, неделями не видишь его, только по рации слышишь, или офицер связи с приказом приедет. Вся

ответственность на тебе, а ты пацан 22-летний. Так-то.

В Араде наша бригада освободила большой лагерь советских военнопленных. Так получилось, что среди освобожденных оказался некий капитан Саркисян из нашей же бригады. Он попал в плен к немцам давно, под Воронежем, когда меня в бригаде еще не было. Наши «старички» его узнали, и Чунихин взял его в бригаду, назначив моим заместителем. Через некоторое время я пошел к комбригу и попросил Саркисяна из моего батальона забрать.

Чунихин спрашивает: «Почему?»

Говорю: «Во-первых, он меня старше лет на пятнадцать. Во-вторых, я просто ему не доверяю, он всю войну в плену просидел. В-третьих, вмешивается туда, куда ему не следует. Приказы мои корректирует. Я отдал приказ — будь добр исполняй, а корректировщики мне не нужны».

Забрали его во второй батальон к Коле Матвееву. После Колиной гибели вторым батальоном командовал узбек, капитан Джумин. Славный веселый парень, настоящий артист и хороший боевой офицер. Тоже погиб, до обидного нелепо. Бригада спускалась к дороге на берегу Дуная по крутому горному склону, обойти его было невозможно. Все спустились без проблем. Джумин сел на броню, спереди. Или механик резко тормознул, или на какой-то кочке, он упал и попал головой прямо под траки. После этого несчастного случая командиром второго батальона поставили Саркисяна. Так он и закончил войну комбатом. Но после войны мне рассказывали, что его арестовали за какие-то грехи в плену, вроде как он сотрудничал с немцами.

После Арада с боями пошли на Тимишоару, потом на Сегет, это уже Югославия. После Сегета повернули на Венгрию.

2 декабря наша 170-я танковая бригада переправилась через Дунай в районе Самбора, южнее Будапешта. Батальон усилили артиллерией и поставили задачу обойти Будапеште запада, перерезать дорогу вдоль Дуная, замкнуть второе кольцо окружения под венгерской столицей. Реку батальон форсировал южнее Будапешта и пошел в обход города через Фельдбара, Одонь, станцию Мань. Входим на станцию, тишина, противника не видно. В головном дозоре идет танковый взвод, держу с ним связь. Вдруг взводный докладывает:

— Товарищ комбат, поймал пленных.

— Ну и отправляй их.

— Да это наши.

Оказывается, мой помпохоз батальона на машине приехал на станцию по другой дороге. Никого на станции не обнаружил. Он уже вовсю грузил трофеи с вагонов, когда его «захватил» наш

головной дозор. Вот так помпохоз первым овладел стратегической станцией.

Двинулись дальше через лес. Головные части бригады вступили в бой, и наша колонна на время остановилась. Смотрю, с дороги в лес по чистому снегу ведут свежие следы. Послал десантников проверить. Через короткое время выводят мадьяра в штатском, отдельно несут форму и винтовку.

— Ну что, — спрашиваю, — демобилизовался?

— Да, все, война капут! Больше не воюем! Иду домой в Пакш.

— Ну, иди.

Пошел пешком, никто его не тронул. Но мадьяры здорово воевали. Немцев и мадьяр как противника я уважал. Драться с ними было очень трудно, но и интересно. Я думаю, что под Сталинградом, окажись на месте нашего прорыва они, а не итальянцы с румынами, мы вряд ли продвигались бы такими темпами. Направив основной удар именно на итальянские и румынские части, командование Советской Армии тогда сделало идеальный ход.

Я уже говорил, что наступление — это отсутствие четкой линии фронта. Бывает, что мы берем населенный пункт, наступаем дальше, а туда снова входит вражеская часть, оставшаяся у нас за спиной. Приходится разворачиваться, идти обратно, выбивать. Постоянно происходят стычки с мелкими и крупными группами противника. Случались и забавные случаи. Вечером я, комбат второго батальона Коля Матвеев, наши автоматчики стоим на улице в деревне, разговариваем. Вдруг за спинами сигналит машина, отойди, мол. Мы посторонились, грузовик проезжает мимо, смотрим — в кабине немец за рулем! Сначала все опешили, но тут кто-то спохватился, дал очередь в воздух. Машина остановилась. «Ты кто такой?!» — «Куда поехал?» Немец улыбается и машет рукой: «Туда, нах хаус». Посмеялись и мы: «Ну, выходи, приехал». Комбриг тогда разнервничался:

— Кто там, на окраине охраняет?

Я говорю:

— Товарищ комбриг, мои.

— Как проехал?!

— Заблудился и проехал, обычное дело.

В Маке стоял штаб 5-й армии, под командой генерала Жадова. Мадьяры его атаковали. Штук пятнадцать легких танков было у них, этакие короткоствольные мортирки в башне. Была и пехота. Штаб не мог отбиться сам и срочно запросил помощь. Мой батальон находился недалеко, его тут же развернули к Маку. В батальоне оставалось девять танков. С ходу атаковали противника, перебили половину мадьярских танков, остальные

ушли.

Когда мы вошли в поселок, я нашел генерала Жадова, доложил о прибытии.

— Ну, ты их прогнал?

— Прогнал.

— Ладно, покарауль меня еще немного.

Потом, когда отогнали мадьяр подальше, Жадов вызывает:

— Дальше действуй по плану, что там тебе комбриг прикажет.

После войны, уже в должности замкомдива, я встречался с Алексеем Семеновичем, он приезжал к нам в часть. Узнал меня, поговорили.

Вошли в деревню над Дунаем, зацепились, а нас обстреляли. В моем танке болванка дыру пробила. Подбили танк. Комбриг занервничал, приказал сходить посмотреть, там, мол, наша пехота впереди должна быть, надо проверить обстановку. С утра деревню очищать, нужно с пехотой связаться. Хорошо. Взял трех автоматчиков, Аринина, ординарца с автоматом и сам с автоматом. На такие дела с пистолетом не ходи, обязательно нужно автомат. Впереди большая улица, мы из-за дома выглядываем, перед нами палисадник и деревья. По улице вдоль противоположной обочины идут в колонне по двое, человек пятьдесят и с нашей стороны около тридцати. Пехота. Ночь, непонятно, свои идут или нет. Я цели сразу распределил: двое по одной обочине бьют, двое по другой, а одного автоматчика послал за домом вперед, там охранение могло быть. Только они с палисадником поравнялись, десять метров от нас, не больше, я кричу: «Стой, кто идет?» Он: «Хальт!» Я сразу очередь. Стрельба, все стреляют! И тот автоматчик за домом застрочил, двоих хлопнул, они за домами дозором шли. Вся эта публика побежала, они же не знали, сколько нас. В засаду попали, и все, надо бежать с открытого места. А мы их тепленьких расстреливали в упор. Пехоты дальше быть не могло, раз оттуда немцы появились. Возвращаемся, а десантники далеко за нами сидят, водку пьют. Я их комбату говорю: «Слушай, мне комбриг сказал, что вы там должны быть». Шутит: «Хрена ли мне там делать, там ты». Рассказываю, так и так, немцев постреляли. Он не верит. Говорю: «Ну, пойдем считать». Утром посчитали, двадцать восемь только убитых оставили они. Не немцы, оказалось мадьяры. А сколько раненых ушло? Вот это стрельба в упор.

Двигаясь в заданном направлении, мы проходили очередной населенный пункт. Незадолго до этого дня меня пополнили остатками танков первого батальона, который пока не воевал, ждал пополнения. В том числе лейтенант Бурцев со своим

экипажем вновь оказался под моей командой. Головная походная застава спокойно прошла деревню. По улице шли основные силы моего третьего батальона. Вдруг впереди раздался мощный взрыв. Вначале я подумал, что это налетела немецкая авиация, но разрывов больше не было. Оказалось, что танк Бурцева подорвался на фугасе. Александр ехал на лобовой броне, сидел справа, на пулемете. Кроме него, на танке ехали мой начальник штаба, Самсонов, начштаба мотострелков и десант.

Рвануло так, что башня подлетела метров на двадцать и упала в огороды. Большинство танкистов и десантников погибли. Люди буквально летали над крышами домов. Бурцеву повезло, он, отброшенный взрывом на несколько метров вперед, не получил тяжелых повреждений. Через минуту, с дикими от шока глазами, он подбежал ко мне: что делать, комбат?! Я оставил двоих уцелевших десантников похоронить убитых и оказать помощь живым. Бурцева и своего начальника штаба (он тоже выжил) пересадил на другой танк, и мы двинулись дальше. Даже в таких случаях задержать батальон я не имел права. Есть приказ, к определенному времени быть в определенном месте. Война есть война. Уже через пару километров батальон ввязался в очередной бой. Вообще, бои в Венгрии были очень тяжелые, немцы и мадьяры сопротивлялись ожесточенно, контратаковали крупными силами.

В декабре, в сумерках батальон вновь вышел к Дунаю, но уже северо-западнее Будапешта. На окраине населенного пункта я поставил свой танк и рядом самоходку, перегородил дорогу. Один взвод — три танка отправил вперед по дороге вдоль Дуная. Хорошая дорога была! Впереди виднелся небольшой поселок, домов десять. Сказал взводному: «Встань там так, чтобы тебя не видно было, и по рации держи связь, предупреждай, кто едет». Через некоторое время тот сообщает: «На вас движется легковой автомобиль». Подъехала машина, сигналит, мол, освободи дорогу. Вано Васадзе с пистолетом подошел к окошку пассажира. В машине сидел старший лейтенант в черном эсэсовском мундире, водитель и две девки на заднем сиденье.

Васадзе, с грузинским акцентом, говорит: «Выхады!»

Немец все понял, стал хвататься за пистолет, и Вано хладнокровно выстрелил ему в лысину. Водитель выскочил, побежал. Но у меня кругом заняли оборону автоматчики, все начеку. Водителя срезали очередью. Девок потом особисты забрали. Фашист попался матерый. Значок национал-социалиста, два железных креста. Забрали у него планшетку с документами, среди них — фотографии. На фотографиях этот тип улыбался на фоне виселиц с трупами. Мы зачеркнули его на фотографии

крестом, как уничтоженного. Позже эту фотографию напечатала одна из центральных газет. По-моему, «Красная звезда». Оказалось, этот фашист занимался казнями советских людей в городе Вележе Смоленской области. Так с крестом и напечатали.

Расстановка сил вокруг Буды, западной половины Будапешта, напоминала слоеный пирог. И мы, и немцы маневрировали на небольших расстояниях, 3–5 километров, постоянно соприкасаясь. Боевая обстановка менялась ежечасно. 31 декабря, под новый 1945 год бригада находилась в районе Комарно, на границе Венгрии и Чехословакии. По радио я принял приказ выдвинуть батальон по дороге вдоль Дуная. Через некоторое время приказ «остановить движение». Ночь, колонна стоит. Подошел с бутылочкой коньяка Вано Васадзе: «Командир, Новый год. Давай отметим!» Кстати, Васадзе в батальоне только мне разрешал называть себя Вано. Остальные звали его по имени-отчеству, Иван Константинович. Очень гордый человек, сейчас живет в Тбилиси. Собрались еще офицеры, разлили, выпили, поздравили друг друга с праздником. Скоро подъехал офицер связи из штаба бригады. Новый приказ гласил: «Вернуться на исходную точку и выдвигаться по другой дороге». Тут только я понял, что мы попали в окружение.

Немцы предприняли контрнаступление, и бригада оказалась в немецком тылу. Утром движение батальона вновь остановилось. Пришли разведчики, сообщили, что на дороге засада, видели два «Тигра», нацеленные на дорогу, по которой мы идем. Местность не позволяла развернуть батальон или маневрировать. А на дороге, по одному, они нас быстро бы пожгли. Почти весь день мы протоптались на месте. Ситуация сложная, информации о противнике нет. Тут же мы стали свидетелями гибели нашего «ила». Самолет летел над нами с огромной дырой в крыле. Я даже поймал его по радио. Летчик просил своего напарника прикрыть его сзади. Через мгновение самолет сделал крен и врезался в землю в паре километров от нас.

К исходу дня нашли проход на высоту, которая находилась слева от нас. Высота вся поросла мелкими, но частыми деревьями. Я на своем танке вышел на вершину, туда же вскоре подъехал комбриг. Чунихин залез ко мне в танк, связался с командованием корпуса. Те указали ему направление выхода, в четырех километрах отсюда через железнодорожный переезд, дальше двигаться на Сомор. Комбриг с частью танков уехал, приказав выдвигаться следом. Через какое-то время смотрю — внизу по дороге едет немецкий обоз, и пехота колонной идет. Один фриц сидит на телеге и весело наяривает на губной гармошке. Тут уж я дал волю чувствам! В моем распоряжении еще

оставалось с десяток танков и две СУ-85. Командую: заводи! Отутюжили этот обоз на славу. Немцы, кто жив остался, разбежались.

Ночью вышли к деревне, и немец за нами по пятам подошел. Я с экипажем находился в большом деревенском доме, когда в него попал снаряд. Соседнюю комнату разнесло, у нас, к счастью, никто не пострадал. Мы успешно вышли к Сомору и соединились с пехотными частями. Потом была тяжелейшая, но успешная оборона в районе Сомора. Немцы рвались пробиться на помощь окруженной нами группировке под Будапештом. Поднасели на нас они, конечно, здорово. Сам Сомор был расположен крайне невыгодно для обороны. Деревня в одну улицу, вытянулась на два километра на косогоре. Внизу — большое ровное плато, с другой стороны высокая гора. На краю деревни стояло наше боевое охранение, усиленное одним танком. За охранением расположилась батарея отдельного 1000-го истребительно-противотанкового полка корпусного подчинения, а в центре деревни стояли остатки моего батальона.

Ночью поднялась беспорядочная стрельба. Прибежал автоматчик, кричит: «Немцы в деревне!» Немецкие танки атаковали Сомор при поддержке власовской пехоты. Танк боевого охранения, не вступая в бой, сбежал в сторону, по равнине. Этим он подставил под удар артиллеристов. Немцы и власовцы быстро разгромили батарею, перебили прислугу. Тут уже подключился к бою наш батальон. Когда начался шум, я выскочил из дома без полушубка, а на улице все-таки зима. Вижу, идет танк, сзади «ведра» горят. У немецких Т-4 выхлопные трубы сзади были, похожие на ведра. При движении они раскалялись, в темноте становились красными. Вернулся в дом за полушубком, смотрю, в окно с другой стороны дома уже лезет фашист. Автоматчики просочились в центр. У меня пистолет был наготове, я его застрелил. Вместе с нашими десантниками отбили пехоту. В центр их пробралось немного, человек десять. Пришел приказ оставить эту деревню и закрепиться в районе Жембека, ближе к Будапешту. Рано утром мы вышли на указанную высоту. Начинало рассветать. Сумрачное зимнее утро. Буквально в 50–100 метрах перед собой обнаружили три немецких танка. Немцы нас пока не заметили, и мы несколькими залпами подожгли их. Через сутки я передал этот участок подошедшим артиллеристам и пехоте. Батальону было приказано выдвинуться на два километра северо-западнее и держать оборону там. Новая позиция тоже оказалась удобной для обороны.

В двух километрах мимо занимаемой батальоном высоты пролегала дорога на Жембек и дальше на Будапешт. Со стороны

Жембека ее закрывали наши пехотные части, а мой батальон имел возможность бить наступающих по дороге немцев в правый фланг. Большой кусок дороги между двумя возвышенностями отлично просматривался и простреливался нами. Мы вышли на позицию и увидели медленно движущуюся на Жембек танковую колонну противника. Головные танки уже спрятались за гору, а хвост — около двадцати машин, был у нас в прицеле. Весь мой батальон насчитывал к тому времени 5–6 танков и одно самоходное орудие. Мы немедленно открыли огонь. Фашисты запаниковали. Их танки пытались развернуться или объехать уже горящие машины, а мы тем временем их расстреливали. Немногим немцам удалось уйти, но больше десятка подбитых танков осталось гореть на дороге. Сделав несколько безуспешных попыток прорваться на помощь осажденному Будапешту, немцы понесли большие потери от наших танков и артиллерии и прекратили атаки с этого направления. 1-й и 2-й батальоны нашей 170-й танковой бригады в это время также отражали жестокие удары. Они дрались в десятке километров от нас, юго-западнее Будапешта. Фрицы рвались на их позиции со стороны Секешфехервара.

После этой карусели вокруг Будапешта у меня в батальоне оставалось три исправных танка. Я отдал их в бригаду и поехал принимать новые машины в Пакш. Укомплектовав там батальон, мы еще успели поучаствовать во взятии Буды. Правда, в город не входили, только на его окраину — Будафок. Оттуда поддерживали наступающие войска огнем танковых орудий.

Под конец войны мы уже обнаглели, часто лезли туда, куда вроде можно и не ходить. Опыт большой, нахальства и энергии много. Ни в коем случае не оставить немца в покое, обязательно пойти, раздолбать его. Солдат ведь уже другой пошел, не как в сорок первом. Там мы шли с опущенными ушами, а здесь с поднятой головой.

Раз в Венгрии оставалось в батальоне пять танков. Сидим, курим за моим танком, слышим, за горкой немцы шумят, что-то чинят. Говорю: «Пошли в атаку, прижимайтесь ближе к лесу, он вокруг горки был». Мы пошли вдоль леса, а один наш на горку сунулся, сразу 105-миллиметровый снаряд в него, танк взорвался. Такой отличный экипаж был! А мы вокруг обошли, вышли в тыл к немцам. Шесть танков сожгли и «Артштурм» — самоходку. Я на нее выскочил и подбил. Фрицы самоход бросили, начали выскакивать буквально в тридцати шагах, мы их всех перестреляли до единого. Потом залез в этот «Артштурм», посмотрел, все у него работает, развернул в немецкую сторону, еще и выстрелил разок.

За сожженные вражеские танки нам давали деньги. Командиру танка и механику по тысяче, остальным членам экипажа по пятьсот рублей. И я получал деньги. Пока воевали в Советском Союзе, все причитающиеся мне суммы я отдавал в Фонд обороны. Многие так делали. Патриотизм был мощный. Позже, уже в наступательных боях, просил начфина перечислять деньги родителям. Отец говорил, что получал. Как учитывали уничтоженные танки? Учетчиков там много было. Сзади шли. В наступлении, на поле боя все видно, как на картинке, кто сжег, как сжег. Не с доклада, мол, я уничтожил танк, нет. Вот он стоит, горит. За всю войну я уничтожил 23 танка и самоходки. Не один, конечно, с экипажем.

Перед наступлением на город Веспрем бригада вела оборонительные бои. Мы стояли в местечке Чинадполота. Не уверен, что правильно запомнил, мы его называли Чертово Болото. Первому и второму батальону комбриг приказал закопать танки на линии обороны, третий батальон находился во втором эшелоне. За нами в нескольких сотнях метров был спиртзавод, рядом с которым вела огонь батарея 152-мм гаубиц. Батальон мотострелков уже закрепился на рубеже, и для земляных работ нам в батальон выделили в помощь 40 человек. Я послал за ними две машины, а понадобилась всего одна. Все сорок человек влезли — пацаны 16–17 лет, худющие. Разметили танковые окопы, они копают. Подхожу к одной группе. Полтора метра ростом, конопатый, курносый, стоит паренек, опершись на лопату, меня не замечает: «Эх, мама, родила бы ты меня на два года раньше или позже!» — пацанам своим говорит. Я смотрю на этих детей шестнадцатилетних, и у меня комок в горле. Натуральные дети, им во дворе футбол гонять, а не в окопах гнить. И надо же такому случиться, что именно эти пацаны спасли здесь нашу оборону, да и бригаду тоже.

Перед позициями простирались кукурузные поля. Ночью немецкая пехота по этой высокой кукурузе подошла вплотную к нашим траншеям. Немцы группировались и готовились к штурму на расстоянии броска гранаты. В это время один из мотострелков пошел в кукурузу по нужде и услышал говор. Подкрался поближе, разобрал немецкую речь. Парень тихо вернулся, доложил ротному. Тот не растерялся, быстро оповестил остальные роты и приказал приготовить гранаты к бою. Весь батальон ударил по команде мгновенно. Вначале закидали готовящихся к атаке немцев гранатами, затем открыли ураганный огонь изо всех видов оружия. Около трехсот человек потеряли фашисты в считаные минуты, ни о какой атаке речи быть уже не могло. Весь батальон мотострелков представили тогда к наградам. Большое

дело сделали ребята. Член Военного совета фронта лично привез мешок орденов. Командовал мотострелками, после погибшего Осадчего, капитан Василий Иванович Горб. Хороший офицер. «Я на своем горбу всю войну вынес», — шутил он над своей фамилией.

В Европе приходилось часто драться в городах. Тактика боя в городе принципиально отличается от полевой. Здесь танкиста за каждым углом может ожидать выстрел из фаустпатрона. Поэтому создавались штурмовые отряды, в каждый из которых входило два-три танка и десяток автоматчиков. Танки подавляют укрепленные огневые точки противника, а пехота зачищает дома и оберегает танки от фаустников. Так, дом за домом штурмовые группы продвигаются вперед по своим маршрутам, пока не захватят весь город. Комбриг ставит задачу: куда и к какому времени должен выйти каждый батальон. Как это сделать, уже забота комбата. Он царь, бог и воинский начальник. Я делю батальон на штурмовые отряды, каждый взвод — это, считай, отряд, и даю задание каждому отряду. Все работают по плану.

Трудно было воевать в Австрии. В направлении Санкт-Пёльтен — Линц мы хорошо шли, ходко, по хорошим дорогам. Но как только пытались взять южнее, в сторону Граца, начинались проблемы. Лесисто-гористая местность. Дороги узкие, густые леса, горы. Места очень удобные для засад. Немцы малыми силами успешно и стойко обороняли эти районы. В Австрии я горел больше, чем где-либо за всю войну. Четыре раза из девяти мне приходилось выбираться из горящего танка в Австрии.

Австрияки те же немцы. Относились к нам недружелюбно, с каким-то презрением даже. С тамошним крестьянином, бауэром, разговаривать, все равно что с лошадью. Пытаешься ему на ломаном немецком что-либо объяснить. Смотрит и делает вид, что ни слова не понимает. Дома, в России ни у кого рука не поднималась взять что-нибудь у населения. А теперь в Венгрии, Австрии находили в брошенных домах консервы, компоты. По городам бродила бесхозная скотина. Здесь наши хозяйственники, конечно, озорничали. Корову поймают, и в котел, солдат кормить. Коптили колбасу про запас.

Чему мы позавидовали, так это австрийской механизации труда. Привозит он сено на телеге, специальный электрический захват его с телеги сгружает в амбар. Много удивительных по тем временам вещей повидали, которые у нас появились еще не скоро. В городах население практически полностью эвакуировалось. Все бежали к американцам. Пропаганда сделала свое дело. Вошли в город Санкт-Пельтен. Послышалась перестрелка, я отправил туда роту танков, сам остановился,

чтобы сориентироваться. Бежит солдат, зовет меня в дом: товарищ комбат, посмотрите, что творится. Открываю дверь. На полу сидит пожилой, лет 50, австриец. На спинку кровати накинута удавка, и он на ней сидя повесился. Так запугали нами человека.

8 мая меня подбили в очередной раз. Два немецких самохода, как мне потом сказали, новейшей конструкции. Они стояли в засаде, в придорожном лесу. Пропустили головной дозор батальона мимо себя и ударили по моему танку. Я шел в голове батальонной колонны. Танк загорелся, механик-водитель погиб на месте. Выпрыгнув, мы попали под минометный огонь. Осколок мины попал мне в голову. Ранение оказалось не опасное для жизни, перевязали рану бинтом, и я остался в части. 9 мая немцы тоже еще огрызались, и мы стрелять перестали, только когда получили известие о капитуляции Германии. Конечно, обрадовались, но я своим приказал, чтобы не было никакой стрельбы в воздух. Стрельба прекратилась, наступила тишина. Необычно так. Я танк поставил в небольшом фруктовом саду, вылез, лег под дерево. На дерево птичка села, поет. Четыре года птиц не слышал. В саду белым-бело, яблони цветут. Не передать это состояние словами.

Батальон вышел к реке Энс, в районе города Шпремберг. Мост через реку уже был в руках американцев. По мосту на запад шли беженцы, среди которых, подозреваю, проскочило немало немецких солдат. Было братание с союзниками. Я тоже подарил одному офицеру свои часы, очень хорошие у меня были. Американец их как увидел, у него коленки от радости затряслись. Он мне свои часы отдал, недорогие. Не помню, куда их дел потом. Один танк моего батальона проскочил за мост, на территорию союзников. Там экипаж принялся праздновать победу с американцами. Еле вытащили их оттуда.

Без всякой задней мысли, увидев удобную позицию для обороны на берегу, я поставил там три танка, пушками в сторону союзников. Через пару часов смотрю, они выставляют против нас артиллерийскую батарею. Американца спрашиваю:

— Чего ты пушки выставил?

— А ты зачем танки?

Посмеялись, убрали танки, они пушки тоже убрали.

Комбриг мне потом фитиль вставил: ты чего, говорит, тебе же сказали, война кончилась.

— По привычке, — отвечаю, — достиг рубежа, закрепись.

После окончания войны мне доводилось несколько раз наблюдать непонятную и неприятную нам демонстрацию силы. Наши штурмовики, несколько звеньев, из глубины нашей

оккупационной зоны, в боевом строю подлетали к границе с союзниками, делали разворот и улетали обратно. Через некоторое время американцы еще большими силами делали тот же маневр. Для чего это делалось? Непонятно. Причем провокация шла с нашей стороны.

Там же в Шпремберге видел пленных власовцев. Американцы по договору передавали их советским войскам. Колонна автомобилей с пленными остановилась на дороге. Офицер из проходившего мимо патруля крикнул им: «Ну что, засранцы, навоевались?» В ответ из машины, набитой пленными, послышалось: «Мы вам морды били и бить будем». Патрульный солдат-автоматчик вспылил и тут же дал длинную очередь по головам людей, находившихся в той машине. Из машины раздались крики, стоны. Офицер наорал на солдата. Американцы тут же дали по газам, колонна двинулась дальше.

Весенние, радостные, победные дни омрачались нелепой гибелью наших товарищей. Командир танка, лейтенант, не могу вспомнить его фамилию, прекрасный танкист и просто хороший парень, взял в компанию еще пятерых танкистов и пошел глушить рыбу. Глушить хотели немецкой миной, которая разорвалась у них в руках. Все погибли. Все мы были тогда молодые, бесшабашные, большинству по 18–20 лет. Я и сам, помню, с Васей Брюховым ходил на реку глушить рыбу гранатами, когда ухи захотелось.

Наша рота технического обеспечения была направлена под Вену, на демонтаж военного подземного завода. Там ребята обнаружили бочонок спирта и, видимо, попробовали его. Погибли четырнадцать человек, спирт оказался техническим. Люди, перенесшие на своих плечах тяжелейшую войну, погибли из-за такой ерунды, в мирное время. Смириться с этим было очень тяжело.

В октябре 45-го я приехал в Ленинград. Поступил в Высшую офицерскую бронетанковую школу, что находилась возле Витебского вокзала. Начал учиться. Ближе к окончанию школы приехал к нам из Москвы, из Главного управления кадров Вооруженных Сил полковник Жуков. Стал разговаривать со всеми:

— Кем был?

— Командовал батальоном.

— Хорошо, пойдешь замкомбата.

— Чего это? Не хочу замкомбата.

— Пожалуйста, пишите рапорт на увольнение. Война закончилась, армия сокращается.

Армия действительно сокращалась. В мирное время держать тридцатимиллионную армию смысла не было. Наша бригада тоже

подверглась переформированию. На базе бригад создавались полки. Один наш батальон отправили в Германию, в стрелковые части. Другой перепрофилировали в огнеметный. Везде шло реформирование.

Написал я рапорт, многие ребята у нас написали. И разошлись по Ленинграду, кто гулять, кто работу присматривать. Я зашел на завод Марти, где работал до войны, встретил там кое-кого из старых знакомых. Кадровик говорит: «Давай к нам. Завтра же можешь выходить на работу, жилье найдем, а то женись, девок у нас много, квартиру сразу дадим». Рабочих рук не хватало тогда, особенно квалифицированных.

В школу мы позванивали:

— Есть приказ на увольнение?

— Нет, а где вы?

— До свидания!

Дошло до того, что стали нас с патрулями искать. Патрульные матросы, увидев танкиста на улице, подходили, выясняли, откуда, переписывали документы: «Вам приказано сегодня же явиться в школу, сделайте, чтобы мы вас два раза не искали».

Собрали нас, построили и зачитали приказ: всех офицеров, окончивших Высшую бронетанковую школу в 1946 году, отправить на одну ступень ниже ранее занимаемой должности в войска. И подпись — Сталин. Кому пойдешь жаловаться? Конечно, никто ни слова против не сказал.

В 1946 году, перед отправкой на новое место службы, я съездил домой. Мой брат Борис, до войны получивший «белый билет» и работавший учителем, оказался с семьей в оккупации. Со временем он ушел в партизанский отряд, служил там подрывником. После освобождения Демидова от фашистов его, как и многих других партизан, отправили в фильтрационный лагерь в Подмосковье, на проверку. Проверку Борис успешно прошел и вернулся в Демидов, на прежнюю работу.

Сестра в оккупации работала на производстве щеток из конского волоса. Моих стариков и сестру при немцах до поры никто не трогал, жили они спокойно. Кормились тем, что получала сестра, и огородом. Но в городе у отца был один давний недоброжелатель, не знаю, с чего взялась их неприязнь. У этого человека на квартире стояли солдаты. Однажды, когда немцы хорошенько выпили, он рассказал им, что у Отрощенкова, мол, пятеро сыновей, и все воюют в Красной Армии. Фрицы тут же ночью отправились к нашему дому. Выгнали родителей и сестру Екатерину на улицу, разрешили взять только документы и некоторые вещи. Затем облили дом керосином и подожгли. По

соседству жила со своей семьей моя одноклассница Инна Морина, она и приютила отца, мать и сестру. Бургомистром в Демидове немцы назначили нашего бывшего соседа Гнеуша. Раньше он служил начальником землеустроительного управления района, а за год до войны, за какой-то проступок, был осужден на небольшой срок. Мать пришла к нему, просить, чтобы ей выделили землю для посадки картошки. Нужно было как-то кормиться. Гнеуш грубо отказал:

— Только на кладбище для тебя есть земля.

Мать ответила:

— Спасибо, хоть на кладбище есть.

С тем и ушла. Убежать с немцами Гнеуш не успел, его арестовали. Следствие работало с ним долго, мою мать тоже вызывали для дачи показаний. Только в 1949 году я прочитал в газете «Правда» маленькую заметку о его казни.

Мой брат Иван попал в окружение под Старой Руссой вместе со 2-й ударной армией генерала Власова. Потом был плен и отправка в Германию. Узнав, что Иван до войны был инженером, немцы отправили его работать на заводе. После войны Иван остался в живых. В Советском Союзе он получил 10 лет лагерей, но был реабилитирован в 1953 году. Вернулся в Саратов. Мне было очень неприятно сознавать, что мой брат был в немецком плену. Это сегодня мы знаем, что в плен попала целая армия, что солдаты не виноваты, а тогда общественное мнение было другим. Советская власть устами Сталина говорила, что у нас нет пленных, есть предатели. Поэтому тему пребывания в плену в разговорах с Иваном и письмах к нему я старался обходить, а иногда и прямо высказывал ему нелицеприятные вещи. Сейчас, конечно, об этом жалею.

Брат с женой жили в комнате, в трехкомнатной коммуналке, потом у них родилась дочь. Жена его, замечательная женщина, тоже инженер, умерла при родах. Иван воспитывал девочку один, но вскоре у него обнаружили рак печени. Брат был знаком и дружил с ведущими саратовскими врачами. Один из них, профессор, отличный хирург, сказал мне потом: если б я мог, отдал бы ему свою печенку. Они друг друга очень уважали. Но никто не смог ничего сделать, Иван умер. Его дочь, мою племянницу, я хотел забрать к себе, но приехали родители покойной жены брата и увезли ее к себе, в Иваново.

По распределению я попал в Забайкалье в 22-й гвардейский танковый полк, на должность замкомбата. Правда, в этой должности прослужил недолго, уже в 1947-м меня снова поставили командиром батальона. Служил я в 6-й армии, 5-й танковой дивизии. В ее состав входил 20-й гвардейский танковый

полк, в свое время сформированный из 79-го полка, где я начинал войну! Встретил ребят, с которыми вместе призывался. Некоторые отслужили по восемь лет! Прошли всю войну и после войны ждали демобилизации по три года. Бороды отпустили. Я говорю: «Ты чего с бородой?» — «А где закон, что бороду нельзя носить? Буду носить, пока до пупа вырастет. Сколько можно служить?» Что ты ему скажешь? Он мой одногодок, вместе призывались, давно пора бы домой, но… служить некому. В конце войны позабирали в армию 1928-го и половину 1929 года рождения.

Стоим в штабе, разговариваем, шестеро вновь прибывших офицеров. Смотрю, бежит лейтенант административной службы. Говорю: «Стой, лейтенант. Где-то я с тобой виделся». Тот остановился, присмотрелся: «Нет, не помню вас, товарищ майор». И убежал по своим делам на второй этаж. Возвращается, кричит: «Ты Сергей?» — «Да, а ты Борис?» Точно! Мой первый командир танка в 1940-м, старший сержант Боря Сыров. После 41-го он пошел по писарской части: полк, корпус, армия. Дослужился до лейтенанта. Борис пригласил меня в гости, у него уже к тому времени была семья, ребенок. С Борисом вместе мы долго служили, я уже замкомдива стал, Боря к нам перешел офицером по мобилизационной работе, майором. Потом у нас учения были, на полигон приехал корреспондент «Красной звезды». Ему рассказали эту историю, и он написал хорошую статью, с фотографией у танка. Правда, танк так снимали, чтобы непонятно было, что это Т-54, была секретность.

В нашей армии проводили чемпионат по боксу. И я решил вспомнить свои занятия спортом. Защищал честь дивизии и выступил хорошо, победил. Меня включили в команду округа. Поехал во Владивосток, выступать за свой военный округ. Попался мне там один матрос, мастер спорта, хороший парень, потом мы общались. Два раза он меня в нокдаун отправил и выиграл ввиду явного преимущества, есть в боксе такая формулировка. После боя я подумал: «Я, майор, командир батальона, на хрена мне это надо, пусть молодые дерутся». А потом и осколок в шее обнаружили, в общем, с боксом решил завязать.

В 1947 году я познакомился со своей будущей женой, Антониной Федоровной. Теперь у меня сын и дочь, трое внуков и внучка, две правнучки. Любимая жена моя умерла. Дочь Нина живет в Черняховске, Калининградской области. Ее муж Геннадий — десантник, шесть лет отвоевал в Афганистане, вышел в отставку начальником штаба десантной бригады. Сын Андрей и его дети живут здесь же, в Екатеринбурге, общаемся постоянно. Дел много, скучать не приходится.

В Екатеринбурге нас из 170-й бригады было четверо, а осталось двое. На парады я не хожу и о войне вспоминать не люблю. Даже когда по телевизору показывают, сразу переключаю. Вот мы с тобой разговариваем, а я потом уснуть долго не могу. Думаю, что ж я тебе не ту деревню назвал или фамилию не вспомнил. Ребята в памяти всплывают, гибель их. Страшное это дело.